ЛЕВ ГУМИЛЁВ

Валерий Демин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга доктора философских наук В.Н.Демина (1942-2006) посвящена выдающемуся мыслителю Льву Николаевичу Гумилёву (1912-1992) - сыну поэтов Серебряного века - Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Пройдя через многие годы тюрем и лагерей, непризнания и обструкции, он стал одним из самых авторитетных историков и философов нашего времени, определивших развитие науки XXI века. Автор книги раскрывает идейные корни и различные аспекты космистских взглядов Л.Н.Гумилева, основанных на учении о биосфере и ноосфере, евразийской теории и концепции пассионарности. Опираясь на фундаментальные труды ученого, он анализирует его исследования и оригинальные выводы в области мировой и русской истории, показывает непреходящее значение его идейного наследия для современности и науки завтрашнего дня.

- ВАЛЕРИЙ ДЕМИН
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
    -
    - Интерлюдия 1
    - Интерлюдия 2
    - Интерлюдия 3
  - Глава 5
    -
    - КОСМОС
    - БИОСФЕРА И НООСФЕРА
    - ЭТНОСФЕРА
    - ЕВРАЗИЙСТВО
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Заключение
  - ПРИЛОЖЕНИЕ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.Н. ГУМИЛЁВА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

ВАЛЕРИЙ ДЕМИН
ЛЕВ ГУМИЛЁВ

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей .

Николай Гумилёв

В чужих словах скрывается пространство
Чужих грехов и подвигов чреда,
Измены и глухое постоянство
Упрямых предков, нами никогда
Невиданное. Маятник столетий,
Как сердце, бьется в сердце у меня.
Чужие жизни и чужие смерти
Живут в чужих словах чужого дня.

Лев Гумилёв

<…> Я вижу свою задачу в том, чтобы принести посильную пользу прекрасной Даме Истории, без которой не может существовать ни один народ, и ее Мудрой Сестре — Географии, которая роднит людей с их праматерью Биосферой планеты Земля.

Лев Гумилёв

<…> В смысле любви,

поклонения, обожания и даже обожествления России всегда был и буду патриотом.

Лев Гумилёв

Пролог
ОЗАРЕНИЕ НА ТЮРЕМНЫХ НАРАХ

Поразительный случай сей описан неоднократно. Некоторые считают его приукрашенной легендой, что совсем уж невероятно, потому что рассказ принадлежит самому Льву Николаевичу Гумилёву (1912—1992), подозревать которого в фальсификации по меньшей мере неэтично. А то, что в разных вариантах появлялись дополнительные и не всегда совпадающие подробности, вполне объяснимо: по прошествии многих лет в памяти восстанавливается не фотографически точная картина, а различные ее аспекты (к тому же – в меняющейся последовательности) — сегодня одни, завтра – другие. Да и так ли важны детали? Главное — суть!

В жизни большинства людей происходят события, определяющие их дальнейшую судьбу на многие годы, а то и навсегда. Иногда такие события становятся эпохальными, определяя судьбу не только отдельной личности, но и социума в целом или направление в развитии какой-либо отдельной сферы духовной жизни, например науки. Значимость произошедшего не обязательно осознается сразу, а его влияние на поступательный ход истории может быть отложено на значительный срок. Именно так случилось и с 27-летним Львом Гумилёвым спустя полгода после осуждения на десять лет лагерей.

Приговор Военного трибунала по делу Льва Гумилёва и его друзей Николая Ериховича и Теодора Шумовского, совместно обвиненных в контрреволюционной деятельности, гласил:

«Сов. секретно

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военный Трибунал Ленинградского военного округа

В составе: Председательствующего…

Членов: …

на закрытом судебном заседании в г. Ленинграде 27 сентября 1938 г. рассмотрел дело по ОБВИНЕНИЮ: Гумилёва Льва Николаевича, рождения, уроженца г. Пушкина Ленинградской сына буржуазного писателя […] Ереховича Николая Петровича, 1913 г. рождения, уроженца г. Ленинграда, из дворян, русского […] Шумовского Теодора Адамовича, 1913 г. рождения, уроженца г. Житомира, УССР, сына служащего, по национальности поляк […]

в преступлениях], предусмотренных] ст.ст. 17—58—8, 58-Ю

ч. 1 и 58-11 УК РСФСР УСТАНОВИЛ СЛЕДУЮЩЕЕ:

Гумилёв, Ерехович и Шумовский будучи контрреволюционно настроенными к руководителям ВКП (б) и Советской власти и существующему строю, с конца 1937 года являлись активными участниками контрреволюционной террористической организации в гор. Ленинграде, ставившие перед собой задачу свержения Советской власти и реставрации капитализма в СССР, путем активной контрреволюционной агитации против политики ВКП (б) и Советского Правительства, путем организации и совершения террористических актов над руководителями ВКП (б) и Советского Правительства.

Руководителем этой контрреволюционной террористической молодежной организации являлся Гумилёв, который одновременно был связан с активными участниками антисоветской террористической группы, существовавшей при Ленинградской Лесотехнической Академии и возглавлявшейся Высоцким, Шуром и др., подготовлявшимися совершить террористический акт над руководителями ВКП (б) и Советского Правительства.

Ерехович, Шумовский и Гумилёв помимо вербовочной работы и антисоветской агитации против проводимых мероприятий ВКП (б) и Советской власти на своих нелегальных сборищах обсуждали вопрос и высказывались о необходимости перехода к террористическим методам против руководителей ВКП (б) и Советского Правительства, чем и совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 17—58—8, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

В силу изложенного и руководствуясь ст.ст. 319—320 УПК, Военный Трибунал ПРИГОВОРИЛ:

Гумилёва Льва Николаевича, на основании ст. 17—58—8 УК РСФСР лишить свободы с содержанием в ИТЛ сроком на десять лет, с поражением политических прав по п.п. "а", "б", "в" и "г" ст. 31 УК сроком на четыре года, с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Ереховича Николая Петровича и Шумовского Теодора Адамовича, на основании ст. 17—58—8 УК РСФСР лишить свободы с содержанием в ИТЛ сроком на восемь лет каждого, с поражением политических прав по п.п. «а», «б», «в» и «г» ст. 31 УК сроком на три года каждого, с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

Начало срока наказания Гумилёву исчислять с 10-марта 1938 г., Ереховичу и Шумовскому с 10-го февраля 1938 г. Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную Коллегию Верховного Суда СССР через ВТ ЛВО в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора осужденным.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: Судебный секретарь ВТ ЛВО мл. военный юрист (Коган)

Отпечатано 13 копий и разослано по особому списку»

В декабре того же года осужденных «антисоветчиков» доставили на лесоповал в район Беломорканала, а в начале следующего, 1939 года Гумилёв снова оказался в Питере, в знаменитых Крестах. «Дело» вернули, как тогда говорили, на «переследование»: кому-то в более высоких инстанциях карательных органов показалось, что «руководителю террористической группы» дали слишком мало. Прокурор опротестовал решение суда, прежний приговор отменили, а обвинение переквалифицировали по «расстрельному пункту» – «террористическая деятельность». Однако, чтобы подвести Гумилёва под «вышку», требовались дополнительные «факты». Вот и вернули бывшего студента истфака Ленинградского университета назад на пересмотр дела по месту суда и следствия.

Всех подробностей, в ближайшей перспективе сулящих ему кровавую расправу, Гумилёв, разумеется, не знал. Зато прекрасно понимал, что ему всегда и без всякого следствия априорно могут приписать желание отомстить за расстрелянного отца и с этой целью — намерение совершить любой теракт (за что автоматически полагалась «высшая мера»). В Крестах он приходил в себя после воистину каторжных работ, где ему, голодному и холодному, без всякой зимней одежды и обуви, вместе с друзьями-подельниками надлежало сначала заниматься распиловкой дров, а потом уж «по полной» — валить деревья в лютый мороз, стоя по пояс в снегу, получая утром и вечером для поддержки едва теплящихся сил тарелку жидкой баланды и пайку черствого хлеба.

Не то в Крестах: в камере хоть и тесновато, кормежка — в норме, «физических нагрузок» или повинности» — никаких; только к следователю таскают да изредка еще и к доктору — подлечить загноившуюся рану, полученную от случайного удара топором. (Некоторых, конечно, бьют до полусмерти или пытают, как в застенках инквизиции, но это ведь всего лишь — неотъемлемые «издержки производства».) Кроме того, у видавших виды заключенных существовала надежная связь с волей, и Льву Гумилёву удалось сообщить матери, где он находится в настоящее время. Вскоре он получил передачу и, когда раскрыл посылку, чуть не задохнулся от одних только запахов — в полотняном мешке были сухари, сахар и уж совсем невероятное — масло и колбаса.

Свободное время подследственный студент использовал

нетривиально — с ощущением полной свободы мысли: он ДУМАЛ! Думал, сидя на нарах. Думал, лежа перед сном. Думал, и забравшись втихаря под лежанку: днем заключенным лежать запрещалось, и они по очереди укладывались под нары, а сокамерники усаживались рядком, загораживая ногами лежащего на полу товарища. Тогда-то и произошло то провидческое ОЗАРЕНИЕ, которое заставило его вскочить, как Архимеда, сформулировавшего свой знаменитый закон. Открытие Льва Гумилёва также раз и навсегда изменило всю его дальнейшую жизнь — в прямом и переносном смысле, а со временем повлияло и на развитие всей исторической науки[1].

Рассказ самого Гумилёва — лучшее свидетельство той далекой и трагической эпохи. Почти спонтанно у него возникла мысль о мотивации человеческих поступков в истории. Почему, например, Александр Македонский шел в Индию и Среднюю Азию, хотя явно удержаться там не мог и грабить эти земли не мог, не мог доставить награбленное себе, в Македонию? Ответ родился, как вспышка, как озарение свыше! Гумилёву пришло в голову, что Александра Великого толкало что-то такое, что было внутри него, некий особый природный импульс. Это что-то он назвал «пассионарностью».

Собственный рассказ первооткрывателя, наговоренный спустя полвека на диктофон журналиста, звучит следующим образом. «<…> Заключенных было в несколько раз больше, чем их могли вместить по норме тюремные стены… В моей камере в Крестах также тесным-тесно. Заняты не только нары. Спим под ними, на голом асфальтовом полу, в душной потной тесноте, впритык друг к другу. Условия далеко не курортные. Но в них и свои преимущества. Беспрепятственно можно разговаривать с соседом, сотоварищем по несчастью. На нарах днем лежать запрещено, но даже днем можно подлезть под них и, лежа, размышлять о посторонних предметах. Например, об истории. Интерес к ней по-прежнему не оставлял меня. Но как заниматься наукой в тюрьме, будучи лишенным необходимых книг, бумаги, даже карандаш для записей? И тогда я подумал, а почему бы мне не заняться теорией исторической науки? Ведь это и неплохой способ уберечь мозг от разрушающего воздействия на него однообразных тюремных дум и переживаний.

Однажды из-под нар на четвереньках выскочил нару» молодой с взлохмаченными вихрами парень. В каком-то радостном и дурацком затмении он вопил: «Эврика!»[2] Это был не кто иной, как я. Сидевшие выше этажом мои сокамерники, их было человек восемь, мрачно поглядели на меня, решив, что я сошел с ума: «Еще один! Чудик!» Такие случаи бывали нередко.

Но на этот раз они ошиблись. Они не догадывались, что я минуту назад нашел ответ на загадку, которая вот уже несколько недель подряд неотступно преследовала меня. Я подступал к ней то с одной, то с другой стороны, но она не давалась мне. Ситуация была тупиковой, и я ощущал себя сущим кретином.

В самом деле, какая сила лежит в основе рождения и гибели этносов — народностей и народов? В истории нет ни одного этноса, дожившего в своей корневой родовой основе до наших дней. Древние шумеры, хетты, филистимляне, этруски и венеты уступили свое место парфянам, латинам и римлянам, которые выделились из латинов и других италиков. Но и их сменили итальянцы, испанцы, французы и греки (этнос славяно-албанского происхождения), турки, таджики, узбеки и казахи. Я, кажется, сделал открытие, разгадав, наконец, что лежит в основе этого могучего естественного процесса. Я нашел пусковой механизм его и дал ему отличное название: "пассионарность" – от латинского слова "passio" — страсть. Я понял, что рождению каждого нового этноса предшествует появление определенного количества людей нового пассионарного склада.

В Крестах я был лишен права переписки, не имел ни бумаги, ни какого-либо другого подручного материала для записи или пометок. Все это давным-давно было отобрано. И не дай Бог — обнаружить у кого-либо из нас огрызок карандаша или что-либо другое из канцелярских принадлежностей: неминуем карцер. Выход был один — запомнить логику рассуждений, приведших меня к открытию «пассионарности».

Прежде всего я старался уяснить, что представляет собой этнос как феномен. Какова его внутренняя структура, что за связи с окружающим миром позволяют ему в течение нескольких веков сохранить свою самобытность? Я пробовал разгрызть этот орешек традиционным способом — так, как нас учили в университете, то есть увязывая процессы рождения и увядания этносов с социальными законами развития общества. Не тут-то было! Все мои попытки в этом направлении неизбежно натыкались на стену непреодолимых противоречий. Одно из них лежало на поверхности, и приходилось только дивиться, почему ученые не видели его. Процесс рождения и дальнейшей жизни этноса — то, что обычно в науке называют этногенезом, — не зависит прямо и не коррелирует со временем возникновения новых социально-экономических укладов. Этносы легко уживаются, сохраняя свою целостность, в границах нескольких формаций. Они не исчезают, скажем, вместе с крушением феодальной системы и не возникают разом одновременно с развитием мирового рынка, капиталистических отношений.

Для меня становилось все более очевидным, что этнос — прежде всего феномен природы. Само его существование, отличия от других этнических структур связаны со своеобразием окружающей его среды, с местным географическим и климатическим ландшафтом[3]».

* * *

Вот и прозвучало оно, центральное понятие историософского[4] учения Л. Н. Гумилёва — ПАССИОНАРНОСТЬ[5], без которого теперь невозможно представить современную историческую и философскую науки. Молодой провидец сразу же осознал: сделано открытие, по меньшей мере равное Марксовой теории исторического развития. Знал бы тогда, сколько сил и времени потребуется, дабы убедить ортодоксальных и твердолобых последователей К. Маркса в правомерности своего открытия! Даже близкие (как он считал) друзья, которым он при случае уже тогда попытался изложить суть своего озарения, крутили пальцем возле виска и обзывали его Поприщиным (главный герой повести Гоголя «Записки сумасшедшего»). А ведь, казалось бы, всё яснее ясного, и даже в приведенном выше рассказе самого Гумилёва расставлены все точки над «i»: *историю делает пассионарные этносы и народные массы, во главе которых стоят пассионарные личности* . Можно сказать еще короче: *историю делают пассионарии.*

Сформулированную пока что в общих чертах концепцию подтверждали жизнь и деятельность многих выдающихся исторических личностей — Александра Македонского, Ганнибала, Аттилы, Чингисхана, Тамерлана, Жанны д'Арк, Яна Гуса, Наполеона. Русская история также переполнена пассионарными личностями: Александр Невский, Кузьма Минин, протопоп Аввакум, Петр I, Екатерина Великая, Суворов, Ломоносов, Пушкин и др. Пассионарностью обладали русские первооткрыватели-землепроходцы, начиная с Ермака, Семена Дежнева и Ерофея Хабарова и кончая арктическими и тихоокеанскими мореплавателями, которым Россия была обязана присоединением сначала Сибири, а затем Русской Америки (первой — навсегда, второй — временно). Энергетика русских пассионариев не в последнюю очередь обусловливалась биосферными и ноосферными явлениями.

Пассионарии действуют во всех областях общественной жизни и вовсе не обязательно становятся великими личностями.

Зато верно другое: великие личности (да и просто выдающиеся) — всегда пассионарны. Всегда, но не вечно. Пассионарный импульс живет в людях своей особой жизнью: он разгорается, передается другим, охватывая подчас огромные массы людей, но позже, достигнув максимума, может затухнуть, а то и совсем исчезнуть. Хрестоматийный пример — Наполеон Бонапарт, один из самых выдающихся пассионариев всех времен и народов. Неправда, что после битвы под Ватерлоо были утрачены все возможности дальнейшего сопротивления. Верные сподвижники предлагали Наполеону, как и в годы Великой французской революции, призвать к оружию народ и встать во главе его — сначала на защиту Парижа, а затем и всей Франции. Но император, утративший свой пассионарный заряд, уже не был способен возглавить широкие народные массы (к коим к тому же он относился с долей презрения) и предпочел всенародной войне плен и ссылку на остров Святой Елены.

Пассионарный заряд способен нести не только сам человек, но также и сформулированная им мысль или высказанное слово. За примерами ходить далеко не надо. Достаточно сравнить знаменитый и по сей день способный зажечь сердца лозунг Дантона «Для того, чтобы победить, нужна смелость, смелость и еще раз смелость!» с любым постным высказыванием на любую тему любого современного политического деятеля. Пассионарная энергетика всегда побуждает людей к достижению какой-то конкретной цели, даже если цель эта заведомо недостижима и иллюзорна.

Однако наряду с пассионариями при энергетических мутациях появляются субпассионарии — особи, абсорбирующие меньше энергии, чем количество, требующееся для уравновешивания потребностей инстинкта. Им все трудно, а желания их примитивны: поесть, выпить, поразвлечься с такой же женщиной. Таковы неаполитанские лаццарони, бродяги, описанные М. Горьким, подонки капиталистических городов, вымирающие племена Андаманских островов, которым лень наловить рыбу и нарвать в лесу плодов для своих детей. Они лежат на берегу океана в ожидании парохода, а потом просят у приезжих туристов табаку, курят, считая, что это и есть верх блаженства.

Субпассионарии существуют повсеместно, но очень различны. Близкие к оптимуму составляют кадры преступников и проституток. Те, кто слабее, становятся алкоголиками и наркоманами, а еще ниже стоят дебилы и кретины, у которых не хватает энергии даже на то, чтобы мечтать.

Субпассионарии отнюдь не так безобидны, как может

показаться. Для них характерны безответственность и импульсивность. Им нельзя ничего доверить, ибо ради минутного наслаждения они способны погубить важное дело, даже государственное или общественное. Ради сегодняшней выгоды они уничтожают кормящие ландшафты, обрекая на голод своих потомков. Любое будущее их не пугает, потому что они просто не в состоянии его вообразить. А тех людей, которые пытаются их вразумить, они нередко убивают. Этот процесс особенно отчетливо виден в истории Римской империи III—IV веков. Не рабы, и не варвары, и не христиане погубили Рим. Это сделали любители цирковых зрелищ, бездельники, которых кормили даром, ради чего истребляли население провинций и природу собственной страны — Италии, где дубравы не восстановились доселе, а склоны Апеннин заросли колючим кустарником.

Главная отличительная черта пассионариев, как выявит позже Л. Н. Гумилёв, — «*алчность* », но вовсе не обязательно в отрицательном смысле. Пассионариями могут быть искатели знаний и приключений, собиратели книг и коллекционеры. Пушкинский Скупой рыцарь в определенной степени также пассионарен. Как правило, пассионарны поэты, писатели, художники, композиторы, не говоря уж о выдающихся полководцах или политических деятелях. Но есть пассионарии, так сказать, с отрицательным знаком: люди,

несущие зло или сеющие разрушения, тоже во многих случаях пассионарны (например, инквизиторы, отправляйте на костер сотни и тысячи «еретиков»). Даже *вандализм* , скажет позже Гумилёв, является своего рода пассионарностью, обусловленной природными закономерностями.

Если существуют некоторые *общие закономерности* , то они должны действовать в любой исторической эпохе и независимо от какой бы то ни было общественно-экономической формации… Но что это за законы, властвующие над миром? Какая-то «невидимая рука», как говаривал Адам Смит? Да нет, всё намного проще. И дело здесь не в запредельных и непостижимых законах, а в самих людях… Тем самым вопрос заострялся сам собой и становился смертельно опасным. С прошлым более-менее ясно, но как быть с настоящим: существуют ли пассионарии сегодня? Есть ли они в России? Непременно есть — и не только среди вождей! Вот только не находится ли значительная (если не большая) часть современных российских пассионариев в лагерях да тюрьмах? А как быть с «антипассионариями», пытающимися всеми доступными им способами подавить или вовсе уничтожить любую пассионарную вспышку? Куда прикажете деть верных церберов репрессивной власти — следователей-костоломов, неправедных

судей, дегенеративных вохровцев на вышках и матерящийся конвой? Тоже ведь вроде люди, но какое место отведено им в анналах истории? А никакого! Чистый мусор, отбросы рода людского, замутняющие, а то и превращающие в сплошную грязь с кровавой примесью чистое течение потока истории…

Тема «пассионарность и власть» в данной связи заслуживала особого внимания. Однако во все времена она была более чем опасной для осмысления. Ибо, с одной стороны, и без глубоких изысканий ясно: *власть должна быть пассионарной* . Но, с другой стороны, сразу же рождается каверзный вопрос: *а что случится, если власть перестанет быть пассионарной* ? Ответ также напрашивается сам собой: *такая власть попросту не имеет права быть властью* (и она перестает ею быть или естественным или насильственным путем). Все это прекрасно видно на многочисленных примерах отечественной и мировой истории. Конечно, хорошо рассуждать о далеком прошлом, но как быть с настоящим и будущим? Будущее (в идеале) должно учиться на ошибках или достижениях прошлого. Настоящее этого попросту не успевает сделать, ему (настоящему) остается только констатировать происходящее — каким бы трагичным или ужасным оно ни было.

Эпохальные исторические события, подобно хроникальным или постановочным эпизодам на экране, происходят на глазах любого индивида (а не только историка или социолога-аналитика). Войны, революции, голод и разруха, миграции населения и массовые репрессии — свидетелем (а то и участником) этих и им подобных явлений становится по существу каждый. Многие при этом неизбежно задаются вопросом о причинах и движущих силах происходящих общественных процессов. История далекого и недавнего прошлого подсказывает разумный ответ на любой, даже самый сложный или каверзный вопрос. Однако стоит только совместить ответ, добытый на примерах прошлого, с современностью, как тотчас же начинаются непреодолимые трудности, и окружающие, как правило, превращаются в ничего не видящих, ничего не слышащих и ничего не желающих знать обывателей. В противном случае жди репрессалий и больших неприятностей в дальнейшей жизни. А ведь как интересно разобраться в сути происходящего, хотя бы для себя самого ответить на мучительный вопрос: почему русский народ, в очередной раз испытывающий величайший жизненный подъем, одновременно оказался в тисках жесточайшей НЕСВОБОДЫ?..

Под конец жизни Л. Н. Гумилёву вместе со всем народом довелось стать свидетелем воистину апокалипсической картины

крушения великой державы — Советского Союза, прямого геополитического наследника и преемника великой Российской империи. И первый же вывод о причинах произошедшего, который напрашивался уже на интуитивном уровне, безусловно касался *пассионарности* . Прежняя, казавшаяся незыблемой власть рухнула в одночасье по причине отсутствия у нее пассионарного заряда и энергетической подпитки. Болезнь эта коснулась как верхних эшелонов власти, так и низовых управленческих структур — производственных, научных, партийных, организационных и пр. и пр. и пр. Такая ситуация складывалась постепенно на фоне кажущейся стабильности — на самом деле *абсолютного застоя во всех сферах общественной жизни.* По существу рухнувшая власть давным-давно и сама подписала себе смертный приговор, совершенно не осознавая при этом, что же на самом деле представляют собой действительные движущие силы общественного развития…

Итак, где есть пассионарии — там бьет ключом жизнь, где их нет — там застой. Без этнической пассионарной вспышки нет исторического развития, случается, что история вообще как бы останавливается: это значит, что из исторического процесса исчезли пассионарии или нарушена их необходимая «критическая масса». Схема простая (как всё гениальное!), позволяющая легко и понятно объяснить большинство исторических событий и фактов. Но как быть с другими социологическими категориями — способом производства или общественно-экономической формацией, например? На такой вопрос Лев Гумилёв вполне мог ответить вместе с Лапласом: «В подобных гипотезах я не нуждаюсь»…

Неясным однако оставалось одно: что представляет собой сама пассионарная энергия, откуда она берется, какими законами регулируется? А как сохраняется и перераспределяется в людях и этносах? Как перемещается в пространстве вместе со своими пассионарными носителями? А куда девается потом, если исходить из закона сохранения энергии? И можно ли ее зафиксировать или измерить физическими приборами, а потом спрогнозировать на общественное бытие и спрогнозировать основные этапы социального развития? На то, чтобы хоть как-то разобраться в этом вопросе, потребуются десятилетия, да и то намечены будут только самые общие подходы к проблеме и пути ее решения…

* * *

Двое пассионариев с самого рождения были у Льва Гумилёва перед глазами — его мать и его отец. В 1939 году, когда сыну пришла на ум идея пассионарности, поэта Николая Гумилёва вот уже почти восемнадцать лет не было в живых. Современники запомнили Николая Гумилёва исключительно волевым и целеустремленным человеком. Об этом свидетельствуют и хорошо известные факты его биографии, в том числе три путешествия в Африку и участие в сражениях Первой мировой войны, за что прапорщик-кавалерист Гумилёв был награжден двумя георгиевскими крестами. Можно со стопроцентной уверенностью утверждать (и такие выводы исследователями уже делались), что пассионарная предрасположенность досталась Льву Гумилёву от родителей. Создавая теорию пассионарности (по крайней мере на первых этапах ее становления), он среди великих и малых героев России и мировой истории ориентировался не в последнюю очередь и на своего расстрелянного отца — пассионария по духу и крови, которого Лев навсегда запомнил с самого раннего детства и светлый образ которого сохранил до глубокой старости.

Пробуждению интереса к истории у сына также во многом способствовал отец. В свой последний приезд в Бежецк, где у бабушки проживали Лёва и его сводная сестренка Лена (вместе со своей матерью — второй женой Николая Гумилёва), отец привез сыну, которому в то время было всего шесть лет, книгу о войнах Византии с варварами (со временем этот труд сделался его любимым чтением). Поздняя античная история давала абсолютно бесспорные доказательства для нетривиальных предположений будущего ученого: на примере распада и гибели античного мира ясно становилось видно, как римская (а вслед за ней и византийская) цивилизация утрачивала свою былую пассионарность и уступала новым, диким, нецивилизованным этносам, объединенным под неблагозвучным названием «варвары», которым как раз и удалось благодаря вспышке пассионарной энергии, что называется, влить новое вино в старые мехи и обеспечить пестроцветное развитие человеческой истории.

Идеи, впервые сформулированные на тюремных нарах (точнее — под ними) в ленинградских Крестах, Льву Гумилёву и дальше пришлось развивать и пропагандировать в разных лагерях, разбросанных на необъятных просторах Советского Союза — от Таймыра до Казахстана. Как правило, его окружала внимательная, понимающая и конструктивна критически настроенная аудитория, где доминировали ученые, инженеры, хорошо образованная интеллигенция. Так с лета 1942-го по март 1943 года собеседником и оппонентом Гумилёва был

выдающийся астроном и мыслитель XX века Николай Александрович Козырев (1908—1986), приговоренный при пересмотре дела к высшей мере за то, что он не побоялся заявить следователям и судьям: ему нравятся стихи поэта Николая Гумилёва (суд смягчил приговор: заменил расстрел на десятилетнюю каторгу). Сыну своего любимого поэта Н. А. Козырев сразу же подсказал, откуда может взяться энергия, в разных географических местах и в разное историческое время питающая пассионарность. Согласно теории Козырева, главным источником космической энергии является время! Следовательно, его и надо считать отцом и матерью (в одном лице) пассионарности! Лев Гумилёв, однако, пытался найти иное объяснение…

* * *

…Стоя в мрачных плачущих очередях к тюремному окошку с дозволенной передачей сыну, его мать Анна Андреевна Ахматова мысленно сочиняла стихи, которые впоследствии вошли в самый трагический из ее поэтических циклов «Реквием». Через двадцать лет она напишет в предисловии:

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

–Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».

Сейчас эти стихи входят во многие антологии и хрестоматии[6]:

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать

Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадильный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

В ту пору Ахматова жила в нищете — на одном черном хлебе и чае без сахара. Современники запомнили ее очень худой, часто болевшей, однако в любую погоду ее можно было увидеть в бесконечных молчаливых очередях в тщетной надежде повидать сына или вручить передачу. За эти несколько ужасных месяцев Ахматова сроднилась со всеми стоявшими здесь страдалицами и страдальцами, по-своему символизировавшими то страшное время. Беззвучно она шептала:

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ
Пусть так же они поминают меня
В канун моего погребального дня.
<…>

Поэтессе казалось, что люди в этих очередях (некоторые стояли сутками) не только понимают, но и слышат ее немые вопли и стоны:

Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной с единственным сыном…
На позорном помосте беды
Как под тронным стою балдахином…

* * *

Вот и доспорился, яростный спорщик,
До Енисейских равнин…
Вам он бродяга, шуан, заговорщик,
Мне он — единственный сын.

* * *

Семь тысяч три километра…
Не услышишь, как мать зовет,
В грозном вое полярного ветра,
В тесноте обступивших невзгод,
Там дичаешь, звереешь — ты милый,
Ты последний и первый, ты — наш,
Над моей ленинградской могилой
Равнодушная бродит весна…

Бессильная что-либо изменить, она просила окружающих об одном — помолиться о сыне, его погибшем отце и о ней самой: *<…> Муж в могиле, сын в тюрьме , / Помолитесь обо мне* ». Сын не скоро услышал написанные кровью материнского сердца строки. Мать же повторяла их про себя каждый день…

Глава 1
МАЛЬЧИК НА ЛЕОПАРДОВОЙ ШКУРЕ

Серебряный век подарил России и миру целую плеяду выдающихся и даже гениальных поэтов и писателей. Почти все они были мужчинами, и только одну женщину среди них – Анну Андреевну Ахматову (1889—1966) — можно назвать воистину великой и гениальной поэтессой, равной которой в истории русской литературы (теперь это ясно совершенно определенно) не было, а возможно, больше никогда и не будет. В апреле 1910 года она обвенчалась с другим (в то время даже более знаменитым) поэтом — Николаем Степановичем Гумилёвым (1886—1921), знакомым ей с гимназических пор (оба проживали и учились в Царском Селе под Петербургом).

Чуть ли не с первой встречи гимназист Коля Гумилёв влюбился чистой юношеской любовью в гордую и неприступную Аню Горенко, позже избравшую себе в память о далеких татарских предках псевдоним Ахматова. На будущего поэта будущая поэтесса поначалу не обращала никакого внимания. Да и позже, когда оба выросли, познали опыт жизни и любви и каждый имел за спиной немало пылких увлечений, Аня Горенко на протяжении пяти лет неоднократно отвечала отказом на предложения своего неотступного воздыхателя стать его женой. Наконец согласилась. Брак оказался непрочным, но какое-то время был счастливым. Оба продолжали вести богемную жизнь. 18 сентября 1912 года у супругов Гумилёвых, которые с полным основанием могли бы претендовать на титул «звездной пары», родился сын, названный в соответствии с давней семейной традицией Львом. Произошло это в Петербурге в родильном приюте императрицы Александры Федоровны на 18-й линии Васильевского острова, куда супруги, срочно приехав из Царского Села, добрались пешком. Однако крестили ребенка спустя несколько дней в Царском Селе.

19 июля 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну, а на другой день Николай Гумилёв написал стихотворение «Новорожденному», посвященное появившемуся в это день на свет сыну своего и Аниного друга – поэта Михаила Лозинского Сергею (впоследствии выдающемуся математику). Стихи были о начавшейся войне, о воинском долге и о ребенке, образ которого,

без сомнения, стоял перед глазами поэта и в котором угадывался двухлетний Лёва: к нему с полным основанием можно отнести во многом пророческие строки:

Он будет ходить по дорогам
И будет читать стихи,
И он искупит пред Богом
Многие наши грехи.
……
Он будет любимец Бога,
Он поймет свое торжество,
Он должен! Мы бились много
И страдали мы за него.

Самые ранние воспоминания Лёвы связаны с Царским Селом — катание на санках, строгий городовой, грозящий пальцем, и царевич Алексей верхом то ли на ослике, то ли на пони. Перед самой войной сюда привезли слона — подарок российскому императору. Царь распорядился, чтобы в определенные дни допуск к слону был открыт всем желающим. Слон оказался дрессированным, умел танцевать, звонить в колокол, низко кланяться, он моментально сделался любимцем местной детворы. Лицезреть экзотическое животное двухлетний Лёва отправился на руках у матери. Впечатление же сохранил на всю жизнь. И уже тогда он задал вполне «научный вопрос»: «А говорить он умеет?»

Следующее воспоминание — Слепнёво, родовое имение Гумилёвых: яркое солнышко, теплынь, фруктовый сад, собаки, речка и, конечно, бабушка — «ангел доброты и доверчивости». С самого начала мать воспитанием сына занималась мало (об отце тем более говорить не приходится). Он так и остался на полном попечении бабушки Анны Ивановны Гумилёвой (1854—1942). После недолгого пребывания в Царском Селе большая семья, в которой помимо Николая Степановича с женой и сыном был еще и женатый старший брат Дмитрий (1884—1924), переехала в Петербург (после начала Первой мировой войны переименованный в Петроград).

Критический ум проявился у маленького Лёвы очень рано. В 1950-е годы Анна Ахматова рассказала Лидии Чуковской (а та все записала) такой случай. К Гумилёвым на питерскую квартиру, где она жила, пожаловали два поэта средней руки – Георгий Адамович и Георгий Иванов и затеяли в присутствии всех домочадцев литературный спор. Маленький Лёва в числе других

долго внимал спорящим, а потом с невинным видом спросил: «Где живете, дураки?» В сентябре 1914 года Николай Степанович Гумилёв ушел добровольцем на фронт. В семье обсуждали его статьи с фронта, озаглавленные «Записки кавалериста», их печатала самая престижная, многотиражная и читаемая российская газета «Биржевые ведомости». Больше всех радовалась хотя бы такой весточке от своего Николеньки бабушка Анна Ивановна. Позже, уже в сознательном возрасте, с военными записками отца познакомится и его сын. Среди них была, например, такая:

«Этот день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному и поэтому исключающему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя. И в вечер этого дня, ясный, нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул "ура", с которым был взят В. (зашифрованное название города в Восточной Пруссии. — В. Д.). Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня <…>»

На лето Гумилёвы по традиции выезжали в Слепнёво, а с 1918 года после угрозы погрома окончательно обосновались в находящемся неподалеку провинциальном городке Бежецке, затерявшемся в тиши и глуши Тверской губернии. Срочно менять одно место жительство на другое вынудила историческая необходимость: после Октябрьской революции Гумилёвы лишились и дворянского звания, и прав на собственность. Да и жить в Петрограде в условиях Гражданской войны и «военного коммунизма» стало очень трудно. Голод и разруха, начавшиеся еще во время Первой мировой войны, дамокловым мечом нависли над всей страной. Хлеб выдавали по карточкам, продуктовые пайки — только работавшим, при этом работы никакой не было. Анна Андреевна на склоне лет вспоминала о Петрограде тех лет: «<…> Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме пыли, мрака и зияющей пустоты, ничего не было. Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. В Гостином Дворе можно было собрать большой букет полевых цветов.

Догнивали знаменитые петербургские торцы. Из подвальных окон "Крафта" еще пахло шоколадом. Все кладбища были разгромлены. Город не просто изменился, но превратился в свою противоположность. Но стихи любили <…>

Поэты читали стихи в ресторанах за тарелку супа. Акмеисты[7] (их с момента основания этого литературного направления возглавлял Николай Гумилёв), как и до революции, собирались в полуподвальном кафе «Бродячая А. М. Горький пригласил Н. С. Гумилёва поработать в издательстве «Всемирная литература», созданном специально для поддержания русских писателей, переводчиков, литературоведов, художников-оформителей.

Откуда маленькому мальчику, увезенному в российскую глухомань, было знать, как живут и проводят время его родители, какое вдохновение навевает им поэтическая Муза — у каждого своя. Конечно же не знал тогда еще Лёва знаменитых стихов своей матери, написанных до его рождения, но теперь ставших чуть ли не гимном завсегдатаев «Бродячей собаки» (или фамильярно — просто «Собаки»):

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок на ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.
<…>
[8]

В «Собаке» впервые читались (и отчасти сочинялись) гениальные стихи, которые со временем назовут жемчужинами поэзии Серебряного века, здесь завязывались мимолетные любовные романы и дружеские отношения, здесь однажды Осип Мандельштам (1891 — 1938) познакомил Анну Ахматову с громогласным и таким при ближайшем рассмотрении нежным Владимиром Маяковским. Несмотря на противоположность мировоззрений, оба с первого взгляда почувствовали друг к другу симпатию. Ахматова искренне восхищалась лирическими поэмами Маяковского «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник», а их автора считала «гениальным юношей».

Мандельштам и сам в ту пору относился неравнодушно к Ахматовой (впрочем, к кому только он не был равнодушен), неоднократно делал поэтессе (после ее развода с Николаем

Гумилёвым) предложения стать его женой и посвятил ей пророческое стихотворение «Кассандра»: «*Я не искал в цветущие мгновенья / Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз, / Но в декабре — торжественное бденье — / Воспоминанье мучит нас!// И в декабре семнадцатого года / Все потеряли мы, любя* <… >» Поразительно, что в этом провидческом стихотворении, написанном через месяц после Октябрьского переворота, Мандельштам предсказал будущую трагическую судьбу своей поэтической подруги: «<…> *Когда-нибудь в столице шалой, / На скифском празднике, на берегу Невы, / При звуках омерзительного бала / Сорвут платок с прекрасной головы …*»[9]

Родители Льва Гумилёва официально развелись в 1918 году. Шестилетний Лев не задавался вопросом о причинах случившегося, позже вообще не любил обсуждать эту тему, хотя роковые подробности конечно же были ему хорошо известны. Инициатором развода стала Анна Ахматова. Это — первое, что она потребовала по возвращении Николая Степановича в Петроград после долгого его отсутствия на фронтах и пребывания за границей — во Франции и Англии. Оба по-прежнему вели жизнь, свободную от каких-либо обязательств друг перед другом, когда одно увлечение плавно переходило в другое и не было такого, которое не ознаменовалось бы лирическими стихами обоих великих поэтов Серебряного века. В том же 1918 году у родителей Льва Гумилёва появились новые семьи: мать вышла замуж за ученого-ассириолога Вольдемара (Владимира) Шилейко (1891— 1930); официальной женой отца стала Анна Энгельгардт (1895-1942).

И мать и отец навещали сына редко. Письма от матери также приходили нерегулярно, но денежные переводы в размере 25 рублей (за счет писательского пенсиона, пока его выплачивали) она отправляла ежемесячно. Иногда Лёву привозили в Питер, и он буквально упивался счастьем общения с родителями. Иногда гулял с отцом. По воспоминаниям Ирины Одоевцевой — члена Цеха поэтов, бывшей в то время в близких отношениях с Николаем Степановичем, он говорил ей в роковом 1921 году: «Лёвушка весь в меня. Не только лицом, но такой же смелый, самолюбивый, как я в детстве. Всегда хочет, чтобы ему завидовали». В подтверждение сказанного Николай Степанович приводил такой факт. Они с сыном ехали на трамвае, и тот радовался, глядя прохожих за окном: «Папа, ведь они все завидуют мне, правда? Они идут, а я еду!..» Николай Степанович забыл упомянуть, что Лёвушка еще и картавил так же, как и отец (впрочем, у Гумилёвых это был дефект наследственный, передавался по мужской линии).

Воспитанием мальчика в Бежецке занимались бабуши Анна Ивановна да вдовая тетка Александра Степановна Гумилёва (в замужестве — Сверчкова) (1869—1952) — сводная сестра Николая Степановича, она учительствовала в начальной школе и получала жалованье 62 рубля. Спустя три десятка лет Лев Николаевич вспоминал в одном из писем: «Бабушка была ангел доброты и доверчивости и маму очень любила…»

24 августа 1921 года обвиненного в антисоветском заговоре Николая Степановича Гумилёва расстреляли по наспех состряпанному делу, не подтвержденному ни одним фактом. С этого момента отец окончательно стал для быстро мужавшего отрока подлинно героической личностью — к тому же гениальной[10]. Отец постоянно стремился куда-то в неизведанное, и эта пассионарная черта характера передалась сыну — будущему автору теории пассионарности. В том же году Лев говорил о гибели отца с матерью, которая приехала в Бежецк на Рождество. В 1990 году, за два года до смерти, Лев Николаевич Гумилёв в пространном интервью вспоминал:

«Конечно, я узнал о гибели отца сразу: очень плакала моя бабушка и такое было беспокойство дома. Прямо мне ничего не говорили, но через какое-то короткое время из отрывочных, скрываемых от меня разговоров я обо всем догадался. И конечно, смерть отца повлияла на меня сильно, как на каждого влияет смерть близкого человека. Бабушка и моя мама были уверены в нелепости предъявленных отцу обвинений. И его безвинная гибель, как я почувствовал позже, делала их горе безутешным. Заговора не было, и уже поэтому отец участвовать в нем не мог. Да и на заговорщицкую деятельность у него просто не было времени. Но следователь – им был Якобсон – об этом не хотел и думать…»

В тот приезд Ахматова написала стихотворение «Бежецк», пронизанное тревожными символами и кровоточащими реминисценциями:

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед.
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь…
И город был полон веселым рождественским звоном.

26 декабря 1921

В другом стихотворении, написанном ею в декабре того же рокового 1921 года, есть такая строка: «<…> *У своего ребенка хлеб возьми, чтобы отдать его чужому* ». Поразительная строка — в ней, должно быть, кредо мироощущения поэтессы. В следующий раз Анна Андреевна приедет к Лёве только через четыре года. Некоторое время ради нищенской зарплаты, продуктовых карточек и служебной квартиры (после развода с В. К. Шилейко) она работала делопроизводителем в библиотеке Агропромышленного института. К тому времени Ахматова стала гражданской женой Николая Пунина (1888—1953), известного искусствоведа, теоретика авангардизма, ученого секретаря Русского музея. Отношения матери и сына были сложными. Лёва чувствовал себя покинутым и одиноким. Его даже пыталась усыновить красавица-большевичка Лариса Рейснер — бывшая возлюбленная Николая Гумилёва и, по иронии судьбы, ставшая прообразом Комиссара в известной пьесе Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия». Предлагала усыновление и тетка Сверчкова, исходя из прагматической цели: дать Лёве свою фамилию, поскольку опасная фамилия Гумилёв, по ее мнению, не сулила в будущем мальчику ничего хорошего. В категорической форме Лев отказался, заявив, что имени и фамилии отца никогда не изменит.

На больную тему взаимоотношений Анны Ахматовой со своим единственным сыном высказывались многие. Каждый публикатор и комментатор посчитал чуть ли не священным долгом внести личный вклад в освещение деликатного вопроса, не задумываясь даже, что бесцеремонно и пристрастно оценивают чужую жизнь. Можно подумать, «что мать Пушкина, никогда не занимавшаяся воспитанием сына, которого вырастила няня Арина Родионовна, и в конце концов отправившая его, не знавшего материнской ласки в Царскосельский лицей, была чем-то лучше — просто условия жизни оказались другими… А Лермонтов, также фактически не знавший матери и воспитанный бабушкой?..

Лучше всего, пожалуй, понимала сложившуюся ситуацию свекровь Ахматовой — Анна Ивановна, бабушка Лёвы. Что такое поэт, она знала не понаслышке — сама вырастила выдающегося деятеля русской литературы. По собственному признанию Льва, с любимой бабушкой ему было куда интересней, чем со сверстниками. Ни одного упрека или жалобы не найти в письмах А. И. Гумилёвой к А. А. Ахматовой которую продолжала считать своей снохой, а письма к ней по-прежнему подписывала «любящая тебя мама». (Анна Андреевна тоже любила бывшую свекровь и

обращалась к ней в письмах не иначе как «Милая Мама» или «Дорогая моя Мамочка» и подписывалась «Твоя Аня».) Между тем само время — лучший лекарь — давно залечило тяжелые раны и отправило в небытие то, что некогда разделяло мать и сына — Анну Андреевну и Льва Николаевича. Их примирили не жизнь или смерть — их примирило БЕССМЕРТИЕ.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов Ахматова сочинила стихотворное завещание. В нем она, предвидя свою посмертную славу, просила поставить ей памятник в том месте, где она когда-то провела много дней, выстаивая огромные очереди с передачей для осужденного сына:

<…> А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем: не ставить его
Ни около моря, где я родилась
(Последняя с морем разорвана связь),
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных «марусь»,
Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть хулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Думается, памятник такой все же поставят, и именно в том месте, на которое она сама указала. И будет памятник тот воздвигнут не только самой великой поэтессе, но и ее самоотверженной материнской любви — такой, как она ее понимала…

Многочисленные недруги и недоброжелатели обвиняли Анну Андреевну в отсутствии у нее материнского чувства. Можно ли поверить, что это утверждение относится к поэту, написавшему такие искренние и проникновенные стихи о детях блокадного Ленинграда?

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

А ее воображаемый разговор из эвакуационного среднеазиатского далека с соседским мальчиком по квартире в Фонтанном доме, которого она считала погибшим во время бомбежки:

Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда…
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

Такие стихи могла написать только Великая Мать — Мать с большой буквы. А в словах «тебя не предам никогда» явственно слышится также и обращение к сыну…

* * *

Анна Андреевна с самого начала понимала, что не сможет стать сыну заботливой матерью. Но такова уж, видимо, судьба великих поэтесс. Сложные, противоречивые чувства раздирали ее

на части. В декадентских традициях она даже готовила себя к смерти, о чем свидетельствует стихотворение, включенное в сборник «Белая стая» (1915 год) и обращенное к трехлетнему Льву:

Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибегать —
Через речку и по горке,
Так что взрослым не догнать,
Издалека, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать.
Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать.

В «Колыбельной», написанной в том же 1915 году она побоялась дать себе самую суровую и безжалостную оценку: «*<… > Спи, мой тихий у спи, мой мальчик, / Я дурная мать* .» За сим следует страшное предсказание: «*Было горе, будет горе / Горю нет конца, / Да хранит святой Егорий / Твоего отца».* Отца святой Георгий (Егорий) не уберег, сын же сполна изведал такого горя, которого хватило бы не на одну жизнь Трагическую судьбу Льва Гумилёва провидчески почувствовала и предрекла другая великая поэтесса Серебряного века — Марина Цветаева. В 1916 году в стихах, обращенных к Анне Ахматовой (Лёве тогда было только четыре года), она писала:

Имя ребенка — Лев,
Матери — Анна.
В имени его — гнев,
В материнском — тишь.
Волосом — он — рыж —
Голова тюльпана! —
Что ж — осанна! —
Маленькому царю. <… >

И далее — совсем уж зловещие слова:

Рыжий львеныш
С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!
Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок — в твоей горсти!

Не менее категоричен был и Осип Мандельштам, также провидчески увидавший в горсти юного Льва Гумилёва «черные четки». Анне Андреевне же он сказал о сыне: «Вам будет трудно его уберечь, в нем есть ГИБЕЛЬНОСТЬ». Мудрыми воспитателями Льва во все времена являлись КНИГИ. Сначала ему регулярно и помногу читала бабушка, но уже в семь лет он научился читать сам. По счастью, общественная библиотека в Бежецке оказалась не разоренной. Поначалу Лёву Гумилёва, как и многих детей, увлекали книги Жюля Верна, Майн Рида, Фенимора Купера, Александра Дюма, Вальтера Скотта, Луи Буссенара, Гюстава Эмара, Роберта Льюиса Стивенсона, Джека Лондона, Герберта Уэллса, Конан Дойла и др. Лев любил читать приключенческие и исторические романы, сидя на леопардовой шкуре, привезенной Николаем Степановичем из Африки. Большинство его стихотворений мальчик, обладавший феноменальной памятью, знал наизусть, в частности, о собственноручно убитом отцом леопарде:

Колдовством и ворожбою
В тишине глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей.
Поздно. Мыши засвистели,
Глухо крякнул домовой,
И мурлычет у постели
Леопард, убитый мной.

<…>

Сидя на леопардовой шкуре, Николай Гумилёв рисовал сыну картинки на мифологические темы и делал к ним стихотворные

подписи. Картинки не сохранились, но стихи Лев Николаевич помнил всю жизнь и спустя семь с половиной десятилетий мог без труда процитировать несколько подписей к «Подвигам Геракла», когда-то экспромтом сделанных отцом, например:

От ужаса вода иссякла
В расщелинах Лазурских скал,
Когда под палицей Геракла
Окровавленный лев упал.

Играя с отцом, Лев выучил большую поэму «Мик», написанную Николаем Гумилёвым во время путешествия по Эфиопии. В простых и чеканных гумилёвских строфах оживают завораживающие картины первозданной африканской жизни — не менее впечатляющие, чем в любом «колониальном романе». К удовольствию впечатлительного мальчика, в экзотической поэме отца действовали не только эфиопские воины, но и африканские животные (к тому же говорящие) — слоны, носороги, гиппопотамы, крокодилы, львы, пантеры, гиены, буйволы, дикобразы и целое стадо павианов. Сама поэма написана по законам авантюрно-приключенческого жанра с элементами мистики и сакральной фантастики. Два мальчика — 7-летний Мик (сын эфиопского вождя) и 10-летний Луи (сын французского консула в Аддис-Абебе) вместе со старым и мудрым павианом бегут в африканские прерии и джунгли в поисках свободной и счастливой жизни. В результате коварных козней Луи, ставший царем павианов, гибнет, и Мик начинает искать его душу в загробном мире. Далее развитие сюжета напоминает Гильгамешем (одним из любимых героев Николая Гумилёва) погибшего Энкиду: Мик также спускается в преисподнюю, но, не найдя там Луи, посылает на небеса (где обитают души крещеных людей) жаворонка — тот и обнаруживает погибшего друга в окружении архистратига Михаила!

По традиции считается, что Н. С. Гумилёв посвятил поэму «Мик» сыну. В отдельном издании, опубликованном в 1914 году, печатного посвящения нет, зато на подарочном экземпляре есть надпись поэта: «Это сыну Льву. Пускай он ее (книгу. — В. Д.) дерет и треплет, как хочет». Преемственность между отцом и сыном провозглашена и в одном из стихотворений 1914 года:

Иду в пространстве и во времени,

И вслед за мной мой сын идет
Среди трудящегося племени
Ветров, и пламеней, и вод.

<…>

Ну и конечно же с детских лет запомнились Льву Гумилёву знаменитые «Капитаны» — гимн многих поколений неисправимых романтиков:

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны —
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель.
……
Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,
Меткой пулей, острогой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

Н. С. Гумилёв путешествовал в Африке, был солдатом Первой мировой войны, но прославился как поэт. «Капитаны» — одно из его ранних произведений, *где сама энергия стиха воссоздает атмосферу героизма эпохи великих открытий»* .

Темой многих его стихов была доблесть, которую он видел в своих спутниках и соратниках и в героях истории — будь они испанцы, греки, финикийцы или арабы. Радость открытий, совершаемых с трудом и риском, прославлена им как высшее проявление человеческого духа, а опасности, подстерегающие первооткрывателей заокеанских стран, казались его героям, как и ему самому, заманчивыми и увлекательными. Опасности были разными — водовороты и ураганы, отравленные стрелы и

появления таинственных энергий — огней святого Эльма, запечатленных в легенде о Летучем Голландце.

Как священный завет отца — вечного странника — воспринимал жаждущий исканий сын загадочное четверостишие из той же «маленькой поэмы» «Капитаны»:

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Сыну предстояло ответить на пророчество отца: так ли недостижимы те загадочные «иные области», куда стремился Гумилёв-старший, но не смог их достичь.

Постепенно тематика книг менялась и расширялась. На место беллетристики приходили более серьезные авторы — Гомер, Шекспир, русские классики. Шекспира по вечерам ему вслух читала бабушка. По трагедиям великого драматурга Лёва с раннего детства познакомился с историей Англии, помнил ее королей и даты их правления. Потом увлекся историей Франции (правда, через романы Дюма), а далее — историей Европы и Азии. Затем наступил черед исследовательской и учебной литературы. А отечественную и мировую историю, которую в школах в то время не преподавали, Лев Гумилёв изучал по старым, дореволюционным учебникам. Память и о провинциальном Бежецке он сохранил навсегда:

«Место моего детства <…> не относится к числу красивых мест России. Это — ополье, всхолмленная местность, глубокие овраги, в которых текут очень мелкие реки. Молота, которая была в свое время путем из варяг в хазары, сейчас около Бежецка совершенно затянулась илом, обмелела. Прекрасная речка Остречина, в которой мы все купались, — очень маленькая речка – была красива, покрыта кувшинками, белыми лилиями. <…> Так что же собственно, хранить, спросите вы меня, и для чего хранить. Вот на этот вопрос я и отвечу. Дело в том, что некрасивых мест на земле нет!.. Родной дом красив для всех. Я родился, правда, в Царском Селе, но Слепнево и Бежецк – это моя Отчизна, если не Родина. Родина — Царское Село. Но Отчизна не менее дорога, чем Родина. Дело в том, что я этим воздухом дышал и воспитался, потому я его люблю. Но скажите, что это, в конце концов, ваше личное дело, а зачем он нужен нам?

Этот якобы скучный ландшафт, очень приятный и

необременительный, эти луга, покрытые цветами, васильки во ржи, незабудки у водоемов, желтые купальницы – они некрасивые цветы, но очень идут к этому ландшафту. Они не заметны и очень освобождают человеческую душу, которой человек творит; они дают возможность того сосредоточения, которое необходимо, чтобы отвлечься на избранную тему <…> Вот поэтому дорого мне мое Тверское, Бежецкое Отечество. Потому, что именно там можно было переключиться на что угодно. <…> Ничто не отвлекало. Все было привычно и поэтому — прекрасно. Это прямое влияние ландшафта. Вероятно, другой ландшафт повлиял бы по-иному. Конечно, Байкал прекрасен. Я там в экспедиции был, по всем тогда еще незапакощенным местам прошел своими ногами. И, представьте себе, я ничего не могу сказать о Байкале. Это было слишком сильное впечатление. А вот впечатление слабое, впечатление ненавязчивое — оно дало возможность моим обоим родителям сосредоточиться на том, что их интересовало. <…>».

В отроческие годы Лёва Гумилёв даже сочинил стихотворение, посвященное своей любимой реке, где детально описал историю родного края:

Прекрасна ты, река Молога,
С твоею тихою водой,
На Волгу-матушку дорога
В дни старины еще седой.

<…>

Детские впечатления в зрелые годы сменились серьезными раздумьями и обобщениями: «Ландшафт, в котором этнос помещается, является частью этнической системы. Потому что, если я говорю о доме, родном доме, построенном собственными руками, как об элементе системы, то также я должен сказать и о поле, которое возделано самим членами этноса или их предками. Также о том лесе, который их окружает, о речке, в которой они ловят рыбу. Привычка, адаптация к ландшафту является составной частью тех самых системных связей, о которых я по мере возможности старался сказать в лекции. И самое интересное: есть такое явление — ностальгия, когда человек не может жить в чужом месте. Ландшафт действует принудительно, через биополе. Тот, кто привык жить в горах, не будет жить на равнине. Кто привык жить на островах, для того скучна монгольская степь. Должен сказать, что я горы терпеть не могу.

Обожаю степь и великолепно в ней ориентируюсь. А почему, я даже сказать не могу. Ведь мои предки жили здесь, в Петербурге, в Царском Селе, привычки никакой не было. Видимо, наши общие предки, предки отца и матери, жили в тех равнинных ландшафтах, которые создали определенный настрой биополя, благодаря которым мы предпочитаем открытые пространства закрытым: горным или даже лесным».

Бежецк, однако, обернулся для будущего создателя пассионарной теории не только идиллически-пасторальной стороной. Жизнь повсюду выстраивалась по безжалостным законам и требованиям. У сына расстрелянного классового врага оставалось очень мало шансов для достойного воплощения своих незаурядных талантов. Травля и запреты начинались со школы, организация которой в те времена строилась на принципах ученического самоуправления. Так вот, коллектив сверстников дружно проголосовал за лишение Льва Гумилёва (как классово чуждого элемента, сына «контрреволюционера» и представителя бывшего паразитирующего класса) полагавшихся каждому учебников. Трудно представить что–либо более циничное и беспощадное. Но разве те же самые учебники могли дать ответ на вопрос: почему такое происходило и как такое было возможно вообще?..

Ни тогда, ни потом он не понимал, как можно все нюансы исторического развития объяснить с точки зрения борьбы классов. Конечно, она была всегда (да еще какая!) — в любую эпоху, нынешняя — не исключение. Но ведь классовая борьба — всего лишь одно из проявлений движущих сил общественного развития, не все и не до конца объясняющее по существу. Взять, к примеру, походы и завоевания кочевых народов, создававших некогда на просторах Евразии мощнейшие империи, самым непосредственным образом влиявшие на ход мировой истории. При чем здесь классовая борьба? Откуда ей здесь вообще взяться? Развитие материального производства тоже не все объясняет, а если и объясняет, то далеко не лучшим образом. К примеру, возникновение почти что на пустом месте империи Чингисхана – какие тут, к черту, производительные силы и производственные отношения, которых здесь в классической форме и в помине не было!

Подобные вопросы возникали постоянно, но их даже обсудить было не с кем. Впрочем, один думающий человек на пути Льва Гумилёва все же попался. То был учитель литературы и обществоведения (того самого, которое толком ничего не могло объяснить) Александр Михайлович Переслегин (1891—1973). С любознательным воспитанником он занимался не только

историей, но и философией [11]. Матери Лёва писал о своем учителе: «Моя милая мама, это письмо передаст тебе Александр Михайлович Переслегин, это мой самый лучший друг. Для меня праздник, когда он приходит, мы говорим об истории и о пиратах. Я здоров, но так как я не люблю арифметику, она очень неинтересная, то ко мне ходит учительница, мы делаем задачи. Мы с товарищами устраиваем торговую компанию, главным образом марками если у тебя найдутся марки, то, пожалуйста, пришли мне.

Но торговля только подсобное занятие ферме и музею; ферма пока еще только в проекте, но музей на деле, я заведую музеем, у нас музей естествознания, мы собираем камни, насекомых, скелеты рыб и листья. Я увлекаюсь индейцами, и у нас создалось племя из четырех человек, в котором я состою колдуном, я вылечил вождя и тетю Шуру. Мы устраиваем индейскую войну солдатиками, которых делаем сами. Я ем через каждые два часа, как велел доктор.

Пожалуйста, приезжай на Пасху. Твой Лёва.

Христос Воскрес, милая мамочка, Александр Михайлович еще не уехал, и я поздравляю тебя».

Тогда же, воспользовавшись планируемой поездкой Лёвиного наставника в Москву, написала Анне Андреевне письмо и ее свекровь Анна Ивановна Гумилёва: «Аничка. дорогая моя! Хочу написать тебе хотя немного, чтобы ты приняла и оказала внимание подателю этого письма. А. М. Переслегину. Это очень хороший знакомый, а Лёва так считает его своим другом, старшим товарищем. Он пишет стихи, и ему ужасно хочется прочесть их тебе, чтобы узнать о них твое мнение. Но он стесняется и боится тебя беспокоить. Так ты будь такая милая, и сама в разговоре предложи ему прочесть тебе свои стихи. Надеюсь, что общая просьба не будет для тебя обременительна. <…>

Лёва эту зиму много хворал, около двух месяцев не ходил в школу; у него был бронхит очень сильный, который его сильно истощил, и теперь он принимает капли железа с мышьяком, а когда будет теплая погода, то доктор будет ему делать подкожное вспрыскивание мышьяка. <…>

Крепко, крепко тебя целую, моя дорогая, горячо любящая тебя мама А. Гумилёва.

Примечание. Письмо отправлено из Бежецка 21.IV. 1924 по адресу:

Ленинград, Казанская, 3, кв. 4. Анне Андреевне Ахматовой от Ан. Ив. Гумилёвой и от Лёвы Гумилёва».

Переслегину, и в первую очередь ему, будущий создатель

исторической школы этногенеза обязан многим и прежде всего осознанием того, что он НЕ ОДИНОК. Для человека, который определяется со всей своей будущей жизнью, это более чем важный факт. Спустя сорок лет ученый Л. Н. Гумилёв писал своему бывшему школьному учителю:

«<…> Закончил третью часть моей "Степной трилогии" — "Поиски вымышленного царства", т. е. царства пресвитера Иоанна (861—1312). Получился скорее трактат, нежели монография, но так будет интереснее. И еще, сдал в журнал "Природа" огромную статью "Этнос и этногенез как явление природы". Приняли! И то, и другое родилось из наших бесед, когда Вы уделяли глупому мальчишке столько времени и внимания. С 1928 г. моя мысль работала, будучи толкнута Вами. Сейчас я стар и в остром переутомлении от сверхнапряжений, но передо мной все чаще встают картины детства и Ваш светлый образ. Обнимаю Вас. Лёва».

Об упомянутых двух работах Гумилёва речь впереди. Сейчас важно другое: содержащиеся в них идеи в первом приближении обсуждались уже в конце 20-х годов XX столетия в далекой от университетских центров провинциальной глуши. И брошенные уже тогда семена попали на благодатную почву. В остальном же бежецкая школа мало что дала пытливому юноше, если не сказать — ничего. Дабы попытаться получить разрешение на учебу в университете или каком-либо другом высшем учебном заведении, ему пришлось уже в Ленинграде поступить в выпускной класс и заново пройти всю школьную программу. Через много-много десятилетий Лев Николаевич даст следующую оценку своему школьному прошлому: «Школьные годы — это жестокое испытание. В школе учат разным предметам, многие из них не вызывают интереса, но тем не менее необходимы, ибо без широкого восприятия мира, развитие ума и чувства невозможно. Если дети не выучили физику, то потом они не поймут, что такое энергия и энтропия; без зоологии и ботаники они пойдут завоевывать природу, что является самым мучительным способ видового самоубийства. Без знания языков и литературы теряются связи с окружающим миром людей, а без истории – с наследием прошлого. Но в двадцатых годах история была изъята из школьных программ, а география сведена до минимума. То и другое на пользу делу не пошло <…>».

А мысль начала предъявлять жесткие требования. Почему Пунические войны сделали Рим Вечным городом, и почему готы и вандалы легко его разрушили? В школе того времени вообще ничего не говорили ни о Крестовых походах, ни о Столетней войне между Францией и Англией, ни о Реформации и

Тридцатилетней войне, опустошившей Германию, а об открытии Америки и колониальных захватах можно было узнать только из беллетристики, так как большинство учителей-выдвиженцев имели об этом самое приблизительное представление. А вот стриженный наголо мальчишка, одетый в застиранную и штопаную-перештопаную одежонку, приходил в неописуемый восторг от мысленного соприкосновения с великими событиями истории, чувствовал неодолимое влечение к решению труднейших вопросов, на которые взрослые не знали ответа.

Во время одного из интервью, взятого у Л. Н. Гумилёва незадолго перед его кончиной, дотошный журналист спросил: «Вы помните, откуда к вам пришло увлечение историей?» Лев Николаевич загадочно улыбнулся и ответил: «Конечно. От Бога… Да мне не было еще и шести лет, когда я начал ею (историей. — В. Д.) интересоваться <…>». Приобщение к истории именно в детском возрасте имело колоссальное значение для становления мировоззрения будущей) ученого. В данной связи Лев Николаевич подчеркивал: «Если бы я с шестилетнего возраста 70 лет подряд не шел в одном направлении, то я бы ничего не успел».

Еще в одном интервью он заявил: «Мне не было еще и шести лет, когда я начал интересоваться историей. Сначала бабушка читала внуку разные книжки, "Илиаду", например, потом я и сам научился грамоте и стал читать гимназические учебники, которые, кстати, были очень неплохо составлены. В детстве я родителей почти не знал, образование получал из книг. Когда же попал в университет, а это было в 1934 году, оказалось, что у меня подготовка на уровне лучших студентов исторического факультета <…>.

Проще всего было не заниматься такими вопросами. Так и поступали большинство моих сверстников. Можно кататься на лыжах, плавать в уютной реке Мологе и ходить в кино. Это поощрялось, а излишний интерес к истории вызывал насмешки. Но было нечто более сильное, чем провинциальная очарованность. Это "нечто" находилось в старых учебниках, где события были изложены систематически, что позволяло их запоминать и сопоставлять. Тогда всемирная история и глобальная география превратились из калейдоскопа занятных новелл в стройную картину окружающего нас мира. Это дало уму некоторое удовлетворение. Однако оно было неполным. В начале XX в. гимназическая история ограничивалась Древним Востоком, античной и средневековой Европой и Россией, причем изложение сводилось к перечислению событий в хронологической последовательности. Китай, Индия, Африка, доколумбова

Америка и, главное, Великая степь Евразийского континента были тогда Terra incognita. Они требовали изучения»…

Письма из Бежецка отражали невеселые реалии Левиной жизни. Так, 4 июля 1924 года Анна Ивановна Гумилёва написала Анне Андреевне: «Дорогая Аничка! Сегодня Лёва пошел в школу за своим свидетельством об окончании 4 класса: переводе его в следующий класс, то есть теперь уже во вторую ступень. Но ему никакого свидетельства не выдали, а потребовали, чтобы он принес метрическое свидетельство. Он, бедняга, очень огорчился, когда узнал, что у меня нет его, и я сама пошла с ним в школу выяснить это дело. И мне тоже сказали, что нынче очень строго требуются документы и без метрики во вторую ступень не примут ни за что. Так что, голубчик, уже как хочешь и добывай сыну метрику и как можно скорее, чтобы Шура могла привезти ее с собою. А без нее он совсем пропадет, никуда его не примут. А когда будешь получать бумагу, то обрати внимание, чтобы, если он записан сын дворянина, то похлопочи, попроси, чтобы заменили и написали сын гражданина или студента, иначе и в будущем это закроет ему двери в высшее заведение… Любящая тебя мама». К счастью, и это неожиданно возникшее препятствие благополучно удалось преодолеть…

* * *

В школьные годы Лев подружился еще с одним, важным для его становления и развития человеком — Павлом Николаевичем Лукницким (1900—1973). В 20-е годы XX столетия этот начинающий писатель и поэт поставил перед собой благородную задачу — сохранить для потомства все, что относится к жизни и творчеству Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. На протяжении полувека он собирал документы, касающиеся расстрелянного Гумилёва, и вел дневник, где отмечал любые мало-мальски значимые события в жизни Ахматовой, с которой встречался регулярно, быстро став ее доверенным лицом. Подружился он и с Лёвой. Несмотря на двенадцатилетнюю разницу в возрасте, они сблизились в один из приездов Льва в Ленинград и потом, после возвращения Лёвы в Бежецк, состояли в регулярной переписке. Вот несколько отрывков из дневника Лукницкого от 1926 года:

«<…> Весь день провел с Лёвой. Он очень вырос — едва не выше меня ростом, но все еще такой же ребенок. Увлекается приключенческой литературой, мыслит наивно, далек от жизни и от понимания жизни. У него пытливо блуждающее воображение,

сильно развитая фантазия. И все же он развивается быстро: он спрашивает, он вступает в период первой переоценки ценностей. Он с безграничным доверием относится ко мне, он понимает, что я хочу разрушить его детские представления, именно потому что они — детские, но мир этих представлений еще владеет им, и он не может собственным пониманием преодолеть его. Поэтому он верит мне на слово — только на слово. И хорошо — пусть хоть так (пока). Важно заронить в его юный ум сомнения, важно вызвать борьбу противоречий. Надо, чтоб он захотел смотреть в себя и вокруг себя. Захочет смотреть — значит, увидит. Время и рост помогут ему разобраться во всем самому. Надо только незаметно направлять его на правильную дорогу.

Это было бы легко — живи он здесь… К сожалению, глухая провинция, Бежецк — неблагоприятная для быстрого и правильного умственного развития обстановка. Благодатно влияние Анны Ивановны — высокого духа, благостного и благородного человека. Увы — совсем не такова А. С. Сверчкова: лживая, лицемерная, тщеславная, глупая и корыстная женщина. Ее влияние, несомненно, исключительно вредно. Лёва — прекрасный мальчик — доверчивый, честный, прямой, добрый, талантливый… И врожденные хорошие качества — очень сильное противоядие против всяких трудных влияний. И по некоторым особенностям разговоров об А. С. Сверчковой я знаю, что Лёве многое отрицательное в ней понятно, и он очень критически (да, здесь он уже достаточно взрослый) относится к ней.

И все же страшно и больно, что такой человек, как А. С. Сверчкова, находится в непосредственной смежности с Лёвушкой и старается на него влиять. Лёва — робкий и тихий. Ему надо стать более мужественным, более внутренне самостоятельным, — иначе ему трудно будет бороться со всяким злом. <…>

Весь день сегодня провел с Лёвой, вечером хотел с ним пойти в театр, но всюду идет дрянь; пошли в кинематограф. Лёвка остался доволен. Проводив его домой, зашел к А[нне] А[ндреевне]. Часа полтора говорил с нею о Лёве; она очень тревожится за его судьбу, болеет душой за него <…>.

<…> Опять весь день — с Лёвой. В Эрмитаже осматривали залы рыцарей и оружие, Египет, древности. Показал камеи и геммы. Он никогда их не видел и был доволен, увидев».

Немало важных биографических деталей содержится и в доверительных письмах Льва к Лукницкому: «Дорогой Павел Николаевич, очень я был рад получить Ваше интересное письмо, с рассказом "На Дельфинчике" и с большим удовольствием прочитал его. Как бы я хотел быть там вместе с Вами. Как я завидую Вам!

Лето я провел довольно хорошо, много купался и научился нырять в длину 2—3 сажени, а в глубину 1—2 с., немножко пожарился на солнце и немного загорел. Я ходил купаться с одним учителем, очень милым молодым человеком, и с его братом студентом. Очень приятно проводили время: купались, жарили шашлык. Он большой поклонник папиных стихов и читает наизусть отрывки из "Гондлы" (стихотворная драма Н. Гумилёва. — В. Д.).

Он дал нам книгу Родзянко "Крушение империи", мы читали ее вслух. Наконец я дождался осени и мы с бабушкой отправились в Петроград, к маме. Я так мечтал увидеть Вас, Павел Николаевич, мечтал погулять с Вами, но был очень огорчен, узнав о Вашем отъезде. Мы с мамой много гуляли, были в кино и в музее, и время шло у меня незаметно. Теперь я жду не дождусь поехать опять в Петроград и на этот раз, наверно, встречу Вас и прочитаю Вам мои рассказы.

Теперь я пишу повесть в Хаггардовском стиле и пытаюсь написать нечто вроде драмы в стихах, из рыцарских времен в Бретани. Мелких стихотворений у меня нет, за исключением "Битвы при Люцене", которую я не посылаю Вам. Я знаю, что оно очень несовершенно, но не хочу его переделывать, лучше написать новые.

Дорогой Павел Николаевич, мне очень совестно пользоваться Вашим любезным предложением насчет книг, но все-таки, если Вас не затруднит, пришлите мне народного героического эпоса, например, «Песнь о Роланде», "Песнь о Нибелунгах", "Поэму о Сиде", "Оссиана" и т.п. Теперь я наслаждаюсь "Словом о полку Игоря".

Теперь напишу Вам о своем здоровье. Я сильно заболел, у меня была желтуха, и у меня 4 раза был доктор, он посадил меня на строгую диету и заставил пить противный боржоми и еще более противную микстуру. Но вот я стал поправляться и вдруг опять заболел. Доктор велел везти меня на просвечивание и даже предсказывал операцию. Тетя Шура и бабушка очень испугались, а мне было очень интересно, но, кажется, все прошло. Я чувствую себя хорошо и хожу в школу.

Теперь я изучаю стихосложения и довольно хорошо разбираюсь в хореях и ямбах. Надеюсь достать у знакомого учителя монтекристо (мелкокалиберная винтовка или пистолет. — В. Д.) и поучиться стрелять, я умею обходиться с монтекристом. В кино я хожу 1 раз в месяц, чтобы это не мешало моим школьным занятиям, скоро у нас пойдет американская картина в 3 сериях, я пойду на нее и тогда не буду ходить 3 месяца. Бабушка и тетя Шура передают Вам свой привет. Когда

увидите маму, поцелуйте ей за меня ручку. Ваш Лёва.

P. S. Почему А. К. Толстой считается плохим поэтом? Лёва»

В другой раз Лёва писал П. Н. Лукницкому: «Дорогой Павел Николаевич. Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю Вам всего лучшего. У меня наступают каникулы, и наши девочки уезжают в деревню. Как было бы хорошо, если бы Вы с мамой приехали к нам на Рождество, у нас превосходные горы и равнины для лыж. Теперь я увлекаюсь путешествиями по снегам на своих скороходных лыжах.

Стихов я уже давно не писал, нет настроения, ведь это Вы вдохновили меня тогда, я написал несколько стихотворений, которые посылаю Вам. Мне как начинающему особенно было интересно узнать, какого мнения о них мама, но из ее слов я понял, что из меня ничего хорошего не выйдет.

Видя, что в поэты я не гожусь, я решил со стихами подождать, я сам понимаю, что я должен писать или хорошо или ничего. А без писания скучно. На праздниках я собираюсь писать рассказ "Приключения Коли в стране математики". У меня есть много тем для романов: "Атлантида", "Подземное царство", "Новый астероид". Еще не знаю, на чем я остановлюсь.

Я очень рад, что у меня благополучно кончились зачеты, приходилось много работать. В награду за это тетя Шура позволила мне выбрать любую книгу из своей библиотеки. Я в большем затруднении: хорошую книгу взять стыдно, худую не хочется.

Я очень часто вспоминаю Вас и жалею, что мы далеко друг от друга. Как подвигается Ваша работа? Много ли удалось Вам собрать новых сведений для биографии (отца — Николая Гумилёва. — В. Д.)?

Крепко жму Вашу руку. Искренне любящий Вас Лёва».

О житье-бытье в Бежецке, о немногих радостях и многих заботах в очередной раз подробно информировала Анну Ахматову Левина бабушка в письме от 11 марта 1926 года: «Аничка, дорогая моя! Сердечно благодарю тебя за присланные деньги и прошу извинить меня, что раньше не сделала этого. Всякий день все собиралась писать тебе и никак не могла собраться. Утро в работе по хозяйству, а после обеда лягу отдохнуть да и просплю до чаю. Ужасно, какое тяжелое время стоит! Все хворают. Головная боль, насморк и кашель. Лёва с неделю не ходил из-за этого в школу. А у меня при этой пустяшной болезни еще и сильная слабость была. Но теперь опять все налаживается, Лёва ходит в школу, я бодрее исполняю свою работу, а Шура хотя и чувствовала себя неважно, но все-таки не переставала ходить на занятия. Теперь самое худшее у нас время! Снегу масса, он

начинает таять, и в валенках ходить нельзя, а в кожаных сапогах так скользко, что все падают.

У Лёвы теперь идут зачеты и часты классные работы, 1-го апреля — конец трети. Он очень боится за математику, ни я, ни Шура не можем ему помочь, а наша соседка, которая ему раньше помогала, теперь хворает сама, и ее маленький болен, так что Лёве приходится самостоятельно справляться с алгеброй и геометрией. Ему обещано, если по всем предметам в эту треть будет благополучно, то поехать к Вам в Петроград во время весенних каникул. Только еще неизвестно, когда начнутся каникулы, раньше говорили, что они будут с 1 апреля на две недели, а уже сегодня сказали, что отпустят только на 10 дней с 24 апреля, значит Страстная и три дня Пасхи! Уже это совсем плохо! Вряд ли удастся наша поездка, а так хотелось бы повидать Вас, моя дорогая, тебя и Котю. Ты как-то написала в Лёвином письме, что хлопочешь о моем деле, а не написала, о каком: о доме или Колиных книгах? Может, вздумаешь нам написать, так напиши, пожалуйста, об этом. Я рада, что ты поправилась, моя родная, чтобы не простудиться, весенняя простуда самая худшая! Шура и Лёва тебя крепко целуют, сейчас они уже спят, уже двенадцатый час ночи. Крепко, крепко тебя целую и еще раз благодарю за память и заботу. Горячо и неизменно любящая тебя — Мама».

Лёвино письмо к Лукницкому дополняет бабушкин сказ: «<…> Я все ждал от Вас письма. Тетя Шура мне сказала, что Вы хотели вскоре мне написать. Конечно, я сам должен был написать, но так случилось, что все это время у меня было очень много дела, особенно когда заболела бабушка. Тут я запустил уроки, и нужно было догонять, делать доклады, писать сочинения и себе, и товарищам, которые объясняли мне пропущенные. Я не знаю, как, но у меня никогда нет свободного времени: с утра работаю по хозяйству, пришлось много возиться с дровами; потом учу уроки, в 12 ч иду в школу, а возвращаюсь около 7 часов. Теперь даже в кино некогда пойти».

Уже в ту пору Лев Гумилёв мечтает издавать когда-нибудь *свой* журнал и на полном серьезе обсуждает с П. Н.Лукницким и матерью его название. Сам «будущий главный редактор» предлагал заглавие «Одиссея приключений», но Анна Андреевна раскритиковала: дескать, не по-русски звучит Лукницкий предложил свой вариант — «Звериная толпа» Понравилось больше, хотя тоже непривычно. Однажды Ахматова призналась Павлу Николаевичу, что не считает Лёву «*обыкновенным мальчиком* ». Значит, уже тогда предвидела *звездность* его судьбы! И как-то произнесла задумчиво: «Неужели тоже будет

поэт?..»

Глава 2
КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ПАССИОНАРИЯ

В 1929 году 17-летний Лев Гумилёв приехал в Ленинград и поселился у матери в прославленном ею (а теперь уже и обессмерченном) Фонтанном доме, на квартире, формально принадлежавшей ее третьему (гражданскому) мужу Николаю Лунину. Здесь же проживала его бывшая жена Анна Евгеньевна Арене с дочкой Ирой. Все комнаты большой (и по существу коммунальной) квартиры, где теперь находится Мемориальный музей-квартира Анны Ахматовой, были заняты. Лёве выделили место в тупиковом конце длиннющего неотапливаемого коридора. Здесь он спал на сундуке и занимался по ночам, сидя за маленьким столиком. Хозяин квартиры — Н. Н. Пунин — относился к юноше отстраненно (если не сказать враждебно), видя в нем «лишний рот» и сына Николая Гумилёва — человека, которого никогда не любил, ни при жизни [12], ни после смерти. Но приходилось терпеть ради своей гражданской жены, с которой отношения также складывались не лучшим образом.

Через много десятилетий Л. Н. Гумилёв совершенно беспристрастно и объективно оценивал свое положение в новой семье матери: «Когда я кончил школу, то Пунин потребовал, чтобы я уезжал обратно в Бежецк, где было делать нечего и учиться нечему и работать было негде. И мне пришлось переехать к знакомым, которые использовали меня в качестве помощника по хозяйству — не совсем домработницей, а так сказать носильщиком продуктов. Оттуда я уехал в экспедицию, потому что биржа труда меня устроила в Геокомитет. Но когда я вернулся, Пунин встретил меня и, открыв мне дверь, сказал: "Зачем ты приехал, тебе даже переночевать негде". Тем не менее меня приютили знакомые, а затем, когда шла паспортизация, Пунин разрешил прописаться у него, хотя я жил на свою очень скромную зарплату совершенно отдельно». В дальнейшем, вспоминал Л. Н. Гумилёв, «Пунин забирал себе все мамины пайки (по карточкам выкупая) отказывался меня кормить даже обедом, заявляя, что он «не может весь город кормить, т. е. показывая, что я для него совершенно чужой и неприятный человек».

Трудно сказать, о чем в те годы больше мечтал молодой Лев Гумилёв — о карьере ученого-историка или же профессионального поэта. Тем не менее уже в 1930 году он

решил: «И все-таки я буду историком!» Стихи же Льву очень хотелось писать не хуже, чем отец. Собственные стихотворные опыты действительно, иногда казались ему (да и другим тоже) похожими на отцовские. Он совершенно свободно чувствовал себя среди маститых авторов, в той литературной среде, где в нем самом, в свою очередь, видели наследника и хранителя традиций двух великих поэтов — Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. Именно данное обстоятельство впоследствии открыло ему дверь в квартиру и семью Осипа Мандельштама, с которым юный поэт быстро сблизился и подружился. Иногда общепризнанный мэтр даже удостаивал похвалы ту или иную строку в ученических пока что стихах своего молодого друга (А еще Мандельштам говорил: «Лёва Гумилёв может перевести "Илиаду" и "Одиссею" в один день».)

Сама Анна Андреевна в ту пору стихов писала мало, читала их еще реже. Но всякий раз из-под ее пера выходили гениальные строки:

О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые руки припадут.

О, знала ль я, когда неслась, играя.
Моей любви последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза.

О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную Судьбу,
Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу…

Вторая строфа посвящена первому мужу — отцу Льва Николаю Гумилёву, о котором поэтесса помнила до конца своих дней. О сыне она тоже помнила постоянно, но самые трагические стихи, обращенные к нему, были еще впереди. Анна Андреевна, как Кассандра (так ее, как мы помним, называл Мандельштам), предвидела тяжкий крестный путь обоих, осознавая при этом, что поэзия в принципе не может существовать без личной голгофы. «*<…> Без палача и плахи / Поэту на земле не быть* », — обреченно констатировала Ахматова, но истинную трагедийность

этих страшных строк можно ощутить в контексте всего стихотворения:

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась
Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.

Путь в высшее учебное заведение сыну дворянина и «контрреволюционера» по-прежнему был закрыт, и по окончании школы Лев через биржу труда устроился чернорабочим в трамвайное депо, затем — в геологический институт, что позволило ему с наступлением весны отправиться в геологическую экспедицию, занимавшуюся поисками слюды в окрестностях Байкала. О тех днях сохранились записи близкой подруги Льва Гумилёва Анны Дмитриевны Дашковой (1911—2002), трудившейся вместе с ним в экспедиции по существу в качестве чернорабочей. Еще в Ленинграде их сблизила любовь к стихам Николая Гумилёва. «Лёва боготворил отца, — вспоминает Дашкова, — и едва я успевала произнести название стихотворения или поэмы, как он сразу же начинал читать наизусть любое произведение до конца. Читал он нараспев, но не монотонно, а очень выразительно, хотя и тихо, меняя тональность в зависимости от сюжета произведения. Так он читал поэму "Капитаны"».

В экспедиции, рассказывает Дашкова, обращала на себя внимание одежда Лёвы: черный картуз с надломленным козырьком, по его выражению «приказчицкий», поверх которого он надевал накомарник; весьма потертый пиджак с выцветшей «штормовкой» под ним; схожие с пиджаком брюки; и видавшие виды кирзовые сапоги. Но самым примечательным был брезентовый плащ. Он был явно не по росту, но чем-то нравился Лёве, возможно, сходством с армейской шинелью. По мнению окружающих, отличительной особенностью характера Лёвы было

какое-то удивительное пренебрежение к опасностям, возникавшим во время трудных переходов или сложных переправ через реки. Вздувшиеся от дождей, нередко заливавшие берега, быстрые горные реки не вызывали в нем страха — только стремление к преодолению. И это – при отсутствии у Лёвы элементарной спортивной тренировки. Тут проявлялось какое-то особое свойство его индивидуальности. По существующим правилам при переходе вброд полноводной реки надо брать направление к другому берегу выше по течению, дабы не быть снесенным много ниже. Переходили реки или верхом на лошади, или пешком, но обязательно подстраховываясь палкой. Лёва же, всегда в отрыве от группы, шел напрямик. Это вызывало общую тревогу, и, перебравшись на противоположный берег, члены экспедиции во всю прыть бежали вниз по течению «ловить Льва», при этом вглядываясь, не маячит ли его голова в бурном потоке реки. Но нет, все обходилось благополучно.

В Прибайкалье, отмечает мемуаристка, Лёву привлеку романтика длинных переходов, смена ландшафтов, контрасты рельефа. Он был рассеян на маршрутах, обычно сопровождаемый преданным псом Яшкой, но добросовестно выполнял все задания. Иногда он тихо, как бы про себя, читал стихи — стихи отца, но и незнакомые, возможно, собственные, навеянные красотой природы, отрешенностью от обыденного, покоем души. Порой Лёва выдавал «экспромты» на злобу дня.

По свидетельству Дашковой, особенно интересно было слушать рассказы Лёвы у вечернего костра. Фантазия, как– то особенно правдиво выдававшаяся им за быль, была необыкновенно привлекательной и временами таинственной. Однако по душе Лёве были не многолюдные сборища, а узкий круг собеседников — два, три, максимум четыре человека. Он очень отличался от своих молодых коллег широкой осведомленностью по многим вопросам, особенно в области литературы, выделялся также и воспитанием, хотя внешне выглядел простаком. Случались и споры, но быстро оценив уровень знаний собеседника, если они оказывались «на равных», что бывало редко, Лёва горячо и даже в резких тонах отстаивал свое мнение, в других же случаях бывал корректен со спорящим и необидно снисходителен.

После экспедиции, когда Лев попеременно жил то в Москве, то в Ленинграде, он написал Ане Дашковой несколько писем. Их содержание лучше всего раскрывает истинный характер их отношений: «Анжелика — солнце очей моих. Мне страшно интересно, живы ли Вы, не истребили ли Вас басмачи или малярия. Напишите мне. Я ходил к Вам, но Вы были еще в пути.

Счастливая! А моя дорога проходила по крымским сопкам, которые похожи на бородавки, и на которых скучно, как на уроке политграмоты. Сейчас я процветаю в столице и занимаюсь литературой, т. е. перевожу стихи с подстрочников национальных поэтов. По правду говоря, поэты эти о поэзии и представления не имеют, и я скольжу между Сциллой и Харибдой, то страшась отдалиться от оригинала, то ужасаясь безграмотности гениев Азии.

Надеюсь, что Вы мне напишете, и тогда, я, будучи уверен, что Вы живы, посвящу Вам наименее плохой перевод. Вы мне также напишите, если захотите меня увидеть. Весну я встречаю в Летнем Саду.

Адрес. Москва Нащокинский пер. № 5 кв. 26. Мандельштам. Для Л. Н. Г. По этой одной фамилии можете себе представить, сколь счастлив я, находясь в самой гуще "порядочной" литературы, но получив Ваше письмо, я буду счастлив еще больше и поспешу обратно, дабы поцеловать Ваши ручки. Leon.

P. S. Не вышли ли Вы замуж? L».

В следующем письме Гумилёв еще более откровенен: он выражает надежду на скорое свидание, а в стихотворной форме еще и на то, «чтоб без конца целовать читающий рот» своей подруги…

* * *

Экспедиции в жизни Гумилёва следовали одна за другой. Об одной из них ученый впоследствии рассказывал не без юмора журналисту: «По возвращении в Ленинград <…> меня устроили в экспедицию в Таджикистан. Но дело в том, что мой новый начальник экспедиции — очень жесткий латыш — занимался гельминтологией, т. е. из животов лягушек извлекал глистов. Мне это мало нравилось, это было не в моем вкусе, а самое главное — я провинился тем, что, ловя лягушек (это была моя обязанность), я пощадил жабу, которая произвела на меня исключительно хорошее впечатление, и не принес ее на растерзание. За это был выгнан из экспедиции, но устроился там малярийным разведчиком и целых 11 месяцев жил в Таджикистане, изучая таджикский язык. Научился я говорить там довольно бодро, бегло, это мне принесло потом большую пользу. После этого, отработав зиму опять-таки в Геологоразведочном институте, я по сокращению штатов был уволен и перешел в Институт геологии на Четвертичную комиссию с темой уже мне более близкой —

археологической».

Вот тогда и представилась возможность поучаствовать в раскопках палеолитической стоянки первобытного человека в Крыму. Труд рутинный, неквалифицированный чисто механический: задача — в ледяной воде отмывать кости и кремневые орудия, добытые в крымских пещерах. Как выразился впоследствии сам Л. Н. Гумилёв, — «работа по существу, посудомойки». Потом Гумилёв принял участие в Саркельской и Манычской археологических экспедициях выдающегося ученого Михаила Илларионовича Артамонова (1898—1972), занимавшегося в то время историей Хазарского каганата. Причем поехал, как принято выражаться, «за свой счет»: в штатное расписание его не включили, и пришлось наниматься в разнорабочие уже на месте. Участие в археологических экспедициях приносило в первую очередь моральное и интеллектуальное удовлетворение. Одновременно юноша получал и некоторую материальную самостоятельность. Заработанные деньги (пусть небольшие!) позволяли жить вполне независимо от матери и отчима.

Он часто бывал в Москве. Здесь (как, впрочем, и в других местах) у него постоянно появлялись подруги. Среди них и будущий литературовед Эмма Герштейн (1903—2002). С ней Лев познакомился через Мандельштамов, и дружба эта вскоре переросла в интимную связь. Неровная и под конец односторонняя любовь продолжалась много лет. На протяжении долгого лагерного срока Эмма Герштейн оставалась постоянной корреспонденткой Льва Гумилёва, очень надеялась после его освобождения стать его женой, но этого не произошло, поскольку, судя по всему, Лев Николаевич не видел в своей, в общем-то верной подруге того человека, с которым мог бы связать свою судьбу на всю оставшуюся жизнь. На склоне лег (а прожила она без малого сто лет) Эмма написала и опубликовала очень подробные, весьма откровенные и исключительно субъективные воспоминания, где в каждой строчке чувствуется затаенная обида и на Льва Николаевича, и на не сложившуюся собственную личную жизнь.

Мемуары так и называются — «Лишняя любовь». Тем не менее здесь приводятся факты, о которых можно узнать только из записок Эммы Герштейн (другие источники отсутствуют, к тому же к воспоминаниям приложены подлинные письма Гумилёва, которые конечно же каждый вправе понимать и трактовать по-своему). На протяжении многих лет и в самые трудные годы жизни мемуаристка оставалась также доверенным лицом и другом Анны Андреевны Ахматовой и, кроме того, Осипа и

Надежды Мандельштам. Им, кстати, и посвящена большая часть ее воспоминаний. На квартире Мандельштамов, где Лев Гумилёв по обыкновению останавливался во время приездов в Москву, и произошло его сближение с Эммой. Но она и раньше слышала о молодом ученом:

« <…> Еще одной новостью в быте Мандельштамов были свежие рассказы Нади об Ахматовой и ее сыне, о том, как они сидят рядышком, как "два голубка". <…> У Нади уже был готовый рассказ о Лёве: он сосредоточен на проблемах древней русской истории, знает предмет, как ученый, круг его интересов восходит, по-видимому, к Хомякову, девочками совершенно не интересуется. Обожает мать». (Вообще-то утверждение относительно того, что импозантный юноша равнодушен к женскому полу, являлось приятным заблуждением.) Позже подруга скажет жестоко, но верно: «<…> Я была потрясена зрелищем его жизни, в которой ему не было предусмотрено на земле никакого места». И еще: «<…> Вспоминала о благородстве, с каким Лёва нес убожество своей жизни заживо погребенного… Он ушел от меня только утром. А в сердце у меня на многие годы осталась память о вырвавшихся у него, как сокровенный вздох, словах "мой папа"… <…> Я любила его. <…> Я любила его мысль, высказываемую всегда с изящным и своеобразным лаконизмом, унаследованным от матери, его мужественную, как у отца, поэтическую взволнованность, благородство, с каким он нес свое тяжкое бремя, сравнимое с исторической судьбой преследуемых малолетних претендентов на престол. Я жалела его и про себя называла почему-то по-французски victime ("жертва") <…>».

Интимная связь молодых людей продолжалась не менее четырех лет. Гумилёв посвятил своей подруге несколько стихотворений, и первым среди них было:

Земля бедна, но тем богаче память,
Ей не страшны ни версты, ни года.
Мы древними клянемся именами,
А сами днесь от темного стыда
В глаза смотреть не смеем женам нашим,
Униженный и лицемерный взор
Мы дарим чашам, пьяным винным чашам,
И топим в них и зависть и позор.

В ту пору Эмма Герштейн служила в Центральном бюро

секции научных работников ВЦСПС, и у практичной Нади Мандельштам возникла идея — посодействовать сыну Анны Ахматовой в приеме в члены профсоюза. Это позволило бы ему найти постоянную работу (до сих пор Льва как «лишенца» брали только на временную и сезонную). В профсоюзной вотчине и произошло знакомство будущих любовников. Возвращаясь к началу знакомства со Львом, Эмма описывает их первую встречу так:

«Приблизительно в октябре в Бюро пришел молодой человек, рассеянный, независимый, с рюкзаком за плечами. Назвав меня по имени-отчеству, представился: «Лев Гумилев». Внешне он мало выделялся в общей массе научных работников с периферии, которые постоянно толпились в Бюро. Сообщив некоторые необходимые сведения о себе, он спросил меня на прощание с инфантильной легкостью: «Хотите конфетку?» — и бросил на стол леденец. Когда дня через два он уехал, а я пришла к Мандельштамам, Надя поспешила мне передать его небрежный отзыв обо мне: «Обыкновенная делопутка». Таков был сын казненного Гумилева в роли просителя. Тем не менее я очень рьяно взялась за его дела <…>». (К слову сказать, попытка укрепить социальный статус юноши за счет профсоюзного билета не увенчалась успехом.)

Несмотря на более чем 20-летнюю разницу в возрасте, между Осипом Мандельштамом и Львом Гумилёвым сложились непринужденные отношения. Снова рассказывает Эмма Герштейн: «"Где мой дорогой мальчик?" — восклицал Осип Эмильевич, не заставая Лёву дома. Он почти не расставался с ним, они постоянно куда-то убегали вместе. <…> Он привел с собой Лёву в Госиздат, где по окончании рабочего дня читал нескольким собравшимся — редакторам и авторам — "Разговор о Данте". "Интересно было?" — спросила я Лёву. "Очень". — "Хорошо прошло?" — "Замечательно".– "Обсуждали?" — "Нет". — "Почему же?" — "Никто ничего не понял. И я тоже ничего не понял". — "Так что ж хорошего?" — "Все равно интересно". В другой раз вернулись домой оживленные и возбужденные: только что заходили к Клюеву. Осип Эмильевич цитировал его стихи и показывал, как гордо Клюев читал их. Широкие рукава рубахи надувались, как воздушные шары, казалось, Клюев плывет под парусами <…>».

Гумилёв и Мандельштам на равных обсуждали проблемы стихосложения и литературоведения, оба настойчиво и азартно ухаживали за молодой, талантливой, но замужней поэтессой Марусей Петровых. Благосклонности и искомого успеха здесь добился более опытный и настойчивый Мандельштам,

посвятивший предмету своего очередного обожания одно из лучших своих интимных стихотворений: «*Мастерица виноватых взоров, / Маленьких держательница плеч, — Усмирен мужской опасный норов, / Не звучит утопленница речь <…>*». Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна доживали в кооперативном писательском доме в Нащокинском переулке. Здесь Лев познакомился и подружился с другими писателями и поэтами, особенно с Сергеем Клычковым (1889—1940) — колоритной личностью из когорты так называемых «крестьянских поэтов», группировавшихся некогда вокруг Сергея Есенина и Николая Клюева. На квартире Клычкова Лев Гумилёв тоже останавливался. Некогда Клычков был знаком с отцом Льва — тот беспощадно критиковал стихи в ту пору еще начинающего «крестьянского поэта». Теперь же он, несмотря на запрет самого имени Николая Гумилёва, продолжал хранить к нему высочайшее поэтическое уважение. Чего не скажешь о других: однажды «на огонек» к Клычкову заглянул случайный гость, но, услышав при представлении Льва фамилию Гумилёв, остолбенел и тотчас же попятился к входной двери.

В Нащокинском переулке, в присутствии Анны Ахматовой, произошел и арест Осипа Мандельштама — как известно, из-за написанной им знаменитой нынче антисталинской сатиры:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца, —
Там припомнят кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
……

Что ни казнь у него, — то малина
И широкая грудь осетина.

Мандельштам конечно же понимал, что обрек себя на жестокую месть властей, преследования и возможную скорую смерть. Он читал свои крамольные стихи только устно и просил всех (умолял даже) не делать никаких записей. Тем не менее стихи быстро распространились по Москве, Ленинграду, другим крупным городам страны. В следственном деле, вскоре заведенном на Льва Гумилёва после ареста, также оказался подшитым листок с мандельштамовским стихотворением, собственноручно записанным молодым арестантом. Что это? Крамольные стихи он конечно же знал наизусть, но следователь-изувер заставил его воспроизвести их на бумаге…[13]

К тому времени в жизни Льва Гумилёва произошло знаменательное событие — осенью 1934 года его на исторический факультет Ленинградского университета. Но радость оказалась преждевременной. 1 декабря того же года был убит руководитель ленинградской парторганизаций секретарь ЦК ВКП(б) Сергей Миронович Киров. Вскоре в городе, а затем и по всей стране начались репрессии. Сам Лев Николаевич оценивал трагические события так: «И вдруг случилось общенародное несчастье, которое ударило по мне, — гибель Сергея Мироновича Кирова. После этого в Ленинграде началась какая-то фантасмагория подозрительности, доносов, клеветы и даже (не боюсь этого слова) провокаций…»

Именно в этот роковой 1934 год он написал провидческое стихотворение, где изобразил самого себя на голгофе. Недалекое кровавое будущее и грядущие массовые репрессии он описал от лица стрельца, выведенного на казнь после Стрелецкого бунта 1698 года, жестоко подавленного Петром I. Этот безымянный стрелец, избитый на дыбе кнутом и до костей обожженный раскаленными клещами в пыточном подвале, — ОН САМ:

Мглистый свет очей во мгле не тонет.
Я смотрю в нее, и ясно мне:
Видно там, как в пене бьются кони,
И Москва в трезвоне и огне.

Да, настало время быть пожарам
И набату, как случалось встарь,
Ибо вере и законам старым
Наступил на горло буйный царь.

Но Москва бессильней крымских пленниц
На коленях плачет пред царем.

И стоит гигант-преображенец
Над толпой с кровавым топором.

Мне от дыбы страшно ломит спину,
Колет слух несносный скрип подвод,
Ибо весь я страшно отодвинут
В сей суровый и мятежный год.

Православный люд в тоске и страхе
Смотрит на кровавую струю,
И боярин на высокой плахе
Отрубает голову мою.

Комсомольской ячейке истфака давно не давало покоя дворянское происхождение Льва Гумилёва и «контрреволюционная» легенда, связанная с именем его отца. Студенты однокурсники вынесли постановление: сын врага революции и советской власти не достоин учиться в советском вузе. На склоне лет Л. Н. Гумилёв вспоминал: «Собственно говоря, я начал испытывать гонения на себя с момента поступления в университет. До этого меня просто не замечали и я жил как бы на общих основаниях, за тем исключением, что не мог поступить на работу по своей любимой специальности: меня туда просто не брали. <…> Когда же я решил поступать в университет и учиться истории, то довольно быстро обнаружилось дурное ко мне отношение, хотя никаких поводов для него я никому не давал. Неудовольствие вызывало мое происхождение, моя генеалогическая линия »

К нему придирались даже на строевой подготовке. Достаточно было несколько раз сбиться с шага, как военрук злобно заявил, что студент Гумилёв умышленно дискредитирует Красную армию. Его исключили, выдав характеристику, с которой продолжение учебной или научной карьеры было просто немыслимо: «<…> Л. Гумилёв за время пребывания на истфаке из числа студентов исключался, и после восстановления часто академическая группа требовала его повторного исключения. Гумилёв как студент успевал только по специальным дисциплинам, получал двойки по общественно-политическим дисциплинам (ленинизм) вовсе не потому, что ему трудно учиться по этим дисциплинам, а он относился к ним, как к принудительному ассортименту к обязанностям, которых он не желает выполнять. Во время избирательной кампании в их группе

делался доклад о биографии тов. Литвинова, Гумилёв вел себя вызывающе, подсмеивался, подавал реплики, вообще отличался крайней недисциплинированностью».

В августе 1935 года последовал арест[14].

Арестовали его вместе с Пуниным. У того на квартире частенько собиралась по вечерам разношерстная публика. Застолье – хотя и скромное, но с обязательными горячительными напитками – почти всегда сопровождалось откровенными и неосторожными разговорами на политические темы. Как происходил арест Пунина, хорошо известно из хрестоматийного стихотворения Анны Ахматовой (сказанное в нем, кроме предпоследней строчки, можно с полным основанием отнести и к сыну):

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки.
Смертный пот на челе… не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

Обвинения гражданскому мужу и сыну предъявлялись нешуточные. Льву приписывались монархические симпатии, что напрямую увязывалось с идеологическими взглядами расстрелянного отца. А на Пунина поступил еще более опасный донос: якобы после убийства Кирова он во всеуслышание заявил: «Убивали и убивать будем…» (что вполне соответствовало его озлобленности на советскую власть и нескрываемым антисоветским настроениям). Кроме того, в присутствии ряда свидетелей он демонстрировал, как можно совершить покушение на Сталина с помощью автоматического спуска фотоаппарата. (Вообще-то на подобные далеко не безобидные и не выдуманные «сигналы» обязаны реагировать спецслужбы любого государства и во всякие времена; современная борьба с терроризмом — не исключение.)

Анна Андреевна незамедлительно поехала в Москву. Искренне сочувствовавшие московские писатели (Лидия Сейфуллина, Борис Пильняк и Борис Пастернак) помогли составить и, что еще более важно, передать через комендатуру Кремля письмо на имя И. В. Сталина (заявление Ахматовой

попало к нему прямо на стол). В письме[15]

говорилось: «Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович, зная Ваше внимательное отношение к культурным силам страны и в частности к писателям, я решаюсь обратиться к Вам с этим письмом. 23 октября, в Ленинграде арестованы Н.К.В.Д. мой муж Николай Николаевич Пунин (профессор Академии художеств) и мой сын Лев Николаевич Гумилёв (студент Л.Г.У.).

Иосиф Виссарионович, я не знаю, в чем их обвиняют, но даю Вам честное слово, что они ни фашисты, ни шпионы, ни участники контрреволюционных обществ. Я живу в С.С.Р. с начала Революции, я никогда не хотела покинуть страну, с которой связана разумом и сердцем. Несмотря на что стихи мои не печатаются и отзывы критики доставит мне много горьких минут, я не падала духом; в очень тяжелых моральных и материальных условиях я продолжала работать и уже напечатала одну работу о Пушкине, вторая печатается.

В Ленинграде я живу очень уединенно и часто подолгу болею. Арест двух единственно близких мне людей наносит мне такой удар, который я уже не могу перенести. Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, вернуть мне мужа и сына, уверенная, что об этом никогда никто не пожалеет. Анна Ахматова. 1 ноября 1935 года».

Письмо аналогичного содержания отправил И. В. Сталину и Борис Пастернак: «Дорогой Иосиф Виссарионович! 23-го октября в Ленинграде задержали мужа Анны Ахматовой, Николая Николаевича Пунина, и ее сына, Льва Николаевича Гумилёва. Однажды Вы упрекнули меня в безразличии к судьбе товарища. (Речь идет об известном телефонном разговоре со Сталиным о судьбе арестованного Мандельштама. — В. Д.) Помимо той ценности, какую имеет жизнь Ахматовой для нас и нашей культуры, она мне еще дорога и как моя собственная, по всему тому, что я о ней знаю. С начала моей литературной судьбы я свидетель ее честного, трудного и безропотного существования. Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, помочь Ахматовой и освободить ее мужа и сына, отношение к которым Ахматовой является для меня категорическим залогом их честности. Преданный Вам Б. Пастернак».

Обращения к Сталину возымели действие. На письме Анны Ахматовой вождь наложил собственноручную резолюцию: «т. Ягода. Освободить из-под ареста Н. Н. Пунина и Л. Н. Гумилёва и сообщить об исполнении. И. Сталин». Об исполнении Сталину доложили очень скоро: уже в ноябре Пунина и Гумилёва освободили из заключения, и Льва ненадолго восстановили на истфаке ЛГУ. Сам он впоследствии так рассказал о перипетиях своей дальнейшей судьбы: «Пунин вернулся на работу, а меня

(снова. — В. Д.) выдворили из университета. В ту зиму я страшно голодал. Весной на одном из университетских экзаменов я упал, потеряв сознание от голода. В университете меня восстановил тогдашний его ректор. Им в ту пору был независимо мыслящий ученый — профессор Михаил Семенович Лазуркин. В июне 1937 года его арестовали, а скоро забрали и его жену — старую большевичку Дору Абрамовну Лазуркину. Судьба Лазуркина сложилась печально. Он был застрелен следователем во время допроса, а затем его уже мертвого выбросили из окна на уличный тротуар, инсценируя самоубийство. Помню, мама ездила просить за меня в университет. Лазуркин – он был в ту пору уже человеком в годах – внимательно выслушал ее и, подписывая приказ о восстановлении, сказал: “Я не дам испортить жизнь мальчику”».

Ректор Лазуркин интуитивно чувствовал в тощем, «похожем на макаронину, несколько бескостном» (мнение сокурсников) юноше будущее светило отечественной науки. Ведь уже тогда студент Гумилёв обладал колоссальными познаниями, необъятной памятью и другими выдающимися способностями — он выработал особую методику освоения и осмысления исторического материала, которой пользовался до конца своей жизни и охотно ею делился с друзьями. Близко знавшая его Марьяна Львовна Козырева (урожденная Гордон, 1928—2004) свидетельствует: «Он <…> замечательно научил меня учить историю. Он сказал, что обычно учат историю, как сушеные грибы на ниточку нанизывают, одну дату, другую — запомнить невозможно. Историю надо учить, как будто перед тобой ковер. В это время в Англии происходило то-то, в Германии — то-то… Тогда ты не перепугаешь, потому что будешь не запоминать, а понимать. Мы даже с ним рисовали. Большая была тетрадка, которая раскладывалась гармошкой и на ней одновременно, что где происходило». Тогда же Лев Гумилёв написал одно из своих лучше стихотворений, посвященных мировой истории, преломляющейся и отпечатывающейся в человеческой памяти:

Качается ветхая память
В пространстве речных фонарей,
Стекает Невой меж камнями,
Лежит у железных дверей.

Но в уличный камень кровавый
Ворвались огни из подков
И выжгли в нем летопись славы

Навек отошедших веков

Сей каменный шифр разбирая
И смысл узнавая в следах,
Подумай, что доля святая
И лучшая – слава в веках.

В записанных на магнитофон воспоминаниях Гумилёв рассказывает о своей студенческой жизни: «Университет до войны мне все же не дали закончить. В марте 1938 года меня взяли с четвертого курса, и на этот раз надолго и прочно. Внешний повод для ареста дал я сам. Вернее — леопарды, те самые шкуры, которые были подарены в качестве охотничьих трофеев отцом моей бабушке. Отец любил путешествовать и охотиться; ездил он и в научные экспедиции, в том числе и в Абиссинию. <…> Профессор Пумпянский, читавший студентам-историкам курс русской литературы, дошел до 20-х годов и стал потешаться над стихами и личностью моего отца. "Поэт писал про Абиссинию, — восклицал он, — а сам не был дальше Алжира… Вот он — пример нашего отечественного Тартарена!" Не выдержав, я крикнул профессору с места: "Нет, он был не в Алжире, а в Абиссинии!" Пумпянский снисходительно парировал мою реплику: "Кому лучше знать — вам или мне?" Я ответил: "Конечно, мне". В аудитории около двухсот студентов засмеялись. В отличие от Пумпянского многие из них знали, что я — сын Гумилёва. Все на меня оборачивались и понимали, что мне действительно лучше знать.

Пумпянский сразу после звонка побежал жаловаться на меня в деканат. Видимо, он жаловался и дальше. Во всяком случае первый же допрос во внутренней тюрьме НКВД на Шпалерной следователь Бархударян начал с того, что стал читать мне бумагу, в которой во всех подробностях сообщалось об инциденте, произошедшем на лекции Пумпянского. По мере чтения доноса следователь Бархударян все больше распалялся. В конце он уже не говорил, а матерясь, кричал на меня: "Ты любишь отца, гад! Встань… К стене!" Он схватил меня за воротник рубашки, приподнял с наглухо ввинченной в цементный пол табуретки и стал зверски меня избивать.

Да, в этот третий арест все было уже по-другому. Тут уже начались пытки: старались выбить у человека признание и подписать заранее заготовленный следователем обвинительный приговор. Так как я ни в чем не хотел признаваться, то избиения

продолжались в течение восьми ночей. Особенно изощрялся Бархударян. Он бил краем ладони по шейным нервным окончаниям. Он, видимо, знал, что именно в этой области расположен нерв френикус, напрямую связанный с деятельностью полушарий головного мозга. "Ты меня на всю жизнь запомнишь, негодяй", — рычал он.

И верно, последствия этих побоев я чувствую по сей день. Спазм френикуса — тут же отнимается рука, немеет правая сторона тела… Первый приступ случился у меня в омском лагере, в 1953 году. Потом приступы стали повторяться все чаще. Долгие годы врачи не могли мне помочь. Спасибо покойному профессору Давиденкову, одному из лучших ленинградских невропатологов. Он сумел понять, откуда у меня эти боли, предписал лечение. Теперь не разлучаюсь с врачами — колют, блокируют нерв, предупреждая болевую вспышку. С марта 1938 года более полугода тянулось следствие. Сидел я в тюрьме на Шпалерной, сидел и в «Крестах»… Далее последовали события, о которых уже сказывалось в прологе…

* * *

Все эти месяцы Анна Андреевна хлопотала об освобождении сына. Поначалу, лелея надежду на чудо, вновь написала Сталину:

«6 апреля 1939.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович, обращаюсь к Вам с просьбой о спасении моего единственного сына Льва Николаевича Гумилёва, студента IV курса исторического факультета Ленинградского Г[осударственного] У[ниверситета]. Сын мой уже 13 месяцев сидит в тюрьме, его судили, приговор затем был отменен, и теперь дело вновь в первоначальной стадии (уже 5-й месяц). Столь длительное заключение моего сына приведет его и меня к роковым последствиям.

За это время я в полном одиночестве перенесла тяжелую болезнь (рак лица). С мужем я рассталась, и отсутствие сына, самого близкого мне человека, отнимает у меня всякую жизнеспособность. Мой сын даровитый историк. Акад. Струве и проф. Артамонов могут засвидетельствовать, что его научная работа, принятая к печати, заслуживает внимания.)! уверена, что сын мой ни в чем не виновен перед Родиной и Правительством. Своей работой он всегда старался оправдать то высокое доверие, которое Вы нам оказали, вернув мне сына в 1935 г.

С великим смущением и чувствуя всю громадность моей

просьбы, я опять обращаюсь к Вам. Иосиф Виссарионович! Спасите советского историка и дайте мне возможность снова жить и работать <…>».

Однако на сей раз чуда не произошло, не последовало вообще никакого ответа. Ибо к этому времени органы НКВД уже завели самостоятельное «дело» и на саму Ахматову (так называемое «дело оперативной разработки — ДОР») с формулировкой: «Скрытый троцкизм и враждебные антисоветские настроения». В официальных инстанциях с ней отказывались говорить вообще. Все меньше вокруг становилось людей, готовых хоть чем-то помочь. О гнетущей атмосфере всеобщей подозрительности и страха тех лет написано много. Применительно к А.А. Ахматовой достаточно полная картина обрисована в мемуарах Лидии Чуковской (у ней самой расстреляли мужа):

«<…> 37-38 годы (“ежовщина”) воспитывали в людях пожизненный ужас и притом некое равнодушие к собственному поведению, потому что судьба человека не очень-то зависела от его слов, мыслей, поступков. Человек круглосуточно пребывал в ужасе перед судьбой и в то же время не боялся рассказывать анекдоты и в разговорах называть чужие имена: расскажешь — посадят и не расскажешь — посадят… Написал письмо Ежову в защиту друга — и ничего, тебя не тронули; написал множество доносов, посадил множество людей, а глядишь — и тебя самого загребли… Трудность постижения тогдашней действительности, никогда до того не существовавшей в истории, сбивала с толку и не учила разумно вести себя: чувство причин и следствий было утрачено начисто. В другие годы — и до, и после "ежовщины" — документы, слова и поступки играли большую роль; уже в 40-м — гораздо большую; равнодушие убийц к бумагам арестованных характерно именно для "ежовщины". Глядя назад, на пережитые мною конец двадцатых, тридцать пятый, тридцать седьмой и восьмой, послевоенные сороковые, пятидесятые — я, "с башни шестьдесят второго", вижу, что каждый год довоенного и послевоенного времени изобильно окрашен кровью, но кровопускание каждый год совершалось по-разному. Иногда независимо от поступков или слов человека, иногда и в полной зависимости от его поведения. Однако Анна Андреевна была права, обучая окружающих не обманываться насчет сути происходящего и, логична ли действительность или нет, — никогда не распускать языки».

Спустя некоторое время тучи над головой Анны Ахматовой сгустились еще больше. 25 сентября 1940 года управляющий делами ЦК ВКП (б) Д. В. Крупин направил Секретарю ЦК ВКП (б) Жданову записку, в которой с возмущением указывал, что в

недавно изданном поэтическом сборнике поэтессы нет «стихотворений с революционной и советской тематикой, о людях социализма» и что «необходимо изъять из распространения стихотворения Ахматовой». Жданов, в свою очередь, тоже удивился: «Как этот ахматовский "блуд с молитвой во славу божию" мог появиться на свет? Кто его продвинул?» 29 октября 1940 года он подписал постановление Секретариата ЦК ВКП (б) «Об издании сборника стихов Ахматовой». В нем лицам, допустившим «грубую ошибку, издав сборник идеологически вредных религиозно-мистических стихов Ахматовой», был объявлен выговор. По настоянию секретаря ЦК ВКП (б) А. А. Андреева книгу стихов Ахматовой изъяли из обращения. В ту пору постановления выполнялись незамедлительно: из библиотек, куда он успел поступить, сборник изъяли моментально, а в продаже его и в помине не было — по особому списку он распространялся среди членов Союза писателей и высокопоставленных партийных и государственных чиновников.

Этой хрупкой, слабой, но исключительно упорной и целеустремленной женщине, наделенной той самой пассионарной энергетикой, которую ее сын считал первоосновой подлинно творческой личности, еще предстоит в полной мере испытать тяжесть и давление наехавшего на нее катка партийно-государственной машины. Однако, попав под тяжелый каток системы, она на сей раз не дрогнула и не согнулась; напротив, спустя полвека треснула и рассыпалась сама репрессивная система. Гениальная поэтесса не только с честью выдержала чудовищный и безжалостный пресс, но и в конечном счете (уже после смерти) вышла победительницей в неравной битве трепетной лирической музы с идеологическим и бюрократическим монстром. Впрочем, она, несомненно, предвидела, что именно так и произойдет, ибо в самые трагические годы своей жизни писала: *«Но в мире нет власти грозней и страшней, / Чем вещее слово поэта»* . Пророческий же дар был дан ей от рождения.

* * *

Следствию не удалось ничего доказать по делу Льва Гумилёва, и Особое совещание присудило ему какие-то «смехотворные» пять лет, зато отправило отбывать наказание на Таймыр, в Норильск, на строительство металлургического комбината. Осенью 1939 года баржа с зэками, среди которых был

и Лев Гумилёв, достигла по Енисею порта Дудинки. Здесь начиналась самая северная в мире железная дорога, что шла на восток, вдоль 70-й параллели. Длина ее была 102 километра, и вела она в будущее, а точнее, в рождавшийся город Норильск. Как вспоминал Л. Н. Гумилёв, тогда в нем было четыре дома из бутового камня, малый металлургический завод с обогатительной фабрикой, силуэт которой на горизонте напоминал средневековый замок, и два скопления бараков, вмещающих около 24 тысяч заключенных. Северное скопление было проектно-строительным, а южное – горнорудным, заключенные которого добывали уголь и халькопирит (руда, из которой в Норильске выплавляют медь, никель и платину. – В.Д.)

«К северу от будущего города Норильска расстилалась тундра, т. е. полярная равнина, простиравшаяся до реки Дудыпты и озера Пясина. Осенью тундра тонула в снежном сумраке, зимой — в синей полярной ночи. В природе абсолютной темноты не бывает. Луна, звезды и разноцветные отблески полярного сияния показывают человеку, что он на Земле не одинок и может прийти куда-нибудь, где есть яркий свет и печка — самое дорогое для изгнанника в Заполярье. И все же равнина безрадостна и тосклива. Зато южная окраина будущего Норильска — цепь невысоких гор, поистине очаровательна. Эта горная цепь начинается столовой горой с необычным названием: Шмидтиха…

Восточный склон Шмидтихи омывал Угольный ручей, чистый, быстрый и шумливый. А за ним располагалась гора Рудная, бывшая в то время сокровищницей Норильска. В середине склона гору прорезала штольня, тянувшаяся вдоль серебристой жилы халькопирита. Эта штольня казалась нам блаженным приютом, ибо в ней была постоянная температура минус 4° С. По сравнению с сорокаградусными морозами снаружи или мятущейся пургой, сбивающей с ног, в штольне рабочий день проходил безболезненно. Конечно, подземная работа не всегда была безопасна. В слежении жилы надо было спускаться в гезенки и подниматься по восстающим — так называются вертикальные выработки, часто не полностью закрепленные. Подниматься в них надо было по "пальцам" — бревнам, внедренным по периметру выработки, — хватаясь за них и подтягиваясь на руках. Однажды, когда достиг вершины восстающего и установил, что жила на месте, на высоте 14 метров, у меня потух аккумулятор. Долго оставаться на месте было нельзя: меня бы задушили газы при отпалке, а спускаться в темноте слишком рискованно: подо мной были острые края глыб. Я было рискнул протянуть ногу по памяти… и тут зажглась лампочка (видимо, соединился контакт), и я увидел, что шагаю в пустоту. До сих пор я вспоминаю эту

минуту с ужасом… Заполярная зима угнетала людей не только морозом и пургой, но и вечной ночью. Отсутствие солнечного света постепенно лишает людей сил. Они становятся вялыми, безразличными. Вот почему всем тогдашним норильчанам памятен день 25 января, когда на склонах гор загораются отблески еще не видного солнца. Половина зимы еще впереди, но тьма уже отсутствует…

Самое тяжелое в тюремной жизни не голод и не холод, а тоска, возникающая от унылого однообразия и отсутствия положительных эмоций. Оказывается, потребность в созерцании прекрасного и радость, даруемая красотой, – это своего рода витамин, без которого скудеет психическая структура и слабеет сопротивляемость организма болезням и утомлению. Вот почему полярное лето, столь красочное и разнообразное, давало тем, кто умел его созерцать, запас сил и оптимизма, необходимый для того, чтобы дождаться новой весны. Эта эстетическая география восполняла психологический вакуум, созданный непроходящей горечью сознания незаслуженной обиды…

Основная масса рабочих жила в длинных бараках с двумя рядами нар по бокам и столом посредине. За столом обедали и по вечерам играли в шахматы или домино. На обед полагалась миска супу (баланды), миска каши и кусок трески. Хлеб выдавался по выполнении норм: за полную выработку — 1 кг 200 г, за недовыработку — 600 г и за неудовлетворительную работу — 300 г. Слабые люди от недоедания теряли силы; их называли "доходягами".

В наилучшем положении были зэки, почтенные доверием начальства: "коменданты" (внутренняя полиция), нарядчики (выгонители на работу), повара, врачи, счетоводы. Их называли "придурками" за то, что они были самыми хитрыми и ловкими. Уважения они не имели. Политические заключенные в то время размещались вместе с уголовными преступниками, которые составляли около половины заключенных. Естественно, и те и другие говорили на особом тюремном жаргоне. В лагере баланду не "едят", а "трамбуют", избыточную кашу с маслом — "жрут", а вкусное — "кушают"».

Быстро усвоив лагерную лексику и фразеологию, Лев Гумилёв решил потешить товарищей по несчастью сочиненной им на воровском жаргоне историей Нидерландской революции XVI века, которая быстро превратилась в популярное произведение лагерного фольклора[16], постепенно распространившееся и по другим учреждениям ГУЛАГа. Этот Гумилёвский тюремный шедевр зачитывался под гомерический хохот «урок» и «политических».

«ИСТОРИЯ ОТПАДЕНИЯ НИДЕРЛАНДОВ ОТ ИСПАНИИ

В 1565 году по всей Голландии пошла параша, что папа-антихрист. Голландцы начали шипеть на папу и раскурочивать монастыри. Римская курия, обиженная за пахана, подначила испанское правительство. Испанцы стали качать права — нахально тащили голландцев на исповедь, совали за святых чурки с глазами. Отказчиков сажали в кандей на трехсотку, отрицаловку пускали налево. По всей стране пошли шмоны и стук. Спешно стряпали липу. Гадильники ломились от случайной хевры. В проповедях свистели об аде и рае, в домах стоял жуткий звон. Граф Эгмонт на пару с графом Горном попали в непонятное, их по запарке замели, пришили дело и дали вышку…

Тогда работяга Вильгельм Оранский поднял в стране шухер. Его поддержали гезы — урки, одетые в третий срок. Мадридская малина послала своим наместником герцога Альбу. Альба был тот еще герцог! Когда он прихилял в Нидерланды, голландцам пришла хана. Альба распатронил Лейден, главный голландский шалман. Остатки гезов кантовались в море, а Вильгельм Оранский припух в своей зоне. Альба был правильный полководец. Солдаты его гужевались от пуза. В обозе шло тридцать тысяч шалашовок. <…> Но Альба вскоре даже своим переел плешь. Все знали, что герцог в законе и на лапу не берет. Но кто-то стукнул в Мадрид, что он скурвился и закосил казенную монету. Альбу замели в кортесы на общие работы, а вместо него нарисовались Александр Фарнези и Маргарита Пармская — два раззолоченных штымпа, рядовые придурки испанской короны.

В это время в Англии погорела Мария Стюарт. Машке сунули липовый букет и пустили на луну. Доходяга Филипп II послал на Англию Непобедимую Армаду, но здорово фраернулся. Гранды-нарядчики филонили, поздно вывели Армаду на развод, но Армаде не хватало пороху и баланды. Капитаны заначили пайку на берегу, спустили барыгам военное барахлишко, одели матросов в локш, а ксивы выправили на первый срок, чтоб не записали промота. Княжеские сынки заряжали туфту, срабатывали мастырку, чтоб не переть наружу. В Бискайском заливе Армаду драла пурга. Матросы по трое суток не кемарили, перед боем не киряли. Английский адмирал из сук Стефенс и знаменитый порчак Френсис Дрейк разложили Армаду, как бог черепаху. Половина испанцев натянула на плечи деревянный

бушлат, оставшиеся подорвали в ховиру.

Голландцы обратно зашеровались и вусмерть покатились, когда дотыркали про Армаду. Испанцы лепили от фонаря про победу, но им не посветило – ссученных становилось меньше, чесноки шерудили рогами. Голландцы восстали по новой, а Маргарита Пармская и Александр Фарнези смылись во Фландрию, где народ клал на Лютера. Так владычество испанцев в Голландии накрылось мокрой п[…]».

Тюрьмы и лагеря не заставили Льва Гумилёва отказаться от поэзии. В Норильске он работал над большой стихотворной трагедией о Чингисхане. Пятиактная пьеса называлась «Смерть князя Джамуги» и была посвящена ключевому событию в истории становления Монгольской державы и победе Темучина, ставшего Чингисханом, над своим главным соперником Джамугой, что трактовалось автором как торжество ханской диктатуры над степной вольностью и военной демократией (скрытый, но недвусмысленный намек на укрепление сталинского режима):

Когда трещат домав рукахсибирской вьюги
И горы глыбами швыряютс высоты,
И рвутся у коней походные подпруги,
Джамуги смерть тогда припомниты.

<…>

За промерзшими стенами барака — непроглядная тьма я завывания ветра, а внутри у чадящей коптилки или застающей печки — никому не известный и никем не признанный поэт бисерным почерком записывает монолог Чингиса о счастье в довольно-таки странном его понимании:

Нет. Счастье, нойоны, неведомо вам,
Но тайну я эту открою.
Врага босиком повести по камням,
Добыв его с долгого боя;
Смотреть, как огонь пробежал по стенам,
Как плачут и мечутся вдовы,
Как жены бросаются к милым мужьям,
Напрасно срывая оковы;
И видеть мужей затуманенный взор
(Их цепь обвивает стальная),

Играя на их дочерей и сестер,
И с жен их одежды срывая.
А после, врагу наступивши на грудь,
В последние вслушаться стоны
И, в сердце вонзивши, кинжал повернуть…
Не в этом ли счастье, нойоны?

«Смерть князя Джамуги» — не единственная драма, сочиненная Гумилёвым в норильском лагере. Более сорока лет держал он в памяти фантасмагорическую сказку «Посещение Асмодея» и лишь в конце 80-х годов прошлого столетия «вывел» ее на бумагу, чтобы подарить на день рождения своей супруге. История Асмодея в передаче Гумилёва – современная интерпретация легенды о докторе Фаусте, представленной сквозь призму блоковского «Балаганчика». Как и в бурлеске Александра Блока, у Льва Гумилёва действуют Пьеро, Арлекин и Коломбина, но в лице ленинградских студентов предвоенной поры. Вместо беса Мефистофеля — бес Асмодей, а вместо Фауста — старый, беспринципный и безымянный Профессор Ленинградского университета, у которого учатся упомянутые студенты. Сюжетная линия — почти как в гётевском «Фаусте», но с поправкой на современность. Скупой, как шекспировский Шейлок, Профессор продает свою душу дьяволу в обмен на его содействие в обладании молоденькой студенткой. А чтобы ее ухажеры Пьеро и Арлекин не мешались под ногами, упекает их с помощью Асмодея в тюрьму НКВД. Там молодых ребят после страшных пыток безуспешно пытаются заставить подписать порочащий их документ. В конечном счете верная и чистая любовь студентов оказывается сильней тюремных запоров, посягательств Профессора на девичью невинность и дьявольских козней и наваждений…

Лагерная интеллигенция, составлявшая подавляющее большинство в окружении Гумилёва, видела в нем поэта, со временем способного сравняться со своими родителями. О научном даровании Льва знали только самые близкие и достойные: с ними в редкие свободные минуты он любил порассуждать не только на исторические, но и на философские темы. В норильской полярной мгле звучали тогда имена Декарта и Канта, Шопенгауэра и Ницше, Джеймса и Дьюи. Программным стихотворением Льва Гумилёва, достойным занять место в самой взыскательной поэтической антологии, его друзья считали стихи, написанные еще до первого ареста:

Дар слов, неведомый уму,
Мне был обещан от природы.
Он мой. Веленью моему
Покорно все: земля и воды,
И легкий воздух, и огонь
В одно мое сокрыто слово,
Но слово мечется, как конь,
Как конь вдоль берега морского,
Когда он, бешеный, скакал,
Влача останки Ипполита,
И помня чудища оскал,
И блеск чешуи, как блеск нефрита.
Сей грозный лик его томит,
И ржанья гул подобен вою,
А я влачусь, как Ипполит,
С окровавленной головою
И вижу – тайна бытия
Смертельна для чела земного,
И слово мчится вдоль нея,
Как конь вдоль берега морского.

В других стихах «норильского цикла» он также заявил о себе, как поэте, искушенном талантом и многотрудной жизнью:

Вверху луна бежит неудержимо,
Внизу бежит подземная вода.
Уходят вдаль года, года проходят мимо,
И часто мнится – навсегда.
Но бурых туч встревоженные пятна
И серный огнь подземных родников
Зовут на землю вновь, зовут сюда обратно
Мечты давно в земле зарытых стариков,
Утраченные дни сильнее поколений.
Детей не упасут от пращуров отцы.
Истоки ваших чувств, восторгов и стремлений
Хранят в глухих гробах седые мертвецы. <…>

А какие возвышенные стихи посвятил он своему любимому

городу – Петербургу (так по старинке он всегда именовал его про себя)!

Когда мерещится чугунная ограда
И пробегающих трамваев огоньки,
И запах листьев из ночного сада,
И темный блеск встревоженной реки,
И теплое, осеннее ненастье
На мостовой, средь искристых камней,
Мне кажется, что нет иного счастья,
Чем помнить Город юности моей.
Мне кажется… Нет, я уверен в этом!
Что тщетны грани верст и грани лет,
Что улица, увенчанная светом,
Рождает мой давнишний силуэт.
Что тень моя видна на серых зданьях,
Мой след блестит на искристых камнях.
Как город жив в моих воспоминаньях,
Как тень моя жива в его тенях![17]

В лагере Гумилёв сблизился с выдающимся ученым Николаем Александровичем Козыревым (о чем уже упоминалось в прологе). Козырев попал на норильскую каторгу по так называемому «пулковскому делу». Только в Ленинграде в связи с этим «делом» было арестовано более 100 ведущих ученых, научных работников и специалистов различных научных организаций, учебных заведений и предприятий, в том числе и Пулковской обсерватории (по названию которой негласно поименовали и все «дело»). Арестованных в 1936 году ученых и специалистов обвиняли в «участии в фашистской троцкистско-зиновьевской террористической организации, возникшей в 1932 г. По инициативе германских разведывательных органов и ставившей целью свержение советской власти и установление на территории СССР фашистской диктатуры».

Многие пулковские астрономы были расстреляны, остальные получили длительные сроки. Среди них Козырев, который оказался в Норильске. Здесь он пытался убедить своего молодого друга Льва Гумилёва объяснить теорию пассионарности с точки зрения разработанной им, Козыревым, концепции времени, согласно которой *время является самостоятельной (и при этом ведущей) физической субстанцией* , лежащей в основе мироздания и обусловливающей все остальные физические закономерности.

По Козыреву, главный недостаток теоретической механики и физики заключается в чрезвычайно упрощенном представлении о времени. Для точных наук время имеет только геометрическое свойство: оно всего лишь дополняет пространственную арену, на которой разыгрываются события Мира. Однако у времени имеются уникальные свойства, не учитываемые канонической физикой — такие, например, как направленность его течения и плотность. А коль скоро эти свойства реальны — они должны проявляться в воздействиях времени на ход событий в материальных системах. Время не только пассивно отмечает моменты событий, но и активно участвует в их развитии. Значит, возможно и воздействие одного процесса на ход другого через время. Эти возможности дополняют хорошо знакомую картину воздействия одного тела на другое через пространство с помощью силовых полей. Но время не движется в пространстве, а проявляется сразу во всей Вселенной. Поэтому время свободно от ограничения скорости сигнала и через время можно будет осуществить *мгновенную связь* с самыми далекими объектами Космоса. Физические свойства времени могут оказаться ключом в понимании многих загадок природы. Например, несомненная связь тяготения со временем означает, что изменение физических свойств времени может привести к изменению сил тяготения между телами. Значит, и мечта о плавном космическом полете, освобожденном от сил тяготения, не является абсурдной.

Расхождение в концептуальных подходах не мешало тесной дружбе двух ученых. Они не только постоянно обсуждали самые разнообразные научные проблемы, но и жили вместе – в одной палатке, в стороне от бараков. Именно тогда они столкнулись с так называемым «снежным человеком». Это загадочное существо встречается в разных районах земного шара. Немало встреч с ним зафиксировано и на территории российского Заполярья — от Кольского полуострова до Чукотки. При этом наибольшую загадку представляет собой не сам факт существования реликтового феномена, а вопрос о том, где он может скрываться во время зимней полярной стужи. Высказывались предположения, что «снежный человек» прячется в подземных убежищах, где намного теплее, чем на поверхности. С одним из представителей таинственной популяции столкнулись два выдающихся ученых, в правдивости информации которых сомневаться не приходится. Вот запись рассказа Л. Н. Гумилёва в передаче его жены Н. В. Гумилевой:

«В 1943 году в Норильске, когда у Льва кончился срок, и его оставили там на поселении, а Николай Александрович еще отбывал срок, они жили вдвоем в палатке за пределами поселка,

на склоне горы и выполняли какие-то задания, видимо, по геологии. В один прекрасный день палатку, в которой они жили, вдруг начало страшно трясти, как во время землетрясения. Слышны были тяжелые шаги вокруг палатки, как будто слон ходит. Но когда они выходили, никаких следов вокруг палатки не обнаруживали. Снег идет и все спокойно. Так повторялось довольно долго, и это было неприятно и раздражало.

Однажды Николай Александрович поднимался по тропе вверх, к палатке и вдруг почувствовал, что его кто-то взял за плечи и толкнул на торос. (А он был человек очень тренированный, сильный, настоящий спортсмен.) Во время падения у него сломались два ребра, боль была дикая, он еле дотащился до палатки. И тут Лев говорит: "Это *Албаст* ". Ведь он изучал этнографию и верования разных народов. Он знал, что шаманы северных народов совершают заклинания над потусторонними силами. В Сибири и Средней Азии был известен дух по имени *Албаст* . Лев стал лечить Николая Александровича и помог ему быстрее выздороветь. (Надо сказать, что у Льва было очень сильное поле рук, он мог даже кровь заговаривать. Но как он это делал, никогда не признавался.) Но странные явления вокруг палатки продолжались, и терпению их пришел конец, нужно было что-то делать с этим *Албастом* . И вот в очередной раз, когда начались эти шумы и трясение, Лев начал говорить на разных языках – уговаривать *Албаста* оставить их в покое. И когда он дошел до персидского – вдруг все прекратилось, наступила полная тишина.

Спустившись однажды вниз в поселок и разговаривая с местными аборигенами, Лев рассказал об этом случае. Его спросили: "А вы палатку-то где поставили?" — "Вот там– то". — "Да вы что? Вы ведь на самой дороге поставили, где ходят наши духи. Надо было поставить в стороне. А то вы ему ход загородили!" Так вот все и объяснилось. Палатку они после этого, конечно, переставили»…

Николай Александрович испытывал к своему младшему другу симпатию и доверие с первых дней их знакомства, когда Гумилёв совершенно на полном серьезе предсказал Козыреву отмену смертного приговора (к расстрелу того приговорили уже в лагере). Провидческие задатки, вне всякого сомнения, достались Льву Николаевичу от матери, прозванной, как мы помним, Кассандрой и неоднократно предсказывавшей судьбу свою, своих близких и друзей. Что касается Льва, то наиболее впечатляющим для окружающих явилось его предсказание начала Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 года он в присутствии свидетелей доказывал одному из лагерных друзей, что в

ближайшее время начнется война. Не успел он закончить фразу, как из барака выскочил какой-то зэк с криком «Война началась!».

Пятилетний срок заключения Гумилёва закончился 10 марта 1943 года. За это время он успел побывать и простым землекопом, и шахтером в меднорудной шахте. Затем переквалифицировался в геотехники, под конец стал архивариусом в химической лаборатории, где чуть не умер от дизентерии, три дня пролежав без сознания. Все заключенные, у которых заканчивался срок, давали подписку оставаться на местах до конца войны. Расконвоированный зэк Гумилёв поступил в геологическую экспедицию: сначала искал соль на Хантайском озере, а на следующий год проводил магнитометрическую съемку в бассейне Нижней Тунгуски. Лев Николаевич впоследствии вспоминал: «<…> На Нижней Тунгуске место было очень суровое. Тайга — это зеленая тюрьма. Летом там ужас: комары, мошка; в сентябре начинаются дожди, а с октября — завалы снега. Ужасно тяжело там жить». Последняя экспедиция ознаменовалась открытием крупного месторождения железа, за что всех ее участников премировали недельным отпуском в Туруханск. Такой изощренный способ «поощрения» придумало местное гулаговское начальство.

Дело в том, что в Туруханске находились лагеря для осужденных женщин, и во время войны здесь на пять тысяч зэчек приходилось всего восемь мужчин. Зато постоянно прибывали «отдыхающие», им разрешалось выбрать по душе подругу и для порядка даже оформить с ней на неделю гражданский брак (о чем делалась соответствующая запись в конторской книге). Вспоминая в середине 1950-х годов детали своего краткосрочного «отпуска» в Туруханске, Гумилёв в одном весьма откровенном письме к другу (В.Н. Абросову) упоминает трех оставшихся на берегу Енисея «жен» и даже называет их имена — Матрена, Лиза и Вера. Всего же «донжуанский список» к моменту этого чисто мужского разговора насчитывал тридцать два имени. Поездкой в Туруханск Лев Гумилёв воспользовался и в иных целях: он уговорил местного военкома отправить его добровольцем на фронт и даже пригрозил в случае отказа вскрыть себе вены

> * * *

На фронт он ехал через Москву. Подъезжая к столице, сумел в нужном месте и в нужное время выбросить в окно письмо-треуголку, адресованное хорошему другу мамы Николаю

Ивановичу Харджиеву (1903—1996). Письмо это чудом и вовремя попало в руки адресата. Н. И. Харджиев в сопровождении И. Н. Томашевской (жены известного литературоведа) отыскал воинский эшелон, стоявший на запасном пути. Пробегая вдоль вагонов-теплушек и выкрикивая имя Гумилёва, они наконец нашли Льва и снабдили его теплыми вещами и деньгами. Тогда же у них состоялся и разговор о пассионарности. Другу матери Гумилёв сказал: «Из всех моих лишений тягчайшим была оторванность от науки и научной академической жизни». Знал бы тогда Лев, сколько ему еще придется страдать от этой самой «академической науки»…

Пока поезд дожидался отправки, Гумилёв сумел дозвониться еще до одного московского знакомого — В. Е. Ардова (он привез изголодавшемуся солдату буханку хлеба) и известного писателя В. Б. Шкловского: ему Лев передал рукопись стихотворной драмы о Чингисхане в надежде, что ее удастся напечатать в связи с 25-летним юбилеем Монгольской Народной Республики. Увы, Шкловский ничего не сделал для продвижения выстраданного литературного и драматического детища молодого поэта (вероятно, испугался), впервые оно было напечатано лишь в 2004 году.

О своей фронтовой жизни Л. Н. Гумилёв с легкой иронией рассказал сам в одном из многочисленных интервью, которые ему пришлось давать в конце жизни: «<…> я поехал добровольцем на фронт и попал сначала в лагерь "Черемушка", откуда нас, срочно обучив в течение 7 дней держать винтовку, ходить в строю и отдавать честь, отправили на фронт в сидячем вагоне. Было очень холодно, голодно, очень тяжело. Но когда мы доехали до Брест-Литовска, опять судьба вмешалась: наш эшелон, который шел первым, завернули на одну станцию назад (уж не знаю, где она была) и там стали обучать зенитной артиллерии. Обучение продолжалось 2 недели. За это время был прорван фронт на Висле, я получил сразу же назначение в зенитную часть и поехал в нее. Там я немножко отъелся и в общем довольно благополучно служил, пока меня не перевели в полевую артиллерию, о которой я не имел ни малейшего представления.

Это было уже в Германии. И тут я сделал действительно проступок, который вполне объясним. У немцев почти в каждом доме были очень вкусные банки с маринованными вишнями, и в то время, когда наша автомобильная колонна шла на марше и останавливалась, солдаты бегали искать эти вишни. Побежал и я. А в это время колонна тронулась, и я оказался один посреди Германии, правда, с карабином и гранатой в кармане. Три дня я ходил и искал свою часть. Убедившись, что я ее не найду, я

примкнул к той самой артиллерии, которой я был обучен — к зенитной. Меня приняли, допросили, выяснили, что я ничего дурного не сделал, немцев не обидел (да и не мог их обидеть, их не было там — они все убежали). И в этой части — полк 1376 31-й дивизии Резерва Главного командования — я закончил войну, являясь участником штурма Берлина.

К сожалению, я попал не в самую лучшую из батарей. Командир этой батареи старший лейтенант Фильштейн невзлюбил меня и поэтому лишал всех наград и поощрений. И даже когда под городом Тойпицем я поднял батарею по тревоге, чтобы отразить немецкую контратаку, был сделан вид, что я тут ни при чем и контратаки никакой не было, и за это я не получил ни малейшей награды. Но когда война кончилась и понадобилось описать боевой опыт дивизии, который было поручено написать нашей бригаде из десяти–двенадцати толковых и грамотных офицеров, сержантов и рядовых, командование дивизии нашло только меня. И я это сочинение написал; за что получил в виде награды чистое, свежее обмундирование: гимнастерку и шаровары, а также освобождение от нарядов и работ до демобилизации, которая должна была быть через 2 недели».

Опыт войны помог Гумилёву укрепиться также и в некоторых выводах, имевших не только практическое, но и теоретическое значение (что в будущем пригодилось при разработке учения об этногенезе). Спустя много-много лет в одном из интервью он откровенничал: «Да, я могу рассказать, что такое армия без всяких прикрас. Все эти писатели, Бондарев и другие, — это результат "писательства". Самый жесткий писатель – это ранний Лев Толстой с "Казаками" и русская литература, посвященная войне с Наполеоном. Далее начинается приукрашивание действительности <…> Войны происходят, с этим ничего не поделаешь. Человечество несет количественные и качественные потери, но жестокость опустошает душу. <…>

Все мы в этой последней войне воевали за Россию, хотя в нашей маленькой зенитной батарее были армянин и казах. И мы великолепно уживались друг с другом на индивидуальном уровне. Но мы же не навязывали своих привычек, не старались сделать из них "неполноценных русских". И они вели себя соответственно в отношении нас. Общий результат известен? Мы взяли Берлин, а не противник – Москву. Наша пассионарность оказалась выше немецкой. <…>

Я воевал в тех местах, где выживали только русские и татары. Войны выигрывают те народы, которые могут спать на голой земле. Русские и татары — могут, а немцы – нет. Немцы воюют по часам, и только, когда кофе попьют, а мы — всегда. <…> Надо

вынести все страдания и оправдаться в слезах и покаянии самому. Судьба — это вероятность состояния. То есть существует процесс, который идет не жестко запрограммировано, а вариабельно, причем вариабельность эта зависит от такого количества фактов, что мы их даже учесть не можем, не то что совладать с ними. Поэтому я охотно повторю: что доволен своей судьбой. Я был не одинок, я был со своим народом и переживал то, что переживал мой народ».

В победном мае 1945 года Л. Н. Гумилёв «рапортом» Н. И. Харджиеву из поверженного Берлина: «О себе: я участвовал в 3 наступлениях: а) освободил Зап[адную] Польшу, б) завоевал Померанию, в) взял Берлин, вернее его окрестности… Добродетелей, за исключением храбрости, не проявил, но тем не менее на меня подано на снятие судимости. Результата жду. Солдатская жизнь в военное время мне понравилась. Особенно интересно наступать, но в мирное время приходится тяжело». В минуты редкого затишья Гумилёв писал стихи — и патриотические, и элегические. Наступление Красной армии и победоносное завершение кровопролитной войны пробудили в душах советских людей глубокие патриотические чувства гордость за свою великую Родину. Лев Гумилёв – не исключение. В стихотворение, названном «Наступление», писал:

Мы шли дорогой русской славы,
Мы шли грозой чужой земле,
И лик истерзанной Варшавы,
Мелькнув, исчез в январской мгле.
А впереди цвели пожары,
Дрожала чуждая земля,
Узнали тяжесть русской кары
Ее леса, ее поля.
Но мы навеки будем правы
Пред вами, прежние века.
Опять дорогой русской славы
Прошли славянские войска.

Лирическое настроение Гумилёва отразилось в письмах к Эмме Герштейн, но еще больше — в посвященных ей стихах. К Эмме он сохранял былую привязанность, часто вспоминая их мимолетную любовь в Питере, когда они на ночь оставались в мастерской художника А. Осмеркина (тот, сам не равнодушный к Эмме, уезжая в частые творческие командировки, великодушно

предоставлял ей ключ). Теперь же, находясь в Германии и не зная, останется ли он живым до конца войны, он посвятил и отправил Эмме одно из своих лучших стихотворений «Поиски Эвридики», названное лирическими мемуарами:

Горели фонари, но время исчезало,
В широкой улице терялся коридор,
Из узкого окна ловил мой жадный взор
Бессонную возню вокзала.
В последний раз тогда в лицо дохнула мне
Моя опальная столица.
Все перепуталось: дома, трамваи, лица
И император на коне.
Но все казалось мне: разлука поправима.
Мигнули фонари, и время стало вдруг
Огромным и пустым, и вырвалось из рук,
И покатилось прочь — далеко, мимо,
Туда, где в темноте исчезли голоса,
Аллеи лип, полей борозды.
И о пропаже мне там толковали звезды,
Созвездья Змия и созвездья Пса.
Я думал об одном средь этой вечной ночи.
Средь этих черных звезд, средь этих черных гор —
Как милых фонарей опять увидеть очи,
Услышать вновь людской, не звездный разговор.
Я был один под вечной вьюгой —
Лишь с той одной наедине,
Что век была моей подругой <…>

Из Берлина, уже в сентябре, он прислал Эмме довольно-таки обстоятельное письмо с обнадеживающей влюбленную женщину концовкой: «<…> О моей жизни ничего веселого не скажешь. 3 часа в неделю я обучаю любознательных офицеров истории и литературе, а прочее время они обучают меня, кажется, с равным неуспехом. Европа надоела до чертиков. Читать нечего, говорить не об чем. Пишите чаще. <…> Целую Ваши ручки и Вас. Leon». Однако впереди ждала совсем другая женщина…

> * * *

Нельзя сказать, что Гумилёв прошел войну без единой царапины. Во время боев в Польше при минометном обстреле кусок доски попал ему в переносицу; в результате у него появилась горбинка на носу, напоминающая природную горбинку у его матери. Сразу после демобилизации Лев Николаевич вернулся в Ленинград. Город еще не оправился от ужасов блокады. То тут, то там маячили остовы разбомбленных или уничтоженных пожаром домов, многие окна были забиты досками, на улицах немноголюдно. Однако раны и опустошения, нанесенные войной, не смогли уничтожить красоту града Петрова. На ум сами собой приходит стихи, написанные еще в Норильске:

Так вот он, мой Город знакомый,
В браслетах лебяжьих мостов,
В вуале туманной истомы,
В венце воспаленных крестов,
И в блеске Невы, окаймленной
Холодной осенней зарей.
А я, бесконечно влюбленный
В твой голос, в твой камень живой,
Вдыхая морских испарений
Пьянящую сердце струю,
В любой голубеющей тени
Дыханье свое узнаю.
В отчетливых абрисах зданий
Узоры мечтаний моих,
Осколки забытых желаний
В граните твоих мостовых.
И я ли осмелюсь не биться
За гордое счастье твое?
Я Дух этой дивной столицы,
А город мой — тело мое.

Демобилизованный солдат с котомкой за плечами и двумя боевыми медалями на груди («За взятие Берлина» и «За победу над Германией») не спеша и с удовольствием прошелся по знакомым улицам от вокзала до Фонтанного дома, где его ждала мать, недавно вернувшаяся из Ташкента (с сыном она не виделась почти шесть лет). Анна Андреевна в слезах обняла и расцеловала Лёву. Они проговорили всю ночь и не могли наговориться после стольких лет разлуки. Первая жена Пунина А.Е. Аренс умерла в

эвакуации, и в квартире в Фонтанном доме освободилась комната, которую Лев Гумилёв и занял.

Утром он пошел в университет, где декан исторического факультета, известный ученый В. В. Мавродин встретил его ласково и приветливо, называя «Лёва», но, главное, разрешил на выбор: или поступить на очный, или на заочный, или сдать экстерном экзамены, за 4-й и 5-й курс. Лев выбрал последнее и за полтора месяца сдал десять экзаменов по всем недостающим предметам и защитил диплом. Характерная деталь: на комплексный экзамен по общественным дисциплинам, включавший все три составные части марксизма-ленинизма, высоко эрудированный экстернарий явился больным, с сорокаградусной температурой и, к удивлению строгих преподавателей, заявил: «Я хотел бы отвечать стихами!» — «Позвольте, — нахмурились экзаменаторы, — какие стихи могут быть по диалектическому материализму и истории партии? Что за вопросы в вашем билете?» — «"Закон отрицания отрицания" и "Народничество в революционном движении"». — «Так что же?» И тридцатитрехлетний студент без запинки прочел стихотворение Николая Заболоцкого, раскрывающее преемственность в развитии и главу из поэмы Бориса Пастернака «Девятьсот пятый год», где рассказывалось о народнических истоках Первой русской революции. Экзаменаторы по достоинству оценили оригинальный ответ…

После получения университетского диплома Гумилёв успешно сдал вступительные экзамены в аспирантуру Института востоковедения. Он приступил к занятиям, а летом вновь поехал в археологическую экспедицию под руководством любимого профессора и старшего друга М. И. Артамонова. Все вроде бы складывалось как нельзя лучше. Но 14 августа 1946 года было принято и опубликовано печально знаменитое постановление ЦК ВКП (б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», содержавшее критику Анны Ахматовой и некоторых других советских писателей. Началась беспрецедентная травля поэтессы: ее исключили из Союза писателей, лишили продуктовых карточек и возможности публиковаться. В официальных инстанциях от нее отвернулись все — от начальников до секретарш. С ней перестали здороваться, а кое-кто, завидев издали опальную советскую Сафо, воровато оглядываясь, переходил на другую сторону улицы.

На повестке дня совершенно определенно стоял вопрос о скором и неизбежном аресте Ахматовой. Ее обвиняли не только в антисоветских настроениях и аполитичности творчества, но и в деятельности в пользу английской разведки, о чем свидетельствует рассекреченное в 90-е годы XX века заведенное

на нее досье спецслужб. Некоторые знакомые Анны Андреевны давно уже были завербованы органами государственной безопасности и регулярно информировали их обо всем происходящем в ее окружении. Власти и карательные службы были прекрасно осведомлены о содержании сохраняемого в памяти поэтессы антисталинского цикла стихов «Реквием», большинство из них Ахматова время от времени читала вслух, как она считала, доверенным лицам. Крамольные стихи лучше всякой политической агитки разоблачали репрессивный режим, а тот, естественно, не допустить подрыва собственного авторитета.

Опале Ахматовой предшествовал ряд событий, на первые взгляд никак не связанных с происходящим. Но только на первый взгляд… В начале апреля 1946 года квартиру Анны Ахматовой в Фонтанном доме посетил сотрудник британского посольства сэр Исайя Берлин (1909—1997) (в будущем теоретик либерализма и автор ряда философских эссе), приехавший на пару дней в Ленинград с культурными целями. Он родился в России, откуда в 1919 году в десятилетнем возрасте эмигрировал вместе с родителями в Англию, где получил британское подданство. И. Берлин был искренним поклонником творчества Анны Ахматовой, хорошо знал некоторых ее близких друзей, оказавшихся в эмиграции (в частности Бориса Анрепа, которому она посвятила много стихов и подарила на память самый драгоценный свой талисман — «черное кольцо»). В свою очередь Ахматова восприняла визит до этого совершенно незнакомого человека как некий символ, вскоре превратившийся в ее «Поэме без героя» в образ предсказанного «*Гостя из будущего* ».

<…> Он не лучше других и не хуже,
Но не веет летейской стужей.
И в руках его теплота.
Гость из будущего! — Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста?

Позже И. Берлин подробно описал свое роковое посещение Фонтанного дома: «<…> По одной из крутых темных лестниц мы поднялись на верхний этаж и вошли в комнату Ахматовой. Комната была обставлена очень скупо, по-видимому почти все, что в ней стояло раньше, исчезло во время блокады — продано или растащено. В комнате стоял небольшой стол, три или четыре стула, деревянный сундук, тахта и над незажженной печкой —

рисунок Модильяни. Навстречу нам медленно поднялась статная, седоволосая дама в белой шали, наброшенной на плечи. Анна Андреевна Ахматова держалась с необычайным достоинством, ее движения были неторопливы, благородная голова, прекрасные, немного суровые черты, выражение безмерной скорби. Я поклонился — это казалось уместным, поскольку она выглядела и двигалась, как королева в трагедии».

Хорошо запомнился И. Берлину и сын Ахматовой: «<…> Отворилась дверь, и вошел Лев Гумилёв, ее сын (сейчас он профессор истории в Ленинграде); было ясно, что они были глубоко привязаны друг к другу. Он рассказал мне, что учился у знаменитого ленинградского историка Евгения Тарле и что областью его занятий является история древних племен центральной Азии (он не упомянул о том, что был там в лагере). Его интересовала ранняя история хазар, казахов и более древних племен. Ему разрешили пойти добровольцем на фронт, где он служил в зенитной части, состоявшей из бывших заключенных. Только что он вернулся из Германии. Он производил впечатление человека в хорошем расположении духа и был уверен, что сможет снова жить и работать в Ленинграде. Гумилёв предложил мне блюдо вареной картошки — все, что у них было. Ахматова извинилась за скудость угощения»…

«Гость из будущего» воистину оказался «черным вестником». По воспоминаниям поэтессы, на следующий день после того, как И. Берлин покинул Ленинград, у входа в ее квартиру, на лестничной площадке поставили людей в форме, а в потолок комнаты, где она проживала, вставили микрофон — явно не для того, чтобы подслушивать, а чтобы вселить страх. Она поняла, что обречена. Когда Сталину доложили о произошедшем, он (как рассказывали) зловеще заметил: «Оказывается, наша монахиня принимает визиты от иностранных шпионов», а затем разразился по адресу Ахматовой набором таких непристойных ругательств, что их не решались дословно воспроизводить в женском и интеллигентском обществе. Вообще-то у Сталина было противоречивое отношение к Ахматовой. С одной стороны, он знал, что ее стихи нравились дочери Светлане, и именно поэтому, скорее всего, он согласился с включением Ахматовой в ограниченный список лиц, подлежащих эвакуации самолетом из блокадного Ленинграда. С другой стороны в его голове не укладывалось, как могла его дочери нравиться аполитичная поэзия, глубоко интимная и далекая от советской действительности поэзия Ахматовой.

Что касается Исайи Берлина, то с точки зрения вечности абсолютно неважно — был он или не был сотрудником

британской разведки (скорее всего – был, так как служил в военном отделе Министерства иностранных дел Великобритании, а чем занимается такой отдел – объяснять не требуется, и у советских органов госбезопасности имелись все основания адекватно оценивать ситуацию). Ну и что из этого? Мало ли далеко не второстепенных английских писателей известны одновременно и как профессиональные разведчики — от Даниеля Дефо, автора «Робинзона Крузо», до Грэма Грина, автора «Тихого американца». Но с точки зрения карательных служб даже эпизодический контакт Анны Ахматовой с иностранцем заслуживал самого сурового наказания.

Политические репрессии не заставили себя долго ждать. Льва Гумилёва они затронули ничуть не в меньшей (а может, даже и в большей) степени, чем его мать. Сам он спустя почти полвека обо всем вспоминал с грустным юмором (магнитофонная запись): «Из всех интеллигентов, с муками я встречался, лучше всех ко мне отнесся ныне покойный ректор университета Александр Алексеевич Вознесенский[18], который дал мне возможность защитить диссертацию в университете. <…> Моя однокурсница Маргарита – она работала секретарем ректора в университете — записала меня на прием к своему шефу, <…> и ректор принял меня. Он отказался читать лестную для меня характеристику из сумасшедшего дома и просил рассказать о себе. Молча слушал, надеюсь, не очень сбивчивый мой рассказ, сопровождал его короткими вопросами-утверждениями: "Итак, отец-Николай Гумилёв, мама — Ахматова? Понимаю. Вас уволили из аспирантуры после постановления о журнале "Звезда"– Ясно!" Заключая беседу, Вознесенский сказал: "Работу в университете я вам предложить не смогу… А вот диссертацию, прошу, передайте на Совет, историкам. И смело защищайтесь. В час добрый, молодой человек!"

<…> Я поступил в аспирантуру Института востоковедения, как только совершилось постановление о журналах “Звезда" и "Ленинград", т. е. о моей маме, то меня оттуда гнали, несмотря на то, что за первый же год я сделал все положенные доклады и сдал все положенные экзамены. И диссертация у меня тоже была готова, но тогдашняя дирекция института, которой командовал доктор филологических наук Боровков, заявила, чтобы я убирался [19] и они меня не поставят на защиту. И я оказался на улице с очень плохой характеристикой, совершенно несправедливой. Там было написано, что я был высокомерен и замкнут (хотя я очень общительный человек) и что я не вел общественную работу, которую мне, по правде сказать, и не поручал никто. Но с такой характеристикой защищать диссертацию было нельзя, и остались

мы с мамой в очень тяжелом положении.

И тут мне удалось устроиться в психиатрическую больницу библиотекарем. Там я наладил библиотеку, выдавал больным и врачам книги, устроил передвижку, получил хорошую характеристику[20], и тогда-то я и обратился в университет, где ректор разрешил мне защищать кандидатскую диссертацию. Мы с мамой очень переживали это, потому что жили очень скудно: отапливать помещение было невозможно, денег на дрова не было, и мне помнится, как я пилил и колол дрова и таскал их на третий этаж на своем горбу, чтобы отапливать хотя бы одну комнату из двух.

С питанием было тоже очень плохо, и поэтому, когда я шел на защиту кандидатской диссертации, я съел все, что было дома. Дома не осталось даже куска хлеба, и отпраздновать мою защиту можно было только в складчину. Кое-кто подкинул мне денег, пришли, поздравили меня с защитой кандидатской, совершенно блестящей. Институт востоковедения Академии наук и тут сыграл свою роль. Он вызвал Александра Натановича Бернштама, заслуженного деятеля киргизской науки, для того чтобы он разоблачил меня перед Ученым советом и завалил мою диссертацию. Он сделал мне 16 возражений, из которых два считал самыми злобными: незнание восточных языков и незнание и неупотребление марксизма. Я ответил ему по 16-ти пунктам, в том числе я говорил с ним по-персидски, на что он не мог ответить; я приводил ему тюркские тексты, которые он плохо понимал, гораздо хуже меня. Я рассказал свою концепцию в духе исторического материализма и спросил моих учителей, насколько они согласны. Привел цитату из его работы, где было явное нарушение всякой логики, и, когда он запротестовал с места, я попросил принести журнал из библиотеки, чтобы проверить цитату. 15 голосов было за меня, один — против. Это было для меня совершеннейшее торжество, потому что с этими академическими деятелями я устроил избиение младенцев, играя при этом роль царя Ирода <…>».

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, которую блестяще защитил Гумилёв, была посвящена политической истории первого Тюркского каганата. Этой темой молодому ученому пришлось занимать еще долго. На защите диссертации присутствовали мной друзья соискателя. М. Л. Козырева (Гордон) оставила интересные воспоминания: «<…> Происходило все в конференц-зале Академии наук. Когда зачитывали биографическую справку, то каждый ее пункт производил впечатление разорвавшейся бомбы: и кто папа, и кто мама, и откуда прибыл, и место работы… Вначале Лев прочитал

свой перевод кусочка из Шах-наме — бой Бахрама с Хосровом. Очень хороший перевод. Это основной исторический костяк, на котором держалась диссертация. Дальше оппоненты стали возражать. У обоих его оппонентов были какие-то дефекты речи, но Лев, который картавил гораздо сильней их обоих, производил впечатление единственного четко и изящно говорившего. Он так мастерски отражал все их возражения, что казался Сирано де Бержераком, разящим меткими ударами шпаги любого противника. Помню, Лев Николаевич утверждал, что Тамерлан и какой-то еще восточный деспот жили в разное время, а его оппонент говорил, что — в одно, и в качестве доказательства ссылался на то, что их имена выбиты в хвалебных записях на одной скале. На это Лев Николаевич, не моргнув глазом, ответил: "Уважаемый оппонент не заметил там еще одной записи: 'Вася + Люба = любовь'". И все. Гомерический хохот».

В своих же воспоминаниях, записанных на магнитофонную ленту, Л. Н. Гумилёв бесстрастно рассказывает о последующем житье-бытье: «С большим трудом меня приняли на работу в Музей этнографии народов СССР с зарплатой в 100 рублей, т.е. примерно на том же положении, как я был в аспирантуре. Денег у нас не хватало. Мама, надо сказать, очень переживала лишение возможности печататься. Она мужественно переживала это, она не жаловалась никому. Она только очень хотела, чтобы ей разрешили снова вернуться к литературной деятельности. У нее были жуткие бессонницы, она почти не спала, засыпала только уже под утро, часов так в семь, когда я собирался уходить на работу. После чего я возвращался, приносил ей еду, кормил ее, а остальное время она читала французские и английские книжки, и даже немецкую одну прочла (хотя она не любила немецкий язык) и читала Горация по-латыни. У нее были исключительные филологические способности. Книги я ей доставлял самые разнообразные. Я брал себе книги для работы из библиотеки домой, и, когда она кричала: "Принеси что-нибудь почитать", я ей давал какую-нибудь английскую книгу, например, эпос о Гэсере или о Тибете (имеются в виду книги на английском языке – В. Д.). Или, например, Константина Багрянородного она читала. Вот таким образом все время занимаясь, она очень развилась, расширила свой кругозор. А я, грешный человек, тоже поднаучился <…>».

* * *

Дабы подзаработать немного денег, но по большей части исходя из своих научных интересов, Лев Николаевич летом 1948 года отправляется на Алтай, где присоединяется к экспедиции крупнейшего советского археолога Сергея Ивановича Руденко (1885—1969), занимавшейся исследованием ныне всемирно знаменитых Пазырыкских курганов (Гумилёв, в частности, участвовал в раскопках 3-го Пазырыкского кургана).

Несколько ранее в жизнь Льва вошла его самая поэтичная и по-шекспировски трагичная любовь к Наталье Варбанец (1916—1987): фамилия, необычная с точки зрения русского языка, досталась ей от отца-серба, инженера и дворянина, расстрелянного в годы массовых репрессий. Наталья работала библиотекарем в отделе редких книг Государственной публичной библиотеки и специализировалась по инкунабулам. Все знали ее как очень одаренную, эрудированную исследовательницу; ее перу принадлежит лучшая и пока что единственная монография на русском языке, посвященная основоположнику европейского книгопечатания Иоганну Гутенбергу (М., 1980). Она увлекалась классической музыкой, писала стихи, неплохо рисовала акварелью и относилась к разряду женщин, которые умеют и любят нравиться мужчинам. Таких женщин в народе иногда еще называют роковыми. И действительно, хорошо знавшие Наталью Варбанец, не сговариваясь, сравнивали ее с героиней Достоевского Настасьей Филипповной — такая же красивая, такая же порывистая, такая же непредсказуемая. Многие сослуживицы, однако, откровенно завидовали сей незаурядной женщине, недолюбливая ее за ум, привлекательность, раскованность и свободный образ жизни.

Наталью Льву представила их общая знакомая Вера Гнучева (тайно и безответно влюбленная в Гумилёва), а уже на другой день Лев Николаевич пришел на квартиру, где проживала Варбанец, и сделал ей официальное предложение стать его женой. Та поблагодарила и попросила дать время подумать. В качестве символического подарка, имеющее много разных смыслов, Лев подарил ей старинный костяной веер, принадлежавший матери…

У Натальи было прозвище — Птица. Так звали ее близкие, друзья и недруги. Так стал звать ее и Лев Гумилёв. Однако сердце Птицы не было вполне свободным. Помимо эпизодических увлечений и знакомств, она давно считалась (и не без оснований) любовницей своего начальника и научного руководителя — видного историка-медиевиста Владимира Сергеевича Люблинского (1903—1968), на долгие годы ставшего соперником Льва Гумилёва, от которого он получил прозвище Птибурдукова

(под именем этого популярною персонажа из сатирического романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок» ему предстоит много лет фигурировать в письмах Гумилёва к Варбанец). Птица все чаще стала оставаться на ночь у Льва в Фонтанном доме, однако решение вопроса о бракосочетании это ни насколько не приближало. Нередко и Лев забегал к ней на квартиру, где она проживала вместе с подругой Марьяной Гордон (в будущем — Козыревой[21]). Все вместе они встречали здесь и новый, 1949 год. Иногда Гумилёв помогал двум молодым женщинам по хозяйству. Так, ждали они его 6 ноября, перед самыми Октябрьскими праздниками: Лев обещал заклеить окна на зиму, но не пришел. А через два дня появилась его мать. Бледная, как полотно, Ахматова вошла без стука и приветствия и сразу сообщила главное: «Лёву шестого арестовали. У меня вчера был уже второй обыск. У вас есть мои стихи? Бросьте все в печку! Кидайте без разговоров». (Так безвозвратно пропало множество бесценных автографов, писем и документов…)

Глава 3
ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ИСТИНЕ

Льва Гумилёва почти сразу отправили из Ленинграда в Москву и поместили в Лефортовскую тюрьму. Поначалу следователь после двух месяцев допросов никак не мог определить состав преступления молодого ученого, кроме недостаточного, по его мнению, знания марксистской теории. Но непонятливого следователя заменили другим, и из сына принялись с пристрастием выбивать показания на мать о том, что и является давно завербованным агентом английской разведки. Главным аргументом в пользу данного абсурдного утверждения служил визит Исайи Берлина в Фонтанный дом, свидетелем коего был Лев. Разъяренный следователь с ненавистью буравил глазами несговорчивого Гумилёва с не по-русски грассирующим прононсом. Ему казалось, что упрямец с разбитым носом и запекшимися губами издевается над ним…

Далее следствие тщилось доказать не менее абсурдное предположение, что подстрекаемый матерью в отместку за августовское постановление ЦК ВКП (б) Лев Гумилёв готовил покушение на Жданова. Рьяный дознаватель без труда настрочил нужный протокол, но с его бредом не мог согласиться даже неправедный гэбистский суд. Тем не менее Особое совещание присудило обвиняемому десять лет лагерей. Частное же мнение военных судей сводилось к следующему: сын расстрелянного отца и заклейменной в партдокументах матери просто по определению не может быть приверженцем советской власти. А прокурор сказал подсудимому прямо в глаза: «Вы опасны, потому что грамотны! Как и судьи, он был убежден, что человеку, носившему фамилию Гумилёв, раз и навсегда заказан путь на волю. Анна Андреевна «по привычке» написала Сталину, но и на сей раз ее обращение осталось без ответа…

Сначала Льва отправили в лагерь в Караганду, оттуда перевели в Междуреченск, затем переправили в Омск. И все же при всей мучительности и унизительности своей жизни Гумилёв изыскивал и использовал малейшую возможность для занятий любимым делом. Теперь можно с полным основанием и без всякой высокопарности констатировать, что он сумел превратить тюремно-лагерную клоаку в подлинный очаг становления НОВОЙ НАУКИ!

Прозрение, окрылившее его на тюремных нарах в конце 1930-

х годов, получило дальнейшее развитие в начале 1950-х годов в нечеловеческих условиях каторжного быта. Сохранились воспоминания о том жестоком времени. После десяти часов изнурительного труда на стройке заключенный предстояла долгая дорога в барак. Много времени отнимал и многократный пересчет: утром при выходе из жилой зоны и при входе на рабочую площадку, вечером при выходе с рабочей площадки и при входе в жилую зону. В дополнение еще поголовный обыск вечером перед воротами жилой зоны. И все это за счет времени и без того недолгого отдыха, что было особенно обидно. Всем, но только не Льву Николаевичу. Оказывается, даже это время он использовал для работы над своей теорией. Как-то раз в его присутствии один из товарищей пожаловался на несчастную судьбу их бригады. У соседней бригады и рабочая площадка рядом с жилой зоной, и уходят они последними, а приходят первыми. Сколько дополнительного времени для драгоценного отдыха!.. Лев Николаевич немедленно возразил: «Ну, это с какой точки зрения посмотреть на дело. По-моему, длинная дорога — очень даже хорошо. Представьте себе, что тот же путь нам пришлось бы пройти без внимательной заботы и помощи со стороны охраны. Чем бы пришлось заняться? Да в первую очередь самой дорогой! Не пропустить нужного поворота, разминуться со встречной телегой или машиной, обойти колдобину. Любая пролетающая ворона, собака, бегущая куда-то по своим делам, даже окружающий пейзаж — все это отвлекало бы, притягивало бы внимание. Или лесная дорога, по которой приходится ходить. Корневища, сучья, валежник, колея с водой… Гляди да гляди, отвлекайся, принимай решение… А сейчас — благодать! Начальство само выбрало нашу дорогу: куда идти, куда поворачивать, где останавливаться. И под ноги смотреть незачем. Вот я иду в колонне, в среднем ряду, кругом одни спины. Чего на них смотреть? Ритмичные, однообразные колебания, никакого окружающего фона. Идеальные условия сосредоточиться, уйти в свои мысли. Полтора часа туда, полтора обратно. Три часа для творческих размышлений! Это же настоящая удача! Если бы наши охранники только знали, сколько интересных мыслей приходит в голову во время дороги в барак!..»

Все это время — когда урывками, а когда и регулярно — Лев Николаевич упорно работал над двумя темами, замысленными, как будущие книги, — о древних *тюрках* и об исчезнувшем народе, известном в ранней средневековой истории Европы, как *гунны* . Гумилёв использовал китайскую огласовку данного этнонима — *хунну* (китайцы говорили еще *сюнну*). Листы создаваемой книги, а также свои стихи, написанные на клочках

бумаги, он носил с собой в самодельном заплечном коробе, не без оснований опасаясь, что оставленные в бараке они могут пропасть (раньше приходилось все держать в голове — благо, что память у ученого зэка была необъятная). Правда, такая «вольность» относится к двум последним годам пребывания создателя пассионарной теории в лагере, когда после смерти Сталина наметились определенные «послабления» (до этого хранение каких-либо записей не допускалось и каралось).

Письма Гумилёва из лагеря к матери и друзьям заполнены просьбами прислать необходимую научную литературу — как новинки, так и классику. Долгое время, к примеру, он просил всех, с кем переписывался, любыми путями достать ему необходимый для работы трехтомный труд своего предшественника и одного из идейных вдохновителей Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (1860—1936) «Западная Монголия и Урянхайский край». Наконец верный друг В. А. Амбросов достал и переслал Льву один из томов этого издания.

Переписка с В. А. Амбросовым, ставшим в дальнейшем крупным ученым-лимнологом (озероведом), занимает в эпистолярном наследии Л. Н. Гумилёва особое место. Она наиболее обстоятельна и по-мужски откровенна. С одинаковой легкостью и доверием друзья обсуждали научные проблемы и делились подробностями личной жизни, даже самыми интимными. В письмах к Васе Лев не стеснялся в крепких выражениях (что называется — не для печати), понятно, не задумываясь, что когда-нибудь эти письма станут достоянием гласности. Временами переписка друзей поднималась на недосягаемые философские высоты, иногда опускалась до низменных житейских страстей (например, при обсуждении вопроса о «бестолковости как субстанциональном атрибуте женского пола» и вообще о сущности женского естества). Впрочем, личное и философское сливались у Гумилёва в неразрывное целое. Так, в письме от 23 декабря 1954 года Лев рассказывал далекому другу о своей любви к Наталье Варбанец (подробности — ниже):

«<…> Человек четырехмерен, и его прошлое всегда с ним; накопление прошлого — духовный рост. Единственная форма духовной жизни — это общение, след[овательно] духовный рост = интегралу прошлых взаимоотношений. Это такое богатство, которое можно отнять только одним способом — убедить, что ошибался. Это психологическая ампутация, которую без серьезной надобности делать не надо. А мне ее сделали: мама по нежеланию много думать обо мне и моих настроениях, а Птица не знаю почему. В этом вопрос. Что Птица ждать меня не станет, я

ни минуты не сомневался, а ревновать отсюда глупо. Я хотел только внимания — письма и ничего. Вначале я хотел не отвечать, но понял 2 вещи: 1) что я эту сучку люблю и 2) что вычеркнуть лучшее из моих романов ампутация очень серьезная. Если ее надо сделать, я сделаю, но надо ли — напиши мне ты. Встречаясь с Птицей, вы несомненно вспоминали обо мне – напиши, как и что и свое мнение: можно ли помириться или это унизит мое достоинство. Напиши подробно, я жду ответа и совета. Как ты прав, что не женишься! Я, вертясь среди баб, ничего не приобрел и много потерял, а ведь требования мои минимальны — только приличие во взаимоотношениях».

25 февраля 1955 года он размышлял о пространстве и времени: «По вопросу четырехмерности пространства. Только эта гипотеза может объяснить существование такого явления как память, индивидуальная и коллективная — история. Если бы мир был трехмерен, прошлое не влияло бы на нас, мы жили бы моментом, как вирусы. Однако это не так. Не только Шумер и Аккад, но и кроманьонская эпоха живет с нами, в наших делах и чувствах, знаем мы это или не знаем. Иногда прошлое переходит в сознательную область и становится историей. Т. к. не сущее влиять не может, значит прошлое существует; как — еще не познано нами. Вот почему история наука важная; практическое ее значение еще не оценено человечеством. Исходя из этого <…> положения мы можем поставить вопрос об эволюции по-новому, без рабской зависимости от вариационной статистики, которая мало что даст. Создание естествознания в 4-х измерениях – задача будущей науки — так мне думается».

Вполне понятно, что наиболее интенсивный и одновременно открытый характер переписка Гумилёва и Абросова приобрела после смерти Сталина[22] и ареста Берии (с его последующим расстрелом), когда появились надежды на пересмотр дел сотен тысяч политических заключенных, в том числе и «осужденного Гумилёва».

Страна постепенно начинала жить новой непривычной жизнью, но в запретные зоны ГУЛАГа ветер перемен проникал очень медленно. Холодным летом 1953 года амнистировали много уголовников, а о политических даже не вспоминали. На верхних этажах власти шла невидимая «подковерная борьба», непосредственно касавшаяся судеб сотен тысяч незаконно осужденных – таких, как Лев Гумилёв, – ибо люди, курировавшие работу репрессивного аппарата, не хотели (да и не могли!) преодолеть инерцию своего консервативно-полицейского мышления и отказаться от привычных политических стереотипов. Это особенно наглядно проявилось на примере «дела Льва

Гумилёва»…

* * *

Усилия, направленные на реабилитацию Льва Николаевича и призванные поначалу хоть как-то смягчить его участь, предпринимали очень многие люди. С помощью друзей Анна Андреевна обратилась непосредственно к К. Е. Ворошилову, занимавшему в то время пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР:

«Глубокоуважаемый Климент Ефремович! Умоляю Вас спасти моего единственного сына, который находится в исправительно-трудовом лагере (Омск, п/я 125) и стал там инвалидом. Лев Николаевич Гумилёв (1912 г. р.) был арестован в Ленинграде 6 ноября 1949 г. органами МГБ и приговорен Особым Совещанием к 10 годам заключения в ИТЛ. Ни одно из предъявленных ему на следствии обвинений не подтвердилось — он писал мне об этом. Однако Особое Совещание нашло возможным осудить его.

Сын мой отбывает срок наказания вторично. В марте 1938 года, когда он был студентом 4-го курса исторического факультета Ленинградского университета, он был арестован органами МВД и осужден Особым Совещанием на 5 лет. Этот срок наказания он отбыл в Норильске. По окончании срока он работал в качестве вольнонаемного в Туруханске. В 1944 году, после его настойчивых просьб, он был отпущен на фронт добровольцем. Он служил в рядах Советской армии солдатом и участвовал в штурме Берлина (имел медаль "За взятие Берлина").

После Победы он вернулся в Ленинград, где в короткий срок окончил университет и защитил кандидатскую диссертацию. С 1949 г. служил в Этнографическом музее в Ленинграде в качестве старшего научного сотрудника. О том, какую ценность для советской исторической науки представляет его научная деятельность, можно справиться у его учителей — директора Государственного Эрмитажа М. И. Артамонова и профессора Н. В. Кюнера. Сыну моему теперь 41 год, и он мог бы еще потрудиться на благо своей Родины, занимаясь любимым делом.

Дорогой Климент Ефремович! Помогите нам! До самого последнего времени, я, несмотря на свое горе, была еще в состоянии работать — я перевела для юбилейного издания сочинений Виктора Гюго драму «Марьон Делорм», и две поэмы великого китайского поэта Цюй-юаня. Но чувствую, что силы

меня покидают, мне больше 60-ти лет, я перенесла тяжелый инфаркт, отчаяние меня разрушает. Единственное, что могло бы поддержать мои силы — это возвращение моего сына, страдающего, я уверена в этом, без вины. Анна Ахматова. 8 февраля 1954».

Ворошилов, не вдаваясь особенно в суть происходящего, направил письмо Ахматовой на рассмотрение в Генеральную прокуратуру, откуда спустя полгода был получен ответ, не оставлявший никаких надежд на пересмотр дела и оправдательное решение. Приводимый ниже документ лучше всяких комментариев свидетельствует о настроениях, царивших в то время в высших эшелонах власти, и о способах дискредитации инакомыслящих:

«Секретно
экз. №
6 июля 1954
№ 2/6-50043-49
05445

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР
СОЮЗА ССР
Москва, Пушкинская, 15 а
Председателю Президиума Верховного Совета СССР
товарищу К. Е. ВОРОШИЛОВУ

Произведенной проверкой по обвинению ГУМИЛЕВА Льва Николаевича установлено, что он 13 сентября 1950 года бывшим Особым Совещанием при МГБ СССР был осужден за принадлежность к антисоветской группе, террористические намерения и антисоветскую агитацию к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Ранее, 26 июля 1939 года он был осужден Особым Совещанием при НКВД СССР за участие в 1937 году в антисоветской группе к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет.

На следствии в 1949—1950 гг. ГУМИЛЕВ показал, что антисоветские взгляды у него возникали еще в 1933 году под влиянием антисоветски настроенных поэта МАНДЕЛЬШТАМА и отчима ГУМИЛЕВА — ПУНИНА. Он и ПУНИН сгруппировали вокруг себя единомышленников в лице студентов БОРИНА, ПОЛЯКОВА, МАХАЕВА и к 1934 году у них сложилась антисоветская группа. Практически они на его, ГУМИЛЕВА, квартире неоднократно высказывали различные клеветнические измышления в отношении руководителей Партии и правительства, охаивали условия жизни в Советском Союзе,

обсуждали методы борьбы против советской власти и вопрос о возможности применения террора в борьбе против Советского правительства, читали стихи контрреволюционного содержания. Он, ГУМИЛЕВ, читал сочиненный им в связи с убийством С. М. Кирова такого же характера пасквиль «Экабатава», в котором возводил гнусную клевету на И. В. Сталина и С. М Кирова. Он же высказывался за необходимость установления в СССР монархических порядков.

По поводу антисоветской деятельности в период 1945—1948 гг. ГУМИЛЕВ показал, что после освобождения его из места заключения в 1944 году его взгляды оставались враждебными советской власти, он клеветал на карательную политику советской власти, и в антисоветском духе высказывался в отношении отдельных мероприятий ВКП (б) и Советского правительства.

Так, после опубликования постановления ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», он осуждал это постановление, заявлял, что в Советском Союзе нет свободы печати, что настоящему писателю делать нечего, ибо нужно писать так, как приказывают — по стандарту.

Факты антисоветской деятельности ГУМИЛЕВА, изложенные в его показаниях, подтверждаются показаниями ПУНИНА, БОРИНА, ПОЛЯКОВА, МАХАЕВА, МАНДЕЛЬШТАМА и ШУМОВСКОГО.

В 1951 году ГУМИЛЕВ обращался с просьбой пересмотреть решение по его делу, указывая, что его осуждение явилось результатом отрицательного отношения к его матери — поэтессе АХМАТОВОЙ, а также отрицательного отношения к нему как к молодому ученому-востоковеду.

В пересмотре решения Особого Совещания Главным Военным Прокурором ГУМИЛЕВУ было отказано.

АХМАТОВА в жалобе на Ваше имя написала, что предъявленное ГУМИЛЕВУ Л. Н. обвинение на следствии не подтвердилось, однако это ее утверждение не соответствует действительности.

Исходя из того, что ГУМИЛЕВ Л. Н. осужден был правильно, Центральная Комиссия по пересмотру уголовных дел 14 июня 1954 года приняла решение отказать АХМАТОВОЙ А. А. в ее ходатайстве о пересмотре решения Особого Совещания при МГБ СССР от 13 сентября 1950 года по делу ее сына — ГУМИЛЕВА Льва Николаевича.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ Р. Руденко».

Казенная справка — типичный образец тогдашнего правового

беспредела. Другими словами, у власти была своя правда, а у бесправных зэков — своя. Кроме того, в «верхах» шла большая игра, сводившаяся к борьбе за власть и сохранение ранее завоеванных позиций. «Сильные мира сего» и власти предержащие, которые рано или поздно должны были ответить за массовые репрессии, всячески тормозили процесс десталинизации. Естественно, Л. Н. Гумилёв по вполне понятным причинам ничего этого знать не мог, хотя, наверное, догадывался. Ему казалось, что мать делает недостаточно для его освобождения, потому что не понимал: перед ней попросту наглухо захлопнули дверь во все официальные инстанции. Правда, она добилась приема у заместителя Генерального прокурора (не зная, конечно, содержания справки «для служебного пользования»), но тот повел себя просто по-хамски, фактически вытолкав несчастную женщину за дверь и заявив безапелляционно: оснований для пересмотра дела ее сына нет.

Анна Андреевна не сдавалась, она обращалась за поддержкой к собратьям-писателям, которых власть не обделила своим вниманием. Так, например, серьезное участие в хлопотах по освобождению Льва Гумилёва из заключения принял Михаил Александрович Шолохов (по этому вопросу Ахматова встречалась с ним лично). Ряд шагов предприняли и выдающиеся ученые — академики Н. И. Конрад (намеревавшийся еще до освобождения привлечь Л. Н. Гумилёва к работе над многотомной «Всемирной историей»), В. В. Струве, доктора наук М. И. Артамонов, А. П. Окладников (будущий академик). В письме, направленном в Генеральную прокуратуру СССР крупнейшим специалистом в области древней истории Василием Васильевичем Струве (1889—1965), в частности, говорилось:

«<…> Насколько мне известно, в настоящее время производится пересмотр дел осужденных за время, когда во главе органов государственной безопасности стоял Берия. В связи с этим позволяю себе обратиться к Вам с усердной просьбой ускорить рассмотрение дела Льва Николаевича Гумилёва, 1912 года рождения, арестованного 6.XI.1949 в Ленинграде. Я беру на себя смелость сказать, что достаточно хорошо знаю Л. Н. Гумилёва, как моего ученика со студенческой скамьи и как сотрудника Института Востоковедения Академии Наук в Ленинграде, которого я был тогда директором, чтобы со всей убежденностью утверждать, что он вполне честный советский человек, преданный Родине и Советской власти. Я уверен, что пересмотр дела покажет это с полной очевидностью.

Со своей стороны, я хочу засвидетельствовать, что Л. Н. Гумилёв выдающийся знаток истории Среднего Востока,

отсутствие которого из наших рядов приносит большой ущерб нашему делу. Его отличные способности и исключительная память позволили ему, даже находясь в условиях своего места заключения и будучи больным, написать две крупных и солидных научных работы, охватывающих историю Средней Азии от Китая (включительно) до Каспия и южнорусских степей и восстанавливающих впервые картину политических событий и общественно-культурной жизни этой огромной области, столь тесно и кровно связанной с СССР исторически и политически. Но эта работа, как она ни значительна, представляет лишь малую долю того, что этот ученый был бы в состоянии сделать, имея необходимые условия для своей научной работы. И я не могу без глубокой горечи думать о том, что ценная для СССР жизнь крупного специалиста гибнет без всякой вины с его стороны. Я позволяю себе просить об ускорении пересмотра дела Л. Н. Гумилёва, потому что он, насколько мне известно, страдает серьезным заболеванием сердца (перикардит) и язвой 12-типерстной кишки, что в условиях, в которых он находится, грозит ему гибелью <…>».

Некоторые из ходатаев видели в Льве Гумилёве сурового мстителя за отца, вроде Тиля Уленшпигеля (отчего, дескать, и возникали такие непреодолимые трудности с его освобождением). Об этом, например, говорил Надежде Мандельштам Алексей Сурков — тогдашний первый секретарь Союза писателей СССР (искренний, хотя и осторожный, почитатель таланта Анны Ахматовой, много сделавший для реабилитации ее доброго имени).

Анна Андреевна старалась лишний раз не травмировать сына и не ставила его в известность о своих безрезультатных хлопотах и мытарствах, в письмах предпочитала рассказывать о чем-нибудь нейтральном и личном, но это еще больше раздражало Льва. Свои обиды он высказывал матери. Она отвечала в преддверии Первомая 1955 года: «<…> Твои неконфуцианские <…> письма очень меня огорчали. Поверь, что я пишу тебе о себе, о своем быте и жизни решительно все. Ты забываешь, что мне 66 лет, что я ношу в себе три смертельные болезни, что все мои друзья и современники умерли. Жизнь моя темна и одинока – все это не способствует цветению эпистолярного жанра.

Дорогой мой мальчик, я должна очень огорчить тебя: скончался Николай Васильевич Кюнер – твой учитель. Он так любил тебя, что плакал, когда узнал о постигшем тебя. Я спрятала на память об этом светлом человеке известие о его смерти, напечатанное в "Ленинградской правде".

В изд.<ательстве> "Искусство" выходят все произведения

Шекспира в старых и отчасти новых переводах. Мне предложили "Тимона Афинского". Помнишь ты его? Договора еще нет (он так и не был подписан – В.Д.), да и будут ли у меня силы для такой большой работы.

Здесь наконец весна – сегодня поеду в гости в новом летнем пальто – это будет мой первый выезд. Целую тебя крепко. Мама.

Москва красивая, светлая – подходит праздник – все как-то свежо и чисто».

* * *

Здоровье заключенного Гумилёва постоянно ухудшалось. Все чаще он оказывался на больничной койке, пока, наконец, не получил инвалидность и не был освобожден от тяжелых работ. К физическим страданиям постоянно примешивались моральные. Как только мог, он заставлял себя сохранять присутствие духа и оптимизм. Отчасти это отражалось и в его письмах: «У нас очень много цветов, просто Гулистан; по вечерам они сильно благоухают. Я люблю сидеть на закате в беседке и читать "Введение в индийскую философию", а кругом среди цветов носятся кошки <…>». Несколько ранее он утверждал: «Вообще, самое тяжелое в пережитом было лишение нас радости. Радость для организма — витамин; без радости наступает психологическая цинга гипертония, психастения, истерия и т. п. Для меня сейчас один источник радости — творчество <…>».

Но проходил месяц за месяцем, которые незаметно складывались в очередной год пребывания за колючей проволокой, и настроение Богом забытого зэка становилось все пасмурней, иногда перерастая в подлинное отчаяние. Несколько строк из письма верному Васе Абросову от 1 июля 1955 года отчасти передают его настроение тех дней: «<…>

В Москве мое дело все разбирают и разбирают, тратя на это занятие вместо получаса – полгода. На работе я очень устаю, и сейчас немного поламывает спину. Нас долго мучила жуткая жара; но сегодня похолодало, и это воспринимается как облегчение. Ведь подумать только, что за климат, что за природа в Западной Сибири. С одной стороны, резервуар богатств, с другой, отсутствие в природе элементов, стимулирующих творчество. Вот на Алтае другое дело — там в древности возникали культуры, самобытные и интересные, а здесь никогда ничего не было (по счастью, Гумилёв заблуждался: в недалеком будущем археологи обнаружат и в Западной Сибири следы

древних культур. — В. Д.)– Зато отъесться можно было именно здесь и до и после нашей эры».

Более всего Льва Николаевича беспокоило духовное одиночество, невозможность обсудить теоретические выводы с заинтересованными специалистами. (Если бы он только мог представить, сколько крови в будущем попортят ему эти так называемые специалисты. Но пока что он утверждал: «Духовное одиночество — это подобие ада…») Казалось бы, что в биологической и умственной жизни Гумилёв достиг вершины своего развития — сорока лет (*акме* — называли эту переломную точку древние). И что же? Он, полный творческих сил и нереализованных планов, униженный и бесправный, вынужден жить в зоне, лишенный свободы и удовлетворения элементарных человеческих потребностей. Что же это за система такая, превращающая людей в «лагерную пыль»? Кто ее придумал? Да и нужна ли она вообще? Разве не насмешка над здравым смыслом всё, что творилось вокруг?..

Между тем вокруг (то есть в лагерной зоне) происходило форменное «вавилонское столпотворение» (правда, в миниатюре). По своему составу лагерный контингент всегда был многонационален. Л. Н. Гумилёв умело использовал эту особенность окружавшей его этносоциальной среды для пополнения знаний в области лингвистики и народных традиций. Он охотно общался с заключенными-инородцами, коих в его окружении всегда хватало: с иранским коммунистом, осужденным как английский шпион, он совершенствовал знание персидского языка, с настоящим тибетским ламой, не весть какими судьбами оказавшимся в советском лагере, постигал сакральную восточную мудрость и тайну добуддийской религии *бон* , у тунгусского (эвенкийского) шамана выпытывал секреты медицинской и любовной магии.

Общение с казахами, татарами, узбеками показало Гумилёву, что дружит с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренне доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев: ведь сами они свой стиль поведения не никому навязывали. Однако любая попытка обмануть их доверие вела к разрыву. Китайцы требовали безусловного уважения своей культуры и за интерес к ней платили доброжелательностью. При этом они были так убеждены в своей правоте и своем интеллектуальном превосходстве, что не принимали спора даже на научную тему. Этим они были похожи на немцев и англичан. Грузинский еврей, раввин и математик, объяснил ему философский смысл каббалы…

Сталинские лагеря, как известно, заполняла всякого да

интеллигентная публика, попавшая под нож репрессий основном из-за «длинного языка». Но ежели на воле дискуссии не поощрялись, то за колючей проволокой никаких ограничений на них не устанавливалось. Любителей порассуждать на разные темы в лагерном сообществе всегда хватало. В центре таких словесных баталий почти всегда оказывался прирожденный спорщик Лев Гумилёв. Однажды Гумилёв, что называется, «завел» барак на бурную дискуссию на в общем-то, не слишком актуальную для зэков тему: есть ли социальная жизнь у муравьев.

Чем только не развлекали себя зэки. Как-то соседом Гумилёва по нарам оказался ученый-филолог, придумавший оригинальный способ времяпровождения. «Давайте представим, — говорил он, — что до Гавайских островов докатилась мировая революция, и город Гонолулу переименовали в Красногавайск. Вскоре там начнет выходить газета "Красногавайская правда"». И далее всем желающим предлагалось сочинить статьи и заметки для этой самой «Красногавайской правды»…

Бывали и другие интересные случаи. По сложившейся традиции и по воле вышестоящего начальства в лагере процветала художественная самодеятельность, а после того, как среди заключенных появился профессиональный актер, еще и заработал драмкружок. Лев Гумилёв с удовольствием и не без успеха участвовал в самодеятельных постановках. Друзьям-солагерникам особенно запомнились две его роли — нерешительного смотрителя училищ Хлопова в гоголевском «Ревизоре» и хитрой ключницы Улиты в комедии Островского «Лес». (В лагере все женские роли приходилось играть мужчинам. В том же «Ревизоре», где играл Гумилёв, роли жены городничего – Анны Андреевны и его дочери – Марьи Антоновны исполнялись с таким мастерством, что присутствовавшее на премьере приезжее начальство даже усомнилось, что на сцене одни мужчины, и после спектакля распорядилось официально освидетельствовать разыгравшихся «женщин».)

Иногда лагерников баловали отечественными и зарубежными киноновинками. Особенно Льву Гумилёву понравилась индийская мелодрама «Бродяга», поставившая в стране рекорд по кассовым сборам. А вот другой популярный фильм того времени — английская лента «Багдадский вор» Экранизация сказок «Тысячи и одной ночи») — показался ему убогим: «механическая фантазия, эклектика, дешевый юмор». Гнетущее впечатление произвел на него и французский фильм «Тереза Ракен» (по одноименному роману Эмиля Золя) — так же как и английская киноклассика «Мост Ватерлоо». Своими киновпечатлениями он делился в письмах к матери и другим корреспондентам.

Однажды, вспоминал солагерник Гумилёва инженер Д. Ф. Савченко, пьяные уголовники, которые к тому времени составляли в лагере меньшинство, вознамерились устроить в бараках «еврейский погром». Но настоящий еврей на весь лагерь оказался всего один, и тот, вовремя предупрежденный, успел спрятаться в конторе за шкаф. Тогда разъяренная толпа уркаганов набросилась на Гумилёва: как известно, он картавил, и его посчитали за еврея. Возглавлял толпу погромщиков уголовник огромного роста, вооруженный топором. Загнанный в угол Гумилёв в полном соответствии со своим именем защищался, как настоящий лев. Более того, с голыми руками перешел в наступление на опешившего бандита. Сбежавшиеся отовсюду политические заключенные едва растащили сцепившихся противников. Слава богу, обошлось без кровопролития.

Когда страсти улеглись, Гумилёв напомнил обступившим его зэкам мысль одного своего лагерного собеседника: евреи, там, где они поселились, давно стали неотъемлемым элементом общественной жизни. Любая попытка изменить существующее положение вещей приведет к необратимым негативным последствиям. За примерами далеко ходить не надо. Гонения на евреев и последовавшие затем массовые по отношению к ним репрессии в средневековой Испании и нацистской Германии привели к деградации обоих государств. У самого Гумилёва с детства и до глубокой старости всегда было много друзей-евреев[23].

В трудные годы заключения Гумилёва особенно поддерживали письма давней и верной подруги Эммы Герштейн. Об истинных чувствах к бывшей возлюбленной говорят тон и содержание его писем: «14.IX.54. Спасибо, милая Эмма, за письмо. Очень приятный сюрприз. Продукты в посылках обаятельны и доходят вполне исправно. Из банок я пью чай, как из стакана.

Благодарю Вас за Вашу милую заботливость обо мне, хотя удивлен, как Вам и маме не надоело мое вечное неблагополучие. Мне самому надоело настолько, что я перестал даже расстраиваться, а тем паче заботиться о себе. Живу одним днем, как мотылек, и стараюсь извлекать из созерцательной жизни приятные впечатления. Влюбился я в сочинения советского писателя М. М. Пришвина, которого прислали к нам в библиотеку. Удивительно он врачует душу. Я стал совсем старый, седобородый, скоро из меня посыпется песок, но зато я стал мудр и успокоен, как бронзовая статуэтка. Вам это смешно покажется: Вы привыкли видеть меня экспансивным.

Еще раз благодарю Вас за письмо и за хлопоты. Целую Ваши

ручки — Leon.»

Эмма не теряла надежды восстановить их прежние отношения и даже попыталась добиться разрешения на недельное свидание в лагере. Но и здесь е ждало горькое разочарование: свидания если и давались, то исключительно близким родственникам – родителям, детям и официальным женам. И все же Эмма сумела доказать свою беззаветную преданность Льву, совершив настоящий подвиг перед наукой. Она сохранила книгу Гумилёва о гуннах (*хуннах*), которую хитроумный автор сумел переслать обычной почтовой посылкой, запрятав 30(!) самодельных тетрадей среди якобы ставших ему ненужными книг. Одновременно Эмме были даны соответствующие инструкции:

«<…>Книги, посланные мною, прошу Вас сохранить до моего возвращения, а «Древнюю Историю Серединной Азии» прошу при мамином участии перепечатать на машинке в 4 экземплярах и хранить как докторскую диссертацию. Для переделки ее для печати будут нужны некоторые незначительные дополнения, а для защиты этого достаточно. О получении посылки сообщите мне немедленно авиаписьмом, а о диссертации упомяните в одном из придаточных предложений.

На случай моей смерти, завещаю передать оное сочинение в Академию Наук, на предмет дополнения, редактирования и опубликования, с присвоением мне докторской степени посмертно. В том виде, в каком она сейчас, «История» может быть показана проф. Конраду и, при сокращении, использована для «Всеобщей истории», что я разрешаю сделать, буде это удобно, но после перепечатки на машинке.

Милая, дорогая, неповторимая Эмма: то, что я Вам доверил, — лучшая часть меня; это как бы мой ребенок. Если будут отзывы, то пишите мне, как об рецензиях на диссертацию. Целую Вас нежно и благодарно. Я очень хорошо понимаю, чего Вам стоит такая изумительная забота о таком полусвине, как я. Поцелуйте маму. *Leon* ».

В приведенном письме Эмме Герштейн Гумилёв повторил некоторые мысли, еще за полгода до того сформулированные в официальном заявлении, переданном руководству лагеря. Лев Николаевич в очередной раз был тяжело болен и не без оснований полагал, что может не дожить до ускользающего, как горизонт, освобождения. Поэтому его прежде всего беспокоила судьба книги, с таким трудом написанной в лагере. В документе от 25 марта 1954 года, озаглавленном «ЗАВЕЩАНИЕ для оперуполномоченного или следователя», он сообщал: «Я написал "Историю Хунну" <для> собственного удовольствия и утешения

души. *В ней нет ничего антисоветского* (выделено в оригинале. — В. Д.). Она написана так, как пишут книги на Сталинскую премию, только живее и, надеюсь, талантливее, чем у моих коллег-историков. Поэтому, в случае моей смерти, прошу рукопись не уничтожать, а отдать в Рукописный отдел Ин<ститу>та востоковедения АН СССР, в Ленинграде. При редакционной правке книга может быть напечатана; авторство мое может быть опущено; я люблю нашу науку больше, чем собственное тщеславие. Книга эта может восполнить пробел в науке и отчасти залечить раны, нанесенные нашей науке наглостью и бездарностью доктора ист<орических> наук А. Н. Бернштама. Лучшим редактором книги, в настоящее время, может быть доктор ист<орических> наук А. П. Окладников. В том случае, если книга напечатана не будет, разрешаю студентам и аспирантам пользоваться материалом без упоминания моего авторства, наука не должна страдать. Готические соборы строились безымянными мастерами; я согласен быть безымянным мастером науки».

Эмма Герштейн выполнила данные ей поручения: она не только сумела сберечь рукопись, но и передала экземпляр академику Н.И. Конраду, которого лагерный труд Гумилёва привел в совершеннейший восторг. Однако верную Эмму по-прежнему волновали не только научные, но и личные проблемы. В ответ на ее подробнейшие запросы Лев полуиронично рапортовал: «<…> Милая моя, Вы спрашиваете, почему я не задаю вопросов о Вашей жизни. А по той простой причине, что я вообще не могу сейчас даже вообразить какую-либо жизнь. Я так отвык от мира, что не в состоянии поддерживать интересную, светскую беседу, тем более, что последнее время я надеялся на положительный результат и все мои душевные силы уходили на поддержание внешнего спокойствия. О внутреннем говорить не приходится. Я расплачиваюсь за напряженность жизни такими болями в животе, каких я даже представить себе раньше не мог. Здесь жизнь очень трудна, даже в тех случаях, когда она физически не тяжела. Масса людей и обязательных отношений, принудительное сожительство 24 часа в сутки и т. п. Несравнимо ни с чем, что Вы знаете и видели. Сохранить себя физически и эстетически, да еще творчески — можно только при удаче — уменье жить (в данных условиях). Я не знаю, надорвался ли я уже или только надрываюсь и вот-вот надорвусь, и единственная ниточка, которая меня поддерживает, — Ваши письма. Даже когда они огорчительны. Это, например, расстроило меня, но отсутствие его было бы гораздо хуже. Поэтому я благодарю Вас за него и прошу в дальнейшем писать, ибо вы меня жалеете, а я того

достоин. Но неужели одно мое письмо пропало, в нем была приписка маме. Я отвечаю на все письма сразу, и задержки не по моей вине. Милая, я отлично понимаю, что вы не можете мне помочь в главном, без чего все остальное призрак; ох, хоть какой-нибудь результат <…>».

* * *

А вот Птица ему не писала целых пять лет. Правда, за это время она успела выйти замуж, но брак (к тому же гражданский) оказался непрочным и недолгим. Свое пятилетнее молчание она так внятно и не объяснила — даже в личном дневнике, не предназначенном для посторонних глаз. Помимо свободолюбия и нежелания связывать свою жизнь детьми и официальными брачными узами, она ко всему прочему еще и опасалась, что переписка с политическим заключенным может отразиться на ее научной карьере и даже чревата потерей работы в солидном государственном учреждении. И потом — не следует забывать о царившей повсюду обстановке всеобщей подозрительности и страха (Птица в данной связи признается себе в дневнике даже в «окаянном ужасе»): у подавляющего большинства законопослушных граждан (у Натальи Варбанец в том числе) даже в мыслях не могло быть, что невиновного человека могли посадить ни за что: раз арестовали и присудили десять лет лагерей — значит, виноват. (Это жертвы судебного произвола знали, что они невиновны, а основная масса людей, остававшихся на свободе, в том вовсе не была уверена.)

В письмах к Эмме Герштейн Лев Николаевич не делал тайны из своих былых отношений с Натальей Варбанец, прямо и безжалостно (для любившей его Эммы) называя Птицу своей любовницей. А в одном из писем к матери даже попросил ее считать Наталью своей невесткой (снохой), но до этого, как говорится, дело не дошло по причине, указанной ниже. Птица, действительно, изредка навещала Анну Андреевну и оказывала ей некоторую помощь по хозяйству. Но сколь-нибудь доверительные отношения между ними не сложились: Ахматова заподозрила в Наталье Варбанец «сексота», подосланного к ней спецслужбами. О своих подозрениях на условном языке мать поделилась с сыном. Лев со всей серьезностью отнесся к этому, в общем-то, чудовищному предположению, что в конечном счете привело к охлаждению между бывшими любовниками и к окончательному разрыву [24]. Но прежде чем это случилось, между Львом и Птицей

на какое-то время возродилось прежнее влечение другу к другу, выразившееся в том числе и в интенсивной переписке.

Впоследствии Лев Николаевич вернул Наталье все ее письма, и она их уничтожила (кроме двух), зато, по счастью, сохранила все эпистолярные послания Льва к ней самой. Письма его к Птице переполнены величайшей нежностью и постоянной тревогой за их совместное будущее, а иногда — отчаянием от безысходности, непредсказуемости дальнейшей общей судьбы и от одной только мысли, что предстоит навсегда потерять любимую женщину.

«Птица моя сизокрылая, пишу наспех, чтоб успеть отправить, а то пролежит 3 дня лишних. Я все понял — ты Мумма (ласковое обращение к возлюбленной. — В. Д.)[25] и я тебя очень люблю. Я люблю тебя больше, чем тогда, когда пришел с веером делать предложение, больше, чем когда закрыл глаза на Птибурдукова (В.С. Любинский – В.Д.), больше, чем когда прощался с тобой на Фонтанке до завтрашнего вечера.

Если ты этому рада — скажи спасибо Васе (В.Н. Абросов. — В. Д.): он мне прислал целую диссертаций по орнитологии, и все стало понятно. Ты сама никогда бы так не написала, не сумела бы. Мумма – вчера я был первый раз по-настоящему счастлив, ибо до меня дошло, что я тебя не потерял. Считай себя поцелованной от макушки до больших пальцев обеих ног. А к эпистолярному стилю все женщины неспособны. Если бы я получил только твое письмо, я бы все перепутал, подумал бы не то что есть и все бы могло рухнуть. Не знаю как для тебя, а для меня это не "игрушки", не "фанты", а скорее "еле фанты" (Elefanten) (нем. “слоны"), но разумеется психологические. Однако мне от них пришлось очень солоно, об этом я уже писал. А когда пришло твое первое письмо, я заболел и мне сделали операцию. Не письмо вырезали, а организм, находящийся уже столько времени в перенапряжении, сдал. Ты же знала, Мумма, что я делил свое время между советским востоковедением и тобой. Работы мои, ты знаешь, положены под сукно, хотя именно такие работы создают Родине мировую славу, а ненапечатанная работа — аборт. Оставалась ты… и вдруг жестокое недоумение на 5 долгих лет. Вспомнить страшно. Но это я объясняю тебе, а мне теперь ясно. Не пиши о плохом, пиши о хорошем. А все-таки жаль, что мы не поженились. Ты могла бы на целую неделю получить со мной круглосуточное свидание. Но для этого нужна бумажка из загса. И очень жаль, что деток не было. Ну да ладно — хорошо, что ты, Мумма, есть.

Теперь я буду ждать твоего ответа. Не пожалей рубля – пошли авиапочтой. Напиши, как ты меня любишь и чего ты от меня ждешь. Только, пожалуйста, не фордыбачь и не старайся казаться

problematische Natur fan Spielgagen (нем. «загадочная натура»). Пойми, мне до сих пор было нечем жить, я стал нарочно прикуривать третьим, а теперь я хочу тебя увидеть. Я буду лечиться и поправляться. Я хотел бы получить от тебя письмо с описанием твоих чувств в хронологическом порядке, чтобы связать прошлое с настоящим. В нашем возрасте жить начинать поздно и надо беречь счастливые минуты прошлого. Но если ты меня ждешь — носи пробор. Это ультиматум. Когда увидишь Васю, поцелуй его, он это заслужил. Н<иколая> Ал<ександровича> (Н. А. Козырев.– В. Д.) тоже разрешаю поцеловать…»

Птица относилась к той категории лиц, с коими можно было серьезно обсуждать любые научные, искусствоведческие и литературоведческие проблемы (из тех, разумеется, которые, занимали так же и Льва). Она выслала другу несколько ценных книг и толковых научных справок. Но научные темы постоянно перемежевывались в их письмах с житейскими. «<…> По поводу истории Востока ты оказалась почти права, — пишет Гумилёв. — Я занимаюсь без плана, т. к. меня лимитирует скудость литературы, но она подобралась так, что подготовлен огромный материал: хронология, источниковедение, историческая география и т.п. Охват тоже получился немалый от Желтого до Аральского и Каспийского морей. Но система всего этого материала пока только в моем черепе. Очевидно, для окончания необходимо минимальное улучшение условий. Но зато будет действительно все понятно: что к чему и почему. Если бы ты могла достать Геродота и Страбона, точнее, те части их сочинений, где говорится о Ср<едней> Азии, но это слишком трудно и сложно. Покупать книгу для одной-двух справок — роскошь не для нас. Письма твои мне нравятся: они становятся все бестолковее и милее и как-то теплее. Мумма, я не буду осуждать тебя, если у тебя и сейчас есть "друг", но мне было бы приятнее, чтобы именно сейчас его не было. Ты мне об этом напиши, не скрывая ничего; лупить я тебя буду не за это, а за то, что будучи не виновата, ухитряешься выглядеть виноватой. Плохого, я теперь вижу, действительно нет, т<о> е<сть> такого, чего нельзя было бы как-нибудь оправдать. А получается, что ты сама себе прокурор и если бы не Васина защита, ты опять бы все испортила. Но теперь я уж сам буду этим твоим наклонностям препятствовать. А еще мне интересно: работаешь ли ты на том же месте перед окном, или что-нибудь переменилось.

Я совершенно не могу представить маму на другой квартире[26].

Что это за квартира? Большая ли, тихая ли? Где там Ира (дочь Пунина. — В. Д.)? Куда девался ее вежливый муж? Мама держала меня в неведении по поводу самых простых, бытовых, предметов, которые никто и не думал запрещать описывать. Дополни сие, если хочешь.

А что тебе интересно знать про меня? Спрашивай, ибо я не знаю, о чем стоит писать. Смотрели мы недавно два индусских фильма: «Бродягу» и про певца. Все в восторге, и я в том числе. Интересно, что хоть индусы и усвоили кинотехнику, они остались индусами. Первый фильм – шиваистский: исступленный, не приемлющий мира, а второй вишнуистский: любовь, переплетенная с искусством, торжествующее примирение, забитая ненависть и смерть не от злобы людской, а от природы. Трудно сказать, какой лучше, оба прекрасны и неожиданно – новы. Я сейчас почти ничего не читаю, ибо работаю в ночной смене. Сегодня, при колке дров, растянул мышцу на левой руке – болит. <…> Тебе не один поцелуй, а множество, ибо письмами твоими я, наконец, доволен, Мумма… L.»

О любви писали оба, постоянно, помногу поначалу и взахлеб, но каждый вкладывал в понимание любви свой собственный смысл. Лев утверждал: «Ты 40000 раз права в своей логике и ни в чем передо мной не виновата, есть кое-что недосказанное, и оно просто ужасно для меня. Это ужасное находится в первой части письма. Во-первых, твое рассуждение о любви. Я полагаю, что любовь– это желание 1) быть вместе и 2) причинять объекту радость. Причем здесь чувство собственности? Я, напр<имер>, хочу быть с тобой в одной комнате и радоваться твоему доброму расположению духа. Для этого и заключают, по-моему, брак, который тебе столь противен, как ты утверждаешь. Еще одно условие — измена разрушает все — а что такое измена, ты знаешь. Во-вторых, необходимо внимание друг к другу; не как к объекту чувств, а как к самостоятельной персоне. И тут не совсем благополучно: я не на лепестках розы, мне очень тошно жить, и я сомневаюсь, стоит ли начинать заново. Ты знаешь, что меня занимает комбайна и ты. Потеряв вас обеих, я не стал веселее и живее. Интеллект мой не пошатнулся, но дистрофия нервной системы налицо. Жить можно, когда есть к чему стремиться — а что ты предлагаешь: при встрече поцеловаться и потом решать, что дальше, да не сразу, а фантастически долго. И при этом ссылаешься на свой характер и что ты всегда была такая. Ну, нет. Для Глеба (недавний гражданский муж Птицы. — В. Д.) нашлось у тебя и место и забота и всепрощение, тогда как для меня, после каждой экспедиции, были только сюрпризы. Значит, тут дело не в твоем характере, который мне известен, а в твоей доброй воле.

Характер-то у тебя хороший, по крайней мере был, а вот доброй воли и тогда не хватало. Я полагаю, что живя вместе с Глебом, ты отошла от Вл<адимира> Серг<еевича> (Любинский = «Птибурдуков». — В. Д.). А для меня ты и этого не сделала. Я не бросаю в прошлое камнем, но знаю, что половины или 1/3 тебя я не хочу. Пусть лучше тогда ничего не будет. Возникает и еще вопрос: а вздумала бы ты написать мне, если бы Глеб не пил и не скандалил? Похоже, что нет. Это я не в осуждение тебе говорю, а потому что хочу, чтобы ты не сваливала на свой милый характер свои глупости; а то у тебя характер вроде беса из басни, который учит монаха печь яйца на свече.

Я пишу — ночь, одиночество, а на столе передо мной твоя карточка очень сердитая и меняет выражение, как будто хочет что-то сказать. Возвращаюсь к теме. Из моих писем ты могла усмотреть, что я повторил предложение, которое теперь может быть принято только в принципе. Но даже в этом случае оно налагает обязательства — в этом ты права. Ты не хочешь брать на себя обязательств — это твое решение; более того, в последнем письме содержится почти отказ. Чему же мне радоваться. Если ты любишь, то обещание не цепь, а золотой браслет, а если не любишь — зачем было все это начинать? Я в недоумении. Ты спросишь — а зачем это сейчас? А для того, чтобы знать, стоит ли хотеть жить или не стоит. Вот насчет судьбы и своевольства ты написала верно. И, знаешь, я думаю, что твой разрыв с Глебом и последующие мысли про меня, из коих родилось желание написать, это дело рук судьбы, а не твоих. В наших отношениях с самого начала чувствовалась предназначенность. Может быть, я поэтому так тебя полюбил, хотя ты делала все, чтобы оттолкнуть меня. <…>

Все эти вопросы мы с тобой должны решить теперь. Не знаю почему, но этот момент для наших отношений решительный. Или я знаю, что меня дожидается невеста, к которой я приду домой и вещи положу и сам сяду, или у меня есть симпатичная приятельница, которой я позвоню в свободное время и попрошу ее назначить свидание, когда это ей и мне будет удобно. Ты чувствуешь разницу? Навел я тоску на тебя и на твой портрет своим чрезвычайно серьезным тоном, но что делать, это не смехуечки, а судьба двух человек, хотя ты Птица. Подумай и ответь, а потом я подумаю и отвечу. И тогда будет "всё", и пересматривать вопрос не будем.

<…> Мне очень не хочется тебя снова терять. Однако это случится, если ты не продумаешь серьезно моего к тебе и твоего ко мне отношения. Я не вымаливаю ничего и не пытаюсь играть на твоем благородстве. Я хочу твоего добровольного прихода ко

мне для того, чтобы быть со мной. Но после этого назад тебе хода нет. Это будет не только измена, а, скорее, убийство. Я сейчас слаб и нуждаюсь в помощи, а не в травмах. Может быть, я когда-нибудь поправлюсь, окрепну и опять смогу выносить обиды и капризы любимой женщины, но сейчас фордыбачить – все равно, что бить больного. Подумай, дорогая, и скажи. Если ты скажешь "нет", можно кончить переписку, а можно и продолжать, но уже в ином плане и в ином значении. <…>

<…> P.S. То, что ты назвала любовью — есть греческий Эрос (у Плотина), переводится он как "восхищение". Вот и я побаиваюсь, что ты мной восхищаешься, а из этого не следует семейная жизнь. Конечно, восхищение всякому лестно, но мне от тебя этого недостаточно.

P.S. Знай, патриархат — система, наиболее выгодная для женщин, даже при полигамии, а матриархат для мужчин. И бывает он, когда женщины теряют очарование и начинают за мужчинами бегать. Такими бабами пользуются все желающие, и дети знают только мать. Другого матриархата не бывает. Зачем он тебе? Еще раз целую, какая бы ты ни была.

P.S. "О, женщины!" — сказал Шекспир, и он был прав!!!»

Лев Николаевич готовился к самому серьезному развитию их отношений, недискуссионным (для себя) считал вопрос о их женитьбе сразу же после освобождения из неволи. Ему хотелось безоблачной любви и тихого семейного счастья. Он и будущую жену (в другой роли он Наталью и не представлял) постоянно настраивал на такой же лад: «Милая Птица, вопреки твоим заветам, я опять в больнице — надорвался, ворочая балан («бревно» — лагерный жаргон. – В.Д.). Но надеюсь, что не надолго. Уже ковыляю с палочкой и, если ничего не осложнится, скоро выйду. Лечусь в основном тем, что грею зад у печки — помогает. Перечтя и продумав твои письма заново — я начал, кажется, кое-что понимать. В это слово "люблю" все вкладывают разное значение, и ты в этом отношении, как будто, побила рекорд. Ты пишешь, что меня любила — верю, и что я тебе дорог — верю; ты вообще не врешь. Но, видимо, так же ты любишь пейзажи Пуссена в Эрмитаже или роман Диккенса. Из этого, конечно, вытекает, что ты, любя, сохраняешь свободу и не нуждаешься во взаимности; и совершенно не вытекает необходимости или даже желательности жизни вместе. Ведь так? Поэтому тебе наплевать, люблю я тебя или нет. Ты этого не требуешь, хотя и не протестуешь. Но общение со мной тебе, по логике вещей, нужно, так же, как хочется читать любимые книги и слушать любимую музыку. Ведь так? Поскольку ты претендуешь на небывалую, исключительную сложность натуры, я пытаюсь

тебя понять, чтобы больше не быть в положении дурака. Я полагал, что под нашей любовью надо понимать стремление давать друг другу радость и радоваться радостью друг друга. Но для меня не радость знать, что ты меня совмещаешь, совмещать тебя просто оскорбительно. Вот какое взаимное непонимание возникает из-за полисемантичности термина "любовь". Теперь я понял, не правда ли? С этой точки зрения все твое поведение понятно и логично. От начала до сего момента. Твое восприятие жизни — эстетическое, а красота по ту сторону добра и зла, и чувства долга. Но, будучи весьма честной и правдивой, ты избегаешь лжи и одновременно долга, чтобы не быть принужденной лгать. Ты возобновила отношения со мной, как берут с полки роман, чтобы перечитать его заново; конечно, это должен быть любимый роман. Не так ли? <…>

Ты написала мне все так искренно и, как будто, правдиво, что, даже потеряв Мумму, я буду писать письма Птице. Это не первая моя потеря — переживу. Лучше без иллюзий, порождаемых жалостью. Ни в коем случае не смей что-нибудь делать для меня из жалости. Запрещаю! В одном только ты врешь: что не способна любить попросту. Способна и любишь… только не меня. Как будто и это так? Не письмо, а сплошной "?". Это письмо внеочередное и дополнительное. Надеюсь, оно догонит основное и ты ответишь на оба сразу, и больше не обвинишь меня в "невнимательном чтении" твоих писем. Прости за корявость почерка и плохие чернила. Других не достал. <…>».

Наталья Варбанец, однако, не разделяла радужных надежд Льва. В одном из двух сохранившихся писем Птица отвечала возлюбленному: «Ну как, кавардак в твоей милой голове немножко упорядочился, Лю? Еще несколько слов о нас с тобой. Я не знаю, что значит "любить, как надо", олененок. Устав любви нигде не написан, каждому надо разное, да и сам ты, напр<имер>, не знаешь, что именно тебе надо, ибо все твои римские и неримские <зачеркнуто> совершенно противоречат твоему же характеру и вкусу. Поэтому я тебя люблю так, как можно, тем более, что в настоящее время мое дело развлекать тебя письмами и прочищать мозги. Когда понадобится другое, то в меру возможностей приложится. Я не берусь предписывать никаких рецептов, кроме одного: взаимной доброй воли и здравого смысла. Я понимаю, мой родной, что тебе хочется забежать вперед и уже в воображенье пожить домашней жизнью, а для этого нужно, чтоб я изобразила тебе будущее определенней, конкретней, осязаемей. Но я ради этого самого будущего, как огня, боюсь всякого предварительного воображения: человеческое воображение убого, и оно упрямо стремится поработить живую

ткань отношений, жизни своими скудными измышлениями. Не прими это за выпад против тебя <…>».

Лев Николаевич продолжал философствовать: «Обычно сначала влюбляются, потом любят, потом привыкают, а ты? Сначала отбила меня у подруги, потом привыкла, а теперь влюбилась. Милая наоборотница. Я терпеливо ждал ответа на 2 письма и вдруг получаю записку просто так. Мне это очень понравилось. Значит, Вася прав — ты меня любишь. Я, Мумма, этим очень доволен. Кругом меня звездная ночь, топится печка, на коленях сидит ласковая кошка, на столе чай, халва и книги — я один на ночном дежурстве. Мне совсем спокойно, но я хочу в Город, населенный тобой, м<ожет> б<ыть>, мы будем счастливы, ибо счастье не покой, а радость. Я не знаю, будет ли это. Я очень привык к разочарованию и обманутым надеждам <…>».

Перед самой реабилитацией и возвращением Гумилёва в Ленинград Птица отправила ему акварельный рисунок, где изображена она сама, сидящая под развесистым деревом, а у ее ног — Лев в виде зверя, соответствующего его имени. К картинке прилагалось наспех написанное письмецо: «02.05 1956. Лю, вот тебе картинка, хоть ты и свин, не пишешь Мы уж сегодня говорили, что Львы (т. е. и Л<ев> Г<умилев> тоже) заслуживают шлепки по тощим задам, но по случаю праздника вместо шлепка тебе подарок — я сегодня ночью нарисовала. Как ты можешь угадать, это мы с тобой гуляем, и я даже <неразб.>. Такого платья у меня пока нет, но задумано, т<ак> что к приезду твоему, вероятно, будет, если все будет на месте и в порядке. Будь только ты на месте, т. е. дома. Еще раз целую, Люшенька, но вместо пасхального яичка. Мумма».

На процитированном письме позже Лев Николаевич сделал приписку: «И зачем нужно было столько лгать?» Под этим названием в 2005 году и были изданы все его письма к Наталье Варбанец. Сам же он за три месяца до освобождения так оценивал состояние и перспективы их взаимоотношений (в письме Васе Абросову, который вышел на свободу раньше и успел повидаться в Ленинграде и с «невестой» Льва, и с его матерью): «В отношении Птицы ты написал очень интересно. Ты применил естественно-научный метод наблюдения и анализа к бытовой психологии и блестяще. Похоже, что ты прав. Она не виновата в своем отношении мне, ибо на другое она не способна, но "мне от эфтого не легше". Это не то отношение, которое нужно, и я не завидую де Гриё (персонаж известного романа А. Прево. — В.Д.). Да, она определенно заявила, что хочет не семейной жизни, а встреч, а жить, обязательно, на разных квартирах. Ее только это

устраивает, а меня именно это не устраивает. Ей нравилось, что я ее не стеснял, но она не понимала, что пошел на это лишь тогда, когда перестал ее уважать. Тогда мне казалось, это удобно, но я быстро понял, что это не так. Я отдал ей время и силы, которые, таким образом, уходили на ветер, и не искал лучшего, а надо было. В результате я остался у разбитого корыта, и даже сейчас, когда положение изменилось и она опять вспорхнула перед моим удивленным взором, — по сути все так же. Она ничего не хочет даже обещать, а это значит, что прочит меня на вакансию развлекателя, что опять не даст мне времени и возможности завести прочные отношения с женщиной, ищущей, подобно мне, покоя и взаимного доверия. Она настаивает на взаимной свободе; хорошо-с, так я ей воспользуюсь для того, чтобы, если мне придется начать новую жизнь, я буду свободен по отношению к ней и не вернусь. Дружба, любовь и тем более брак предполагают добровольное самоограничение в интересах партнера, а раз этого нет, остается симпатия и использование партнера для себя. Этим я сыт, отвык от этого и не хочу этого. Вот вывод, к которому я пришел и очень рад, что сейчас, пока я еще на дне, так что обвинений в неблагодарности заслужить не могу <…>». В конце концов Льву и Птице пришлось расстаться: он не простил ей ее измен и предательства, она — оскорбительного и беспочвенного подозрения в «стукачестве»…

Между тем проходила неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом, а вопрос о досрочном освобождении и реабилитации Льва Гумилёва по-прежнему оставался на мертвой точке. Ситуация кардинальным образом изменилась лишь после XX съезда КПСС, разоблачившего культ личности Сталина и осудившего репрессии. Съезд состоялся в феврале 1956 года, а уже весной по всему ГУЛАГу вовсю заработали комиссии по пересмотру дел политических заключенных. В конце апреля одна из таких комиссий приступила к работе в Омске, где отбывал свой срок Лев Николаевич Гумилёв (в тюрьмах и лагерях он провел в общей сложности около четырнадцати лет). В начале мая 1956 года ученый был признан невиновным по всем статьям и отпущен на свободу. На руки ему выдали «подорожную» — справку МВД г. Омска от 11 мая 1956 года, №008528, где значилось: «Выдана гражданину Гумилёву Льву Николаевичу, год рождения 1912, национальность русский, уроженец гор. Пушкин Ленинградской области, в том, что он содержался в местах заключения МВД с 6 ноября 1949 года по 11 мая 1956 г., откуда освобожден по постановлению комиссии Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1956 г., № 16. Следует по месту жительства – гор. Ленинград. Начальник лагеря (подпись).

Начальник отдела (подпись)».

С дороги домой недавний зэк отправил письмо верному другу Василию Никифоровичу Абросову, написанное карандашом на маленьком клочке бумаги, вырванном из блокнота: «13. V—1956. Дорогой Вася. Еду домой. Пишу в поезде. Реабилитирован полностью. Теперь буду оформлять книгу, написанную за эти годы. Это История Срединной Азии XVIII в. до н. э. по X в. н. э. Работа готова на 80%, но еще много вставок и поправок. Всего 55 п. л., из них 33 написаны в Сибири. В Москве остановлюсь на день, узнать о возможности защиты докторской. Как много ты мне помог! Больше всех. Пиши на [Ленинградский] адрес, я приземлюсь там и сам напишу тебе оттуда. Как во сне… ух… Прости за лаконичность, но ты понимаешь и не осудишь… Обнимаю тебя — Лёва». На багажной полке размеренно в такт колес покачивались два вместительных чемодана, сколоченных из грубых досок, — оба были набиты рукописями двух книг, которые через недолгое время сделают имя их автора всемирно известным…

Спустя почти три с половиной десятилетия один дотошный журналист спросил Гумилёва: «Лев Николаевич, что вы пишете в анкетах о времени, проведенном в лагерях, как обозначаете свое главное занятие той поры?» Гумилёв усмехнулся: «По нашему законодательству считается, что реабилитированный вообще не сидел. И я пишу, что был научным сотрудником Музея этнографии народов СССР с 1949 вплоть до 1956 года, когда я перешел на работу в библиотеку Эрмитажа». — «То есть у вас по анкетным данным непрерывный стаж научной работы за все годы, проведенные в тюрьмах и лагерях?» — «Да, именно так!» — последовал ответ. Такой вот парадокс еще недавнего времени…

* * *

С матерью он встретился в Москве, куда та приехала погостить к их общим знакомым Ардовым. Однако свою дальнейшую жизнь и научную карьеру Л. Н. Гумилёв однозначно

связывал с Ленинградом, куда он и отбыл при первой же возможности. Глотая свежий невский воздух, он с наслаждением прошелся по ленинградским улицам. За семь лет отсутствия город похорошел, зияющие раны войны — развалины — давным-давно убрали, кое-где успели выстроить новые дома. Но впереди Льва Николаевича ожидали очередные трудности (впрочем, что они в сравнении с 14-летней каторгой!): на работу никто не брал,

жить было негде и не на что, возникли проблемы с пропиской. Временно он устроился в коммуналке, куда переселили Анну Андреевну, но это оказалось одинаково неудобным и для сына, и для матери, перебравшейся в проходную комнату. Здесь все так же висел воистину роковой рисунок Ахматовой, выполненный в далеком 1912 году тогда еще мало кому известным художником Амедео Модильяни[27] (рисунок этот однажды подвыпивший Лев чуть было не подарил одному из своих друзей).

С деньгами Льву поначалу также помогла мать, получившая очередной гонорар за переводы зарубежных поэтов. Она и сына Льва всячески старалась склонить к переводческой деятельности: как хорошо — он бы давал подстрочник (например, персидских классиков), а она (а может быть, и вместе) превращала бы сухой перевод в поэтические шедевры. Но Гумилёва такая перспектива мало устраивала, он бредил наукой — древней историей степных народов. В конце концов на работу Льва (на «плавающую ставку» сотрудниц, ушедших в «декретный отпуск») взял старинный друг и бескорыстный покровитель М. И. Артамонов, ставший директором Эрмитажа. Впрочем, на это «плавающее место» бывшего зэка, имевшего соответствующую серию паспорта, взяли не сразу (Артамонов тоже был не всесилен). Поначалу недавнему политическому заключенному пришлось устроиться дворником в Этнографический музей. На эту тему по стране даже загуляли безымянные сатирические куплеты: « *<…> И снова сановное барство / Его не пускает вперед, / И снова мое государство / Вины на себя не берет* ».

«Декретная ставка», на которую зачислили Гумилёва появилась в отделе первобытного искусства. Но на самом деле рабочее место ему определили в научной библиотеке Эрмитажа. Здесь с благословения самого Артамонова он мог спокойно работать над своими рукописями, превращая вороха лагерной «писанины» в статьи и книгу. За другим концом огромного пятиметрового стола сидела 18-летняя девушка-искусствовед Наталья Казакевич. Вскоре она стала подругой Льва. Через некоторое время он сделал ей предложение выйти за него замуж. Девушка, искренне полюбившая человек намного старшего ее, дала согласие. Однако категорически воспрепятствовала этому Наташина мать и другие ее родственники. В конечном счете свадьба расстроилась [28]…

По воспоминаниям жены Н. В. Гумилёвой, Лев Николаевич в ту пору любыми возможными для ученого способами зарабатывал себе на жизнь, чтобы не умереть от голода. Анна Андреевна смотрела на это как бы со стороны. Сын вспоминал, что однажды она сказала: «Лев такой голодный, что худобой переплюнул

индийских старцев…» А вот отношения с матушкой у Льва Николаевича совсем разладились. В начале книги я уже высказывался по данному вопросу и не хотел бы повторяться, тем более винить кого-либо и в чем бы то ни было. Время уже сейчас расставило всё по своим местам. В печальной истории поздних взаимоотношений матери и сына если и были виноватые, то это скорее следует отнести к их окружению. Сам Лев Гумилёв довольно субъективно оценивал сложившуюся обстановку:

«Когда я вернулся, то тут для меня был большой сюрприз и такая неожиданность, которую я и представить себе не мог. Мама моя, о встрече с которой я мечтал весь срок, изменилась настолько, что я ее с трудом узнал. Изменилась она и физиогномически, и психологически, и по отношению ко мне. Она встретила меня очень холодно. Она отправила меня в Ленинград, а сама осталась в Москве, чтобы, очевидно, не прописывать меня. Но меня, правда, прописали сослуживцы, а потом, когда она наконец вернулась, то прописала и она. Я приписываю это изменение влиянию ее окружения, которое создалось за время моего отсутствия, а именно ее новым знакомым и друзьям: Зильберману-Ардову и его семье, Эмме Григорьевне Герштейн, писателю Липкину и многим другим [29], имена которых я даже теперь не вспомню, но которые ко мне, конечно, положительно не относились. Когда я вернулся назад, то я долгое время просто не мог понять, какие же у меня отношения с матерью? <…>».

Нет нужды говорить, что упомянутые и иже с ними лица занимали самую что ни на есть одностороннюю позицию и вылили при жизни и после смерти (устно и письменно) не один ушат грязи на Льва Николаевича, которого большинство из них знало с детства и звало просто Лёвой. В пору же размолвки матери и сына, к чему они как раз таки и приложили руку, некоторые из них доходили до форменной низости и объявляли ученого чуть ли не потенциальным пациентом психбольницы. По счастью, история доподлинно свидетельствует: грязь, которой пытаются обмазать великих людей, к ним все равно никогда не пристает; зато по уши оказываются в дерьме инициаторы подобных кампаний.

Нельзя согласиться и с попытками возложить ответственность за создавшуюся ситуацию исключительно на Анну Андреевну (а такие попытки вовсе не единичны). Она терзалась не меньше сына, приписывая велению Судьбы и Божьей воле выпавшие на их долю испытания. Виноваты не они с Лёвой — виновата окружающая их безрадостная и жестокая действительность. С трепетом вспоминала Ахматова недавнее трагическое прошлое. И

вновь рождались гениальные стихи, где поминалась и крестная печать ее единственного сына (написано в 1959 году):

Все ушли, и никто не вернулся,
Только, верный обету любви,
Мой последний, лишь ты оглянулся,
Чтоб увидеть всё небо в крови.
Дом был проклят, и проклято дело,
Тщетно песня звенела нежней,
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной судьбою своей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слежки своей.
Наградили меня немотою,
На весь мир окаянно кляня,
Окормили меня клеветою,
Опоили отравой меня. <…>

С такими же гениальными стихами, где вновь поминается окровавленный путь, Анна Андреевна обращается и непосредственно ко Льву:

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.
Разве этим развеешь обиду?
Или золотом лечат тоску?
Может быть, я и сдамся для виду.
Не притронусь я дулом к виску.

Смерть стоит все равно у порога.
Ты гони ее или зови,
А за нею темнеет дорога,
По которой пошла я в крови.

А за нею десятилетья
Скуки, страха и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.
Что ж, прощай. Я живу не в пустыне.
Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни.
В остальном я сама разберусь.

Если резюмировать вышесказанное кратко: Ахматова – ГЕНИЙ, сын ее Лев — тоже ГЕНИЙ, а ГЕНИЯМ ВСЁ ПРОЩАЕТСЯ. Конечно, обязательно найдутся умники и скептики — любители порассуждать на тему: а гении ли вообще Ахматова и ее сын Лев Гумилёв? Подобные сомнения типичны для филистеров и обывателей, для завистников и злопыхателей. Но вся эта безликая масса людишек не имеет ничего общего ни с высокой поэзией, ни с подлинной наукой. С такими нытиками и скептиками спорить о чем бы то ни было — совершенно бесполезно, тем более по совершенно бесспорным вопросам…

* * *

Как выглядел Лев Гумилёв в описываемое время так сказать, со стороны – лучше всех описала Лидия Чуковская: «<…> На второй день, когда мы были с Анной Андреевной вдруг отворилась дверь и вошел человек с резкими морщинами у глаз и на лбу, с очень определенно-очерченым и в то же время дряблым лицом.

– Вы незнакомы? — спросила меня Анна Андреевна.

– Нет.

– Это мой сын. Лёва!

Я не узнала его от неожиданности, хотя мне и говорили, что он в Москве.

Ощущение огромности и малости вместе. Так бывает в любви. Гадания по стихам; странные совпадения в датах; сердце, обрывающееся в колени от каждого телефонного звонка и почтальонного стука; дрожащие листки письма; а потом окажется, — это всего лишь человек: не больше и не меньше; человек — голова, руки, ноги. Такая огромная и такая обычнейшая из обычных малость: человек. Вот он передо мною; слово из четырех

букв: Лёва. Не мои — все ее бессонницы, сны, невстречи и встречи, окошечки над заплеванным полом, красное сукно на столах, заявления, повестки, посылки, волосок, вложенный в тетрадку стихов, и стихи в огне… Два десятилетия ее жизни. Материализованное время: десятилетия, и материализованное пространство: тысячи километров. И это, оказывается, просто человек — и он здесь, в этой комнате. Его можно тронуть рукой или назвать по имени. "Мама". "Сынуля. Детонька". Стены этой комнаты пропитаны мыслями о нем, стихами — ему. И снег, и деревья, и заря за окошком. И рубцы от инфарктов на мышце ее сердца.

В последний раз я видела Лёву, если не ошибаюсь, в 32 году, когда <…> у нас на Кирочной гостил Николай Иванович <…>. Жил он у нас, а целые дни пропадал у неведомой мне тогда Анны Андреевны. Однажды он пришел к нам оттуда вместе с Лёвой. Это был юноша лет 17—19, некрасивый, неловкий, застенчивый, взглядом сильно напоминавший отца, одетый, кажется, в ватник, что даже и по тем временам казалось уже странным. А раньше — это был Лёвушка-Гумилёвушка, давным-давно, еще в моем детстве, мальчик с золотыми волосами, кудрявый, его приводил к нам отец, и он у нас в столовой сам с собой играл в индейцев, прыгая с подоконника на диван. Сейчас сходство с отцом совсем потерялось, а чем-то — не знаю, чем — верхней частью головы, лбом, висками похож он на Анну Андреевну. Говорит картаво, грассируя. Одет как все, но чем-то резко отличается от всех. Чем — не знаю <…>»…

Через некоторое время после устройства на работу Лев Николаевич получил малюсенькую комнатушку в перенаселенной коммунальной квартире на краю города, в самом конце Московского проспекта. Первый раз в жизни у него появилось собственное жилье, которое он сумел превратить в настоящую лабораторию творческой мысли. Здесь ему суждено было довести до конца свой научный подвиг, начатый в зоне: нужно было издать две написанные в лагере книги и на основе второй из них (о древних тюрках) подготовить к защите докторскую диссертацию. На той и другой стезе Гумилёв столкнулся с такими трудностями, в сравнении с которыми трудности лагерной жизни совершенно померкли. Собственно, ничего другого он и не ожидал. Еще в начале 1950-х годов писал матери (письмо без даты): «Настроение у меня вообще спокойное, т[ак] к[ак] я решил, что умер и нахожусь в чистилище, где не может быть иначе. Воскреснуть что-то не хочется, особенно если вспомнить веселую жизнь в Институте востоковедения. Здесь тоже много прохвостов, особенно из урок, но там больше!»

Научные сообщества во все времена отличала замкнутость, корпоративность, высокомерие и недружелюбие по отношению к посторонним и одновременно друг к другу. И при этом — исключительная консервативность, жесткое неприятие нового и травля (по всем канонам облавной охоты) носителей оригинальных идей.

Людям, далеким от науки, она представляется неким мощным и единым организмом, целью которого является служение великим идеалам Истины и Знания. В действительности наука оказывается всего лишь набором субъективных представлений (а то и вовсе заблуждений) некоторой группы людей, поднаторевших в зомбировании и одурачивании окружающих при помощи негласного договора или же просто сговора, в смягченной форме — конвенции (как говорил великий французский математик Анри Пуанкаре) с тем, чтобы выдать свое далеко не единственное мнение за истину в последней инстанции. Монополизировав и приватизировав само право на истину, жрецы науки таковой считают только то, что принято и понятно им самим. Любые другие идеи, выходящие за пределы очерченного круга, отвергаются и дискредитируются, а их авторы шельмуются и морально унижаются.

Наука вообще сродни религии: люди, вообразившие себя учеными, свято верят в некоторую систему фетишей, облеченных в абстрактно-теоретическую форму, не задумываясь даже, что двумя поколениями ранее система, коей они поклоняются, была совершенно иной и через два-три поколения она вновь изменит свою парадигму, а новое поколение фетишистов будет поклоняться новым теоретическим идолам и авторитетам.

Л. Н. Гумилев неоднократно высказывал свое нелицеприятное отношение к ситуации, сложившейся в современной науке. Так, однажды он не без иронии заявил: «Французская поговорка гласит: "Самая лучшая девушка не может дать больше того, что у нее есть. В лучшем случае она может повторить". Так и наука. Нельзя ждать от нее больше, чем она может дать. У нас же сплошь и рядом требуют от науки готовых рецептов. Появилось множество научных сотрудников, сделавших своей профессией умение говорить то, что хочет слышать начальство. Это называется "научное обоснование". Но всегда были ученые высокой пробы, не боявшиеся говорить правду. Судьба их по большей части печальна. Вспомните Н. И. Вавилова. Сталин вызвал его и спросил, можно ли выращивать бананы на Памире. "Можно, но нецелесообразно", — ответил ученый и объяснил, что климат на Памире для бананов неподходящий, что памирские бананы будут чересчур дорогим удовольствием. Сталин сделал

вывод: "Вы против бананов на Памире — вы не понимаете марксизма. Идите". Вавилов "ушел" — в тюрьму. И умер. <…> Стоит ли после этого жаловаться на низкий уровень науки и удивляться отсутствию в стране порядка и продовольствия? Уровень науки, как и состояние дел в любой другой сфере деятельности, зависит от поведения и моральных императивов людей, занимающихся наукой. Если подхалимы ублажают начальство, а начальство предпочитает подхалимов настоящим ученым, наука умирает».

Псевдоученым неведом великий лозунг гениального Сократа – «Я ЗНАЮ, ЧТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ!» Напротив, околонаучное стадо полагает, что ему известно всё. Именно к ним еще тысячу лет назад обращался величайший ученый и мыслитель Авиценна (Ибн Сина) (980—1037) — его четверостишие, озаглавленное «Об ученых», где последние однозначно сравниваются с ослами, Гумилёв неспроста перевел на русский язык сам:

С двумя, что знают по строке единой,
Да с тридцатью, что лишь свое поймут,
Будь сам ослом: в компании ослиной
Все не ослы неверными слывут.

Со сколькими же «ослами» и сообществами «ослов» пришлось иметь дело Льву Николаевичу на протяжении всей своей нелегкой научной карьеры! Сколько раз многие из них, объединившись в ловчую группу, устраивали ему облаву или обструкцию, переходящую в форменную расправу! Быть может, пример его собственной жизни и злоключения его идей как раз и демонстрируют недвусмысленно изнанку науки как таковой: идеи Гумилёва восторжествовали, сам он (хотя и на склоне лет, но все же на виду у всех и к полнейшему изумлению своих многочисленных критиков) стал живым классиком, а вот десятки и сотни его хулителей наверняка канут в небытие, их мало кто знает уже теперь и вряд ли когда-нибудь помянет добрым словом в будущем. Что касается тех научных или учебных заведений, которые некогда изгоняли Л. Н. Гумилёва из своих стен, то теперь остается только одно — гордиться, что когда-то у них работал великий ученый. Безусловно, подлинная наука существует и развивается. Но двигают ее вперед ученые, подобные Л. Н. Гумилёву, а вовсе не те, кто безликой серой массой олицетворяют суррогаты, выдаваемые за науку…

О своем крестном пути в науке Лев Николаевич рассказывал

неоднократно и (несмотря на всю грусть происходившего) с мягким юмором: «<…> Я очень чту память профессора Артамонова, его отношение ко мне и то, что, несмотря на какие-то мне непонятные нажимы, он все-таки принял меня на ставку беременных и больных, после чего я стал получать хоть какую-то зарплату и смог жить. Потом я получил очень маленькую комнату (12 кв. м) в коммунальной квартире, забитой людьми, но все-таки хотя бы свой угол. Там я стал очень усиленно заниматься.

Из тех моих записок, которые я привез из лагеря, я составил книжку "Хунну". Она вышла в Востокиздате в 1960 году. Из второй части своих записок я составил несколько статей, которые были опубликованы тогда немедленно (в это время было довольно легко для меня их опубликовать) и доработал докторскую диссертацию, которую и защитил в ноябре 1961 года. Защита эта стоила мне очень больших травм и потерь, так как в Институте востоковедения, откуда, очевидно, и писали на меня доносы, ко мне было исключительно плохое отношение. И когда прислали эту диссертацию в московское отделение Института востоковедения, ее сначала потеряли, потом, когда я вернулся, ее разыскали, но отказали мне в рецензии на том основании, что у них Древний Восток — до V века, а у меня — VI-й. Но потом мне все-таки выдали положительную рецензию, и я защитил диссертацию единогласно. После чего получил от ректора нашего университета Александрова предложение перейти из Эрмитажа, где я был старшим научным сотрудником, на ту же должность в университет. <…> В этот период я также очень много работал: оформил диссертацию в книгу «Древние тюрки», которую напечатали потому, что нужно было возражать против территориальных притязаний Китая, и как таковая моя книга сыграла решающую роль. Китайцы меня предали анафеме, а от территориальных претензий на Монголию, Среднюю Азию и Сибирь отказались <…>».

Как видно даже из вышеприведенного фрагмента, Льву Николаевичу не раз пришлось хлебнуть ядовитой горечи из чаши протянутой ему людьми, ничтоже сумняшеся называвшими себя учеными. Не успела в 1960 году выйти в свет (тиражом в одну тысячу экземпляров) книга «Хунну», как ее автору устроили показательную порку на страницах академического журнала «Вестник древней истории» и судилище на заседании Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР. В чем только его не обвиняли! И в отступлении от материалистического понимания истории, и в использовании устаревших источников, и в незнании китайского и японского языков и т. д. и т. п.

Между тем исследование Л. Н. Гумилёва представляло собой выдающийся вклад в историческую науку, став важным шагом в ее постепенной переориентации и переходе от избитых идеологических штампов и теоретических фантомов к изучению конкретных реалий. Центральная идея книги (а также всей задуманной уже тогда «степной трилогии», посвященной трем «этническим моторам» евразийской истории — хуннам-гуннам, тюркам и монголам) своим острием была направлена против господствующего в исторической науке махрового европоцентризма, принижающего роль Востока в сравнении с Западом.

Уже на склоне лет Л. Н. Гумилёв делился с друзьями воспоминаниями: как и когда пробудился в нем интерес (перешедший в страсть) к истории Срединной Азии: «Когда я был ребенком и читал Майн Рида, я неизменно сочувствовал индейцам, защищавшим свою землю от "бледнолицых". Но поступив в университет и начав изучать всеобщую историю на первом курсе, я с удивлением обнаружил, что в истории Евразии есть свои "индейцы" — тюрки и монголы. Я увидел, что аборигены евразийской степи так же мужественны, верны слову, наивны, как и коренные жители североамериканских прерий и лесов Канады. Но больше всего меня поразило другое. Отношение цивилизованных европейцев к индейцам ничем не отличалось от их отношения к тюркам и монголам. И те, и другие считались равно "дикими", отсталыми народами, лишенными права на уважение к их самобытности. "Господи, — подумал я, — да за что же им такие немилости?" Но моя попытка разобраться в вопросе столкнулась с немалыми сложностями. Целостной истории тюрок и монголов просто не было. Тогда-то я и решил заняться этой темой сам».

Любовь к Востоку Льву Гумилёву передалась, так сказать, по отцовской линии. Сызмальства он знал наизусть почти все стихотворения из дважды издававшегося сборника Николая Гумилёва «Фарфоровый павильон», куда вошли свободные переложения стихов великих китайских поэтов (в частности, Ли Бо и Ду Фу) и поэтические зарисовки, посвященные Индокитаю. Начиная с 50-х годов XX столетия активно переводила китайскую классику и Анна Андреевна (среди прочего ей принадлежит перевод знаменитой лирико-философской поэмы «Лисао» родоначальника китайской классической поэзии Цюй Юаня). Переписка Ахматовой с сыном насыщена китайской тематикой. В одном из писем Лев Николаевич даже подчеркивает, что «*влюбился в Китай* » 17 апреля 1956 года (за месяц до освобождения из лагеря) он вновь сообщает: «<…> Читаю Сыма

Цяня в третий раз с неослабевающим восторгом. Все больше чувствую древний Китай, это меня очень обогатило»[30] .

Письма матери свидетельствуют о том же самом. Анна Андреевна как могла старалась помочь сыну в освоении «гуннской проблематики»: «19 ноября 1954. Дорогой Лёвушка, я снова провалялась целую неделю, но почему-то мне кажется, теперь все с болезнью кончено. Про Ань Лу-шаня (VIII в.) спрашивать никого не пришлось: я сама натолкнулась на него в книге Фицджеральда. Почему ты думаешь, что он был хунном? Мой автор говорит, что он был "*a Turk of the Kitan tribe* " [англ. "турок из китайского племени"] очень низкого происхождения, род [ился] за Вел [икой] Стеной в стране *Liao Tung* (Южная Маньчжурия). В детстве он был взят в плен или продан как раб китайскому офицеру северного погр [аничного] гарнизона. Затем, выказав военные таланты, стал сначала офицером, после – генералом. Отличался хитростью и тешил императора грубыми шутками и незнанием этикета. Стал любимцем красавицы *Jang Kuei Fei* – наложницы императора (*Ming-Huang*). Карьера Ань Лу-шаня была блестящей. Он был назначен губернатором пограничной провинции *Liao Tung* и командовал лучшими войсками империи. В 750 он вопреки закону получил титул "second-class Prince" [англ. ненаследный принц].

Был обвинен в измене братом красавицы, но сумел оправдаться. *Jang Kuei Fei* усыновила его. Имп [ератор] безмерно доверял ему. В 755 Ань Лу-шань сбросил маску. Успех его был полным. Лучшие войска были под его командованием. Он перешел Желтую Реку, захватил *Lo Jang* и т. д. Дошел до столицы, двор бежал. В армии императора вспыхнул мятеж, и солдаты требовали головы *Jang Kuei Fei* – покровительницы Ань Лу-шаня. Она была задушена. Бо-Цзюй-и написал об этом нравоучительную поэму: "Everlasting wrong" [англ. Вечная несправедливость]. (Об Ань Лу-шане см. Предисловие Эйдлина к Бо-Цзюй-и).

После взятия *Ch'ang An'a* Ань Лу-шань больше не имел успехов. Новый имп [ератор] *Su Tsung* выслал против него население северо-запада и получил значительную помощь от дружественных Китаю народов: среднеазиатцев, тюрок и даже арабов, кот [орых] прислал калиф. Ань Лу-шань и его сын были убиты и заменены другими претендентами. Война длилась еще 10 лет и кончилась в 766 г.

Вот и все, что я могу сказать тебе об Ань Лу-шане, а то, что все это происходило в золотой век китайской поэзии – ты и сам знаешь. У нас зима, но я еще не выходила из дому после болезни. Целую тебя крепко. Не хандри. *Мама.*

P. S. Посмотри еще в книге Бо-Цзюй-и на стр. 222 упоминание

об Ань Лу-шане и на стр. 222 забавный эпизод с лебедем и письмом из "Ханьской истории". Эйдлин мне сказал, что м. б. сюнну не были хуннами, но Фицджеральд думает иначе. Другой востоковед высказал предположение, что китайцы называли "сюнну" все бродячие племена (за Вел [икой] Стеной) за северной границей, так же, как называли "ма" или "му" такие же племена на юге <…>».

Напомню еще раз: книга «Хунну» также была написана в лагере. Там же сформировалось у Л.Н. Гумилёва и *антиевропоцентристское* мировоззрение и убеждения, которым он оставался верным до конца своих дней. Вторая продуктивная идея, проводимая Львом Николаевичем, начиная с первой книжной публикации, — объяснение исторических и социальных явлений с точки зрения их *природнойобусловленности* . Главную роль в таком «симбиозе» планетарного масштаба играет *природный ландшафт.* Собственно для хуннской истории решающее значение сыграло сочетание двух ландшафтных составляющих — лесистых склонов гор, где первоначально проживали предки хуннского этноса, и степи, куда они постепенно переселились, обретя невероятную жизненную активность. Налицо скрытый вызов господствующей идеологии, истолковывающей подобный подход как рецидив географического детерминизма[31] столь нелюбимого и огульно критикуемого историческим материализмом, где определяющей считается экономическая жизнь общества.

В действительности всё обстоит не так просто. Логика строго научного рассуждения Л. Н. Гумилёва, соблюдаемая в дальнейших исследованиях, экстраполируемая на иные эпохи и относящаяся к истории других древних народов, такова. Зеленая степь, пересеченная лесистыми горными хребтами, кормит огромные стада животных. Кочевые народы – хунны, тюрки и монголы, — которые довели скотоводческое хозяйство до совершенства и стали известны всему миру, жили именно в этой степи. Сила и слава кочевников были прямо пропорциональны количеству их скота, которое определялось пастбищной площадью и запасами кормов, а последние зависели от дождей, выпадавших в степи. Уменьшение осадков вело к наступлению пустыни на север, увеличение — влекло тайгу на юг, и, кроме того, глубокие снега мешали животным добывать зимой подножный корм, что грозило массовой гибелью скоту (джуты). Трудно сказать, что было для кочевников хуже. Как видим, здесь учитывается как географический, так и хозяйственный (экономический) фактор.

Неоднократно делались попытки объяснить завоевательные

походы Аттилы и Чингисхана ухудшением природных условий в степи. Но эти попытки не дали результатов, и не случайно. Успешные войны кочевников и вторжения в Китай, Иран, Европу совершали не скопища голодных людей, искавших пристанища, а дисциплинированные, обученные отряды, опиравшиеся на богатый тыл.

Эти события, как правило, совпадали с улучшением климата в Степи. Ухудшение же было причиной выселения кочевников мелкими группами, обычно оседавшими на степных окраинах. Такие неэффектные передвижения выпадали из поля зрения историков и географов, обращавших внимание на события мирового значения, и отсюда возникла путаница, при которой сопоставление исторических событий и явлений природы казалось бессмысленным. На самом же деле, установив два типа передвижений кочевых народов, мы можем сопоставить их с увлажненностью степной зоны без каких бы то ни было натяжек. Тем самым, но обратным ходом мысли, можно восстановить изменения климата за те три тысячи лет, история которых известна по письменным источникам. Этот новый подход к фактам основан на синтезе нескольких наук: географии, климатологии, истории, археологии и этнографии. Он не имеет ничего общего, скажем, с «географическим детерминизмом» властителя дум века Просвещения Шарля Монтескье (1689—1755), сводившего объяснение исторических событий и «духа народов» к одним лишь географическим факторам.

Тем самым устанавливалась эластичность границ ландшафтных зон в зависимости от климатических колебаний, а этническая среда рассматривалась как показатель, чутко реагирующий на изменение внешней среды, то есть природы. Благодаря такому подходу удалось установить, что пространство степей, служивших экономической базой для кочевого хозяйства, то сокращалось, то увеличивалось, и причина этого в атмосферных явлениях, в свою очередь, зависящих от степени активности солнечной радиации.

Третья идея, проводимая в гумилёвской монографии, была связана с ответом на вопрос: откуда же взялась столь небывалая активность хуннов? Почему сравнительно небольшой кочевой народ держал в страхе крупнейшую цивилизацию древности с ее мощными экономическими потенциями (не говоря уже о неисчерпаемых людских ресурсах[32]) и отгородившуюся от беспокойных степняков «восьмым чудом света» — Великой Китайской стеной длиной почти что в четыре тысячи километров?

Ответ известен: причина социальной активности *хуннов* (со временем превратившихся в *гуннов*, когда их орда докатилась

почти что до Атлантического океана, уничтожив остатки античной цивилизации и ассимилировав по пути множество других народов[33]) – это *пассионарность* . В монографии «Хунну» данный термин однократно появляется при объяснении происходящих событий (и особенно их неожиданных поворотов), однако специально автор на нем не останавливается, ограничиваясь высказываниями вроде следующего: *«Этногенез хуннов именно в это время совершил качественный скачок вследствие пассионарного толчка».*

По Гумилёву, кочевничество в Центральной Азии сложилось в начале первого тысячелетия до новой эры, и в хуннское время (III век до новой эры — V век новой эры) оно находилось на подъеме. Технический прогресс наблюдался во всем. Первоначальная телега на обрубках древесных стволов, которую могла сдвинуть только запряжка волов, заменилась телегой на колесах. Вместо шалашей из древесной коры (чатров, откуда возникло русское слово «шатер») появилась войлочная юрта, теплая в холод, прохладная в жару, просторная и портативная. Была улучшена порода лошадей: наряду с маленькой, выносливой сибирской лошадью хунны развели высоких, резвых коней, очень похожих на арабских. Хуннская одежда — кафтан и широкие штаны — перенимались китайцами и римлянами, а в V веке хуннские прически стали в Константинополе последним криком моды. Хуннское хозяйство было связано с использованием лесостепного ландшафта. Им были равно необходимы сухие степи, на которых скот мог добывать себе пищу в зимнее время, и покрытые лесом горы. Из дерева они изготовляли телеги и остовы юрт, а также древки стрел. В горных лесах гнездились степные орлы, перья которых использовались как опушка стрел. Перелески служили укрытием для скота во время буранов и давали пастухам дрова, в то время когда кизяк был присыпан снегом. Наличие в Монголии горных хребтов [34] — Хангая, Хэнтея, Монгольского Алтая — повлияло на характер хуннского хозяйства, а тем самым и на своеобразие хуннской культуры. Однако описанное сочетание ландшафтов зависит не только от рельефа, но и от количества осадков. При долговременных засухах площадь горных лесов сокращается, равно как и площадь степей, зато разрастаются каменистые пустыни, где жизнь исчезает. Тогда сокращается население и падает могущество кочевых держав. Именно это явление и прослеживается в древней истории хуннов.

В своей первой книге Л. Н. Гумилёв еще только оттачивал стиль и слог, которые в будущем превратят его последующие работы в легко читаемые бестселлеры. Монография «Хунну» в основном написана далеко не в лучших традициях научной

литературы: здесь тучи канцелярских оборотов, наукообразных выражений, специальных терминов, трудно запоминающихся имен и названий. Но уже здесь нет-нет да и проглядывает хорошо знакомый гумилёвский стиль изложения. Вот, к примеру, небольшой отрывок, где описывается разгром хуннами китайской экспедиционной армии в 99 году до новой эры: «<…> Китайцы шли по безводной степи; хуннские всадники настигали их; пернатые стрелы с пронзительным свистом мелькали на солнце и вырывали все новые и новые жертвы. Китайцы, подбирая хуннские стрелы, стреляли с колена, и часто хуннские кони с подстриженными гривами уносились в степь с опустевшим седлом. Бой шел несколько дней, но каждый шаг приближал китайцев к границе, сулившей им жизнь и свободу».

Лев Николаевич в своем блестящем историческом исследовании использовал и стихотворные переводы, сделанные Анной Ахматовой: цитируются, к примеру, хрестоматийные строки великого китайского поэта Ли Бо, где описываются последствия еще одного — на этот раз полного – разгрома хуннской конницей китайского императорского войска у горы Яньжань в 90 году до новой эры: «<… > *И с этого поля сраженья никто / Домой не вернулся живым. / И воины мрачно глядят на рубеж, / Возврата на родину ждут, / А в женских покоях как раз в эту ночь / Бессонница, вздохи и грусть* »[35].

* * *

Не останавливаясь на достигнутом, Гумилёв продолу упорно работать над следующей своей книгой, посвященной древним тюркам и сопряженной с докторской диссертацией, одновременно подготавливаемой на ту же тему. Собственно, данной проблемой Лев Николаевич занимался всю свою сознательную жизнь (его кандидатская диссертация, как мы помним, посвящена истории Первого тюркского каганата). В небольшом вступлении к книге «Древние тюрки», увидевшей свет только в 1967 году, автор отмечает: книга эта была начата 5 декабря 1935 года. Почти четверть века прошло от написания первой фразы до того момента, когда объемистый труд оказался в руках читателей, перед которыми впервые столь глубоко и обстоятельно открывалась история взлета и падения народа, давно исчезнувшего с лица земли, но оставившего свое имя в наследство многим современным народам[36].

Древние тюрки — народ-пассионарий, создавший в VI– VIII

веках новой эры одно из мощнейших евразийских государств – Тюркский кагана, заполнивший геополитический вакуум, образовавшийся после исчезновения с китайских границ гуннской степной державы.

Его границы в пору наивысшего расцвета пролегали от Желтого до Азовского морей. С ним вынуждены были считаться ведущие государства того времени: Китай, Иран, Византия, Арабский халифат. Тюркский каганат, распавшийся на Восточный и Западный, просуществовал около трех веков и как государственное образование (в отличие от своих соперников) бесследно канул в Лету. Эта проблема больше всего и занимала Л. Н. Гумилёва: *почему* возникают и исчезают народы, какова природа этногенетических и геополитических закономерностей? Ответы на эти вопросы, как уже говорилось, Гумилёв искал и находил с помощью давно выработанной и хорошо зарекомендовавшей себя методологии.

В 1959 году в жизни и научной деятельности Л. Н. Гумилёва произошел новый поворот — *хазарская проблема* . Хазары — один из пассионарных этносов раннего Средневековья, обитавших на южных рубежах современной России, — оставили заметный след в ее истории (как, впрочем, и в истории других древних народов: например, северокавказских аланов, поволжских тюрок и угро-финнов). Впервые о хазарах повсеместно заговорили в начале VI века новой эры, когда они захватили Грузию, Армению и Кавказскую Албанию (древнее государство на берегах Каспия). Они сразу же сделались грозными и несговорчивыми соседями иранских Сасанидов, и те вынуждены были построить для защиты от них мощное каменное сооружение — знаменитую Дербентскую стену, один конец которой уходил далеко в море, а другой упирался в неприступную горную крепость.

Сами хазары представляли свою начальную историю и предысторию довольно смутно. Сохранился важный документ X века, написанный на древнееврейском языке (некоторые ученые-медиевисты, впрочем, склонны считать его позднейшей подделкой). Это ответ хазарского кагана Иосифа на письмо еврейского сановника, служившего в Испании при дворе кордовского халифа. Письмо хазарского кагана написано на иврите, но на каком языке говорили сами хазары? Была ли первооснова хазарского языка тюркской? Можно предположить, что да. Но уже тогда среди народа, называвшего себя хазарами, ключевую роль играли евреи, подвергшиеся жесточайшим гонениям и погромам в сасанидском Иране и вынужденные искать в целях самосохранения новое жизненное пространство. Евреи с самого начала не только привили хазарскому этносу

иудаистскую идеологию и религию, но также, вне всякого сомнения, повлияли и на становление и развитие хазарского языка.

Хазары долгое время придерживались традиционных языческих верований тюрок с преобладанием шаманизма. В VIII веке начались метания и шарахания из стороны в сторону в вопросах выбора новой веры. Еще в 730/731 году хазарский князь Булан был обращен в иудейство. Однако в 737 году арабский полководец Мерван, разгромив наголову хазарское войско, принудил кагана принять мусульманство. Но и это продолжалось недолго. По данным арабских историков, во времена правления багдадского халифа Харун-ар-Рашида (786—809) иудейская религия в Хазарии почти на два века сделалась господствующей. Так продолжалось до конца X столетия: между 977 и 985 годами Хазария была оккупирована Хорезмом и принуждена вновь принять ислам. А вскоре начались постоянные и сокрушительные атаки русских дружин под водительством князя Святослава, в результате которых в 60-е годы X века Хазарский каганат был окончательно разгромлен и как государственное образование прекратил свое существование.

Вот и все в основном, что известно о хазарах. От некогда могучего Хазарского каганата почти ничего не сохранилось: ни впечатляющих материальных и культурных памятников, ни погребений хазарских каганов, ни даже могил простого люда. Не было известно также, где точно находились крупнейшие хазарские крепости и столица каганата Итиль, упомянутые в различных летописях и хрониках. Эта вопросы давно занимали ученых — историков, археологов, культурологов, лингвистов и др. Еще перед войной любимый учитель Л. Н. Гумилёва М. И. Артамонов организовал две экспедиции, призванные приоткрыть завесу над хазарскими тайнами. В конце 50-х годов XX века хазарские археологические экспедиции, организованные Государственным Эрмитажем, возобновились. Начиная с 1959 года их возглавлял Л. Н. Гумилёв. К тому времени у Льва Николаевича возникла оригинальная идея, касающаяся хазарской истории и судьбы хазарских памятников культуры и быта. Она была связана с чередованием засушливого и влажного климата на территории, где некогда располагался Хазарский каганат.

По существу Л. Н. Гумилёв открыл Хазарию, как принято говорить в таких случаях, «на кончике пера», опираясь на выводы, которые он позаимствовал у старинного друга Васи — В. Н. Абросова. Василий Никифорович нашел очень простые причины циклического изменения климата в восточно-европейской части России, что, в свою очередь, позволило понять и объяснить

некоторые исторические процессы, происходившие на данной территории в эпоху русского Средневековья.

Согласно расчетам Абросова, циклоны, от которых зависит колебание климата в Евразии, всегда передвигаются в атмосфере одним и тем же путем, но подобно реке, регулярно меняющей свое русло, между двумя гигантскими «холмами» высокого давления — заполярной Арктикой и затропической зоной над пустыней Сахара. Однако последняя «шапка» не постоянна: она то уменьшается, то увеличивается под воздействием активности Солнца, которая также не является константой. Поэтому дождливая погода в разных частях континента доминирует по-разному: бывает, дожди заливают северные территории, бывает — южные, а бывает — и центральную полосу. В первом случае Волга становится полноводной и, в свою очередь, переполняет Каспийское море. В таких случаях прибрежные зоны Каспия и пойма Волги затапливаются, уходят под воду. Напротив, в засушливые периоды берега обнажаются и в дельте реки появляются многочисленные острова, пригодные для поселения и хозяйствования.

Эти выводы Лев Николаевич спроецировал на занимавшие его проблемы хазарской истории, эмпирически установив, что в период расцвета Хазарского каганата уровень Каспия был намного ниже современного. Затем климатическая обстановка изменилась в сторону увлажнения, уровень Каспия повысился до современного, и значительная часть территории, в устье Волги, ушла под воду вместе с остатками хазарской столицы Итиль, памятниками и материальными свидетельствами, которых так не хватало археологам.

В 1959 году осмотр берегов Волги севернее Астрахани убедил археологов в том, что остатков города Итиля там нет, однако в ныне заливаемой пойме были найдены фрагменты керамики VII—X веков, которые скрыли речные наносы слоем от 1,2 до 2,3 метра. В 1960 году в дельте Волги, на высоком (высотой с четырехэтажный дом) бугре Степана Разина (легенда гласила, что некогда здесь побывал грозный атаман), была найдена хазарская могила с почти полностью сохранившимся скелетом, железным ножом и другими предметами погребения. Затем последовали новые открытия хазарских поселений и захоронений.

Для проверки предположения, что уровень Каспийского моря в VII—IX веках был ниже, чем ныне, Гумилёв решил исследовать подводный конец Дербентской стены, находящийся на глубине 5,5 метра. Опустившись на дно, аквалангисты установили, что стена построена непосредственно на скальном основании из Сасанидских плит VI века, что технически возможно было сделать

на глубине меньше человеческого роста. Следовательно, уровень Каспийского моря был тогда на четыре метра ниже, чем теперь. Значит, и дельта Волги простиралась на юг гораздо дальше, до спада глубин и площадь Хазарии была на 50 тысяч квадратных километров больше. Это подтвердили находки хазарских поселений на мелководье Каспия в 15 километрах от берега. В VII-IX веках, констатирует Лев Николаевич, богатая Хазария представляла собой Прикаспийские Нидерланды.

В X веке подъем уровня Каспийского моря и многоводье Волги резко изменили положение Хазарии. Во-первых, протоки дельты стали проходимы для мелкосидящих ладей, и с X века русы начали проникать водным путем в Каспийское море, что вызвало осложнение их отношений с хазарами. Во-вторых, площадь дельты сокращалась. Поля, пастбища и рыбные угодья оказались под водой. Население ютилось на окрестных буграх, спасаясь от наводнений. Экономика Хазарии рухнула.

Исследования, проведенные под руководством Гумилёва, подтвердили: в середине X века абсолютная отметка уровня Каспия была равна современной. Это значит, что хазары потеряли около двух третей своей территории, а следовательно, и своего богатства. Выйти же в соседние степи хазары не могли, ибо там хозяйничали воинственные тюрки-огузы (предки современных турок, туркмен, азербайджанцев, каракалпаков и гагаузов), являвшиеся союзниками киевского князя Святослава, который в 965 году пошел войной на Хазарию и разгромил ее. Русские, победив, ушли, но огузы некоторое время занимали Хазарию, о чем говорят фрагменты их керамики, найденные в небольших количествах на буграх центральной дельты. Уцелевшие хазары попросили помощи у Хорезма и получили ее ценой обращения в ислам. В этом оказалось их спасение. Когда море поднялось еще на несколько метров и залило остатки хазарских поселений в дельте, а Волга половодьями уничтожила их в пойме, потомки хазар нашли прибежище в Золотой Орде и быстро растворились в ее огромном этническом котле. Мусульманская вера позволила недавним хазарам механически стать «татарами».

Теоретические выводы Л. Н. Гумилёва и археологические открытия руководимой им экспедиции позволили отказаться от традиционного взгляда на хазар как на кочевников. Географические условия, в которых развивалась хазарская экономика и культура, показали, что жизнь в низовьях Волги была возможна только как оседлая, основанная на садоводстве, охоте и отгонном скотоводстве. Для Гумилёва каждая экспедиция давала не только моральное удовлетворение и радость научного открытия, но и означала независимость, вдохновение, свободу.

Позже он расскажет обо всем — об экспедиции, об исследованиях в низовьях Волги и на северном побережье Каспия, о своих ощущениях и мыслях в замечательной, написанной на одном дыхании книге «Открытие Хазарии» (М., 1966) и ряде интереснейших статей.

Блестящую характеристику Льва Николаевича дал его ученик Андрей Николаевич Зелинский (сын знаменитого ученого-химика академика Николая Дмитриевича Зелинского), который волею судеб оказался участником одной из «хазарских экспедиций» Гумилёва: «Сколько бы я ни вспоминал Льва Николаевича, всегда вижу его чрезвычайно сосредоточенным и погруженным без остатка в какую-то навязчивую мысль. Он почти все время что-то обдумывал, что-то решал, с кем-то мысленно спорил. Этой погруженностью в самого себя он до некоторой степени напоминал мне Владимира Ивановича Вернадского, которого я хорошо помнил с детства, так как он дружил с моим отцом, и они много работали вместе. В. И. Вернадский был всегда "закрыт" от других своей научной мыслью, которая, как мне казалось, поглощала его целиком. Но если мысль Вернадского была спокойна и напоминала прозрачную поверхность гигантского водоема, то мысль Льва Николаевича кипела, вздымалась и опускалась, как волны бушующего моря. Она искала выхода, и она нашла его в тех многочисленных трудах, которые вышли позже из-под его пера. К счастью, вышли. В момент нашего знакомства у Льва Николаевича почти не было никаких шансов попасть на страницы советской печати, как научной, так и художественной. <…> Лев Николаевич был тогда в расцвете своих научных и творческих сил. Ему шел 47-й год, а мне минуло двадцать шесть. Отношения учителя и ученика установились очень быстро и как бы сами собой. Характер у Льва Николаевича был тяжелый, авторитарный, задиристый. Он был мастер словесной научной дуэли, которая превращалась часто в беспощадную битву с собеседником, из которой он практически всегда выходил победителем. Быть научным оппонентом Льва Николаевича было достаточно бесперспективно <…>».

* * *

В 1961 году Гумилёв наконец-таки успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Древние тюрки: История Срединной Азии

на грани Древности и Средневековья (VI—VIII вв.)». После

защиты диссертации и ее утверждения в ВАКе (Высшей аттестационной комиссии) Гумилёва в 1963 году пригласили на географический факультет Ленинградского государственного университета, но не в число профессоров, а на должность старшего научного сотрудника дочернего университетского учреждения — Института географии, про который Лев Николаевич всегда говорил: «Это моя экологическая ниша»[37]. Лекции для студентов ему на первых порах читать не возбранялось. На спецкурс, посвященный истории монголов, поначалу записалось всего два человека. Гелиан Михайлович Прохоров, ученик и последователь Гумилёва (и в дальнейшем известный ученый) вспоминал, что если на лекцию приходил только он один, то они выходили со Львом Николаевичем на набережную самой прекрасной, по его определению, в мире реки — Фонтанки и здесь происходило дальнейшее общение преподавателя и студента (точно так же, на открытом воздухе, как хорошо известно, проводил философские беседы Сократ).

О своей преподавательской деятельности в Ленинградском университете рассказал и сам Лев Николаевич: «Когда я преподавал, ко мне на первую лекцию по этногенезу – происхождению народов — сначала пришла одна девочка, и то хотела уйти. В кино. За нею два парня ухаживали и поджидали за дверью, я вышел и сказал им: "Нет, идите, идите, вы останетесь дураками, а она будет хоть одна культурная женщина". На следующий день явилась вся группа, потом стали приходить сотрудники в служебное время, приезжали слушатели из города — и толпа была от 250 до 300 человек». Однако через некоторое время Льву Николаевичу под благовидным предлогом отказали в чтении лекций на географическом факультете, что повлекло за собой сокращение и без того скудного жалованья старшего научного сотрудника.

Регулярно выступал Гумилёв также в Русском географическом обществе (РГО), ставшем для ученого третьим (после университета и Эрмитажа) «родным домом». Старейшее в стране научное общество с момента своего основания славилось демократическими и меценатскими традициями. Оно не только финансировало важнейшие экспедиции XIX века, но предоставляло трибуну, а также свой печатный орган авторам разносторонних нетривиальных идей и концепций, каждое публичное выступление Гумилёва собирало полную аудиторию и, как правило, завершалось бурным обсуждением и неизменным триумфом лектора. Такие дискуссии Лев Николаевич особенно любил. Будучи блестящим полемистам, он просто гипнотизировал аудиторию своей невероятной эрудицией и умел

выбить почву из-под ног любого оппонента — доброжелательного или недоброжелательного.

* * *

Что не давало ему покоя, так это затянувшаяся размолвка с матерью. Последние годы она редко бывала в Ленинграде, подолгу жила в Москве у Ардовых или лечилась в больнице. Лев Николаевич знал о ее недавнем европейском триумфе: поездках в Италию в 1964 году для получения престижной литературной премии и в 1965 году в Англию, где ее избрали почетным доктором Оксфордского университета.

Между тем годы и болезни брали свое, после перенесенных инфарктов постоянно болело сердце, ей все труднее было обходиться без посторонней помощи. В Москве она находила ее в лице все тех же Ардовых и прежде всего своей ближайшей подруги — актрисы МХАТа Нины Антоновны Ольшевской (1908—1991), жены литератора Виктора Ефимовича Ардова (Зильбермана) (1900—1976); в Питере заботу о ней взяли на себя Ирина Пунина и ее дочь Анна Каминская. Однако и те и другие крайне негативно относились ко Льву Николаевичу и соответствующим образом настраивали его мать[38].

И все же мать и сын оказались выше всех происков недоброжелателей. По свидетельству Лидии Чуковской, Лев Гумилёв еще за два месяца до смерти Ахматовой говорил окружающим: «Хочу к маме». Он и поехал в больницу, где она тогда находилась после инфаркта. Но на лестнице, когда Лев Николаевич поднимался в больничную палату, ему повстречалась Нина Антоновна Ольшанская и коварно уговорила его не ходить к матери, чье сердце якобы может не выдержать волнения от этой встречи. Гумилёв повернул назад. (Когда-то в молодости в первые приезды Льва в Москву у него даже случилось нечто вроде романа с Ниной, которая была ненамного старше влюбчивого юноши.)… Анна Андреевна чувствовала, что сын стремится к ней, и в ожидании встречи (за четыре дня до смерти) надписала ему свою книжку — сборник стихов «Бег времени»: «Лёве от мамы <…>».

Это случилось в последний затянувшийся приезд Москву, когда Анна Андреевна, постепенно приходившая в себя после очередного сердечного приступа, получила путевку в санаторий, расположенный в Домодедове. Многие отговаривали ее туда ехать, но лечащий врач настоял. Поездка оказалась роковой, сердце не выдержало. 5 марта 1966 года Анна Андреевна

Ахматова скончалась. С юности обладавшая даром предвидения (и боявшаяся его), она за два месяца до кончины предсказала сама себе: «*А как музыка зазвучала / И очнулась вокруг зима, / Стало ясно, что у причала / Государыня смерть сама* ». Мистика истории: она умерла в тот же день, что и ее гонитель И. В. Сталин, только спустя тринадцать лет после смерти вождя. Россия лишилась лучшей из всех поэтесс, которые когда-либо писали на русском языке. Старинный и верный друг Анны Андреевны поэт Арсений Тарковский (отец кинорежиссера Андрея Тарковского) за несколько дней до ее кончины передал ей в больничную палату обширное и трогательное письмо, где пророчески утверждалось: «Ваш подвиг недаром совершаем. <…> Для Вас уже построен Вами же коридор в будущее, и Вы по нему идете через столетия впереди самой себя. <…> Вы написали за всех, кто мучился на этом свете в наш век, а так еще не мучились до нас ни в какие времена <…>».

После смерти Ахматовой начались посмертные злоключения великого поэта (в отношении себя Ахматова всегда употребляла это слово только в мужском роде). Власти по-прежнему относились к ней настороженно. Постановление ЦК ВКП (б) 1946 года «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» отменено не было, хотя стихи Ахматовой стали регулярно появляться в периодике; вышло даже два авторских сборника. Почитатели ее таланта на родине и за рубежом единодушно продолжали считать ее гонимым и оболганным гением. В условиях некоторой идеологической напряженности, связанной с усилением борьбы с диссидентами, власти не без основания опасались спонтанных протестных выступлений. Поэтому по «рекомендации сверху» Московская писательская организация решила никаких официальных церемоний прощания с Ахматовой в столице не устраивать, неубедительно сославшись на приближавшийся праздник 8 Марта и другие, ранее запланированные мероприятия.

Москва простилась с Ахматовой утром 9 марта в Институте скорой помощи имени Склифосовского, куда тело доставили из домодедовского санатория. После этого гроб самолетом отправили в Ленинград. В аэропорту скорбный груз встретил вместе с другими друзьями матери Лев Николаевич. Вечером в Никольском Морском соборе состоялась панихида. Гроб с телом Ахматовой поставили рядом с другим усопшим. На голове у Анны Андреевны была черная кружевная косынка, лицо осунулось и сильно изменилось. Кто-то даже прошептал: «Совершеннейший Данте…» (Поразительно: во время похорон Александра Блока, на которых присутствовала и Ахматова, об умершем и осунувшемся поэте говорили почти то же самое: «Он стал похож на Данте…»)

10 марта, в ленинградском Доме писателей планировалась гражданская панихида. В обкоме распорядились не допускать никакого отступления от заранее утвержденного официального регламента. Однако утром всё в том же Никольском Морском соборе состоялось отпевание, заказанное Львом Гумилёвым. Именно сюда хлынули толпы ленинградцев, каким-то неведомым образом прознавшие об отпевании. В соборе горели тысячи свечей, и храм не вмещал всех пришедших проститься с великой поэтессой. Народ запрудил весь прилегающий сад. Сотрудники КГБ блокировали кинооператоров, ведущих съемку (против чего, кстати, возражал и Лев Николаевич; позже чекисты частично засветили отснятый материал). В три часа пополудни гроб с телом Ахматовой ждали в Доме писателей. Но и тут вмешались «злые силы»: долго не давали автобуса для перевозки тела…

Дом писателей напоминал осажденную крепость. Пришедшие проститься с Ахматовой заполнили небольшой зал на втором этаже, где установили гроб, все прилегающие помещения, лестницу, подъезд, толпились на улице, еле сдерживаемые милицейским нарядом. (Видел бы Андрей Андреевич Жданов эту скорбящую толпу в церкви и безбрежное море народа вокруг нее!) После траурного митинга началось прощание. Очередь продвигалась медленно, за несколько минут преодолевая лишь одну ступеньку лестницы, ведущей наверх. В пять часов гроб вновь погрузили, и траурный кортеж в сопровождении милицейских машин с мигалками и черных лимузинов госбезопасности двинулся в Комарово — дачный поселок под Ленинградом, где последние годы Анна Андреевна проводила лето в маленьком домике, прозванном ею «будкой». По поводу чекистско-милицейского эскорта Лев Николаевич не удержался и сострил: «И мама не без фельдъегеря…», намекая на тайный вывоз гроба с телом Пушкина в сопровождении жандарма из Петербурга к месту захоронения в Святогорском монастыре (ныне Пушкинские Горы).

На Комаровском кладбище, на самом видном месте, и решено было похоронить гениальную поэтессу, гордость русской литературы. Заснеженными дорожками, среди высоких еще мартовских сугробов гроб на руках пронесли к вырытой могиле. В первом ряду за гробом шел Лев Гумилёв: он расставался не только с великой матерью — он окончательно расставался со своим прошлым. На поминки друзья и близкие собрались в «будке» — казенной писательской даче, где приходской батюшка отслужил панихиду. А на девятый день после кончины матери Лев Николаевич по русскому обычаю заказал еще одну панихиду — в гатчинской церкви, где служил его духовник. Священник

спросил: «Папу помянуть?» Гумилёв утвердительно кивнул головой. Так вновь воссоединились вместе два имени, самых близких для окончательно осиротевшего сына — новопреставленной Анны и убиенного Николая — матери и отца…

Глава 4
В БОРЕНИЯХ ЗА НАУЧНУЮ ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Сразу же после смерти Анны Андреевны Льву Николаевичу пришлось включиться в изнурительную борьбу, чтобы выполнить волю матери, касавшуюся ее наследства и архива. По имевшейся устной договоренности архив поэтессы сын в полном объеме должен был передать в Институт русской литературы Академии наук (Пушкинский Дом). Однако юридически это чисто семейное соглашение никак оформлено не было. В последние годы, как уже отмечалось, мать и сын проживали порознь и фактически не общались. После смерти Ахматовой все ее вещи и рукописи оказались у Ирины Пуниной и ее дочери Анны Каминской, и те решили, что имеют право поступать с «бумагами» Ахматовой так, как считают нужным. Архив был искусственно раздроблен и продан в частные руки и Публичную библиотеку. К сожалению, Лев Николаевич не смог вовремя вмешаться и пресечь форменное разграбление и разбазаривание семейного архива. Когда же спохватился, дело было сделано и перерешить его мог только суд. Судебные разбирательства отняли у Л. Н. Гумилёва много сил и времени, но решение суда оказалось не в его пользу…

В 1967 году в личной жизни Льва Николаевича произошло знаменательное событие: прожив пятьдесят пять лет холостяком, он женился на московской художнице Наталье Викторовне Симоновской (1920—2004). Они познакомились за два года до бракосочетания в гостях у общего знакомого — художника Юрия Матвеевича Казмичева, с ним Гумилёв дружил еще с довоенных лет. Будущие супруги с первого взгляда понравились друг другу. Но виделись редко — только во время деловых визитов Льва Николаевича в Москву. Тем не менее взаимная симпатия крепла от раза к разу и завершилась тем, что во время очередной встречи все у того же Ю. М. Казмичева тот полушутя предложил: «А почему бы вам не пожениться?» На что последовал дружный и уже не полушутливый ответ: «Очень хотим!»

Как все происходило дальше, Наталья Викторовна подробно рассказала сама: «<…>Мы договорились со Львом, что я перееду к нему в Ленинград 15 июня 1967 года. У нас обоих в то время было очень много работы. Я иллюстрировала занудную книжку о влюбленной пионерке в пионерском лагере. Она у меня совершенно не получалась, и я ее мусолила месяца два,

приближался срок моего переезда в Ленинград, и за все это время от Льва не было никаких известий. Я в недоумении написала ему письмо, где вопрошала, не раздумал ли он на мне жениться. Он прислал открытку с коротким и ясным ответом: «Кончаю корректуру "Древних тюрок". Жду в назначенный срок. Уже вымыл пол».

И вот я приехала ранним утром 15 июня в Ленинград. Лев меня встретил на Московском вокзале, после чего мы бесконечно долго добирались сначала трамваем, затем автобусом до его жилища на Московском проспекте, где-то в самом его конце.

Перед домом мы остановились, и Лев сказал:

—Вот здесь я живу, на шестом этаже, видишь вон то окошко?

— Но почему у тебя над форточкой такое черное пятно? — спросила я.

—Да это мы так много курим.

Кажется, это пятно до сих пор сохранилось.

Надо сказать, я ожидала, что он живет скромно, но то, что я увидела, намного превзошло мои предположения. Комнатка —12 квадратных метров, узкая, длинная, в квартире «реабилитанс». Народу там было много и детей тоже. Но к нему они все очень хорошо относились. Был пьяница Павел — поэт, который его любил и сколотил ему, как мог, книжные полки, которые в конце концов рухнули на меня, и я заменила их отдельными застекленными секциями. Там жили Соня, Рая, Аня, Маша, все с детьми. Они ему помогали чем могли, и стирали, и клопов морили, и пол мыли, да и он помогал им как мог, даже с детьми гулял. Детей он любил и считал, что они никогда не мешают. Эта комната была его первым собственным пристанищем, где он до меня прожил 10 лет и уже много написал и защитил докторскую диссертацию. В квартире жил даже свой «родной» милиционер, который, очевидно по долгу службы, спрашивал: «Это что ты там пишешь, Лев Николаевич? Хунны твои — это за Китай или против Китая?” <…> С моим приездом жизнь его стала легче. Я взяла на себя все бытовые заботы, да и в душевное его состояние во многом пришел покой. Лев почувствовал во мне близкого человека, на которого он может положиться и которому может многое рассказать.

Вскоре после этого он начал работу над одной из своих любимых книг — «В поисках вымышленного царства». При написании этой книги свою работу с источниками он называл методом «исторической криминалистики». Этот метод был присущ ему во всех его работах. Книга «В поисках вымышленного царства» была им уже обдумана, и само написание произошло быстро — за два месяца. Но только в 1970 году эта книга вышла в

свет.

Мы продолжали жить в тех же ужасающих условиях. Как-то в конце 1973 года нас посетил академик Б. Ринчен из Монголии, крупный ученый, приехавший в Ленинград проездом из Венгрии. Внешний вид его представлял внушительное зрелище — высокий красавец старик, статный, с седыми длинными усами, в роскошном национальном одеянии. Разумеется, его передвижения по Ленинграду не могли остаться незамеченными. Вскоре после этого посещения нам неожиданно предложили обменять нашу комнату на большую, и даже безо всякой доплаты. Мы, конечно, с восторгом согласились, только Лев предупредил, что он хочет жить лишь в старом городе. И в один месяц все свершилось.

Мы переехали на Большую Московскую. Комната огромная — 30 квадратных метров, рядом с Владимирским собором. Лев смеялся, что его поселили между Чернышевским (на доме висит доска) и Достоевским (музей-квартира): «Ну, наконец я на привычном месте — между двумя каторжниками».

Там мы прожили шестнадцать лет, соседей была всего одна семья, но того тепла и человечности, как в предыдущей квартире, мы в соседях уже не чувствовали.

При всей трагичности жизни Льва Николаевича мы прожили вместе счастливые годы. Он, верующий и богословски одаренный человек, понимал, что люди подвержены влиянию всех страстей и искушению дьявола, и только искреннее обращение личности к Богу способно преодолеть темные силы. Поэтому так умудренно, другого слова я не могу подобрать, он написал об этике людей пассионарных и людей трагической судьбы, которые верили в идеалы своего этноса или своей религии. Он рассказывал, как о своих близких друзьях, о степняках-кочевниках, «людях длинной воли», о византийцах и первых русских князьях, о первохристианах и о «волчьей стае» перворимлян, вознамерившихся отстоять себя на семи холмах древнего Рима, о Мухаммеде и его первых калифах. Он знал их всех как будто в лицо <…>».

Однажды журналисты затронули в интервью с Натальей Викторовной деликатный вопрос: «Многие жалеют, что Гумилёвы не родили ребенка, такого же талантливого, как его родители. И род Гумилёвых угас…»[39] Она ответила прямо, как на духу: «Дело не только в возрасте Ему было 52 года, когда мы поженились. Мне – 46… Наши дети – это наши книги. Мы пожертвовали всем, чтобы “рожать” такие работы. И потом Лев Николаевич все-таки был болен. Ему было бы трудно работать под детский гомон».

Действительно, Наталья Викторовна взяла на себя большую

часть организационно-технической работы с рукописями Льва Николаевича. Она научилась печатать на пишущей машинке, впоследствии освоила компьютер и на протяжении почти четверти века перепечатывала написанные от руки тексты. Ежедневная «норма» у обоих была — три машинописных листа. Как книжный график Наталья Викторовна участвовала в подготовке к публикации некоторых работ Льва Николаевича в качестве издательского художника. Так, в 1970 году в ее оформлении вышла книга «В поисках вымышленного царства»…

В одном из интервью Наталья Викторовна сказала так: «Мне было с ним очень легко, так легко, что на одном дыхании я с ним 25 лет прожила. У него был очень хороший характер, никаких капризов не было. Я с ним была очень счастлива, а он говорил: мы с Натальей ни разу не поссорились. Я, конечно, попиливала его по мелочам, он все говорил – распилишь меня на две части, какую себе оставишь. Я говорила — обе. От него постоянно отказывались и ученики, и друзья, потому что общаться с ним было небезопасно, и, видимо, их вызывали куда-то и выставляли условия. Если бы они нам честно об этом говорили, нам было бы легче расставаться, но они искали какие-то поводы, устраивали разборки… И когда про Льва говорили, что у него дурной характер, он отвечал: я тот лев, который защищается. Сам он никогда ни на кого не нападал, наоборот пытался помочь <…>».

Действительно, до середины 1980-х годов Гумилёв оставался, что называется, под негласным надзором. С этой целью в коммунальные квартиры, где ему довелось жить, даже подселялись «сексоты», призванные сообщать куда положено о подозрительных вещах и опасных разговорах. Ни того, ни другого за много лет такого наблюдения, естественно, зафиксировано не было. Лев Николаевич примечал любые (как правило, достаточно неуклюжие) действия «органов», относился к происходящему с философским спокойствием и даже юмором. Раздражало только, когда в отсутствие хозяина в кабинете производили обыски, зачастую забирали для просмотра рукописи и книги, правда, через некоторое время всё возвращали на место. Лишь однажды задержали одну самую дорогую для Гумилёва книгу — сборник стихов отца, изданный до революции. Уходя на работу, Лев Николаевич вынужден был оставить на столе записку, адресованную настырным соглядатаем: «Начальник! Когда шмонаешь, не воруй, а книги клади на место, не то буду жаловаться на тебя». Спустя некоторое время книгу вернули…

В 1969 году произошла случайная встреча Льва Николаевича с его прежней возлюбленной Натальей Варбанец. Это было на трамвайной остановке, и Птица пыталась сделать вид, что не

заметила его. Она даже села в вагон с передней площадки, чтобы избежать столкновения. Но Гумилёв протиснулся к ней через весь вагон, встал сзади и в полный голос (так, что все пооборачивались) прочитал отрывок из пушкинского «Руслана и Людмилы»: «*Возможно ль! Ах, Наина, ты ли!/ Наина, где твоя краса?/ Скажи, ужели небеса/ Тебя так страшно изменили?* » Ни слова не говоря и не оборачиваясь, Наталья сошла на первой же остановке. Сердобольные пассажиры даже набросились на него: «Зачем же вы ее так — вроде бы не такая и безобразная»…

Между тем в разветвленной, малоэффективной и до неприличия разбухшей научной системе страны происходили свои малозаметные и вялотекущие процессы: защищались тысячи мало кому нужных диссертаций, как инкубаторские цыплята, плодились кандидаты и доктора наук, трещала по швам бесплодная академическая система, тысячными тиражами публиковались книги, брошюры, статьи, значительная часть которых никем и никогда не востребовалась. Студентам в обязательном порядке и в соответствии с консервативными взглядами своих наставников-преподавателей предлагалось поупражняться в разоблачении теории Л. Н. Гумилёва, соискателей заставляли производить в том же ключе доработку своих диссертаций. В учебных вузовских программах по философии появились параграфы, связанные с развенчанием биологизации общественных явлений и критикой современного географического детерминизма. Итоговая ценность всех этих колоссальных усилий многих тысяч и миллионов людей подчас была близка к нулю. Однако на общем фоне серого единообразия и плоского единомыслия вдруг неожиданно появлялись проблески свежей и оригинальной мысли, доводившие до столбняка основную массу ученого люда. Как правило, именно эти «искры в ночи» спустя несколько десятилетий приносили славу русской науке. Труды Л. Н. Гумилёва в их числе.

Осознание фундаментальности и неоспоримости Гумилёва складывалось постепенно и путем преодоления невероятных препятствий. Его вдова Наталья Викторовна свидетельствовала уже в преддверии XXI века, когда после смерти мужа прошло почти десять лет: «Вы понимаете, такое впечатление, что он, как в сказке, жил в стихии Бабы Яги. То перед взором лес вырастет, то реку какую-то надо переплыть. Это было просто ужасно, я была этому свидетелем, при мне все это происходило. <…> Он не понимал, его удивляло, что историки пишут факты, не делают выводы. Как, например, Рыбаков – академик, который почему-то бросался на Льва, и Лев говорил, что он на меня бросается, как тигр на капусту или как лев на теплое говно. Так вот, этот

академик занимался язычеством Руси, написал замечательную книгу, но Лев удивился, почему нет в ней никаких выводов, ведь это и есть наука — объяснить людям, что из чего происходит. И каждый последующий ученый должен работать над этими выводами, обставляя их новыми открытиями. Лев этим и занимался — на основе достоверных фактов приходил к своим научным выводам»…

* * *

Уже упоминавшаяся книга «В поисках вымышленного царства» завершила «степную трилогию» Л. Н. Гумилёва. Она посвящена в основном монголам — третьему (в хронологической последовательности) *пассионарному кочевническому этносу* Евразии (после длительных и надуманных проволочек она увидела свет в 1970 году). В этой книге талант ученого соединился с редким в ученой среде дарованием популяризатора. Более того, серьезное историческое и принципиально важное исследование Гумилёв сумел построить по законам детективного жанра. Большинство давно ставших классикой работ Гумилёва написано не трафаретным наукообразным языком, а, как сам он выражался, «забавным русским слогом». Последнее обстоятельство особенно бесило его недругов и недоброжелателей: сами они были способны выражать свои мысли исключительно на неудобоваримом «канцелярите» (как окрестил Корней Чуковский косноязычное «творчество» бесталанных авторов).

Безусловно, книга «В поисках вымышленного царства» несравненно шире заявленной темы. Непреходящую ценность представляют и методологические подходы автора, явно не стыковавшиеся с традиционными методами исторического исследования, но зато позволявшие подняться на новую, не досягаемую до сих пор высоту. В данной связи

Лев Николаевич Гумилёв отмечал, что прежде чем излагать историю страны или народа, надо увидеть ее самому, а смотреть тоже можно по-разному: *с птичьего полета, с вершины холма, из мышиной норы* . В каждом случае мы что-то заметим, а что-то упустим, но совместить все три уровня рассмотрения невозможно. Следовательно, приходится выбирать тот, который нам нужен в данный момент. В целом же при историческом анализе лучше всего применять все три метода, так как ни один из них не заслуживает предпочтения, а просто отвечает на разные вопросы.

Избранный в книге подход не что иное, как анализ, то есть «расчленение», необходимое для того, чтобы распутать неясные места в истории и потом перейти к синтезу, когда учитываются результаты разных методик исследования. Только таким путем можно вырваться из прокрустова ложа заданной схемы, не впадая в «мелочеведение», при котором теряется сам предмет исследования — ритмы Всемирной истории.

На блестяще проведенный анализ с помощью нестандартного теоретического инструментария обратил внимание и автор предисловия к книге, его давний друг и покровитель, выдающийся археолог XX века С. И. Руденко (с ним, как мы помним, Гумилёв участвовал в раскопках 3-го Пазырыкского кургана). Вот что он написал: «<…> Необходимо сказать несколько слов о методе исследования Л. Н. Гумилёва. В смысле быстроты получения надежного результата он относится к существующим методам, как алгебра к арифметике. Для того чтобы обычными методами достичь того, что сделано в данной книге, пришлось бы написать минимум четыре монографии, доступные только узкому кругу специалистов, и затратить на это всю жизнь. Метод Л. Н. Гумилёва позволил избежать такой траты сил, которая привела бы примерно к тому же результату. Он вкратце может быть охарактеризован как применение исторической дедукции к накопленному материалу в отличие от общепринятого индуктивного метода».

Успешно применяемая методология исследования и широкая мировоззренческая база, далеко выходящая за границы дозволенные господствующей идеологией, выдвинули Гумилёва в число выдающихся мыслителей XX столетия, и его имя по праву занимает почетное место не только в исторических справочниках, но и *философских* словарях и энциклопедиях. Более всего, конечно, в книге «В поисках вымышленного царства» поражают *выводы* , разбросанные по всему тексту. В качестве объекта «криминального расследования» ученый и писатель избрал загадочную фигуру средневековой истории *пресвитера Иоанна* . Гумилёву утверждения средневековых авторов о его необъятном и могучем царстве казались сомнительными. Однако у этой легенды, вне всякого сомнения, имелось рациональное зерно, которое и предстояло выявить каждому пытливому читателю вместе с проницательным автором.

Интерлюдия 1
ПРЕСВИТЕР ИОАНН

В реальность этого мифического священника, властителя евразийской христианской державы, впечатлительное Средневековье верило на протяжении почти что полувека. В XII веке византийский император Мануил Комнин получил послание от имени пресвитера Иоанна, которое вскоре стало всеевропейским бестселлером (аналогичное письмо пришло и на имя римского папы Александра III). Почти что сказочные тексты посланий заворожили весь христианский мир. Из уст в уста передавались фантастические подробности о безграничных владениях восточного владыки, о его баснословных богатствах, о диковинных зверях, птицах и прочих невиданных существах, которые водились в далеких азийских землях. Небольшой отрывок из весьма обширного послания, переведенный с греческого языка, позволяет представить, что именно лишало покоя наших впечатлительных средневековых пращуров:

«<…>Я, пресвитер Иоанн, господин господствующих, и никто из царствующих на этой земле не сравнится со мной богатством, доблестью и силой. Семьдесят два царя являются моими подданными. Я правоверный христианин, и повсюду, где распространяется власть наша, мы защищаем неимущих христиан и поддерживаем их своею милостыней. Имеем мы желание посетить вместе с большим войском Гроб Господень, ибо следует во славу величия нашего унизить и разбить недругов Креста Христова и превознести благословенное Имя Его.

В трех Индиях властвуем мы, и простираются наши владения от внутренней Индии, где покоится тело святого апостола Фомы, по пустыне и на восход солнца и возвращается по Великому Спуску в Вавилонской пустыне до самой Вавилонской башни. Семьдесят

две области служат нам, и лишь немногие из них христианские, в каждой правит свой царь, и все они являются нашими подданными. В стране нашей родятся и обитают слоны, верблюды двугорбые и одногорбые, гиппопотамы, крокодилы, метагалинарии, жирафы, финзерты, пантеры, дикие ослы, львы белые и червонные, белые медведи, белые дрозды, немые цикады, грифоны, тигры, ламии, гиены, дикие быки, стрельцы, дикие люди, рогатые люди, фавны, сатиры и женщины той же породы, пигмеи, кинокефалы, гиганты высотой в четыреста локтей, одноглазые, циклопы и птицы, называемые фениксами, и

почти все виды животных, какие только существуют на свете.

В некоторых других наших провинциях обитают муравьи размером с поросят, и у них по шесть ног и крылья как у морской саранчи, зубы у них внутри пасти – те, которыми

они жуют, – больше, чем у собак, а снаружи клыки длиннее, чем у лесных кабанов, этими клыками они убивают людей и животных. <…>

В отдаленных пределах мира, обращенных к югу, расположен большой необитаемый остров, на который Господь во всякое время года два раза в неделю проливает обильным дождем манну небесную, которой питаются живущие вокруг люди. А другой

пищи у них нет. Они не пашут, не сеют, не обрабатывают землю, чтобы собрать с нее урожай. Эта манна имеет тот же вкус, что и та, которую собирали сыны Израиля во время исхода из Египта. Они не сходятся ни с какой иной женщиной, кроме своей жены. Они не знают ни ненависти, ни зависти, живут в мире, не ссорятся друг с другом из-за имущества. Никто не выделяется среди них, за исключением тех, кого мы посылаем для сбора наших

податей. Ежегодно нагружают они пятьдесят слонов и пятьдесят же гиппопотамов чистейшим бальзамом и столько же – драгоценными камнями и чистым золотом. Ибо земли эти изобильны драгоценными камнями и червонным золотом. Люди, вкушающие хлеб небесный, живут по пятьсот лет. И воистину каждые сто лет они омолаживаются и обновляются полностью, испив трижды из источника, который бьет из-под дерева, стоящего на том острове. А вода эта, как было сказано, избавляет их от старости, и с ее помощью они освобождаются от бремени лет и выглядят словно тридцатилетние или сорокалетние. По истечении же пятисот лет они умирают, и в соответствии с обычаем того народа их не хоронят, но переносят на упомянутый выше остров и кладут на растущие там деревья, крона которых очень густая и никогда не опадает. Тень этих деревьев наиприятнейшая, а аромат их плодов наисладчайший. Мертвые тела там не тлеют и не превращаются в прах, но остаются словно живыми и такими пребудут, как предсказал один из пророков, до прихода Антихриста. <…>».

В древнерусском переложении греческого текста, сделанном еще в XIII веке, более подробно говорится о знаменитой птице *Феникс* : в новолуние она свивает себе гнездо, приносит с неба огонь, сама сжигает свое гнездо, и сама здесь тоже сгорает, и в этом пепле зарождается червь, покрывается перьями и потом становится единственной, той же самой птицей, другого плода у этой птицы нет; а живет она пятьсот лет. Из канонического же

вышеприведенного греческого варианта видно, что здесь речь идет о классическом золотом веке в средневековом представлении о нем и христианизированной интерпретации[40]. Можно, конечно, искать истоки золотого века в самой что ни на есть глубокой гиперборейской древности. Но Л. Н. Гумилёва в его книге и проводимом историческом расследовании интересовал совершенно другой вопрос: кто же была на самом деле эта загадочная фигура Средневековья, прозванная пресвитером Иоанном?

Лев Николаевич считал (и именно это доказывает на десятках и сотнях страниц своей книги), что христианским властителем Азии в ту эпоху был один из ханов степной орды *каракитаев* (или *киданей*), исповедовавшей в основной своей массе несторианскую ересь[41]. От самоназвания этноса — *(кара) китаи* — возникло русское наименование страны Китай и населяющих ее многочисленных народов, всех скопом сегодня именуемых китайцами. Считается, что соответствующая огласовка топонима и этнонима пришла к нам от монголо-татар.

Так это или не так, в данном случае не столь важно. Гораздо важнее, что в действительности степняки-каракитаи не имели ничего общего с исконными подлинными китайцами ни по языку, ни по происхождению. Собственно китайцы, издревле жившие в районе великих рек Янцзы и Хуанхэ, называют себя ханьжень (люди Хань) или «чжунгожень» (люди Срединного государства). Каракитаи были для ханьцев (чей язык в настоящее время является официальным государственным языком Китайской Народной Республики) пришлым чужеязычным народом, происхождение которого терялось во тьме веков.

Долгое время каракитайские племена кочевали на территории современной Маньчжурии, изредка беспокоя набегами южных соседей. Но в X веке, подчинив все местные народы, каракитаи образовали государство Ляо — самую сильную и могучую державу во всей Северо-Восточной Азии. Став сильными, каракитаи обрели уверенность и наглость. У них пробудился звериный аппетит, присущий всем захватчикам, и, смело преодолев Великую Китайскую стену, которая до тех пор отрезвляюще действовала на всех кочевников, начиная с гуннов, каракитаи начали планомерное наступление на китайскую империю Сун, сменившую распавшееся Танское государство.

Сметая императорские полки, каракитаи в короткое время завладели огромной территорией и вышли на берега Янцзы. Над китайской империей нависла угроза полного разгрома. С большим трудом императору удалось задобрить алчных кочевников и заключить с ними мир на кабальных условиях. К

ставкам каракитайских ханов нескончаемым потоком потянулись обозы с данью — драгоценностями, серебром и лучшими сортами китайского шелка. Богатство и довольство, сытость и покой, раболепие и славословие притупили бдительность каракитайских владык. Вновь окрепшая Сунская империя сумела договориться с сильными племенами чжурчженей и, внезапно ударив по каракитаям, сбросила иго поработителей.

Разгромленные остатки каракитаев бежали далеко на запад. Совершив бросок через Центральную Азию, они остановились на территории между Иртышом и Амударьей и основали здесь спустя некоторое время государство каракитаев. Однако на сей раз под власть каракитаев попали тюркские племена, которые не имели сказочных богатств китайских императоров. Но тем тяжелее оказался гнет, который лег на плечи народов, населявших Туркестан. Изведав позор поражения, былые властители Восточной Азии с остервенением цепного пса, которого сильно побили палкой, набросились на местное население, присваивая и отбирая все, что только можно.

Еще в пору господства над Сунской империей каракитаи приобщились к культуре своих данников. У китайцев были переняты одежда, прически, иероглифическое письмо, усвоены обычаи и традиции. И все же каракитаи не ассимилировались полностью. Они сохранили свой язык и психологию кочевников. Государство каракитайских гурханов на территории Средней Азии оказалось недолговечным. Рыхлое пестроязычное, со слабой центральной властью, опиравшейся главным образом на силу кнута, оно просто дожидалось более сильного господина, который бы мог без труда прибрать, к рукам этот непрочный конгломерат племен и народов.

И хозяин вскоре нашелся. Владение каракитаев оказалось по существу единственным государством, которое без боя сдалось на милость Чингисхана. Монголы не погнушались услугами добровольных рабов. И не было у монгольских ханов, нойонов и нукеров более преданных и более исполнительных прислужников, чем каракитаи, из среды которых вербовались чиновники, писцы, казначеи, толмачи, лекари, гадатели и толкователи снов.

Незадолго до смерти Чингисхан подарил земли бывшего государства каракитаев своему второму сыну Чагатаю, прибавив ко вновь образованному улусу опустошенные области Самарканда и Бухары. В то время как младшие братья Угедей и Толуй завоевывали Северный Китай, а племянник Батый, сын умершего Джучи, топтал и жег русские княжества, Чагатай спокойно кочевал в долине реки Или, проводя жизнь в пирах, охотах и любовных утехах. Здесь по-прежнему процветало несторианство,

которое пользовалось высочайшим покровительством. (По подсчетам Гумилёва, к XIII веку три четверти евразийских кочевников являлись христианами несторианского направления.) Впрочем, процветал и традиционный монгольский шаманизм, поощрялся ислам, через некоторое время ставший официальной религией Золотой Орды, и, наконец, поддерживалось православие русских князей, ставших данниками монгольских ханов.

Но вернемся к пресвитеру Иоанну. Если степное несторианское государство некогда послужило источником легенды, то откуда у исконных степняков взялось имя христианского владыки? Л. Н. Гумилёв пояснял: это всего лишь трансформация и приспособление к более привычному для европейцев звучанию какого-то незнакомого азиатского имени. Так, одного из предводителей каракитаев, согласно персидским источникам, звали Эниат, или Иннан; имя это легко переделывается в христианизированного Иоанна. Или: широко распространенный и не нуждающийся в переводе титул китайских князей звучит как «*ван* ». Монголы переняли это понятие, отождествив с собственным — *хан* (поучилось *ван-хан*). Для европейцев же (включая и русских переписчиков) монголо-китайская терминология превратилась в христианскую ономастику, и «*ван* » превратился в *Ивана* (*Иоанна*).

Одним словом, Гумилёв блестяще доказал, что тот пресвитер Иоанн, которого Европа, Русь и Византия приняли за реальность, является на самом деле *фантомом* .[42] Но тем самым Лев Николаевич косвенно затронул еще одну — более общую и более болезненную проблему: история, которая всеми воспринимается как незыблемая наука, на самом деле может оказаться всего лишь мистификацией. Происходит же это оттого, что реальные события и факты, действительно некогда имевшие место, подменяются надуманными теоретическими конструкциями и безосновательными гипотезами.

Тем самым ученый — вольно или невольно — покусился на святая святых общественных наук, к которым по сложившейся классификации относилась и история. Поэтому совсем неудивительно, что критика в адрес более чем смелой книги Гумилёва не заставила себя ждать. Причем первый удар был сразу же нанесен из «главного орудия»: с развернутой, но бьющей мимо цели критикой книги о пресвитере Иоанне выступил один из самых авторитетных и заслуженных историков, директор Института археологии Академии наук СССР академик Борис Александрович Рыбаков (1908— 2001). Хлесткая рецензия маститого ученого, появившаяся в 1971 году в мартовском номере академического журнала «Вопросы истории», вовсе не

представляла собой образец строгого научного анализа, это, скорее, кураж облеченного властью научного бюрократа, для которого исходный материал для заказанной зубодробительной рецензии готовит безымянная группа лизоблюдов из числа подчиненных научных сотрудников.

Особый гнев сановного академика в книге Гумилёва вызвала глава, посвященная нетривиальной трактовке «Слово о полку Игореве». По существу, против нее главным образом и было направлено острие разгромной рецензии (если не считать, конечно, полнейшего неприятия гумилёвской методологии). В чем же разошлись два классика (сейчас это совершенно ясно) отечественной науки? Действительно, Л. Н. Гумилёв предложил весьма экстравагантную и малоубедительную для большинства читателей интерпретации великого памятника древнерусской литературы.

По мнению Гумилёва, «Слово» представляет собой типичный политический памфлет, написанный не в XII, а в XIII веке и направленный в виде скрытых намеков против «протатарской политики» Александра Невского (подробнее об этом — ниже). Кроме того, в тексте «Слова» в закодированном виде содержится критика некоторых несторианских реалий. Как уже отмечалось, значительная часть монголов в момент их нападения на Русь исповедовала христианство несторианского толка. Остальные придерживались традиционных шаманских представлений (отсюда, кстати, по Гумилёву, образ «мыслена древа» в «Слове о полку Игореве» — типичный шаманский символ). Безымянный и якобы прозападнически настроенный автор древнерусского шедевра (этого Гумилёв не отрицал) вынужден был прибегнуть к «эзопову языку», так как опасался преследования со стороны русских князей и церковных иерархов, ориентировавшихся на союз с ордой.

Гумилёв считал, что за половцами «Слова о полку Игореве» в действительности скрываются татары. Преображение реальных исторических субъектов в образы-символы — характерный литературный и методологический прием средневекового миросозерцания. При этом Гумилёв указывает на бесспорный факт — полнейшее расхождение между реальным историческим событием и его отображением в классическом эпосе «Песнь о Роланде», где описывается гибель знаменитого французского рыцаря в битве с сарацинами. На самом деле Роланд погиб не от мусульманского меча, а в результате нападения из засады христианского отряда баскских партизан. Увлеченный своей идеей, которая, к слову сказать, до сих пор мало кого убеждает, Гумилёв почему-то прошел мимо того самоочевидного факта, что

главный герой «Слова» — князь Игорь (безотносительно, как расценивать и истолковывать поэтическое повествование о нем) — является типичным *пассионарием* , способным воодушевить и повести за собой массу людей.

* * *

Но вернемся к легенде о пресвитере Иоанне. Ясно, что она интересовала Гумилёва не сама по себе; она нужна была ему, чтобы досконально разобраться в некоторых сложных перипетиях истории Великой степи. Так, его с давних пор занимал вопрос: почему в пустынных степях Монголии внезапно и чуть ли не на пустом месте возникла могучая империя Чингисхана, которая в течение ста лет быстро распалась на самостоятельные части? И как могло случиться, что немногочисленные монгольские племена, численность которых никогда не превышала миллиона человек, сумели не просто объединиться и создать самую непобедимую армию Евразии, но и сокрушить (к тому же в войнах на *три фронта*) самые могущественные государства той эпохи, чье население на порядки превышало численность самих монголов. (К примеру, в завоеванном монголами Северном и Южном Китае проживало в то время около 100 миллионов человек в среднеазиатских владениях разгромленных Хорезмшахов – 20 миллионов, в завоеванных русских княжествах — около 10 миллионов. А были ведь еще Тангутское государство Иран, Багдадский халифат и др.) Монгольское конное войско никогда не превышало трехсот тысяч человек (да и то с учетом рекрутов из завоеванных стран), к тому же действовало оно отдельными армиями в разных частях света (Сам Гумилёв называл гораздо меньшую цифру, объясняя, что конная армия кочевников, если она превышает 100 тысяч не в состоянии прокормить себя и лошадей.)

На эти и аналогичные вопросы Л. Н. Гумилёв ответил в дальнейших своих исследованиях и публикациях. При этом в центре проблемы по вполне понятным причинам оказалась личность Чингисхана – одного из величайших завоевателей всех времен и народов.

Интерлюдия 2
ЧИНГИСХАН

Согласно семейной легенде, не подтвержденной, однако, документально, по материнской линии Лев Николаевич вполне мог считать себя потомком рода Чингизидов. Вот что говорится в одной из записных книжек Анны Андреевны: «Моего предка хана Ахмата убил ночью в его шатре подкупленный русский убийца, этим, как повествует Карамзин, кончилось на Руси монгольское иго. Этот Ахмат, как известно, был Чингизидом. Одна из княжон Ахматовых, Прасковья Егоровна, в XVIII в. вышла замуж за богатого и знатного сибирского помещика Мотовилова. Егор Мотовилов был моим прадедом. Его дочь, Анна Егоровна – моя бабушка. Она умерла, когда маме было 9 лет, и в честь ее меня назвали Анной».

Независимо от того, как относиться к подобной информации с научной точки зрения (многие подвергли приведенные сведения сомнению), сам Лев Николаевич воспринимал факты, сообщенные матерью, вполне серьезно. В одном из интервью он прямо заявил, что в его жилах течет кровь старшего сына Чингисхана Джучи, основателя Золотой Орды. Колоссальная, не вмещающаяся в обычные европейские представления фигура «завоевателя вселенной» — Чингисхана привлекала Гумилёва со школьной скамьи. И, как уже отмечалось, одним из наиболее совершенных стихотворно-драматических его произведений, сочиненных еще в юности, считается драма «Смерть князя Джамуги». Написанная в двух вариантах — двухактном и пятиактном — она посвящена ранней истории Чингисхана, носившего в то время имя, данное ему при рождении, — Темучин (современное написание — Темуджин[43]).

Молодого автора не могла не занимать трагедийная коллизия взаимоотношений двух верных друзей, двух побратимов-*анда*, еще недавно спавших под одним одеялом и деливших пополам радость и горе и вдруг в предвкушении власти ставших соперниками. Завязалась кровопролитная война между двумя стремившимися к гегемонии группировками. Победил Темучин: провозглашенный и нареченный Чингисханом, он приказал казнить своего недавнего друга, а тот безропотно согласился с жестоким приказом. Отсюда следует простой вывод, относящийся к любым эпохам и народам: власть и дружба — вещи несовместимые.

Сюжет заимствован из эпической монгольской книги, в русском переводе именуемой «Сокровенное сказание» и сохранившейся только на китайском языке. Воистину великое произведение восточной литературы, книга эта с ранней юности завладела умом Льва Гумилёва. Поэтому о ней стоит сказать особо, тем более что в зрелые годы сам Лев Николаевич посвятит «Сокровенному сказанию» специальную работу — «"Тайная" и "явная" история монголов XII—XIII вв.», напечатанную в составе коллективной монографии «Татаро-монголы в Азии и Европе» (М., 1970 — то есть вышедшая в один год с интересующей нас книгой «В поисках вымышленного царства»).

При знакомстве с «Сокровенным сказанием» европейского читателя (в том числе и российского) прежде всего поражает несоответствие содержания монгольского классического шедевра тому, что обычно излагается в учебниках, энциклопедиях или справочниках. Это касается и сообщаемых фактов, и акцентов, и структуры приводимого материала. Главными здесь представлены события, могущие показаться на первый взгляд второстепенными на фоне глобального потока истории: например, месть Чингисхана (Темуджина) за убийство отца, а также собственное преследование, пленение и унижение выглядят более значимыми, чем последующее завоевание полумира (описание походов Чингисхана, потрясших Европу и Азию, занимает всего несколько заключительных страниц).

В легендарной истории монголов и родословной самого Чингисхана имеются два загадочных и воистину сакральных события, несомненно сыгравшие важнейшую роль в их пассионарном пробуждении. Речь идет о горном, если так можно выразиться, происхождении монгольского народа и самого выдающегося его представителя. С горами связано рождение или начало активной деятельности многих выдающихся исторических личностей. На вершинах гор открылась истина и совершилось богооткровение для Иисуса, Зороастра, Моисея, Мухаммеда. Вероятно, по той же причине на горных вершинах или в их близи воздвигались храмы и монастыри.

Сам Чингисхан, как ни странно звучит это для неискушенного читателя, также родился в горной местности — скорее всего, на территории современной Читинской области: примерно в 250 километрах от Нерчинска на берегах реки Онон. Мысль о «российском происхождении» Чингисхана впервые высказал первый ученый-бурят Доржи Банзаров (1822—1855). Незадолго до кончины он говорил своим друзьям: «Знаете ли, я удивлю вас! Я докажу вам ясно, что предки Чингисхана жили у нас — где бы вы думали? В баргузинской степи!» Банзаров даже

отправлял в те места поисковую группу, но ее отчет впоследствии затерялся. Есть и другое мнение: Темуджин — будущий Чингисхан — родился на территории современного Китая, в предгорьях Большого Хингана, но это — тоже горы. Самый прославленный полководец Чингисхана — Субудай (Субетай-баатур) — ему монголы обязаны всеми главными победами на Востоке и на Западе (включая разгром Руси) – также родился в горах и был *урянхайцем* , или, по-современному, *тувинцем* . Вообще, и Чингисхан и Субудай были по рождению *сибиряками* .

Именно с «горной историей» монголов связана одна чрезвычайно любопытная легенда, которую приводит в своей летописи знаменитый персидский историк Рашид ад-дин (1247-1318), повествующий о жизни будущих покорителей мира еще до того, как у тех пробудилась потребность в дальних походах.

Прежде они сами терпели одно поражение за другим и вынуждены были под натиском более сильных и воинственных киданей (китаев) скрыться в недоступной горной местности:

«И вот они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавили железо. Собравшись вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали из них кузнечные мехи. Затем заложили дрова и уголь у подножия того косогора и так оборудовали место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать огонь под дровами и углем до тех пор, пока тот горный склон не расплавился. В результате оттуда было добыто безмерное количество железа и вместе с тем открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи».

Сквозь фантастический туман легенды здесь явственно проступают некоторые удивительные реалии. Кузнечное искусство предков монголов совместилось в их памяти с каким-то природным извержением расплавленного магматического железа из недр земли, принятым совершенно искренне за деяние рук своих или за результат воздействия шаманов. На самом же деле речь могла идти об обычном вулканическом извержении, но без катастрофических последствий. Или же в памяти монголов сохранилось воспоминание о наидревнейших временах, когда они существовали еще в составе нерасчлененной этнолингвистической и социокультурной целостности — праматери современных цивилизаций — и обитали в местах, весьма отдаленных от степных регионов Центральной Евразии.

Находясь в горной местности, предки монгольского народа вполне могли столкнуться с природным явлением, вызвавшим

мощное электромагнитное излучение и породившим пассионарный толчок. И именно с того самого момента монголы из тихого, забитого и отовсюду гонимого племени превратились в *пассионарный этнос* , который вскоре стал вершителем мировых судеб. Не было бы «расплавленной горы» и ее излучения (на память сразу же приходит евангельский Фаворский свет) – трудно сказать, как бы вообще сложилась дальнейшая история и самих монголов, и всего остального мира.

Железо в приведенном монгольском предании тоже отнюдь не случайно. Например, сакральные особенности острова Валаам на Ладожском озере во многом объясняются наличием большого количества железной руды на том самом месте, где воздвигнут знаменитый русский монастырь. Железорудный субстрат и обеспечивает тот благоприятный энергический ток, который чувствуют все, кто посещает это воистину священное место. Не приходится сомневаться, что таковым оно было всегда. И задолго до того, как сюда пришли первые христианские монахи, испокон веков (быть может, не одно тысячелетие) остров Валаам, благодаря своим геокосмическим особенностям, привлекал сюда людей независимо от того, какую языческую религию они исповедовали и к какому этносу принадлежали.

Но и у монголов на сей счет существуют сакральные предания. По мнению некоторых специалистов, имя Темуджин в древнемонгольском языке означало «кузнец», и будущий «покоритель вселенной» имел непосредственное отношение к этой почетной и магической профессии. Считалось, что наковальня Чингисхана, сделанная из таинственного металла бурын (имеющего свойства меди и железа), находилась на горе Дархан. Безлесую эту гору с плоской, как стол, вершиной и сегодня можно увидеть возле села Новоселенгинска на левом берегу реки Чикой. Здесь когда-то богатырь Темуджин ковал оружие для будущих своих побед…

Личные качества, военные и организаторские способности Чингисхана обычно под сомнение не ставятся. Но вопрос этот нередко заостряется: можно ли назвать его гениальным полководцем? Нет?! Тогда каким образом монгольскому самородку удалось завоевать полмира, территорию намного большую, чем завоевал Александр Македонский, в полководческом гении которого никто не сомневается? Завоевательный «рекорд» Чингисхана вообще не преодолен никем; в любом подобном «рейтинге» его имя окажется первым. Уверенно займет Чингисхан свое законное место в первой «пятерке» величайших *геополитиков* — вместе со все тем же Александром Македонским, Тимуром (Тамерланом), Наполеоном

и Сталиным.

Один из основоположников «евразийской теории» Г. В. Вернадский констатировал: «Следует признать, что Чингисхан был не только гениальный полководец, но и государственный деятель крупного размаха, творец нового имперского права». Сам же Гумилёв был склонен говорить о выдающихся организаторских способностях Чингисхана, а не о его полководческом таланте; гениальными полководцами в таком случае следует признать его выдающихся сподвижников, по существу не знавших поражений. Кроме того, Чингисхан действительно не стремился, подобно Александру Македонскому, в самую гущу боя и не участвовал в битвах, имевших тактическое значение, зато умело, и учитывая советы соратников, определял стратегическое направление главных ударов.

Г.В. Вернадскому вторит другой евразиец-классик, выдающийся филолог, историк и мыслитель – Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938): «Чингисхан был не только великим завоевателем, он был и великим организатором. Как всякий государственный организатор крупного масштаба он в своей организационной деятельности руководствовался не только узкопрактическими соображениями текущего момента, но и известными высшими принципами и идеями, соединёнными в стройную систему. Как типичный представитель туранской расы он не способен был сам ясно сформулировать эту систему в отвлечённых философских соображениях, но тем не менее ясно чувствовал и сознавал эту систему, был весь проникнут ею, и каждое отдельное его действие каждый его поступок или приказ логически вытекал из этой системы. <…> Согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-нибудь господствующее сословие. Не на какую-нибудь правящую нацию, не на какую-нибудь определённую правящую религию, а на определённый психологический тип людей».

В чём же тогда причина столь грандиозных полководческих и геополитических успехов? Гумилёв указывает на главную причину, объединяющую и катализирующую прочие личные качества: это – невероятная *сила воли* . Однако воли одного человека недостаточно; необходимо, чтобы в твоём окружении оказалось ещё несколько таких же волевых людей (первоначальная «критическая масса» – не менее пяти-семи человек; затем она множится по принципу «цепной реакции»). И Чингисхан сумел найти таких людей, которые, соответственно, и именовались – «люди длинной воли» [44].

Они-то и помогли Темуджину сначала стать владыкой

объединённых монголов и сопряжённых с ними других племён и народностей (например, татар, самоназвание которых впоследствии перешло на всю орду, независимо от языковой и этнической принадлежности составляющих ее частей). Гумилёв видел в них людей особого поведенческого настроя, отличавшихся от своих предков и соплеменников большей энергичностью, предприимчивостью, способностью к самопожертвованию, короче говоря – пассионарным напряжением. Все они заражали этим духом тех, кто случайно к ним примкнул. И те вели себя аналогичным образом, видя в послушании хану высшую цель своей жизни. Не произволу хана подчинялись они, а закону, называемому *Яса,* которому подчинялся сам хан. Именно «людям длинной воли» Чингисхан обязан тем, что он стал «властелином вселенной». Еще заполярной зимой в Норильске в пятиактной драме, посвященной своему герою, Гумилёв писал:

Мы одни, но с нами копья наши!
Нет коней, найдем коней чужих!
Пусть они пускают кругом чаши,
Скоро горькой станет чаша их!
Мы непоправимое оплачем.
Но пройдем во все концы дорог,
Потому что с нами Бог Удачи,
Бог победы, копьеносный Бог.

Волевое начало во все времена играло важнейшую роль в общественной жизни и деяниях конкретных людей. Гумилёв считал волевой акт природным явлением, поскольку он непосредственно связан с физиологией человека, его нервной и гормональной деятельностью. Отсутствие воли — тоже показатель, чреватый, как правило, отрицательными последствиями для социума или индивида. Но что такое воля? Откуда она берется и как соотносится с тем, что мы теперь называем биосферой и ноосферой? Какова ее роль в интеллектуальном и социальном прогрессе? Эти и им подобные вопросы большинство мыслителей рационалистической, эмпирической, позитивистской и материалистической ориентации старались обходить. Лишь два европейских философа приняли вызов времени — Артур Шопенгауэр (1788—1860)[45] и Фридрих Ницше (1844-1900). Еще в юности Лев Гумилёв познакомился с их концепцией. Во время ареста Л. Н. Гумилёва в

октябре 1935 года у него были изъяты при обыске и приобщены к делу портрет Фридриха Ницше и самый знаменитый его эссеистический трактат «Так говорил Заратустра». Среди российской интеллигенции весьма популярна была и другая книга Ницше — «Воля к власти». Наверняка Лев Гумилёв знал о ней и, скорее всего, читал. Понятно, что самого молодого ницшеанца не интересовала «воля к власти»; зато ему была небезразлична *воля к жизни* и *воля к победе во имя истины* …

С ноосферной точки зрения, воля, имеющая природно-психологическое происхождение, разлита по всему миру. В определенном смысле можно сказать: повсюду есть воля и всё есть воля, если не само по себе, то как результат воздействия высших сил. Вместе с тем воля ни в коей мере не бессознательный, а осмысленный феномен, ибо, говоря современным языком, пребывает на стыке био– и ноосферы. Недаром Лев Толстой и Михаил Бакунин (под конец жизни) из всех западных философов самым великим считали Шопенгауэра. Подобное представление получило дальнейшее развитие в трудах К. Э. Циолковского. Одна из основополагающих работ «отца» теоретической космонавтики и мыслителя-космиста, изданная в Калуге в 1928 году, так и называется — «Воля Вселенной». Вывод ее таков: «Итак, всё порождено Вселенной. Она начало всех вещей, от нее все и зависит. Человек или *другое высшее существо* (выделено мной. — В. Д.) и его воля есть только проявление воли Вселенной». Л. Н. Гумилёв вряд ли был знаком с этой брошюрой, изданной мизерным тиражом за счет скромных средств автора. Но он самостоятельно пришел к аналогичному выводу независимо от каких-либо авторитетов.

Воля неотделима от пассионарности. Можно с полным основанием утверждать: пассионарная вспышка невозможна без целенаправленной воли, которая, как огонь в степи, постепенно охватывает весь этнос, превращая его в неодолимую силу и стихию, с которой невозможно бороться. Наиболее трагическая ситуация возникает, когда воля сталкивается с безволием и отсутствием способности к сопротивлению. Такие коллизии неоднократно возникали в ходе мировой истории, включая и недавнюю историю России. Народ в таких случаях превращается в неуправляемую массу, вождем которой может объявить себя любой проходимец и авантюрист. Вот почему сплоченность на основе единой и всеобщей воли превыше всего!

Закономерности, выявленные Гумилёвым относительно становления монгольского этноса (а еще раньше — хуннского и древнетюркского), имели не частную, а всеобщую значимость. Жестокие законы деспотии и жесткой централизации фактически

одинаковы для всех эпох и народов. Законы и порядки Монгольской империи, построенной на жесточайшей воле, повсеместном страхе и массовых репрессиях, по основополагающим принципам подавления политически бесправного населения мало чем отличаются от полурабского—полуфеодального порядка, в 1920—1950-е годы установленного в СССР. Впрочем, недаром ведь один из вождей Октября Николай Иванович Бухарин прозвал своего бывшего соратника И. В. Сталина — творца тоталитарного режима — «Чингисханом с телефоном» (крамольный афоризм сей знала вся страна, шепотом передавая его из уст в уста).

Величие и мощь государства строились на трупах и крови сограждан, сохранявших верность возвышенным идеалам и непостижимым образом олицетворявшему их вождю. Всеобщее славословие, сотни тысяч портретов, изваяний, песен, стихов. Даже Анна Ахматова (как и Осип Мандельштам) написала оду в честь вождя (правда, в надежде смягчить этим участь сына, заключенного в лагере). И вдруг все это в одночасье исчезло с глаз и началась совсем другая кампания, названная «борьбой с культом личности». Тело еще недавно боготворимого вождя вынесли из мавзолея, а имя надолго предали забвению…

* * *

Но можно ли построить империю иначе, чем на костях и крови угнетенных или завоеванных народов? Иного пути нет! И об этом красноречиво свидетельствует вся древняя, средневековая, новая да и современная история. То, что творили монголы на пути своей победоносной экспансии, мало чем отличалось от аналогичных «подвигов» великих и малых завоевателей всех времен и народов. Тотальные погромы, учиненные крестоносцами в Константинополе и Иерусалиме, по своим масштабам, жестокости и количеству безвинных жертв мало чем отличались от «политики выжженной земли», осуществлявшейся армиями Чингисхана и его наследников на территории завоеванных государств. При этом монголы оказывались подчас более терпимыми и гуманными в сравнении с европейскими цивилизаторами. П.Н. Савицкий писал по данному поводу Л.Н. Гумилёву из Праги 27 декабря 1958 года:

«Чингис, его полководцы и преемники совершали много жестокостей. Все же, смею утверждать, дух экспансии кочевников был более терпимый и человечный, чем дух европейского

колониализма. Этому есть не тысячи, а миллионы доказательств. Одни испанцы в Америке чего только не делали! А португальцы! А англичане и в Ост– и в Вест-Индии! Чего стоит одно опустошение Африки и торговля — в течение веков — черными рабами! Отмечу, что Золотая Орда сохранила дух терпимости даже после того, как "царь Узбек обасурманился" <…>».

Так, может, лучше вообще обойтись безо всяких империй? Но тогда застопорится цивилизационный прогресс больших и малых народов. Вот и выходит: история сама диктует свои неумолимые законы, в значительной мере копирующие природные законы биосферы и ноосферы… Глобализация, интернационализация и централизация — всеобщие исторические и социологические закономерности. Но вот без чего желательно обойтись, так это без насилия. Но как? Попытки реализовать подобный идеал известны. Одна из наиболее удачных попыток была как раз таки в XIII веке и связана с именем великого сына земли Русской святого, благоверного и великого князя Александра Невского.

Интерлюдия 3
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Пассионарная вспышка одного монгольского этноса обернулась смертельным ожогом для других стран, включая великие и малые народы Руси. Однако поражение и почти трехвековое порабощение русского народа имело не одни только отрицательные, но и положительные политические последствия. Раздробленные и малосильные русские удельные княжества под властью монгольских ханов постепенно обретали цементирующее общегосударственное начало. К такому выводу еще в 20-е годы XX века пришла плеяда русских историков-евразийцев, опиравшихся, впрочем, на давно известный тезис Н.К. Карамзина: «Москва обязана своим величием ханам»[46].

В самом деле, в трагическом XIII веке раздробленные самостийные и слабосильные русские удельные княжества, так сказать, по определению не способны были ни врозь, ни вкупе дать сколь-нибудь серьезный отпор хорошо вышколенным и привыкшим к беспрекословной дисциплине ордам степняков. Сплоченной силе необходимо было противопоставить еще более сплоченную, централизованную и дисциплинированную силу. Так оно и случилось, но только три века спустя. В конечном счете монгольские ханы оказались жестокими, но хорошими учителями. Это прекрасно понимали все историки-евразийцы:

«Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще "собирания Русской земли", стали собирать земли западного улуса Великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. "Свержение татарского ига" свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати. Русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской, и вряд ли правы те историки, которые закрывают глаза на это обстоятельство или стараются преуменьшить его значение». Приведенные слова принадлежат одному из основоположников евразийского движения — Н. С. Трубецкому.

Ему вторит другой историк-евразиец — Петр Николаевич Савицкий (1895—1968): «В лоне монгольской державы сложилась

новая Русь. Едва ли не этим определилась и определяется вся дальнейшая судьба человечества». Еще более определенно он высказался в письме Л. Н. Гумилёву от 13 февраля 1963 года: «<…> Только слепой может отрицать, что на великую всемирно-политическую арену Русь в свое время была выведена именно "монгольским игом", превратившимся для Руси в великую монголо-татарскую "школу". Те историки, которые отрицают в современности эту очевидную истину, исходят — б[ыть] м[ожет], сами того не сознавая, — из представления о монголо-татарах XIII—XV вв., как о "низшей расе", своего рода хищных зверях. Что может быть доброго от зверей?! На самом же деле Русь получила от монголо-татар немало хорошего. В числе прочего она получила от них навыки национальной и религиозной терпимости <…>».

Ту же мысль обстоятельно развивал еще один историк-эмигрант и приверженец “евразийства" Николай Александрович (по другим сведениям — Андреевич) Клепинин (1899—1939). Как и его старшие единомышленники он считал, что вхождение Северной Руси в татарское царство приобщило ее к мировой истории. Оно открыло Суздалю те горизонты, которых у него до тех пор не было. Единая татарская власть была одним из главных факторов укрепления русского единодержавия и великодержавия. Московские князья обязаны своей властью не столько своей силе, сколько ловкой политике, благодаря которой они получали от ханов ярлыки на великое княжение. Власть хана сделалась тем орудием, воспользовавшись которым московские князья превозмогли центробежные силы удельного сепаратизма. Укрепившись под властью ханов, Москва свергла татарское иго, из завоеванной стала завоевательницей, постепенно начала расширять свою власть на области, прежде находившиеся под татарами.

В чем же тут дело? Татары лавинами находили на Русь и давили ее поборами и произволом ханских чиновников. Но татарское владычество не проникало в быт покоренной страны. Само татарское царство, как и все азиатские кочевые царства, было мозаичным. Оно втягивало в себя многие народы, подчиняло единой власти, облагало данью, карало неповиновение. Но оно в конечном итоге не утверждало насильственно своего быта. Несмотря на грандиозный размах завоеваний, на сосредоточенность воли на внешних деяниях, в татарском царстве отсутствовала внутренняя сила. И поэтому, быстро возникшее, оно сравнительно быстро и распалось. Татарские завоевания были лишены религиозных побуждений. Отсюда их широкая веротерпимость. Татарское иго можно было переждать и пережить. Татары не покушались на внутреннюю

силу покоренного народа. И временным повиновением можно было воспользоваться для укрепления этой силы.

У советских историков концепция евразийства не встретила особой поддержки. Долгое время, заняв круговую оборону и практически в одиночку, ее отстаивал только Л. Н. Гумилев. Когда монголы, считал Л. Н. Гумилёв, впервые появились на границах Руси, у них были мирные по отношению к русским намерения. Их подлинными врагами были половцы, находившиеся в союзе с русскими князьями. Если бы русские князья перед битвой на реке Калке не убили вероломно татарских послов, то орда, скорее всего, не стала бы ввязываться в бой и прошла мимо. Только когда половцы оказались разгромленными, хан Батый замыслил поход на Русь, а затем и в Западную Европу. Если бы русские князья в свое время отказали половцам в помощи, то войны и нашествия на Русь могло бы вовсе не быть. Ибо кочевники не нуждались в землях, покрытых густым лесом, а русские, как оседлый народ, не могли угрожать степному монгольскому улусу. Кроме того, высказывалась крамольная мысль, что Батый вообще не имел планов завоевания Руси, а на территории русских княжеств татаро-монгольское войско оказалось случайно — чтобы обойти половцев с тыла.

По Гумилёву, поход Батыя не выпадал из общего контекста монгольских военных усилий. Пройдя по Руси «изгоном», монголы не оставляли гарнизонов и, таким образом, дань платить было после Батыева похода просто некому. Из 300 русских городов Великого княжества Владимирского монголы захватили лишь 14, а целый ряд городов (Углич, Кострома, Тверь, Ростов и другие), приняв предложенный монголами компромисс, вообще избежал разрушения, связанного со взятием. Что же касается Киева, то этот город к тому времени был сильно ослаблен и разрушен, поскольку выдержал в начале XIII века несколько осад и разорений от русских князей (1203 год — Рюриком Ростиславичем Смоленским, 1235 год — черниговскими князьями). Конечно, монгольский поход принес много жертв и разрушений, но такова была тогда каждая военная кампания. Ежегодные усобицы русских князей тоже стоили немалой крови и блага населению не приносили. Помимо всего прочего, монгольский этнос, находившийся на стадии (в фазе) *подъема* , столкнулся со славянской *обскурацией* (см. далее).

Более сложным является вопрос об уплате дани, которая обычно считается наиболее весомым аргументом в пользу «татарского ига». Поход Батыя состоялся в 1237—1238 годах, платить дань Русский улус начал лишь в 1259 году. Разрыв в два десятилетия заставляет искать другие объяснения. Гумилёв

считал, что после смерти великого хана Угедея на ханском троне его сменил Гуюк. К этому времени в самом Монгольском улусе борьба за власть уже получила достаточное развитие: злейшим врагом Гуюка и был Бату. С воцарением Гуюка у него оставалось мало шансов на победу в борьбе, ибо его военная сила и материальные средства были крайне ограниченны. После ухода других царевичей Чингизидов у Бату осталось лишь четыре тысячи верных монгольских воинов, и это в стране, население которой составляло более шести миллионов человек. В такой ситуации о наложении «ига» и речи быть не могло: напротив, Бату крайне нуждался в союзниках из числа русских князей, которые могли бы удержать население от бунта и в обмен на военную помощь пополнять казну хана. И Бату нашел союзника в лице Александра Ярославича Невского (ок. 1220-1263). Причин тому было несколько. Во-первых, князь Александр еще в 1242 году осознавал опасность западноевропейской агрессии на Русь. Ему, таким образом, союзники тоже были жизненно необходимы. Во-вторых, будучи Мономашичем князь Александр во внутрирусской политике противостоял черниговским Ольговичам. А ведь именно черниговские князья были друзьями половцев и врагами монголов. В-третьих, сам князь Александр Ярославич также был врагом Гуюка, поскольку его отец, Ярослав, был отравлен в Каракоруме матерью Гуюка, ханшей Туракиной. (Туракина поступила так, поверив доносу боярина князя Ярослава — Федора Яруновича.) Видимо, все эти обстоятельства и привели Александра Невского к мысли о союзе с Батыем. Александр поехал в Орду, побратался с сыном Бату — несторианином Сартаком и заключил договор об уплате дани в обмен на военную помощь. Политика Александра не встретила на Руси всеобщей поддержки и понимания, но даже после его смерти оказалась конструктивной. Так, в 1269 году орденские войска угрожали Новгороду. При появлении небольшого татарского отряда «немцы замирашася по всей воле новгородской, зело убояхуся и имени татарского». Русь, вернее, та ее северо-восточная часть, которая вошла в состав улуса Монгольского, оказалась спасена от католической экспансии, сохранила и культуру, и этническое своеобразие. Иной была судьба Юго-Западной Червонной Руси. Попав под власть Литвы, а затем и католической Речи Посполитой, она потеряла всё: и культуру, и политическую независимость.

Заложенные Александром Невским традиции союза Руси со Степью оказались жизнеспособны и плодотворны, они материализовались в политической практике Московского государства XVI—XVII веков, когда вся бывшая территория

Золотой Орды вошла в состав Русского государства. Монголы, буряты, татары, казахи столетиями пополняли ряды русских войск и бок о бок с русскими защищали свое общее отечество, которое с XV века стало называться Россией.

Упомянутый выше видный историк из плеяды мыслителей-евразийцев, сын великого русского мыслителя-космиста В.И. Вернадского – Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973) – посвятил эпохе так называемого татаро-монгольского ига программную статью «Два подвига св. Александра Невского» (1925), где сопоставил массовую пассионарность степной орды (хотя самим этим термином не пользовался) с индивидуальной пассионарностью русского полководца и подвижника. Окажись он во главе раздробленных русских дружин, растерявшихся перед внезапным и мощнейшим натиском степняков, неизвестно еще как бы сложилась русская история, но судьба уготовила Александру Невскому иную миссию — остановить вражескую экспансию с Запада и, что не менее важно, сплотить и сохранить русский дух внутри Русского государства. Для этого Александру Ярославичу пришлось искать компромисса с поработителями Русской земли — во имя ее же сохранения и будущего возрождения. Г. В. Вернадский подчеркивает: «Александр выделил в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую культурную самобытность от латинского Запада. <…> Христианский подвиг не всегда есть мученичество внешнее, а иногда наоборот — внутреннее: не только брань видимая, но и "брань невидимая", борьба с соблазнами душевными, подвиг самодисциплины и смирения…» Таким образом, два подвига, которым посвящена программная статья Вернадского, суть: первый — подвиг брани, второй — подвиг смирения; оба имели единую цель — сохранение нравственно– политической силы русского народа.

Статья Г. В. Вернадского писалась как бы в полемике с пресловутым русофобским опусом маркиза Адольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», где очередной — на сей раз французский — Мюнхгаузен попытался исказить не только историю современной ему России, но и дегтем перепачкать ее достославное прошлое. Казалось бы, время де кюстинов безвозвратно ушло. Но нет, злопыхательский пыл разнокалиберных фальсификаторов русской истории за полтора века нисколько не поубавился. В 1983 году в Лондоне была издана очередная монография крупнейшего европейского специалиста по русской истории Джона Феннела «Кризис средневековой Руси: 1200—1304», через шесть лет книга вышла на русском языке. Английский

«специалист» не просто принижает значение личности Александра Невского в отечественной истории — он отрицает фактическую сторону выигранных им сражений, называя Невскую битву и Ледовое побоище мелкими, случайными и малосущественными, о которых не сохранилось никаких достоверных известий, кроме агиографического «Жития святого благоверного и великого князя Александра», написанного более чем через сто лет после его смерти. (К сожалению, у английского историка нашлись последователи и в нашем отечестве).

Действительно, западно-европейские хроники хранят полнейшее молчание о битвах на Неве и Чудском озере. О первой из них умалчивают и современники — русские летописцы. Лишь о событиях, связанных с экспансией Ливонского ордена, сохранилась краткая запись в Лаврентьевской летописи. Да и та сделана таким образом, что на первый план выдвигается не князь Александр, а его брат Андрей: «В лето 6750 (1242). Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий в помощь Александру против немцев, и победили их на Плесковском (Псковском) озере и взяли большой полон; и возвратился Андрей к отцу своему с честью». Вот и все, что можно узнать из ранних русских летописей об эпохальных событиях, в ходе которых решалась судьба России. В более поздних летописях появляются подробности, хорошо известные по школьным учебникам, художественным произведениям и классическому фильму Сергея Эйзенштейна. Откуда они взялись?

Как уже отмечалось, огромное количество древнерусских рукописных книг и документов погибло. Среди них множество ранних летописей, о содержании которых теперь можно только догадываться. Однако нельзя полностью игнорировать и стойкую устную традицию: народ дал любимому князю прозвание Невского, народ свято хранил в памяти его героические деяния. Это ведь только к радости «специалистов», вроде Джона Феннела, отсутствие соответствующей записи в какой-нибудь шведской или эстонской хронике может служить аргументом в пользу того, что случайная стычка на Неве не имела никакого значения для хода истории, а князь Александр получил свое прозвище неизвестно за что. По счастью, народ не состоит из одних только феннелов: в противном случае на Британских островах не сохранилось бы ни баллад о Робине Гуде, ни цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, ни волшебных легенд Уэльса «Мабиногион», в которых в «снятом виде», как выражаются философы, сохранились факты реальной, хотя и очень далекой, истории или же предыстории.

Устные рассказы сподвижников Александра Невского,

вошедшие затем в летописи и житийное повествование, донесли до нас и факты ноосферных явлений, сопутствовавшие всей жизни благоверного и великого князя. Наиболее известными и показательными являются видения в решающие минуты святых русских мучеников Бориса и Глеба. Впервые они явились перед Невской битвой ижорскому старейшине Пелугию (в крещении Филиппу). Он стоял в ночном дозоре, и когда начало всходить солнце, он вдруг «слыша шюм страшенъ по морю и виде насадъ (речное судно. — В.Д.) един гребущь по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глеба въ одеждах чрьвленых, и беста рукы дръжаща на рамех. Гребци же седяху, акы мглою одеани. Рече Борисъ: "Брате Глебе, вели грести, да поможемь сроднику своему князю Александру"». Перед нами не вымысел, галлюцинация от бессонницы, а типичное ноосферное явление, пробуждающееся в экстремальной ситуации, когда чувства и сознание человека до предела обострены.

Александр принял ноосферное знамение как благословение, и с тех пор сродники Борис и Глеб окрыляли знамя его побед. В особенности это проявилось во время Ледового побоища. Сразу множество воинов увидело (понятно, что речь идет о внутреннем видении, то есть подключении к информационному полю ноосферы), как святые покровители Руси Борис и Глеб «даша ратнии плещи свои и сечахут их и гоняхут, яко по яеру, и не бе им камо утечи, и биша их 7 верст по леду до Суболического (западного. — В. Д.) берега; и паде Немець 500, а Чюди числа нет». Так говорится в Московском летописном своде конца XV века.

Глава 5
АСПЕКТЫ УЧЕНИЯ

Лев Николаевич Гумилёв написал множество книг – одна лучше другой (о статьях или художественных произведениях я уже и не говорю). Но есть среди них главная, которая сегодня входит в «золотой фонд» современной науки. Ее название известно любому культурному человеку — «Этногенез и биосфера Земли». Эта книга из тех, что создавалась автором на протяжении всей его сознательной жизни. А когда пришла пора сесть за письменный стол, чтобы написать первую страницу, в голове давно уже сложилось почти всё произведение целиком. Потому-то так легко и радостно было трудиться Гумилёву над своим детищем. За каждой строкой по существу стоял опыт всей его жизни. Написать книгу легко — было бы время да желание! Гораздо труднее сломать устоявшиеся научные стереотипы, преодолеть идеологические догмы и инерцию мышления псевдоученых и патологический страх издательских работников, боящихся брать на себя малейшую ответственность за публикацию крамольного труда гонимого автора.

У этой книги Льва Николаевича Гумилёва оказалась нелегкая судьба. Печатать ее запретили сразу же. Разрешили депонировать. Существовала в те времена такая хитрая форма обнародования научных работ: один машинописный экземпляр сдавался на хранение в специально созданный для этого Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ), где ксерокопию работы в принципе имел право заказать любой желающий. По утвержденному положению, если заказы на депонированную работу становились массовыми, ее обязаны были напечатать типографским способом. Но на книгу Гумилёва сие правило не распространилось, и ее ожидала совершенно иная участь: спустя некоторое время эпохальный труд вообще перестали размножать и пересылать заказчикам. Как результат репрессивной политики властей — на «черном» книжном рынке цена успевших разойтись экземпляров достигла астрономической цифры. Гумилёву же по-прежнему продолжали чинить препятствия по всем направлениям. На его голову обрушился очередной вал разнузданной критики. Но Лев Николаевич как истый пассионарий не привык без боя сдавать позиции. Он обстоятельно (устно и письменно) отвечал своим многочисленным оппонентам и завистливым недругам, обращался в официальные инстанции, искал (и получал) поддержку и у известных ученых, и у скромных

подвижников науки.

Высокую оценку монографии Гумилёва дал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906—1999). Вместе с другими именитыми учеными он обращался непосредственно в ЦК КПСС. В своей официальной рецензии он утверждал: «<…> Книга Л. Н. Гумилёва "Этногенез и биосфера Земли" (защищенная автором как вторая докторская диссертация и депонированная в ВИНИТИ), в которой он дает систематическое изложение своих представлений об этносе как связующем звене между природой и человеком, уже почти десять лет привлекает к себе пристальное внимание самого широкого читателя. Причина тому — необычайная постановка проблемы, широта обобщения огромного фактического материала всемирной истории и географии, необычайная эрудиция автора, соединение исторического, географического и биологического взглядов на предмет исследования на базе системного подхода. Как специалист по истории культуры, объединяющий филологию, искусствоведение и историю, я приветствую такое расширение научного видения в сторону естествознания, и в частности, в сторону географии.

Л. Н. Гумилёв вводит в науку новое понятие, психологическую доминанту — пассионарность. Слово это уже прочно обосновалось в лексиконе русского научного языка, поэтому я не считаю необходимым на нем специально останавливаться. Благодаря своему нововведению Л. Н. Гумилёву удалось ответить на фундаментальный вопрос: почему возникают и исчезают народы (этносы)? Ответом на него явилось учение о пассионарных толчках и процессах этногенеза, вызываемых этими толчками и протекающих в биосфере Земли.

Описание пассионарности и открытие пассионарных толчков — одно из крупнейших достижений отечественной науки, которое ставит имя Л. Н. Гумилёва в один ряд с именами замечательных ученых-натуралистов В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, Н. И. Вавилова. Впрочем, окончательную оценку трудам Л. Н. Гумилёва должны вынести ученые-естественники, хотя, я думаю, что моя оценка ученого-гуманитария недалека от истины. Со своей, гуманитарной стороны не могу не отметить глубокого профессионализма Л. Н. Гумилёва как историка, обладающего к тому же удивительным талантом облекать полные строгости исторические доказательства в форму живого неутомительного повествования.

Книга «Этногенез и биосфера Земли» читается захватывающе, как роман с детективным сюжетом. Первый выпуск (Звено между природной средой и обществом) — это интригующая завязка, из которой мы узнаем, что этнос — это на самом деле не совсем то,

что мы о нем думали до сих пор. Это не язык, и не раса, и не общество… Более того, оказывается, что ни одна из нам известных его характеристик не может быть абсолютной отличительной его чертой. Здесь же мы узнаем, почему не состоятельны взгляды на всемирную историю Арнольда Тойнби и академика Н. И. Конрада. Обезоружив таким образом читателя, автор во втором выпуске (Пассионарность) предлагает пока в качестве гипотезы идею о пассионарности как таинственном факторе Х — причине этногенеза, а затем в третьем выпуске с криминалистической точностью проводит доказательство того, что у этносов как и у всего живого на Земле есть возрасты. Финал работы — драматическая развязка, из которой читатель узнает об этнических антисистемах и об обновляющей этносферу силе — пассионарных толчках <…>».

Каждый, кто хотя бы однажды держал в руках «Этногенез и биосферу Земли», прекрасно знает, как легко читается эта в целом очень серьезная монография. На сей счет Лев Николаевич говаривал: «Я убежден, что история должна быть интересной, а не скучной». В книге Гумилёва непривычно всё — язык, стиль, подача материала, аргументация. Один зачин чего стоит! Видел ли кто-нибудь подобное начало научного трактата?

«ВВЕДЕНИЕ: О ЧЕМ ПОЙДЕТ РЕЧЬ И ПОЧЕМУ СИЕ ВАЖНО, *в котором обосновывается необходимость этнологии и излагается взгляд автора на этногенез, без аргументации, коей посвящена остальная часть трактата, где автор поведет читателя через лабиринт противоречий.*

Боязнь разочарования. Когда читатель нашего времени покупает и открывает новую книгу по истории или этнографии, он не уверен, что прочтет ее даже до середины. Книга может показаться ему скучной, бессмысленной или просто не отвечающей его вкусу. Но читателю-то еще хорошо: он просто потерял два-три рубля, а каково автору? Сборы сведений. Постановка задачи. Десятилетия поисков решения. Годы за письменным столом. Объяснения с рецензентами. Борьба с редактором. И вдруг все впустую – книга неинтересна! Она лежит в библиотеках… и ее никто не берет. Значит, жизнь прошла даром.

Это так страшно, что необходимо принять все меры для избежания такого результата. Но какие? За время обучения в университете и в аспирантуре будущему автору нередко внушается мысль, что его задача – выписать как можно больше цитат из источников, сложить их в каком-либо порядке и сделать вывод: в древности были рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы были плохие, но им было хорошо; рабы были хорошие, но им

было плохо. А крестьянам жилось хуже.

Все это, конечно, правильно, но вот беда – читать про это никто не хочет, даже сам автор. Во-первых, потому, что это и так известно, а во-вторых, потому, что это не объясняет, например, почему одни армии одерживали победы, а другие терпели поражения, и отчего одни страны усиливались, а другие слабели. И, наконец, почему возникали могучие этносы и куда они пропадали, хотя полного вымирания их членов заведомо не было. <…>

Автор данной книги поставил вопрос о степени нашего знания, а точнее – незнания предмета, которому исследование посвящено. То, что на первый взгляд просто и легко, при попытке овладеть сюжетами, интересующими читателя, превращается в загадку. Поэтому обстоятельную книгу писать надо <…>».

* * *

Фундаментальная монография «Этногенез и биосфера Земли» представляла собой основу еще одной диссертации — на сей раз на соискание ученой степени доктора географических наук. Изредка отдельные ученые решаются на подобный шаг, руководствуясь самыми невероятными мотивами — от появляющейся возможности заниматься исследованиями в каких-либо смежных областях до, так сказать, «куража ради». Прибавки к зарплате вторая диссертация не давала, но душу подчас согревала… Льву Николаевичу, однако, она принесла очередную порцию неприятностей. Сама защита, состоявшаяся в 1974 году, прошла успешно. Из 21 члена ученого совета 19 проголосовали за присуждение искомой степени. Творческая дискуссия и традиционный в таких случаях банкет порадовали всех их участников. А на берегах Невы (да и по Москве тоже) о гумилёвской защите ходили легенды. Однако Высшая аттестационная комиссия (ВАК) заняла деструктивную позицию и отклонила диссертацию Л. Н. Гумилёва.

Наталья Викторовна Гумилёва вспоминала: «Как ни смешно, к решительным шагам подтолкнула его я.

– Знаешь, Лёв, что-то стало скучно, – сказала я. – Что бы это нам придумать, как бы оживиться, все-то одни огорчения.

А он мне брякнул:

– Хочешь, я вторую докторскую защищу?

– Хочу, – сказала я.

И тут на меня навалилась тяжелая работа. Машинистка,

которая всегда перепечатывала его рукописи, отказала, другой не нашлось. Пришлось мне осваивать новое ремесло. За семьдесят рублей мы купили допотопную машинку “Континенталь”. Ей сто лет, зато вся железная! И вот я двумя пальцами начала «грохать» диссертацию.

В университете очень доброжелательно отнеслись к затее Л.Н. Сергей Борисович Лавров, Борис Николаевич Семевский, сотрудники кафедры быстро организовали оформление документов. Оппоненты были приглашены из Москвы, – доктор географических наук Э.М. Мурзаев, доктор биологических наук Ю.П. Алтухов и доктор географических наук А.М. Архангельский.

И вот в мае 1974 г. состоялась защита. Это был замечательно интересный спектакль в большом зале Смольного (там в ту пору помещался географический факультет). Публики собралось огромное множество. Лёв вышел на кафедру и воскликнул: «Шпагу мне!» Ему подали палку-указку. Он выступил прекрасно. <…> Очень лестной для Льва была речь этнографа Ю.А. Маретина, чьи выступления всегда были яркими и дельными. (Как ни печально, с работы, его выгнали.) Но ВАК отказал Л.Н. в присуждении степени доктора географических наук – «за хорошее знание истории» (!)».

По указанию сверху ВАК вынесла отрицательное заключение, навсегда запятнавшее его репутацию. С этого момента в научной жизни Льва Николаевича наступила новая «черная полоса». Работы Гумилёва (за исключением узкоспециальных) перестали печатать. Центральные издательства одно за другим и под надуманным предлогом отклоняли рукописи его книг и статей. В научной и околонаучной периодике регулярно организовывались показательные проработки крамольных идей. Некоторые борзописцы даже сумели составить себе имя на огульной критике опального ученого. Иных маститых авторов ныне вспоминают (и впредь будут вспоминать) только потому, что они в свое время «отметились» злобными нападками на Л.Н. Гумилёва. В особенности преуспел в огульной критике ученого-пассионария академик Юлиан Владимирович Бромлей (1921— –1990) (получивший от Гумилёва удачное и вполне оправданное прозвище — «Бармалей»[47]), который возглавлял Институт этнографии Академии наук СССР. Академик являлся типичным представителем бесплодного *схоластического теоретизирования* , процветавшего в те времена — особенно в гуманитарной и обществоведческой сфере. Однажды Бромлей получил предложение от московского телевидения выступить одной из познавательных передач в дискуссии с Гумилёвым, академик отказался, заявив, что он, дескать, тугодум, а его оппонент

соображает быстро и, не задумываясь, отвечает на любые вопросы. Встреча «один на один» не состоялась[48].

О зловредной деятельности Ю. В. Бромлея и его окружения в отношении Льва Николаевича наглядно свидетельствует и факт, приводимый в воспоминаниях Натальи Викторовны Гумилёвой: «<…> Тем временем на кафедре Ленинградского университета освободилось место заведующего отделением этнографии, и тут возникла возможность, наконец, назначить на эту должность доктора наук, коим только и являлся в Ленинграде Гумилёв. Будь это так, развитие советской этнографии пошло бы иным путем. Но Бромлей, директор Института, персона важная во властных структурах, поставил на это место Рудольфа Фердинандовича Итса, который и был-то тогда кандидатом наук. Но ему быстро присвоили звание доктора наук, а далее отделение этнографии постепенно превратилось в поле социальных химер неудачников от науки, не случайно отсюда вышли политики-демагоги, разрушившие через много лет СССР, люди без знаний, но с умением решать во властях национальные проблемы России, приведшие к крови. Последствия были самые печальные. Подчиненные обязаны были выполнять предписания Бромлея. Он нанес огромный вред нашему государству своими безграмотными советами и советами со своими друзьями, не знавшими нашей страны. Ибо ни истории, ни географии, ни этнологии они глубоко не знали, но упорно лезли в политику. Афганистан – на совести Бромлея и всей советской этнографии <…>».

«Академик В. Г. Трухановский объяснил мне, почему меня там (в АН СССР. — В. Д.) ненавидят, — вспоминал Лев Николаевич. — Три причины. Причина первая. "Вы пишете, — сказал он, — оригинальные вещи, но это не страшно, все равно мимо нас вы не пройдете, нам же их и принесете! Хуже другое (второе. — В. Д.) вы доказываете ваши тезисы так убедительно, что с ними невозможно спорить, и это непереносимо. И наконец, третье: оказывается, что мы все пишем наукообразным языком, считая, что это и есть наука, а вы свои суждения излагаете простым человеческим языком, и вас много читают. Кто же это может вынести <…>». Тогда же с подачи недругов, партийных и научных бюрократов в стране вошел в обиход придуманный ими ярлык «гумилёвщина», с помощью которого не раз расправлялись с другими нетривиально мыслящими учеными.

Впрочем, не все высокопоставленные партийно-государственные чинуши занимали обструкционистскую позицию в отношении учения Л.Н. Гумилёва. Приятным исключением явился известный общественный деятель (и тоже поэт) Анатолий Иванович Лукьянов, работавший в то время в Президиуме

Верховного Совета СССР. В силу своих административных возможностей, которые укреплялись по мере его карьерного роста, Лукьянов активно защищал Льва Николаевича от нападок разного рода научных и иных чиновников, а став в конце 1980-х годов Председателем Верховного Совета СССР, активно содействовал публикации его книг. Познакомились они в 1968 году, когда Гумилёв приезжал в Москву по делам, связанным с литературным наследством А. А. Ахматовой, предстоящей судебной тяжбой, — он пытался в очередной раз остановить разбазаривание и распродажу ахматовского архива. Опытный юрист по основной своей специальности, Лукьянов выступил на одном из заседаний, что не в последнюю очередь повлияло на частичное изменение судебного решения в пользу Гумилёва. Во время очередной встречи в неформальной обстановке А.И. Лукьянов записал на магнитофонную ленту воспоминания Льва Николаевича об отце и матери (ныне опубликованные).

Сам Гумилёв также боролся со своими хулителями и недругами как мог. Используя все возможные и допустимые средства, он пытался разорвать образовавшееся вокруг него кольцо форменной блокады. Неоднократно пробовал достучаться до самых высоких инстанций, но там принимали половинчатые или уклончивые решения. Он обращался в ЦК КПСС, другие управленческие структуры. Сложившуюся нетерпимую обстановку вокруг него самого и его работ оценивал следующим образом: «В науке споры неизбежны. Благодаря спорам наука развивается. Но полемика может быть научной и антинаучной. Научная полемика — это возражение против выводов, которые представляются оппоненту противоречащими факту и логике; антинаучная полемика — это осуждение личности оппонента, ради чего привлекаются разные сведения, порочащие противника, причем это делается часто вопреки логике и с привлечением не всех фактов, а только тех, которые полезны полемисту. Лимит научной полемики — уточнение выводов и прогресс науки; лимит полемики антинаучной — хулиганство, а иногда и преступление <…>».

Сам Гумилёв предпочитал не обивать пороги официальных кабинетов. Чиновничью камарилью он на дух не переносил, хотя и воспринимал как неизбежное и неискоренимое зло, своего рода раковую опухоль, пустившую глубокие метастазы в теле человечества. Чиновники были всегда, в любые времена и при любой формации. По своей неэффективности и невероятной прожорливости современное чиновничество мало чем отличается от бюрократических структур Древнего Египта, Вавилона или Китая. При этом антигуманная сущность чиновника не меняется

от того, в каком обличье он выступает и в какой сфере процветает — в науке ли, в государственно-партийном ли аппарате или в жилищной конторе.

Партийные инстанции, судя по всему, считали себя выше всякой науки — раз им вменялось вершить судьбы ученых (Гумилёв отнюдь не был одинок) и по дремучему наитию решать, что есть истина (вопрос, занимавший еще Понтия Пилата). Но в отличие от последнего партийные и околонаучные бонзы не слишком мучились проблемой абсолютной истины, наивно полагая, что цековские и иные кабинеты автоматически делают их носителями таковой. На запросы и письма следовали, как нетрудно догадаться, обычные в таких случаях отписки – образцы словоблудия, вполне достойные того, чтобы на самом почетном месте в кунсткамере города Глупова: «<…>В ЦК КПСС обратился с письмом доктор исторических наук, научный сотрудник НИИ географии Ленинградского госуниверситета т. Гумилев Л.Н. Он просит оказать содействие в публикациях его трудов, которые, по его мнению, без достаточных оснований отвергаются издательством "Наука", редакциями ряда журналов, в том числе редакцией журнала "Вопросы истории", Он считает также необоснованным прекращение копирования его рукописи "Этногенез и биосфера Земли", депонированной во Всесоюзном институте научной и технической информации ГКНТ и АН СССР (ВИНИТИ) в 1979 году.

В поддержку публикации работ т. Гумилева высказываются также в письме в ЦК КПСС академик Лихачев Д.С., член-корреспондент АН СССР Янин В.Л. и др.

Тов. Гумилев Л.Н., автор пяти монографий и большого числа статей по истории и этнографии Средней Азии и Китая. В работах, написанных в 1960-1970 годах, в том числе в статьях, опубликованных в "Вестнике ЛГУ" и других журналах, т. Гумилевым развивалась т.н. биолого-географическая концепция происхождения народов. По его мнению, различные этносы (племена, народности и нации) являются продуктом не социального, а биологического развития, связанного с приспособлением групп людей к определенным природным условиям. В основе его концепции лежит так называемая теория "пассионарности", т.е. способности отдельных выдающихся личностей стать ядром этнического объединения. Во взглядах т. Гумилева нашли отражение идеи о биологической несовместимости различных этносов, о вреде смешанных браков, о трудности и бесперспективности объединения различных национальностей в рамках одного государства и т.п. (справка отделения истории АН СССР прилагается). Следует отметить

также, что ряд положений т. Гумилева широко используется, например, некоторыми писателями и публицистами Казахстана для всякого рода националистических построений, обоснования превосходства кочевого образа жизни и кочевников по сравнению с другими народами (А.Сейдимбеков "Поющие купола", Алма-Ата, 1986 г.; К.Салгарин "Предки и потомки", Алма-Ата, 1986 г., на казахском языке и др.)

Концепции т. Гумилева неоднократно подвергались серьезной критике академиками Рыбаковым Б.А., Бромлеем Ю.В., членами-корреспондентами АН СССР Григулевичем И.Р., Чистовым К.В. и другими видными учеными. Его работы "Феномен этноса" (Предмет и методика исследования)" (1977 г.), "Народоведение" (1981 г.), представленные в издательство "Наука" и издательство Ленинградского госуниверситета, получили резко отрицательные отзывы рецензентов-ученых Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС. В связи с этим, они были исключены из издательских планов. Статья т. Гумилева "Некоторые малоизученные аспекты истории "кочевников", направленная им в журнал "Вопросы истории", дважды обсуждалась на редколлегии и не была рекомендована к печати в связи с игнорированием научных данных и безосновательным преувеличением роли кочевников в истории мировой цивилизации. Статья возвращена автору для доработки.

Новые работы т. Гумилева, перечисленные в письме в ЦК КПССС, в издательство "Наука" и издательство Ленинградского госуниверситета им не предлагались. Рукопись т. Гумилева "Тысячелетие вокруг Каспия" принята с согласия автора к депонированию редакционно-издательским отделом Ленинградского госуниверситета.

Что касается прекращения копирования рукописи т. Гумилева "Этногенез и биосфера Земли", то исполняющему обязанности директора ВИНИТИ т. Болошину И.А. рекомендовано возобновить копирование данной работы по мере поступления запросов от учреждений историко-географического профиля и специалистов.

Директору издательства "Наука" т. Чибиряеву С.А., ректору Ленинградского госуниверситета т. Меркурьеву С.П., главному редактору журнала "Вопросы истории" т. Трухановскому В.Г. поручено внимательно и объективно рассматривать представляемые т. Гумилевым работы.

По поставленным в письме вопросам автору даны соответствующие разъяснения зав. отделом науки и учебных заведений Ленинградского обкома КПСС т. Денисовым Ю.А. Результатами рассмотрения письма т. Гумилев удовлетворен. Тов. Лихачеву Д.С. и др. ответ на их письмо сообщен по телефону

Зав. Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В.Григорьев

Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС Ю.Скляров».

Понимали ли высокопоставленные партийные функционеры, какую «бомбу замедленного действия» заключают в себе труды Л. Н. Гумилёва? Ясное дело — понимали! Только вот никаких существенных контраргументов, кроме привычного казуистического словоблудия, предложить не могли. Что же именно вызывало в научных позициях Гумилёва столь решительное неприятие и противодействие? Прежде всего, разумеется, партийным и научным ортодоксам не давал покоя самоочевидный факт: историко-социологическая концепция Гумилева очень слабо корреспондировалась с господствующими в то время теоретическими схемами и научно-философскими парадигмами. И хотя Лев Николаевич не уставал подчеркивать, что этнолого-исторический аспект проблемы, который он углубленно разрабатывал, никоим образом не противоречит, скажем, историческому материализму, это только еще больше распаляло и раззадоривало его неуемных и по большей части — неумных критиков. Их не устраивало всё, но прежде всего — утверждение, что *этнос не социальное явление, а чисто естественно-научный феномен* , и закономерности его следует искать не в системе абстрактных социологических категорий, а в природе, более того – в глобально-космической сфере. Именно поэтому на данных проблемах уместно остановиться более подробно[49].

Куда же в таком случае отнести столь любимые философами и историками определенного направления *производительные силы и производственные отношения* и как быть с досконально разработанным *национальным вопросом* ? Эти традиционные и незыблемые проблемы действительно оказывались где-то за скобками, а на разного рода каверзные вопросы сам Гумилёв отвечал загадочно и уклончиво: дескать, одно другому не противоречит и не мешает. В исходных же и фундаментальных основаниях своей концепции этногенеза и пассионарности Лев Николаевич предпочитал опираться на теорию биосферы, разработанную великим русским ученым и мыслителем-космистом Владимиром Ивановичем Вернадским (1863—1945).

Как известно, человек является частью биосферы (подробнее о ней — ниже), которая представляет собой не только биомассу всех живых существ, включая вирусы и микроорганизмы, но и продукты их жизнедеятельности — почвы, осадочные породы, свободный кислород воздуха, трупы животных и растений, которые задолго до нас погибли, но обеспечили нам возможность существования. Все это — энергия, активно нас питающая. По Вернадскому, максимальное количество энергии, которую потребляет Земля, – это энергия Солнца. Она аккумулируется путем фотосинтеза в растениях, растения в свою очередь поедают животные, и солнечная энергия переходит в плоть и кровь всех живых существ, которые есть на Земле. Избыток же энергии создает тепличные эффекты, то есть условия, очень неблагоприятные для живой и органической природы.

Второй вид энергии — энергия распада внутри Земли радиоактивных элементов. Когда-то давно этих элементов было много. Постепенно идет радиораспад внутри планеты, планета разогревается, и когда-нибудь, когда все эти элементы распадутся, считают ученые-специалисты, она либо взорвется, либо превратится снова в кусок камня. Радиоактивные элементы действуют на наши жизненные процессы весьма отрицательно (каждому известно, что такое лучевая болезнь). Тем не менее эти явления внутри Земли оказывают на людей, растения и животных большое воздействие, хотя и локально. Дело в том, что скопления урановых и прочих руд распределены по Земле неравномерно. Есть большие пространства, где радиоактивность ничтожна, а там, где руды близко подходят к поверхности, она очень велика; поэтому воздействие этого вида энергии на животных и людей совершенно различно.

Есть еще третий вид энергии, который поступает небольшими порциями из Космоса, — это пучки энергии, приходящие из Солнечной системы, иногда пробивающие ионосферу и ударяющие нашу Землю, как, скажем, ударяют плеткой шарик, обхватывая какую-то часть ее, молниеносно производят свое энергетическое воздействие на биосферу, иногда большое, иногда малое. Приходят они неритмично, а время от времени, но не учитывать их, оказывается, тоже невозможно. Этот последний вид космической энергии стал исследоваться сравнительно недавно, и поэтому те ученые, которые привыкли представлять Землю как совершенно замкнутую систему, не могут привыкнуть к тому, что мы не оторваны от всего Мира, а живем внутри огромной Галактики, которая тоже воздействует на нас, как и все другие факторы, определяющие развитие биосферы.

Гумилёв рассуждал следующим образом. Представим себе поверхность Земли в виде экрана, на который падают космические лучи. Большая часть этих лучей задерживается ионосферой, но некоторые достигают поверхности Земли, чаще всего ночью, ибо ионосфера и космическая радиация нестабильны даже в суточном цикле. Однако космические импульсы будут деформированы магнитным полем Земли и примут облик геодезических линий, не зависящих от наземного ландшафта. Время каждого облучения не должно быть продолжительным, но оно должно быть и достаточным для того, чтобы произошла микромутация, изменяющая еще в зародыше психические свойства небольшого числа особей, рождающихся в облученном ареале.

Разумеется, не все плоды в утробах матерей приобретают после мутации признак пассионарности. Исход любой мутации в большинстве случаев детален. Некоторые из затронутых мутацией проявляют себя после рождения как субпассионарии или просто рождаются физически неполноценными особями, но они быстро устраняются естественным отбором. Так появляется первое пассионарное поколение, распространяющее свой генофонд по популяции и образующее оригинальные биосоциальные коллективы — новые этносы. Остальное понятно: пассионарность, как признак, устраняется медленно, за 40—50 поколений либо в результате внутрисистемной аннигиляции, либо естественного географического рассеяния, с вытеснением за границы этнического ареала.

Ряд естествоиспытателей, сочувственно относившихся к концепции Гумилёва, уточняли его предположения относительно источников и возможных причин мутаций. Вокруг Земли не пустота, а поток плазмы, он непрерывно обтекает планету и

постоянно на нее влияет. Астрофизики называют этот поток «солнечным ветром», он доходит до Плутона — последней планеты Солнечной системы — и там встречается с другими «ветрами», идущими от ближайших и удаленных звезд. Идущие навстречу друг другу потоки создают вихри, которые, в свою очередь, взаимодействуют с энергетическими полями нашей Галактики и бессчетного числа рассредоточенных во Вселенной других галактик…

Валерий Иванович Скурлатов (физик по базовому образованию), на протяжении многих лет сохранявший дружеские и творческие отношения с Гумилёвым, рассказал мне, как в конце 1960-х годов он посвящал Льва Николаевича в таинства квантовой механики и электродинамики, предлагая свое объяснение феномена пассионарности — на основе энергетического резонанса: постоянно возникающие во Вселенной космические конфигурации в виде своеобразных мегалинз способны фокусировать энергию, рассеянную в Космосе, в генах, что, в свою очередь, приводит к пассионарным вспышкам. Иллюстрировался сей возможный эффект на примере модели, изложенной в научно-фантастическом произведении Станислава Лема «Глас Божий» (в новом переводе — «Глас Господа»), Лев Николаевич соглашался со многими доводами физика, но чувствовалось, что ему недоставало чего-то еще.

Как известно, в философско-фантастической притче польского писателя собственно научная «фактура» опирается на положения нейтринной физики, согласно которой частицы, именуемые «нейтрино», лишены массы покоя и обладают магнитным моментом, в 1600 раз меньшим, чем магнитный момент электрона. Нейтрино — наиболее проникающие из всех известных элементарных частиц. Они падают на Землю со всех сторон. Некоторые из них рождаются в звездах (стало быть, и на Солнце) в результате естественных процессов — в ходе реакции бета-распада и других ядерных реакций; другие же возникают при столкновении первичных нейтрино с ядрами элементов в земной атмосфере и земной коре. Их энергия колеблется от десятков тысяч до миллиардов электронвольт. Все нейтрино, в особенности низкоэнергетические, одинаково легко пронизывают галактические просторы и материальные тела, включая планеты и звезды; материя для них несравненно прозрачнее, чем стекло для света. Объяснить феномен пассионарности на данной основе представлялось весьма заманчивым, но Гумилёв предпочитал иные подходы.

Ему постоянно не давала покоя мысль: каким образом космические поля (физические по своей природе) связаны с

этническими процессами? В конечном итоге Гумилёв высказал предположение, что биохимическая энергия живого вещества трансформируется в особое *этническое поле* . Если принять эту энергетическую модель и применить ее к проблеме этноса, то и сам этнос допустимо представить как систему колебаний определенного этнического поля. Если это так, тогда можно сказать, в чем различие этносов между собой. Очевидно, в частоте колебаний поля, то есть в особом характере ритмов разных этнических групп. Это значит: когда ритмы попадают в унисон или складываются в гармонию, каждый человек начинает чувствовать своего (как обычно говорят в подобных случаях). Если же в унисон ритмы не попадают, рядом ощущается чужой, не свой человек. Высказанная гипотеза на современном ей уровне знаний удовлетворительно объясняла все наблюдаемые этнические коллизии. В приведенной интерпретации представления Гумилёва об *этническом поле* фактически совпадает с современным пониманием *ноосферы* в расширенном смысле данного понятия (во всяком случае, я так его понимаю).

В обозначенном плане вполне можно конкретизировать космистские размышления Гумилёва. Физические тела и живые организмы только в самом первом и грубом приближении представляются изолированными друг от друга объектами.

В действительности все они являются материальными структурами, состоящими из молекул и атомов, которые в свою очередь распадаются на субатомные частицы, неразрывно связанные с разного рода полями и так называем физическим вакуумом. По существу, любой структурный элемент и все вместе взятые элементы допустимо рассматривать как проявление единого космического информационно-энергетического поля. Отсюда следует простой и вывод, известный еще древним мыслителям: всё взаимодействует со всем, Макрокосм неотделим от Микрокосма. А посему и этногенез Земли обусловлен энергоинформационными закономерностями безграничного Космоса…

* * *

Согласно главному биохимическому принципу Вернадского, биогенная миграция атомов космических элементов в биосфере всегда стремится к своему максимальному проявлению; все живое вещество планеты служит источником свободной энергии и оказывает непосредственное воздействие на социальные

процессы. Гумилёв доказал, что под влиянием природных законов этносы как устойчивые формы объединения людей проходят в своем развитии несколько обязательных стадий: от рождения — через расцвет — к угасанию. Источником данного естественно-исторического процесса как раз и является энергия живого вещества Земли, по-космически запрограммированным каналам она-то и воздействует на этносы. Гумилёв лишь наметил основные направления в познании взаимосвязи биокосмических и социальных закономерностей. Конкретный механизм их взаимодействия, позволяющий прогнозировать близкие и отдаленные результаты, остался во многом невыясненным, что, в свою очередь, обусловлено многими нераскрытыми и ждущими специального исследования сторонами процесса образования и функционирования биосферы и ноосферы.

Земля не переполнена живым только потому, что эта энергия разнонаправлена, и одна система живет за счет другой, одна погашает другую. В данной связи Лев Гумилёв вспоминал стихи отца Николая Гумилёва: «*Убивая и воскрешая, / Набухать вселенской душой, / В этом валя земли святая, / Непонятная ей самой* ». И пояснял: теперь название для этой «вселенской души» совсем другое; с точки зрения современной науки это — биогеохимическая энергия живого вещества биосферы. По Гумилёву, наша Земля получает какие-то удары из Космоса, которые проходят по ней очень странным образом – полосками. В I веке новой эры эта полоска прошла от Южной Швеции через Малую Азию и Палестину. А в VIII веке до новой эры полоска прошла в широтном направлении — через Рим, Южную Грецию, Сирийскую пустыню, мимо Персии, аж до Индии. А последний толчок, который нам известен, шел примерно от Пскова через Западную Турцию и Сахару и коснулся почти половины Земли. По Земле как будто плёткой ударили, планету словно облучили, и на этой базе появились мутанты среди людей.

По Гумилёву, такие толчки явно неземного происхождения. Уже то, что оси зон толчков располагаются на поверхности планеты, как линии, концы которых ограничены кривизной планеты, а перпендикуляры к ним проходят через центр Земли, указывает на зависимость оси толчка от магнитного поля планеты. Предположение, что эти энергетические удары по Земле идут не от Солнца, а из рассеянной энергии Галактики, было уточнено. Американский астроном Джон Эдди обнаружил, что деятельность Солнца варьирует настолько, что даже 11-летний цикл активности солнечных пятен не прослеживается. На основе этих выводов Джон Эдди составил график солнечной активности за пять тысяч лет. И оказалось, что все датированные

пассионарные толчки хронологически совпадают с минимумами солнечной активности либо с периодами ее спада. Это уже закономерность, позволяющая интерпретировать явление. При уменьшении солнечной активности защитные свойства ионосферы снижаются и отдельные кванты или пучки излучения могут достигать земной поверхности. А жесткое излучение, как известно, вызывает мутации… В данной связи Л. Н. Гумилёв заключает: «Мы не одиноки в мире! Близкий Космос принимает участие в охране природы, а наше дело — не портить ее. Она не только наш дом, она — мы сами».

Но если двигатель событий — энергия, то она должна вести себя согласно всем энергетическим законам и прежде всего — отвечать энергетическому эквиваленту, то есть переходить в другие формы энергии, например в механическую, тепловую или электрическую. Где же в таком случае эта энергия содержится, в каких органах человеческого тела? Физиологи, пожалуй, со временем смогут ответить на такой вопрос. Очевидно, сама живая личность создает вокруг себя какое-то напряжение, обладает каким-то реальным энергетическим полем или сочетанием полей, подобно электромагнитному, состоящему из каких-то силовых линий, которые находятся не в покое, а в ритмическом колебании с разной частотой.

Закономерен вопрос: какое отношение имеет энергетическое поле человека к проблеме этноса и этногенеза? Чтобы ответить на него, вспомним, что в основе этнического деления лежит разница поведения особей, составляющих этнос. Поэтому интерес представляет прежде всего то влияние, которое оказывает наличие поля особи на ее поведение. Так как особи нового настроя взаимодействуют друг с другом, то немедленно возникает целостность — однонастройная эмоционально, психологически и поведенчески, что, очевидно имеет конкретный физический смысл. Скорее всего, здесь наблюдается одинаковая вибрация биотоков этих особей иными словами, единый ритм (частота колебаний). Именно он воспринимается как нечто новое, непривычное, не свое. Но как только такое пассионарное поле возникло, оно тут же оформляется в социальный институт, организующий коллектив пассионариев: общину, философскую школу, дружину, полис и т. д. При этом охватываются особи не пассионарные, но получившие тот же настрой путем пассионарной индукции. Консорция (см. ниже) преображается в этнос, который при расширении покоряет (политически или морально) другие этносы и навязывает им свой ритм. Поскольку ритм накладывается на иные ритмы, полной ассимиляции не происходит и возникает *суперэтнос* .

Гумилёв определял *суперэтнос* как этническую систему, состоящую из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, и проявляющуюся в форме определенной целостности. Современная Россия (впрочем, как в прошлом и Российская империя) по мозаичному составу и богатству своего населения — *суперэтнос* , объединяющий привыкшие жить рядом и вместе большие и малые народы, связанные единой территорией и традициями. В данном смысле словосочетание «российский суперэтнос» вполне допустимое понятие. Однако суперэтнос может сформироваться и на религиозной основе: например, христианский, мусульманский, буддийский суперэтносы объединяют разные народы соответствующих вероисповеданий.

* * *

Все вышесказанное позволяет более углубленно и всесторонне понять центральную категорию учения Льва Гумилёва — *пассионарность* . Колебания биохимической энергии

Под воздействием главным образом космопланетарных факторов обусловливают непосредственное поведение индивидов в рамках конкретных этнических систем. Отдельные личности в способны получить избыточный энергетический импульс, в результате чего становятся активным организующим началом больших и малых этнических групп. Такой избыток биохимической энергии живого вещества, позволяющий преодолеть инстинкт самосохранения и приводящий к физиологическому, психическому и социальному сверхнапряжению, и есть *пассионарность*.

Как уже говорилось, люди, наделенные соответствующим энергетическим зарядом и обладающие повышенной тягой к действию, становятся *пассионариями*. Именно они, когда в их поле притяжения оказываются массы людей, являются главными двигателями истории. Пассионарность — это биологический признак; а первоначальный толчок, нарушающий энергию покоя, — это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактором своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели.

Механизм связи между пассионарностью, подпитываемой биохимической энергией живого вещества биосферы, и поведением пассионариев очень прост. Обычно у людей, как у

животных организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше необходимого, то человек создает вокруг себя отношения и связи, позволяющие применять энергию в любом из выбранных направлений. Это может быть и создание новой религиозной системы или ереси, и разработка научной теории или изобретения, и строительство храма, и реформирование консервативной системы. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как непосредственные организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новый этнос, видимый для истории.

Пассионарная энергия, рожденная в Космосе или огненных планетарных недрах, подпитывает живые организмы непосредственно через клеточные структуры, выступающие своего рода аккумуляторами и преобразователями космической (биосферной и ноосферной) энергии. Но зарядив однажды конкретный этнос или индивида, она дальше живет уже в некотором роде самостоятельной жизнью — то вспыхивая, то затухая, как звезды на небе. При этом надо помнить, что максимум пассионарности, равно как и минимум ее, отнюдь не благоприятствует процветанию жизни и культуры. Пассионарный перегрев ведет к жестоким кровопролитиям как внутри системы, так и на границах ее, в регионах этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения какой-либо страны, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, а это всегда — кратчайший путь к гибели.

Без дополнительной подпитки пассионарность начинает снижаться, происходит рассеяние энергии (диссипация) присущее системе в момент создания, и тогда начинается степенный возврат к предыдущим, уже пройденным фазам. И Гумилёв наглядно пояснял, что происходит с людьми в подобных случаях. Военные (в отличие от пассионарных полководцев прошлого, а также отчаянно смелых солдат и офицеров) становятся пассивными службистами, которых, кроме карьеры и зарплаты, мало что интересует. Вместо великих писателей, художников, композиторов — повсюду сплошная «серость», озабоченная высокими гонорарами и тотальной критикой себе подобных. На месте грамотных и добросовестных чиновников — патриотов и государственников — процветают взяточники и развратники.

Недаром эта фаза этногенеза именуется *надломом* …

Пассионарность, как тоже уже отмечалось, может проявляться и с положительным, и с отрицательным знаком, порождая как подвиги, созидание, благо, так и преступления, разрушение, зло. Данные феномены имеют естественные биохимические и биофизические причины и в конечном счете коренятся в космических закономерностях. Отсюда вытекает проблема, требующая философского и общенаучного осмысления: взаимообусловленность нервно-биотических и физико-космических процессов, установление лежащих в их основе пока еще не выявленных онтологических закономерностей. Говоря же о соотношении пассионарности и культуры, Гумилёв отмечал: «Пассионарность этноса — это двигатель корабля, а культура — это руль. Кораблю необходимо и то и другое». Безусловно, живая теория пассионарности плохо увязывалась с абстрактными социологическими схемами и моделями, зато прекрасно дополняла и конкретизировала концепцию ноосферы…

* * *

Гумилёв не просто развил идеи Вернадского, но и наметил пути их дальнейшего развития. Согласно главному биогеохимическому принципу Вернадского биогенная миграция атомов космических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению: всё живое вещество планеты является источником свободной энергии и может производить работу. Отсюда Гумилёв делает вывод: наша планета получает из Космоса больше энергии, нежели необходимо для поддержания равновесия биосферы, что ведёт к эксцессам, порождающим среди животных явления вроде перелётов саранчи или массовых миграций грызунов, а среди людей – пассионарные толчки (взрывы этногенеза). Следовательно, пассионарность (как способность к целенаправленным сверхнапряжениям) с природно-космической точки зрения – это врождённая способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать её в виде работы.

Углубляя энергетическое обоснование феномена пассионарности, Гумилёв не мог не задаться вопросом и о конкретных механизмах воздействия космического излучения на поведение людей в рамках выявленных этапов естественного развития этносов. Особые надежды он возлагал на успехи развивавшейся генетики. Гумилёв вовлек в активное обсуждение

данной проблемы крупнейшего отечественного генетика Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского (1900—1981)[50].

Льву Николаевичу заказали статью о пассионарности и этногенезе в авторитетном научно-популярном журнале «Природа», и он, в свою очередь, решил привлечь в качестве соавторов Н. В. Тимофеева-Ресовского и его ученика Н. В. Глотова. Между тремя учеными быстро установились творческие связи и завязалась научная переписка. Однако отношения двух выдающихся ученых складывались далеко не гладко. Оба — люди трагической судьбы. Оба — несгибаемые борцы за истину. Оба — трудные в общении с окружающими и друг с другом. Нижеприводимые фрагменты из писем лучше всего свидетельствуют о возникшей коллизии. В одном из них Тимофеев-Ресовский писал: «Дорогой Лев Николаевич! Только что узнал от Николая Васильевича, что я Вас перед Вашим отъездом в воскресенье очень, и совершенно бессознательно, обидел. Это результат возбудимости моего характера (почти пассионарности), блинов с водкой, попытки еще раз попробовать выжать из Вас определение этноса в нашем (естественно-историческом) стиле и установившихся у нас с Вами, мне кажется, очень дружеского типа споров и взаимных пикировок. Поверьте, дорогой Лев Николаевич, что у меня и в мыслях не было, особенно после столь благополучного завершения манускрипта, хоть в какой-то степени Вас обидеть или нарушить нашу, для меня столь ценную и, по человечеству, столь приятную кооперацию. Очень прошу Вас – простите меня, хотя бы ради Прощеного Воскресения! Бог с ним, с этим проклятым определением! И без него манускрипт сейчас в прекрасном состоянии.

Дорогой Лев Николаевич! Простите меня грешного и давайте считать "все бывшее не бывшим". Поверьте, что для меня работа и статья с Вами – большая честь. Мой вклад в нее – невелик; но, я думаю, что нам, биологам, удалось, к обоюдостороннему удовольствию выправить ряд чисто естественно-исторических неправильностей в приводившихся Вами вначале примерах и интерпретациях. На это, будучи чрезвычайно заинтересован Вашей проблемой и желая ей "зеленой улицы" не только среди историков и этнологов, но и среди естественников – я и потратил максимум своей пассионарности в спорах с Вами. Еще раз повторяю – мой последний наскок в воскресенье был ненужен, полусознателен, и, очень прошу Вас, не рассматривайте его всерьез. Опять прошу Вас и умоляю – простите! <…>

Не следует нам с Вами обижаться друг на друга и ссориться. Мы с Вами оба пассионарии, но Вы тихий и сдержанный, а я –

громкий и несдержанный. В основе же мы с Вами люди близкие, "одного поля ягоды" и, несмотря ни на что, любим друг друга. Так давайте же похороним конфликт тихо и доведем дело, на которое потратили много сил, споров и в котором, думаю, достигли, наконец, в основном, взаимопонимания – до победного конца. Конечно, если это Вам приятнее, печатайте всю статью под одним своим именем, хотя мы с Колей Глотовым с удовольствием примкнем к Вам в качестве соавторов.

Еще раз – простите меня грешного, похороните инцидент, и доведем дело до победного конца! Не будем радовать врагов!

Простите, не сердитесь, я люблю Вас и уважаю, крепко обнимаю, целую

Ваш *Н. В. Тимофеев-Ресовский».*

Гумилёв отвечал с горьким осадком на душе: «Дорогой Николай Владимирович!

Ваше искреннее и теплое письмо меня весьма тронуло, и возможность возобновления отношений, как личных, так и научных, обрадовала и утешила. За этот год Вы стали мне близким другом, а потеря друга – это почти ампутация руки. Но второе Ваше предложение – "счесть бывшее небывшим" вряд ли целесообразно. То, что Вы обидели меня "полусознательно", еще более грозно, чем если бы это было сознательным, продуманным шагом. Ведь из всех наших совместных бесед с очевидностью вытекает, что подсознательная стихия, слабо контролируемая разумом, есть источник поступков, того самого этологического момента, который не только порождает этносы, но и доминирует в отношениях между отдельными людьми. Те нотки, которые меня неожиданно резанули, видимо, возникли по какой-то причине, мне неизвестной. Но я не могу их оставить без внимания именно потому, что об источнике Вашего необъяснимого раздражения против меня Вы мне ничего не сказали. Следовательно, и впоследствии, когда работа наша будет обсуждаться (а это неизбежно, ибо что за новая концепция, если ее все примут как трюизм!), возможна несогласованность между нами. А она, в свою очередь, может принести вред и правильной плодотворной научной идее, и нам обоим, и, наконец, редакции журнала, где нас приняли очень хорошо, по-товарищески. Я привык за мою мятежную жизнь заботиться не только о себе, но и о своих друзьях <…>».

Уже при первой их встрече обнаружились существенные расхождения по многим проблемам и, в частности, в истолковании ключевого понятия «этнос»: Тимофеев-Ресовский и Глотов придерживались традиционной точки зрения, Гумилёв, естественно, — новаторской. Лев Николаевич составил

подробный перечень вопросов, по которым он расходился со своими потенциальными соавторами. Работа над совместной статьей застопорилась. Личные контакты также застопорились. Одновременно начались бюрократические осложнения и с редакцией самого журнала. В результате статья, которая несомненно могла бы стать настоящей научной сенсацией (или даже переворотом в естествознании), так и не увидела свет.

С точки зрения генетики пассионарность — это мутация. Пассионарии-мутанты — и древнеегипетские, и римские, и монгольские, и русские — были одинаково активны, что генетически объясняется рекомбинацией (или разрывом) фрагментов хромосомы как определенной, повторяющейся от толчка к толчку химической реакцией, происходящей «весьма быстро и необратимо под воздействием неизвестного пока излучения в оптической части спектра». Известно, что подобные перестройки на генном уровне легко стимулируются лучом лазера, что давно уже нашло применение в сельском хозяйстве для получения высокоурожайных сортов полезных растений. По Гумилёву, характер «пассионарного излучения» должен быть близок по своей природе к подобным лучам. Испускают ли их Солнце и звезды или же какие-то неизвестные пока источники в глубинах Галактики – покажет дальнейшее развитие науки.

Если высказанная гипотеза о возможных источниках пассионарных толчков подтвердится, прогнозирует Гумилёв, то наука получит неопровержимые данные о состояниях ближнего Космоса и «его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией». «Допуск в плюс-минус 50 лет — величина ошибки для определения длины инкубационного периода — невелик, а практическая ценность данных об энергетических вариациях в ближнем Космосе за 4—5 тысячелетий несомненна», – заключает автор.

«Ну, а если найдется талантливый психолог, — спрашивает ученый, — который откроет физиологический механизм пассионарности и свяжет его не с вегетативной нервной системой организма, а с гормонами или влиянием микроорганизмов, живущих в симбиозе с их носителем? Или если он объяснит повышенную активность пассионариев не как выброс излишней биохимической энергии живого вещества, а как способность выдавать эту энергию целенаправленно, наподобие электрического разряда? Или генетик уточнит способ передачи пассионарности как признака? Что изменится в описании феномена этногенеза? Ничего! Потому что этногенез — явление, наблюдаемое не на молекулярном и даже не на организменном уровне, а на популяционном, имеющем особенности, присущие

только этому уровню».

По Гумилёву, космические и планетарные вариации стоят на несколько порядков выше конкретных этногенетических процессов, влияют на всю биосферу, включающую не только совокупность живых организмов, но и почвы (а это не что иное, как «трупы» растений) и свободный кислород воздуха. Хотя этносы — мельчайшие капли в бескрайнем океане биосферы, они не могут не реагировать на ее флуктуации, число которых бесконечно и неисчерпаемо. Именно поэтому Гумилёв иногда называл Космос Бездной, следуя традиции, заложенной еще Ломоносовым: «Открылась Бездна звезд полна…»

Гумилёв непрерывно искал те «зацепки» в новейших открытиях науки, которые, как ему казалось, могли существенно прояснить этот животрепещущий вопрос. Так, одно время (в конце 1980-х годов) он пытался увязать собственную концепцию с входившей в моду теорией «биополя», которое, по Гумилёву, представляет собой некую биофизическую реальность. Оно возникает вследствие мутационного толчка, а толчок возникает вследствие жесткого облучения из ближнего Космоса – в пределах Солнечной системы. Космические явления на Земле банальны. Луна вызывает приливы и отливы, Солнце влияет на пути циклонов. А солнечный ветер – это явление, хорошо известное физикам. Но вот оказывается, что эти биополя возникают постоянно. Что такое этнос? Это носитель биополя. Но на какой энергии он работает, ведь самосознание не может создать энергию? И тут нас вновь выручает Владимир Иванович Вернадский, описавший этот вид энергии. Это – биохимическая энергия живого вещества биосферы. Та самая энергия, которая заставляет саранчу летать, а муравьев ходить в походы и т.д.

И далее Л.Н. Гумилев поясняет: «Эта энергия того же порядка, той же природы, она толкает людей на походы, на создание культур, миграции, реадаптацию и т. п. За 1200— 1500 лет, которые реально исторически существует этнос (плюс еще 150 лет инкубационного периода и 150 лет полной эскалации), энергия успевает закончить свой цикл. А циклы развития разных этносов накладываются один на другой. Это форма движения. Все движется, но не все движется прямолинейно. Прямолинейное движение — это, в общем-то, абстракция, есть она или нет, но она очень удобна для системы отсчета. Мы ею пользуемся. Циклическая — мы ее наблюдаем в реальности. Год сменяется годом, век веком. Двенадцатилетие двенадцатилетием у восточных народов (кстати, очень удобный календарь), неделя — неделей. Это тоже искусственный подсчет. А вот реальный подсчет, он был открыт и сформулирован в шестом веке одной

китайской царевной из дома Чен. Ее захватили в плен представители дома Сунь и затем продали ее в жены тюркскому хану. Она очень скучала там и написала стихотворение, которое имеет большое научное значение:

Предшествуют слава и почесть беде.
Ведь мир закона — трава на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравняются, сгладившись, башня и пруд.
Но век опьяняет, как чаша вина,
Звенит и смолкает та лютни струна.

Смысл в последней строчке — это колебательное движение, которое дает импульс биополю и, естественно, затухает, "звенит и смолкает". Поэтому переходы от подъемов энергетической пассионарности к спадам – процесс естественный».

Энергетическое поле — это продолжение предмета за его пределами. Колебания, которые окружают каждого из нас. И если эти колебания настроены в данном ритме, в данном темпе, то человек чувствует себя среди своих. Если они «звучат» как-то иначе и у них другой ритм, он чувствует себя среди чужих. И его не признают за своего. Вот это физическое явление и лежит в основе этнической диагностики. Этнос является системной целостностью и возникает в определенном историческом времени (в том или ином веке), существует, как только что было сказано, примерно от 1200 до 1500 лет и потом распадается в результате неубывающей энтропии — закона всего сущего. Каждая система должна работать на той или иной энергии. Тепловоз — на тепловой, электричка — на электрической, атомная бомба — на энергии радиораспада. А на какой энергии работает система этноса, этническая система? На этот вопрос еще предстоит ответить науке будущего…

Общеизвестно, что каждый человек — член этноса. Этнос же входит в биоценоз своего географического региона, являющегося фрагментом биосферы планеты Земля, которая, в свою очередь, входит в состав Солнечной системы – конкретного астрономического участка Галактики и Метагалактики. Тем самым все мы сопричастны Вселенной, путем пересечения и соединения Макрокосма и Микрокосма, или, другими словами, — при помощи иерархической совместимости макромира с микромиром, от которого людей отделяют клетки их тела, молекулы, атомы и субатомные частицы. Любая научная задача

может быть корректно поставлена и решена на своем уровне.

Безусловно, «жесткое космическое излучение», о котором много думал и говорил Л. Н. Гумилёв, способно привести к пассионарным мутациям на любом иерархическом уровне и даже повлиять на ход земной эволюции. Но вряд ли подобное излучение является единственным и решающим космопланетарным фактором этногенетического и социального прогресса. Современная наука вообще неспособна пока что однозначно указать на действительные причины энергетических всплесков, приводящих к эффектам пассионарного напряжения или разрядки. Кроме того, естественно и неизбежно возникает вопрос о сопряженности и конкретном характере взаимодействия энергии живого вещества с суммарной энергией бесконечного Космоса. Для положительного решения отмеченных и других проблем одних только естественно-научных методов заведомо недостаточно. Разгадать тайну космического бытия и закономерностей появления жизни во Вселенной, возможно, лишь опираясь на всю целокупность общенаучных методов, включая, как особо подчеркивал Гумилёв, и всесторонне обоснованный в рамках русского космизма философский принцип *всеединства* .

БИОСФЕРА И НООСФЕРА

Биосфера и ноосфера неотделимы от Космоса, ибо представляют собой его важнейшие аспекты (наряду с физической, космологической и энергоинформационными сторонами). Вернадский и его последователи определяли биосферу как оболочку Земли, состав, структура и энергетика которой обусловлены совокупной деятельностью живых организмов. Впервые похожая дефиниция встречается у Жана Батиста Ламарка (1744—1829), определявшего ее как «область жизни». Однако биосферные и ноосферные идеи были известны и раньше — просто скрывались они под другими именами, если говорить о философии, богословии или теоретическом естествознании. Особенно чувствительны были к космическому зову ноосферы поэты, писатели, художники, композиторы. Это и неудивительно: ведь творческое озарение, охватывающее немногих избранных (к тому же и в не столь частые минуты вдохновения), — во многом результат воздействия биосферы и ноосферы.

Биосферные и ноосферные феномены во все времена непрерывно вторгались в жизнь и практику обычных людей. Неразрывно спаяны они с повседневной действительностью и по сей день. Ибо такие явления, как творческое воображение, житейская интуиция и даже сон, имеют отчасти биосферную, отчасти ноосферную природу. Потому-то громадный задел в разработке биосферно-ноосферной проблематики существовал уже задолго до того, как были придуманы и введены в научный оборот сами термины. Честь их изобретения принадлежит зарубежным ученым. Понятие биосферы (от греч. bios — «жизнь» + «сфера») впервые в современном значении данного термина употребил австрийский геолог Эдуард Зюсс[51] (1831—1914), а научный неологизм ноосфера (от греч. noos — «ум», «разум» + «сфера») впервые прозвучал во Франции благодаря философам Эдуарду Леруа (1870— 1954) и Тейару де Шардену (1881—1955).

Именно с ними активно общался В. И. Вернадский во время научной командировки в Париж в 1922-1925 годах. Сходные идеи формулировал также Павел Александрович Флоренский (1882-1937) в концепции *пневматосферы* (от греч. pneuma – первоначально «дыхание», позднее «дух»), где упор делался не столько на разум, сколько на душу.

Независимо от Вернадского, Флоренского, Леруа и Шардена (и почти что одновременно с ними) глубокие биосферные и ноосферные идеи в русле философского космизма были

сформулированы крупнейшим ученым и мыслителем XX столетия Константином Эдуардовичем Циолковским (1857-1935). В дальнейшем они были развиты в трудах его ученика и идейного наследника Александра Леонидовича Чижевского (1897-1964). Удивительный парадокс: называя Циолковского отцом космонавтики и считая его чуть ли не олицетворением теоретической мысли XX века, официальная и официозная (академическая) наука никогда не признавала его вклад в развитие философии. Его гениальные открытия-озарения именно в данной области, во многом опережающие уровень современной науки, объявляются фантастическими измышлениями изобретателя-самоучки. Имени Циолковского не найти и в опубликованных при жизни трудах академика Вернадского, даже в тех случаях, когда, казалось бы, обойти и не упомянуть его никак нельзя, ибо оба практически одновременно писали и говорили об одном и том же.

Впрочем, история (история науки в том числе) всё и всегда расставляет по своим местам. Многое изменилось со времени первого издания эпохальной книги В. И. Вернадского «Биосфера» (1926 год), где на высочайшем теоретическом уровне подытоживались научные достижения того времени и давался мощный толчок для дальнейших изысканий в различных областях знания. Здесь же содержались главные отправные точки для разработки ноосферной проблематики. С тех пор только на русском языке на данную тему появились сотни книг и тысячи статей. Чуть ли не ежегодно проводятся конференции и симпозиумы, возникли целые институты и академии соответствующего направления. Кроме того, по био– и ноосфере защищено множество диссертаций. Во многих из них содержатся дефиниции основных понятий, причем каждый автор, как правило, пытается выйти вперед в терминологическом соревновании.

Так что предложить читателю какое-то одно устоявшееся определение (такого попросту нет!) очень и очень трудно. Сам Вернадский дает определение *биосферы* , опираясь на единственно правильный, космистский подход, который предусматривает признание существования особой жизненной оболочки – биосферы – в ее тесной взаимосвязи с Космосом и его совокупными закономерностями: «По существу биосфера может быть рассматриваема как область земной коры, занятая трансформаторами, переводящими космические излучения в действенную земную энергию — электрическую, химическую, механическую, тепловую и т. д. Космические излучения, идущие от всех небесных тел, охватывают биосферу, проникают всю её и

всё в ней».

Интересное уточнение, касающееся содержания понятия биосфера», сделал Н. В. Тимофеев-Ресовский, один из талантливых продолжателей дела Вернадского. Он образно назвал биосферу энергетическим экраном между земным и космическим (при этом, естественно, «экран» следует понимать не только в отражательном, но и в связующем плане): «Биосфера — существеннейшая составная часть общей жизни Земли как планеты, энергетический экран между землей и Космосом, та пленка, которая превращает определенную часть космической, в основном солнечной энергии, поступающей на Землю, в ценное высокомолекулярное органическое вещество».

Аналогичного подхода в понимании биосферы придерживался и Л. Н. Гумилёв, целиком и полностью доверяясь мнению Вернадского, считавшего, что биосфера — это не только пленка «живого вещества» на поверхности планеты, но и все продукты ее жизнедеятельности за геологическое время: почвы, осадочные и метаморфические породы и свободный кислород воздуха. Мы ходим по трупам наших предков; мы дышим жизнью тех, кто давным-давно умер, и мы сами войдем в эту стихию, чтобы нами дышали наши потомки. «Все живое представляет непрерывно изменяющуюся совокупность организмов, между собою связанных и подверженных эволюционному процессу в течение геологического времени. Это динамическое равновесие, стремящееся с ходом времени перейти в статическое равновесие. <…> Чем более длительно существование, если нет никаких равноценных явлений, действующих в противоположную сторону, тем ближе к нулю будет свободная энергия».

Для того чтобы понять этот принцип, надо усвоить еще одно обстоятельство. Косное вещество планеты подчинено закону возрастания энтропии. А живое вещество, наоборот, обладает антиэнтропийными свойствами. И всё это многообразие живого и косного связано «биогенной миграцией атомов» или «биохимической энергией живого существа биосферы». Эта форма энергии столь же реальна и действенна, как и прочие, изученные физиками. И она, подобно им, подчиняется закону сохранения энергии, то есть может быть выражена в калориях и килограммометрах. За геологическое время наша планета обогащалась энергией, поглощая: 1) лучистую энергию Солнца; 2) атомную энергию радиоактивного распада внутри Земли; 3) космическую энергию рассеянных элементов, исходящую из нашей Галактики и эта форма энергии заставляет организмы размножаться до возможных пределов, подобно тому, как достаточно одного лепестка ряски, появившегося в пруду весной,

чтобы к осени затянуло всю его поверхность до естественной границы — берегов. Тот же закон предельного распространения действителен для всех живых существ биосферы, а значит и для людей. Подчас биосферные откровения Гумилёва достигают высочайшего пафоса: «Благодаря оболочке из живого вещества (биосфера) наша планета принимает разные виды космической энергии (фотосинтез) и делает Землю разнообразной и прекрасной. Слава биосфере!»

Действительно, биосфера должна работать на каком-то известном виде энергии, потому что закон сохранения энергии для этнологии так же обязателен, как для физики и химии. Откуда же она получает энергию? Представьте, в холодном помещении вы положили в печь дрова, которые у вас есть, а больше нет, затопили и ждете, пока не произойдет выравнивание температуры внутри печки и температуры воздуха. Печь остывает, и остывает воздух. Это процесс энтропии, процесс замкнутой системы. Так что такое этнос? Какая система — открытая или закрытая? Отвечаю совершенно неожиданно: это система закрытая. Этнос получает один раз свою энергию, с помощью которой он начинает существовать, и, растратив ее путем рассеяния, при инерции он ее теряет и распадается, или приходит в равновесие со средой, то есть в гомеостаз. Историческое его существование, формообразование укладывается, как уже говорилось, в 1200—1500 лет, как это ни странно. А если бы это была открытая система, то этносы существовали бы вечно. И, с одной стороны, сейчас можно было бы встретить, к примеру, этрусков или шумеров. А с другой стороны, не было бы ни французов, ни англичан, этих сложных систем, которые возникли из-за энтропийного импульса и, теряя его, должны исчезнуть.

Одним словом, с *биосферой* при всем разнообразии подходов и обилии дефиниций более-менее ясно. Что касается *ноосферы* , то здесь разноголосица ничуть не меньше. Не подлежит сомнению лишь одно: исходя из сути самого понятия, речь идет о *разуме* . Но о каком? Существует узкое и широкое толкование *разумности* . В узкой трактовке единственным ноосферным субъектом выступает человек во всем многообразии своей деятельности с окружающей действительностью. В данном смысле ноосфера выступает высшим этапом эволюции биосферы и человечества, когда природа, естественная и искусственная среда становятся управляемыми под воздействием разумных преобразований. Многие так и представляют: сначала возникла биосфера, затем в результате ее эволюции и последовавшего на определенном этапе качественного скачка возникла ноосфера. Тем самым ноосфера смешивается и отождествляется с *антропосферой* , связанной

исключительно с человеческой деятельностью. Применительно к планете Земля данный вывод вполне понятен, но стоит только его экстраполировать на бесконечную и неисчерпаемую Вселенную, как, казалось бы, совершенно бесспорный тезис начинает пробуксовывать.

В достаточно узком смысле понимал ноосферу и сам Вернадский, ибо именно об этом писал незадолго перед смертью: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, ставится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть ноосфера».

Вернадский не абсолютизировал подобное истолкование био– и ноосферы. Мысль великого ученого-космиста была постоянно устремлена к неизведанным и недостижимым пока что глубинам Вселенной. Он прекрасно осознавал, что Универсум можно правильно понять лишь в его целостности, и проблемы разумной жизни в бесконечной Вселенной отнюдь не ограничиваются ее далеко не совершенными проявлениями на Земле — одной из бесчисленного множества небесных тел. Сам Вернадский формулировал данную мысль следующим образом: «Научно понять — значит установить явление в рамках научной реальности — Космоса».

Вот почему наряду с узким существует иное, широкое, понимание разумности в целом и ноосферы в частности, когда они выводятся далеко за рамки одного лишь человеческого бытия и многообразной деятельности *Homo sapiens* . Если намеренно обострить постановку вопроса, то он прозвучит так: *существовала ли ноосфера до человека* ? Ответ на него возможен только положительный, поскольку в данной интерпретации разумность и сознательность распространяются и на безграничную Вселенную (Космический разум), и на отдельные формы движущейся материи – как известные, так и гипотетические: информационно-энергетическое поле, астральная среда, четвертое и последующие измерения пространства, физический вакуум, атомные и субатомные структуры. В соответствии с таким подходом вся разумная сторона Вселенной (Космоса) — это и есть ноосфера.

При этом неизбежно и вполне естественным образом размываются на первый взгляд казалось бы непреодолимые границы между наукой и мистикой, философией и богословием. Сказанное, однако, следует понимать лишь в том смысле, что религиозная и оккультная эзотерика затрагивают те же самые проблемы, из коих сложилась концепция био– и ноосферы.

Именно таких взглядов придерживался и Циолковский: если перевести его научные откровения – иначе их не назовешь — на современный био– и ноосферный язык, то получается, что биосфера и ноосфера существовали и будут существовать всегда.

По проблеме ноосферы Л. Н. Гумилёв высказывался неоднократно, однако достаточно осторожно и обтекаемо, понимая, что в изучении данного важнейшего аспекта объективной реальности наука делает пока что первые и к тому же пробные шаги. Гумилёв в основном ограничивал проблему ноосферы вопросом об антропосфере и техносфере. Но такой подход не снимает и по-прежнему оставляет открытым целый ряд немаловажных вопросов, например, следующих: 1. Идет ли речь при истолковании ноосферы только о людском разуме или допустимо существование и иных его форм (включая внеземные)? 2. Существует ли ноосфера исключительно в границах планеты Земля или же она разлита по всему Космосу, допустим, в виде информационно-энергетического поля? 3. Имеется ли в космических масштабах общий (централизованный, так сказать) источник объективной ноосферной реальности, естественным и закономерным образом связанный с земным? И т. д. и т. п. Разумеется, в своих печатных работах Лев Николаевич подобных вопросов не ставил, но из этого вовсе не следует, что он над ними не размышлял…

Однако у ноосферы имеется еще один важный аспект. По своей сущности она является *Божественной средой* (если воспользоваться терминологией Тейара де Шардена). Как проявление Космического Разума ноосфера, вне всякого сомнения, есть Божественная ипостась. И в этом смысле различие между научной и теологической картинами мира не столь существенно. В ноосферном плане они тождественны. Как известно, Лев Гумилёв был православным, молитвенным человеком. По словам журналистки Л. Д. Стеклянниковой, когда ему было 24 года, он даже собирался стать священником и обратился за советом к своему духовному отцу, но тот ответил, что у нас много священников-мучеников, а нам нужны светские апологеты. И «я стал светским апологетом», — сказал Гумилёв. Но ведь он всю жизнь занимался своей наукой. В чем же тогда заключалась его апологетика? Она была в этой самой науке: нет никакого сомнения, что за всей этой энергией из Космоса стоит, конечно, Господь Бог[52]…

ЭТНОСФЕРА

Гумилёв пользовался всеми родственными терминами для обозначения народонаселения в его исторически меняющихся аспектах: «человечество», «народ», «народность», «нация», «национальность» и др. Однако в центре его учения находится понятие «этнос», определяемое как «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности». К этому можно еще добавить: этнос — не просто природное, а космопланетарное явление, аккумулирующее в себе совокупность мировых энергий — биосферную, ноосферную, геофизическую, геохимическую и пр. Всякий этнос образует определенную целостность и именно в таком виде подвергается воздействию ноосферы.

Понятию комплиментарности отводилась важная роль, ибо люди всегда объединяются на основе данного принципа — неосознанной симпатии к одним и антипатии к другим. Иными словами, есть положительная и отрицательная комплиментарность. Когда создается первоначальный этнос, то инициаторы этого возникающего движения подбирают себе активных людей именно по этому, комплиментарному признаку — выбирают тех, кто им просто симпатичен. «Иди к нам, ты нам подходишь» — так отбирали викинги юношей для своих походов. Они не брали тех, кого считали ненадежными, трусливыми, сварливыми или недостаточно свирепыми. Все это было очень важно, ибо речь шла о том, чтобы взять их к себе в ладьи, где на каждого человека должна была пасть максимальная нагрузка и ответственность за собственную жизнь и за жизнь своих товарищей. Так же основатели Древнего Рима — Ромул и Рем — отбирали себе в помощь крепких парней, когда они на семи холмах организовали группу, способную терроризировать окрестные народы. Эти ребята, по сути бандиты, потом стали патрициями, основателями мощной социальной системы.

Точно так же поступали и первые мусульмане; они требовали от всех признания веры ислама, но при этом в свои ряды старались зачислить людей, которые им подходили. Надо сказать, что от этого принципа мусульмане довольно быстро отошли. Арабы стали брать всех и за это заплатили очень дорого, потому что как только к ним попали лицемерные люди, те, которым было в общем абсолютно безразлично – один Бог или тысяча, а важнее

были выгода, доходы и деньги, то к власти пришли последние — именно эти лицемеры. Их возглавил Моавия ибн Абу-Суфьян — сын врага Мухаммеда. Он добился власти, но как только принцип отбора по комплиментарности заменился принципом всеобщности, система испытала страшный удар и деформировалась.

Принцип комплиментарности на уровне этноса обычно именуется *патриотизмом* , находясь в компетенции истории, так как нельзя любить народ, не уважая его предков. Внутриэтническая комплиментарность, как правило, полезна для этноса, являясь мощной охранительной силой. Но иногда она принимает уродливую, негативную форму ненависти ко всему чужому; тогда она именуется шовинизмом. Комплиментарность на уровне культурного типа всегда умозрительна. Обычно она выражается в высокомерии, когда всех чужих и непохожих на себя людей называют «дикарями».

Принцип комплиментарности не относится к числу социальных явлений. Он наблюдается у диких животных, а у домашних известен каждому как в позитивной (привязанность собаки или лошади к хозяину), так и в негативной форме. Если у вас есть собака, то вы знаете, что она относится к вашим гостям избирательно — почему-то к одним лучше, к другим хуже. На этом принципе основано приручение животных, на этом же принципе основаны семейные связи. Но когда этот феномен рассматривается в исторически больших масштабах, то эти связи вырастают в очень могучий фактор – на комплиментарности строятся отношения в этнической системе. Так что рождению любого социального института предшествует объединение какого-то числа людей, симпатичных друг другу. Начав действовать, они вступают в исторический процесс, сцементированные избранной ими целью и исторической судьбой. Как бы ни сложилось их будущее, общность судьбы – условие, без которого нельзя выжить.

Такая группа может стать разбойничьей бандой викингов, религиозной сектой мормонов, орденом тамплиеров, буддийской общиной монахов, школой импрессионистов и т.п., но общее, что можно вынести за скобки, – это подсознательное взаимовлечение, пусть даже для того, чтобы вести споры друг с другом. Такие зародышевые объединения Гумилёв назвал *консорциями* . Консорции объединяют людей с общей судьбой. И тут уже не имеет никакого значения ни половая принадлежность, ни возрастная. Люди начинают тянуться друг к другу, они нуждаются друг в друге. Как наша Могучая кучка или школа «Мир искусства». Именно это общение поднимало их творчество.

Иногда это бывает разбойничья банда. Иногда политическая партия. Иногда религиозная секта. Но это люди, связанные одной судьбой, это консорция. У них большая энергия. Они стараются расширить свою систему как только возможно. И часто им это удаётся! Консорции — это когда землепроходцы идут через всю Сибирь до Аляски. Шли казаки, шли устюжане из Великого Устюга. Там не смотрели — из Вологды ты или из Вятки, или из Москвы. Если хочешь в ватагу — берем! В Сибири без женщин жить нельзя — это все знают. Поэтому они женились на местных аборигенках — бурятках, якутках — и хорошо уживались. И вот создался новый субэтнос. Сибиряки, по Гумилёву, — не этнос, это — субэтнос. Это то, что ниже этноса. По старинке их называют челдонами, но они не обижаются, только не знают, откуда это странное слово. И никто не знает. Но они не считают своими «самоходов» — тех, которые пришли в Сибирь в XX веке, чтобы колонизовать ее. Это уже не свои. Не то что они не русские. Нет, русские, но уже другой субэтнос. Так же поморы отличаются от подмосковных крестьян или донских казаков. Однако как только наступает такая гроза, как 1812 год, Наполеон надвигается, они все объединяются и осознают, что они русские. Но вместе с тем они видят свою взаимную непохожесть.

Не каждая из консорций выживает; большинство при жизни основателей рассыпается, но те, которым уцелеть, входят в историю общества и немедленно обрастают социальными формами, часто создавая традицию. Те немногие, чья судьба не обрывается ударами извне, доживают до естественной утраты повышенной активности, но сохраняют инерцию тяги друг к другу, выражающуюся в общих привычках, мироощущении, вкусах и т. п. Эту фазу комплиментарного объединения Гумилёв наименовал *конвиксией* . Она уже не имеет силы воздействия на окружение и подле жит компетенции не социологии, а этнографии, поскольку эту группу объединяет быт. В благоприятных условиях конвиксии устойчивы, но сопротивляемость среде у них стремится к нулю, и тогда они рассыпаются среди окружающих консорций.

Еще одним этногенетическим образованием, диаметрально противоположным комплиментарным структурам, является *химера* — сосуществование двух и более чуждых суперэтнических этносов в одной экологической нише. Механизм образования этнической химеры, по Гумилёву, следующий. Возникшая вследствие толчка, суперэтническая система тесно связана с природой своего региона. Ее звенья и подсистемы — этносы и субэтносы — обретают каждый для себя экологическую нишу. Это дает им всем возможность снизить до минимума борьбу за

существование и обрести возможности для координации, что, в свою очередь, облегчает образование общественных форм. Но если в эту систему вторгается новая, чужая этническая целостность, то она, не находя для себя экологической ниши, вынуждена жить не за счет ландшафта, а за счет его обитателей. Это не соседство и не симбиоз, а химера, то есть сочетание в одной целостности двух разных несовместимых систем. В зоологии химерными конструкциями называются, например, такие, которые возникают вследствие наличия глистов в органах животного. Животное может существовать без паразита, паразит же без хозяина погибает. Но, живя в его теле, паразит соучаствует в его жизненном цикле, диктуя повышенную потребность в питании и изменяя биохимию организма своими гормонами, вводимыми в кровь или желчь хозяина или паразитоносителя. В этом отличие химерности от симбиоза. При симбиозе, например, рак-отшельник носит на своей скорлупе актинию, защищающую его от врагов; актиния же, передвигаясь на раке, находит больше пищи.

При симбиозе на суперэтническом уровне оба компонента питаются дарами природы и сосуществуют, что не исключает эпизодических конфликтов. Но все ужасы суперэтнических столкновений при симбиозе меркнут перед ядом химеры на уровне суперэтноса. А вот метисация на уровне этноса или субэтноса может породить либо ассимиляцию, либо реликтовый субэтнос, что летальных результатов не дает.

С позиций предложенной Л. Н. Гумилёвым концепции этнического поля, колеблющегося с определенной частотой или ритмом, химера представляет собой наложение двух различных ритмов, создающее какофонию. Эта какофония воспринимается людьми на уровне подсознания и создает характерную для химеры обстановку всеобщей извращенности и неприкаянности, а также порождает антисистемные умонастроения.

Естественно, что крепкие, пассионарно напряженные этнические системы не допускают в свою среду посторонние элементы. Поэтому до XII века в Западной Европе химерные конструкции встречаются редко. Зато они появляются в начале XIII века. В качестве примера можно привести государство, созданное орденом меченосцев в Прибалтике, проводившим военные операции при участии воинственных ливов и кормившимся за счет закрепощенных леттов и куров. Ни ливам, ни леттам не была нужна кровавая война с псковичами и литовцами, но они оказались в системе, где чужеземцы ими помыкали, а деваться было некуда. Поэтому приходилось класть головы за чужое дело.

Другие примеры химер: контакт хуннов и китайцев в III веке новой эры (после захвата большей части Ханьского Китая хуннами). Контакт привел к гибели почти всех включенных в него этносов; Арабский халифат в X веке новой эры, где арабы путем создания гаремов смешались с другими суперэтносами (на этом фоне возникла антисистема исмаилитов). Аналогичные процессы протекали в Оттоманской Порте, но химера была безвредной (антисистем до XIX века не возникало). Химерой было Болгарское царство (созданное болгарами на славянских землях в 660 году новой эры). Здесь распространилась антисистема богумилов. Существовали химеры также в доколумбовой Америке (государства инков и муисков). Они были разрушены испанскими конкистадорами.

Большинство перечисленных химер сложилось за счет вторжения представителей одного суперэтноса в области проживания другого, после чего агрессор стал жить не за счет использования ландшафта, а за счет побежденных. Результатом в конечном итоге всегда бывает распад и гибель химер, так как победители деградируют не в меньшей степени, чем их жертвы. Для России эта проблема в целом оказалась исключительно болезненной, так как ни один этнос не соглашался признать себя «паразитирующей структурой». Кое-кто даже прямо обвинял Л. Н. Гумилёва в ксенофобии, но от приводимых ученым аргументов просто так отмахнуться было невозможно…

* * *

Перенеся акцент исследования на природное содержание понятия и увязав его с конкретно-историческим материалом, Гумилёв открыл перед своими последователями и читателями воистину безбрежные перспективы. Сама тема действительно оказалась неисчерпаемой и захватывающе интересной. В самом деле, разве может кого-нибудь оставить равнодушным вопрос о его собственной этнической принадлежности, которая к тому же изменяется в пространстве и во времени? Какие природные закономерности создают «лицо народа»? Почему этносы рождаются и умирают? Почему в их истории активные периоды жизнедеятельности сменяются пассивными? Отвечая на эти и другие поставленные вопросы, Гумилёв приводит замечательные слова Пришвина, представляющие собой подлинный гимн природному началу этнических явлений: «<…> Этногенезы — природные процессы, и потому они, "как иволги, поют на разные

лады". М. М. Пришвин, отметив это в своей дивной поэме "Фацелия", вспомнил мысль Гёте о том, что природа создает безличное, а только человек личен. Нет, писал М. М. Пришвин, "только человек способен создавать… безликие механизмы, а в природе именно все лично, вплоть до самих законов природы: даже и эти законы меняются в живой природе. Не всё верно говорил даже и Гёте"».

По Гумилёву, этнос отличается от общества и от общественной формации тем, что он существует параллельно обществу, независимо от тех формаций, которые оно переживает и только коррелирует с ними, взаимодействует в тех или иных случаях. Причиной образования этноса, как мы знаем, Гумилёв считал особую флуктуацию биохимической энергии живого вещества, открытую Вернадским, и дальнейший энтропийный процесс, то есть процесс затухания толчка от воздействия окружающей среды. Каждый толчок рано или поздно должен затухнуть. Таким образом, исторический процесс представляется мне не в виде прямой линии, а в виде пучка разноцветных нитей, переплетенных между собой. Они взаимодействуют друг с другом разным способом. Иногда они бывают комплиментарны, то есть симпатизируют друг другу, иногда, наоборот, эта симпатия исключается, иногда это идет нейтрально. Каждый этнос развивается как любая система: через фазу подъема к акматической фазе, то есть фазе наибольшего энергетического накала, затем идет довольно резкий спад, который выходит плавно на прямую — инерционную фазу, и как таковой он затем постепенно затухает, сменяясь другими этносами. К социальным соотношениям, например, к формациям, это не имеет прямого отношения, а является как бы фоном, на котором развивается социальная жизнь.

Раздел о фазах этнического развития — важная и детально разработанная часть учения Л. Н. Гумилёва. Начало этногенеза он, как известно, связывает с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический «толчок», ведущий затем к образованию новых этносов. Вследствие мутации возникает уже многократно упоминавшаяся пассионарность, образующая внутри популяции некоторое количество людей-пассионариев, обладающих повышенной тягой к действию. Пассионарии хотят изменить окружающее и способны на это (многочисленные примеры на сей счет уже приводились выше). Пассионарность — внутреннее стремление к действию, которое сильнее самого человека и с которым он не может ничего поделать. Если пассионарных людей в этносе много, система становится агрессивной и неуправляемой. Оптимум пассионарности в этносе

приводит в конечном счете к процветанию, а дефицит ее — к нежизнеспособности, нежизнестойкости. При этом очень важны для любого народа связи с родным ландшафтом. Они определяют привычную среду жизни и систему хозяйства. Этнос приспособлен к своему ландшафту, ему удобно в нем. Если же он изменяет ландшафт радикально, то радикально меняется и сам. Иными словами, появляется новый этнос. Поэтому «жизнь порознь» подразумевает возможность для каждого этноса жить на привычной ему земле, работать так, как он считает нужным, на базе опыта своих предков, а не чужих. Исторический опыт показывает, что смешение народов, особенно с сильно отличающимися традициями, на пользу не идет…

Уровень пассионарности в этносе не остается неизменным. Этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. Первая фаза — фаза пассионарного подъема этноса, вызванная пассионарным толчком. Важно отметить, что старые этносы, на базе которых возникает новый, соединяются как сложная система. Из подчас непохожих субэтнических групп создается спаянная пассионарной энергией целостность, которая, расширяясь, подчиняет территориально близкие народы. Так возникает этнос. Группа этносов в одном регионе создает суперэтнос (так, Византия — суперэтнос, возникший в результате толчка в I веке новой эры, состоял из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян и просуществовал до XV века). Продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около 1500 лет, за исключением тех случаев, когда агрессия иноплеменников нарушает нормальный ход этногенеза.

Наибольший подъем пассионарности — акматическая фаза этногенеза — вызывает стремление людей не создавать целостности, а, напротив, «быть самими собой»: не подчиняться общим установлениям, считаться лишь с собственной природой. Обычно в истории эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резней, что ход этногенеза на время тормозится.

Постепенно вследствие резни пассионарный заряд этноса сокращается, ибо люди физически истребляют друг друга. Начинаются гражданские войны, и такую фазу мы назовем фазой надлома. Как правило, она сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизующейся в памятниках культуры и искусства. Но внешний расцвет культуры соответствует спаду пассионарности, а не ее подъему. Кончается эта фаза обычно кровопролитием; система выбрасывает из себя

излишнюю пассионарностъ, и в обществе восстанавливается видимое равновесие. Этнос начинает жить «по инерции», благодаря приобретенным ценностям. Эту фазу мы назовем инерционной. Вновь идет взаимное подчинение людей друг другу, происходит образование больших государств, создание и накопление материальных благ.

Наконец, пассионарность иссякает. Когда энергии в системе становится мало, ведущее положение в обществе занимают субпассионарии — люди с пониженной пассионарностью. Они стремятся уничтожить не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми. Везде господствуют люди вялые и эгоистичные, с психологией потребителя. А после того как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от героических времен, наступает последняя фаза этногенеза — мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции. Затем исчезает и память: приходит время равновесия с природой (гомеостаза), когда люди живут в гармонии с родным ландшафтом и предпочитают великим замыслам обывательский покой. Пассионарности людей в этой фазе хватает лишь на то, чтобы поддерживать налаженное предками хозяйство.

Новый цикл развития может быть вызван лишь следующим пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза — процесса, благодаря которому Человечество не исчезает с лица Земли. Этот повторяющийся и фактически неуничтожимый процесс Л. Н. Гумилёв изобразил в виде графической схемы, которая неоднократно публиковалась в различных книгах ученого. Этой схемой Лев Николаевич очень гордился, она всегда висела на стене радом с его письменным столом.

Так происходило и происходит всегда и везде на длинных отрезках времени. История любого этноса укладывается в рамки описанной схемы: толчок — подъем — перегрев — упадок — затухание. Схему Гумилёва нетрудно наполнить конкретным этнологическим содержанием, привязав к хорошо узнаваемым историческим эпохам, событиям и фактам. Эпизодически Гумилёв проделывал такой научный анализ практически во всех своих работах и лекциях, где затрагивался вопрос о фазах этногенеза, и посвятил специально данной проблеме две книги — «Конец и вновь начало» (М., 1990) и «От Руси к России» (М., 1992).

Предлагаемые Гумилёвым интерпретации, как правило, вызывали бурную негативную реакцию — в особенности те, что касались деградации, распада и гибели этносов в прошлом, и тем более относящиеся к современной ситуации на пространственно-временном этническом поле. Представители народов и наций, и поныне населяющих Землю, но находящиеся в так называемой мемориальной фазе своего развития (а то и на стадии вырождения или депопуляции), относились крайне негативно к некоторым выводам историка, хотя он старался быть предельно корректным, рассуждая следующим образом: «Все народы стареют. Все! Без исключения! И римлян не стало, и эллинов! И когда-нибудь не будет французов, как не стало франков! И когда-нибудь не будет англичан, как не стало кельтов короля Артура!» О народах, населяющих Россию, он готов был сказать то же самое…

Гомеостаз же (в данном контексте — «равновесие») – это еще не конец этноса и его представителей. Люди в этой фазе подобны подавляющему большинству трудящихся инерционной фазы, и не только крестьян и ремесленников, а исполнительных чиновников, работящих инженеров, добросовестных врачей и педагогов. Ведь пассионариев отличает не умение, честность и приспособленность к выполняемой работе, а честолюбие, алчность, зависть, тщеславие, ревность, которые толкают их на иллюзорные предприятия, а те могут быть иногда полезными, но крайне редко.

Человек фазы этнического гомеостаза чаще всего хороший человек, с гармоничным складом психики. Он, как правило, честен, потому что его не терзают страсти и не соблазняют пороки. Он доброжелателен, ибо ему нет необходимости отнимать у соседа то, что для него было бы не необходимостью, а излишком. Он дисциплинирован, так как воспитан в уважении к старшим и их традициям, но все это делает его природным консерватором, непримиримым к любым нарушениям привычного порядка. Короче говоря, гармоничные личности, или, точнее, гармоничные особи – фундамент каждого этноса. Но в критические моменты фундаменту нужны опоры, нужно возведение крепкого строения над собой — «башен», «зданий». С потерей их пассионарной заряженности этноса быть не может. Так и этнос покоится на среднем гармоничном уровне, пока не происходит перестройка его.

И ведь гармоничный человек неглуп. Он умеет ценить подвиги и творческие взлеты, на которые сам неспособен. Особенно нравятся ему герои и гении времен минувших, так как покойники не могут принести никакого беспокойства. И он

вспоминает о них с искренним благоговением, что дает право назвать описываемую фазу — «мемориальной». Услужливая память опускает все эпизоды, огорчающие человека, да и этнический коллектив. Не то чтобы тяжелые и позорные события полностью забываются, но вспоминать предпочитают события приятные, тешащие самолюбие. История постепенно становится однобокой, а потом перерастает из науки в миф. Но и это еще не предел упрощения этнической системы. Память – груз тяжелый, а отбор воспоминаний требует некоторой, пусть небольшой затраты пассионарной энергии. И если этнос-изолят доживает до очередной фазы — глубокой старости, то его члены не хотят ничего ни вспоминать, ни любить, ни жалеть. Их кругозор во времени сокращается до отношений с родителями или, редко, дедами, а в пространстве – до тех пейзажей, которые мелькают перед их глазами. Им все равно, вертится ли Земля вокруг Солнца, или наоборот. Да и вообще, им удобнее жить на плоской Земле, ибо сферичность утомляет их воображение

Обильный материал по этой фазе, которую можно назвать «мемориальной», сохранился в фольклоре и пережитых обрядах так называемых «отсталых племен». Замечательные произведения устного творчества есть у алтайцев, киргизов и, вероятно, у амазонских индейцев и австралийских аборигенов, хотя языковые трудности мешают разобраться в последних случаях детально. Но это не беда. Главное то, что эти этносы отнюдь не «отсталые», а чересчур передовые, то есть уже достигшие глубокой старости. По сути дела, их память — памятник, столь же подверженный разрушительному влиянию времени, как и их наряды, некогда прекрасно сшитые и украшенные, их деревянные дома, называвшиеся «хоромами», их бронзовое оружие, окислившееся и рассыпающееся при прикосновении. Но это еще не конец, ибо воспоминания тоже сила.

Описанные здесь люди мемориальной фазы еще имеют кое-какую пассионарность, мучающую их от сознания безнадежности. А их ближайшее окружение неспособно даже на отчаяние. Им уже ничего не надо, кроме насыщения и тепла от очага. У них идеалы, то есть прогнозы, заменены рефлексами. Они не могут и, хуже того, не хотят бороться за жизнь, вследствие чего длительность этой фазы очень мала. Их подстерегает вымирание при любых изменениях окружающей среды, а так как она изменяется постоянно, то неуклонное однонаправленное развитие, будь оно возможно, привело бы вид homo sapiens к депопуляции. Но поскольку этого не происходит, то следует заключить, что пассионарные толчки происходят чаще, чем финальные фазы этногенезов. *Новый пассионарный взрыв — мутация, или*

негентропийный импульс, зачинает очередной процесс этногенеза прежде, чем успеет иссякнуть инерция прежнего. Вот благодаря чему человечество еще населяет нашу планету, которая для людей не рай, но и не ад, а поприще для свершений, как великих, так и малых. Так было и так будет во всех регионах Земли.

Итоговый вывод ученого исключительно важен для истинного понимания направленности и перспектив этногенетического развития — при всем при том, что Гумилёв отрицал цикличность в биосферных процессах (видообразование) и этногенезе. Возвышенной и плодотворной идее «*вечного возвращения* » он предпочел постулат «*инерции эксцесса* », при котором изменение потенциала описывается сложной кривой подъемов, спадов и зигзагов. Это кривая сгорающего костра, вянущего листа, взрыва порохового погреба. Разница здесь лишь в продолжительности процесса, а этногенез длятся от 1200 до 1500 лет, если их не нарушают экзогенные воздействия, например, геноцид при вторжении иноплеменников или эпидемия.

Но кроме отвергнутых форм движения времени (поступательной и вращательной) есть еще колебательная, затухающее звучание струны после щипка и маятника после толчка. Растрата энергии импульса от сопротивления вмещающей среды и ее рассеивание — это диссипация[53], которую мы наблюдаем в биосфере Земли. Биоценозы, да и этносы, возникают внезапно, образуют экосистемы и медленно рассеивают биохимическую энергию живого вещества, описанную Вернадским. В этом аспекте этническая история (в отличие от истории социальной, движение коей спонтанно) составляет часть биосферы.

И в древности были этносы — творцы антропогенных ландшафтов, ибо руины городов Месопотамии, Египта, Юкатана и курганы Великой степи — это следы былых диссипаций, так же как пустыни и солончаки в свое время завершали попытки древних людей бороться с их праматерью — биосферой. Победа была недостижима принципиально, ибо лимит диссипации — равновесное состояние этнической системы со средой (гомеостаз), то есть утрата устойчивости, для которой не остается энергетических ресурсов. Вот почему большая часть этносов, живших и творивших в исторический период, уже не существует. Этносистемы развалились на части, на обломки и на пылинки, то есть отдельных людей, которые затем интегрировались в новые системы, в обновленных ландшафтах с новыми традициями.

Для каждой фазы этногенеза Л. Н. Гумилёв выявил доминирующий *императив* — безусловное требование, повеление, которым руководствуется вся этническая масса в

данный период своего развития. Суммарно это выглядит так:

Фазы	Господствующие императивы	Фазовые переходы
Исходное сочетание этносов и ландшафтов региона	Разнообразны	
	«Надо исправить мир, ибо он плох!»	Пассионарный толчок: пусковой момент этногенеза
Пассионарный подъем: инкубационный (скрытый) период		
Пассионарный подъем: явный период		Оформление этнической системы
	«Мы хотим быть великими!»	Переход к акматической фазе
Акматическая фаза	«Будь самим собой!»	
	«Мы устали от великих!»	Переход к фазе надлома
Надлом	«Мы знаем, мы знаем, все будет иначе!»	
	«Дайте же жить, гады!»	Переход к инерционной фазе
Инерция	«Будь таким, как я!»	
	«С нас — хватит!»	Переход к фазе обскурации
Обскурация	«Будь таким, как мы!»	
	«День, да мой!»	Переход к мемориальной фазе: возможна регенерация
Мемориальная фаза	«Помни, как было прекрасно!»	
	«Будь сам собой доволен, тролль!»	Переход к гомеостазу: реликт

* * *

Лев Николаевич по роду научных интересов всегда предпочитал исторический анализ древней и средневековой эпох.

(В шутку даже говорил, что мировая история после XVIII века его не интересует). В действительности все обстояло не столь просто. Во-первых, с точки зрения разработанной ученым *методологии* выявленные им принципы и сделанные теоретические выводы, на первый взгляд относящиеся к далекому прошлому, свободно проецируются и на современность, и на будущее. Во-вторых, в последние годы жизни, когда в Советском Союзе наступила переломная эпоха, получившая название «перестройки» и закончившаяся распадом великой страны, Л. Н. Гумилёв стал открыто и смело высказываться по поводу происходящих социальных и этнических процессов, наглядно подтверждавших его мысли и ранее составленные прогнозы. Достаточно показательно в этом плане откровенное интервью, данное Гумилёвым незадолго перед смертью давнему другу и в скором времени издателю собрания его сочинений Айдеру Куркчи:

«<…> Я вам скажу: в России ученый должен жить очень долго, лет до ста, чтобы успеть дойти до читателей, минуя правительство. Тысячи моих современников, не менее одаренных и даже более гениальных, не могут повторить моих слов. Но вы, я уже заметил, хотите меня осовременить. А я живу в истории, там, где тени, не в загробном мире, надеюсь, не там, где нечисть и черти, я гораздо ближе к вам, живым. Ваши вопросы все время подводят меня к мысли, что я был обречен дожить до этих событий: либерализации и тощей демократизации правления. Но я скажу две вещи: эти события меня совершенно не интересуют, все это даже не пена, пена хоть радует глаз. Все эти ваши правые, левые, желтые, непьющие, пьющие — это не пена, это — планктон, который заглатывает морская пучина. Кто их разберет, какие они на самом деле — эти люди, я не занимаюсь политической историей, для этого есть молодые, которые всегда ошибаются, но тем ценнее то, что они отвергают. А они отвергают основные, фундаментальные начала этнических отношений в стране и тем ставят себя вне истории, так что я современен тем, что я уже не живу в вашей истории, но знаю, чем она закончится. А второе: как этнолог я ждал событий, которые являются для России тем, чем явилась битва при Акциуме[54] для Римской империи. Эта битва означала поворот от бесконечного насилия сильных и гнусных личностей к мирной гражданской буржуазной жизни, к расцвету невзрачного нэпманства в меценатство, когда у воротилы позади ничего нет, а впереди — искусство <…>».

ЕВРАЗИЙСТВО

Л.Н. Гумилёв всегда считал себя евразийцем до мозга костей. Более того, учитывая русско-украинские-татарские корни рода, о его евразийстве можно говорить, так сказать, на генетическом уровне. Соприкосновение с теоретическими основами евразийского учения пришло позже, хотя уже в студенческие годы он имел представления о движении евразийства и даже успел пострадать из-за него. Послушаем однако самого Льва Николаевича: «Когда я был молод, точнее, когда я еще только поступил на первый курс

исторического факультета Ленинградского университета, меня уже тогда интересовала история Центральной Азии. Со мной согласился поговорить "заслуженный деятель киргизской науки" Александр Натанович Бернштам, который начал разговор с предостережений, сказав, что самое вредное учение по этому вопросу сформулировано "евразийством", теоретиками белоэмигрантского направления, которые говорят, будто настоящие евразийцы, то есть кочевники, отличались двумя качествами — военной храбростью и безусловной верностью. И на этих принципах, то есть на принципе своего геройства и принципе личной преданности, они создавали великие монархии. Я ответил, что мне это, как ни странно, очень нравится и мне кажется, что это сказано очень умно и дельно. В ответ я услышал: "У вас мозги набекрень. Очевидно, вы — такой же, как и они". Сказав так, он пошел писать на меня донос. Вот с этого и началось мое знакомство с евразийством <…>».

Приведенный рассказ Льва Николаевича относится к его юношеским годам. В зрелую пору он постепенно познакомился с основными трудами евразийцев, солидаризируясь с их основными историко-методологическими выводами, а с двумя из них — Г. В. Вернадским и П. Н. Савицким — вступил в научную переписку. Особенно сблизился с последним, считавшимся главным идеологом всего евразийского движения. В начале 1920-х годов Савицкий обосновался в Праге, где сперва преподавал на русском юридическом факультете, а затем стал директором Русской гимназии. После освобождения Чехословакии советскими войсками был арестован, как белоэмигрант депортирован в СССР и осужден на десять лет лагерей. Выйдя из заключения в 1956 году, вновь вернулся в Прагу. С этого времени и началась его переписка с Л. Н. Гумилёвым, получившим адрес Савицкого от профессора М. А. Гуковского, сидевшего вместе с главой

евразийской школы в мордовском лагере.

Плодотворная переписка Гумилёва и Савицкого продолжалась десять лет. В 1966 году они познакомились лично, когда Лев Николаевич приезжал в Прагу на археологический конгресс. Патриарх евразийской теории и идеологии встретил на пражском вокзале друга, приехавшего из России. Ещё недавно он писал Гумилёву: «Милый и дорогой, и неоценимый друг мой Лев Николаевич, буквально сию минуту почтальонша вручила мне драгоценное для моего сердца письмецо Ваше от 19–20 июня. Очень огорчила меня Ваша синтетическая «сводка» о состоянии Вашего здоровья. Но я твердо верю, что с помощью отдыха и хорошего врача, в условиях осторожности с Вашей стороны, Ваше здоровье восстановится быстро. Если позволите, о характере «режима» Вашей жизни и задачах сохранения здоровья мы также подробно поговорим в бытность Вашу здесь. От другого известия я возликовал: Вы будете читать по-русски! Конечно, это вполне естественная вещь. К тому же, на съезде русский язык, поскольку я знаю, будет широко представлен. Но дело в том, что за последнее время в отечественной науке, к глубочайшему моему огорчению, развилась уйма плюнь-кисляев [так!], совершенно лишенных чувства национального достоинства и понимания сущности современной эпохи, – глубочайших провинциалов, прежде всего и в подлинном смысле этого слова… Прямо не понимаю, как это могло случиться. Вместо того, чтобы отстаивать и укреплять совершенно бесспорные (и всеми признаваемые!) международные права и позиции русского языка, они пускаются заискивать перед «высокопородными» западниками (а заискивающих всегда презирают!) – и, отказываясь от своего языка, пытаются доказать этим последним (т.е. «высокородным»), что и они (провинциалы) знают немецкий или французский не ниже, чем на «три», по оценке средней школы! Какой позор, какой стыд, какое полное отсутствие горизонтов! Сравнительно недавний «всемирный» конгресс историков в Вене (и место же выбрали!) был прямо-таки «парадом» отечественных плюнь-кисляев этого рода… <…> Я радуюсь, радуюсь от всей души, что свой доклад Вы будете читать по-русски. Конечно же, я приду на него, и мои (а тем самым и Ваши) друзья тоже, я надеюсь, придут. Тема Вашего доклада глубоко и широко меня интересует по существу. – Дорогой друг! И моя сестра, живущая в Москве, вот уже более 20 лет только «летает» по лицу всего Советского Союза. Так что эта сторона «советского образа жизни» мне хорошо известна. Прошу и умоляю: прилетайте в Прагу дня на 3–4 до начала съезда. Отдохнете перед ним, наберетесь сил, а мы, не утомляясь, успеем переговорить о многом. Пойдите навстречу

моей просьбе! Эти дни не будут Вам ничего стоить: и скромное помещение, и питание я Вам обеспечу. Надеюсь, не пожалеете, что прилетели несколько раньше! Откликнетесь же поскорее. И главное – будьте здоровы!

Все мои шлют Вам привет. Крепко Вас обнимаю.

Душевно Ваш П. Савицкий

<…> Я стою на такой точке зрения: кто из числа ученых не понимает в современную эпоху, хотя бы пассивно, по-русски, тот просто не грамотен, «аналфабет», выражаясь по-здешнему, ибо наступает, грядет русская эпоха всемирной истории. Да будет!»

Гумилёву же Савицкий посвятил стихотворение, где есть такие строки:

Великий Лев! Иди дорогой света,
И пусть на многая и творческая лета
Успех ведет тебя по трудному пути!

* * *

О евразийстве сегодня принято говорить как об общественно-историческом и философском движении, возникшем в среде патриотически настроенной русской эмиграции в 1920-1930-е годы. Представители этого яркого течения русской мысли были убеждены: Россия — самобытная страна, органически соединившая в себе элементы Востока и Запада. Евразийский идеал прост и конструктивен: отношения между народами нужно строить не на войнах и распрях, а на мире и согласии. Вот почему и Россия должна ориентироваться на достижения синтетической культуры, сформировавшейся среди многообразных народов Евразии: они — не враги и конкуренты, а союзники и опора будущего совместного прогресса. Славянские народы никогда не представляли собой какой-то «чистой расы». Если говорить о восточных славянах, то с самого начала своего появления на исторической арене они активно смешивались с угро-финнами (карелы, саамы, мордва, марийцы, коми, ханты, манси и др.), тюрками (татары, башкиры, чуваши, якуты, алтайцы и др.), а после освоения Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и Средней Азии — со всеми населявшими эти территории народами. Вот почему не в последнюю очередь русских (как, впрочем, и остальное население России) следует считать не европейцами

или азиатами, а *евразийцами* .

По мысли Л. Н. Гумилёва, Евразия объединялась четырехкратно. Поначалу ее на короткое время объединили гунны, потом тюрки, создавшие свой каганат от Желтого до Черного моря. В третий раз континент объединили монголы под главенством Чингисхана. После битвы при Калке монголы поняли, что им надо или мириться с Россией, или завоевать ее. Они склонились к третьему решению. Россия во шла в единый улус на равных правах с монголами. Монголы были рады, что Древняя Русь служит буфером между ними и европейскими народами. Татары брали очень небольшую дань — на содержание войска, которое защищало Россию от западных соседей. Четвертым объединением Евразия обязана русским, которые, дойдя до берегов Тихого океана и объединив большую часть евразийского континента, за исключением Монголии и Восточного Туркестана, продлили тем самым традицию монголов. Они опять сделали из Евразии очень сильную страну и сами стали самостоятельной и весьма развитой культурой.

Сами по себе идеи, высказанные основателями евразийского движения, для отечественной общественной мысли не новы. В разных вариантах ее высказывали славянофилы. А. С. Хомяков обращал особое внимание на «азийский» (туранский) элемент в русском мировоззрении и связывал будущность России прежде всего с Востоком. Аналогичные мысли высказывали Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев. Неудивительно, что первый программный сборник русских евразийцев, опубликованный в 1921 году в Софии, назывался «Исход к Востоку: Предчувствия и свершения».

Безусловно, у России есть свой особенный путь развития, определяющий и обусловливающий ее уникальное место в мировом историческом процессе в целом и в современной геополитической картине мира в частности. И имя ему — *евразийство*. Путь сей хорошо известен с 1920-х годов и достаточно серьезно обоснован замечательной плеядой русских мыслителей — П. Н. Савицким, Н. С. Трубецким, Г. В. Вернадским, Г. В. Флоровским, П. П. Сувчинским, Л. П. Карсавиным, Л. Н. Гумилёвым и др. Труды последнего венчают этот исключительно важный и плодотворный этап в развитии русской исторической и философской мысли. Гумилёву же принадлежит та устремленная в будущее мысль, которая вполне может служить опорой и для современных теоретических изысканий и практических действий: «<…> Если Россия будет спасена, то только через евразийство».

В Евразийском манифесте 1926 года, большая и главная часть

которого была написана П. Н. Савицким, содержится множество идеологических и методологических ориентиров, сформулированных как будто применительно к современной постсоветской эпохе и сегодняшнему дню. Сказанное относится как к социально-экономическим аспектам концепции, так и к ее культурологическим основаниям. В классическом тексте, к насыщению и шлифовке коего приложили руку почти все евразийцы-эмигранты, говорится: «Культура России не есть культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она — совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшею самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии, как срединную, евразийскую культуру. Этот термин не отрицает за русским народом первенствующего значения в ней, но освобождает от ряда ложных ассоциаций, вскрывая вместе с тем зерно правды, заключенное в раннем славянофильстве и заглушенное его дальнейшим развитием. Мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго. <…>

Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта, как симфонической личности. Нам уже недостаточно того смутного культурного самосознания, которое было у славянофилов, хотя мы и чтим их как наиболее нам по духу близких. Но мы решительно отвергаем существо западничества, т. е. отрицание самобытности и, в конце концов, самого существования нашей культуры. Нам стыдно за русских людей, которым приходится узнавать о существовании русской культуры от немца Шпенглера. Отметая лукавые попытки западнического духа, заразившего и славянофилов, растворить проблему евразийско-русской культуры в расплывчатом учении о племенном родстве, мы полемически подчеркиваем "туранские элементы" и, отрицая мнимонаучный механический подход к вопросу, выдвигаем единство и органичность, целостность культуры, ее личное качество. Культура рождается и развивается как органическое целое. Она сразу ("конвергентно") проявляется в формах политических и социально-хозяйственных, и в бытовом укладе, и в этническом типе, и в географических особенностях ее территории. <…>

Именно с географической целостностью и определенностью русско-евразийской культуры стоит в связи наименование ее евразийской, причем давно уже утвердившийся в науке и

обозначавший Европу и Азию как один материк термин получает более узкое и точное значение. Представляя собой особую часть света, особый континент, Евразия характеризуется как некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий. Ограниченная с севера полосой тундр, на юге она окаймляется горными цепями и лишь в малой степени соприкасается с океаном и дающими к нему свободный выход морями. <…>

Естественные условия равнинной Евразии, ее почва и особенно ее степная полоса, по которой распространилась русская народность, определяют хозяйственно-социальные процессы евразийской культуры и, в частности, характерные для нее колонизационные движения, в которых приобретает оформление исконная кочевническая стихия. Все это возвращает нас к основным чертам евразийского психического уклада — к сознанию органичности социально-политической жизни и связи ее с природою, к "материковому" размаху, к "русской широте" и к известной условности исторически устаивающихся форм, к "материковому" национальному самосознанию в безграничности, которое для европеизованного взгляда часто кажется отсутствием патриотизма, т. е. — патриотизма европейского. Евразийский традиционализм совсем особенный. Он является верностью своей основной стихии и тенденции и неразрушимою уверенностью в ее силе и окончательном торжестве. Он допускает самые рискованные опыты и бурные взрывы стихии, в которых за пустою трескотнёю революционной фразеологии ощутимы старые кочевнические инстинкты, и не связывает себя, как на Западе, не отождествляет себя с внешнею формою. Ему ценна лишь живая и абсолютно значимая форма. А есть ли такие формы вне истинной религии? И не знает ли евразиец по опыту своего необозримого континента, что подлинно-ценное в своих формах многообразно и что за всякою живою формою скрывается нечто подлинное и важное? Он и ценит традицию, как родственный ему туранец, определенный и примитивный, и остро ощущает ее относительность, и ненавидит ее деспотические границы, как другой его близкий родственник — иранец. Он до наивности прост и элементарен, как Л. Толстой, и вместе с тем сложен, изощрен и диалектичен, как Достоевский, и еще — хотя и редко — гармоничен, как Пушкин или Хомяков <…>».

Гумилёву, как бальзам на сердце, были откровения евразийцев (и в частности — Савицкого) относительно значения степей в истории Евразии: «<…>Степная полоса — становой хребет ее истории. Объединителем Евразии не могло бы быть государство, возникшее и оставшееся на том или другом из

речных ее бассейнов, хотя как раз водные пути и способствовали тому, что на них культура Евразии достигала своего высшего развития. Всякое речное государство всегда находилось под угрозой со стороны перерезавшей его степи. Напротив, тот, кто владел степью, легко становился политическим объединителем всей Евразии. И в связи со степью находится тот факт, что единство Евразии обладает несравнимо большей силой и потому большим стремлением и внешне себя выразить, чем единство других континентов. Конечно, степь, как таковая, больше сказывается в прошлом Евразии. Но во-первых, прошлым определяется настоящее, а во-вторых — здесь империя оказалась на высоте русской исторической задачи: постройкой великого сибирского пути она транспонировала степную идею в условия современной политической и хозяйственной жизни. Природа Евразии нашла и выразила себя в совершенно новой обстановке». В одном из интервью Лев Николаевич как-то заметил, что в природных ландшафтах его больше всего притягивают степи: должно быть, среди его далеких предков были степняки-кочевники…

* * *

Евразийцев в первую очередь занимали настоящее и будущее России. Однако выводы свои они строили, опираясь на ее великое прошлое, наверняка интуитивно догадываясь и о фундаментальных ценностях общемирового наследия. Проблема традиции вполне естественным образом (не говоря уже о логике научного исследования) смыкается с вопросом об изначальности мировой истории вообще и русской истории в частности. Прошлую всемирную историю традиционалисты подчас трактуют однозначно — как постоянную и непрерывную *деградацию* общественных отношений и утрату первоначальных позитивных ценностей. Их возрождение — задача более-менее отдаленного будущего.

Проекция данной концептуальной схемы на российскую историю срабатывает лишь отчасти: тенденция к деградации хотя и имеет место, но проявляется скорее волнообразно или даже зигзагообразно, чем в прямолинейно-нисходящем виде. В русской истории бывали падения, но еще больше бывало взлетов. Кроме того, здесь не срабатывает излюбленный тезис традиционализма о примате индивидуального над общественным. Русский народ — коллективист по своей натуре. В этом его главное отличие от

западной цивилизации. В этом же и причины непонимания русского духа представителями социумов, базирующихся на персоналистских ценностях, с одной стороны, и привлекательность именно русского коллективистско-общинного духа для тяготеющих к нему этносов – с другой.

Есть еще один аспект традиционалистской философии, явно не срабатывающий применительно к мировой истории и в особенности — к России. Это — расология, повивальной бабкой которой в свое время стал ложно истолкованный нордизм. Абсолютизация расовой принадлежности, постулирование превосходства одной расы над другой, борьба за чистоту расы (крови) — эти и другие аналогичные идеи дискредитировали себя раз и навсегда, превратившись в руках безответственных политиков в орудие борьбы с целыми народами. Их теоретический потенциал столь же абсурден, как и попытки его практической реализации. Эти человеконенавистнические схемы не срабатывают ни в моноэтнической среде, ни, тем более, в полиэтнической, столь характерной как раз таки для России. Что касается чистоты расы (крови) (точнее — смешения таковой), то именно русская история и культура дают наиболее показательные и неотразимые факты, доказывающие, что разнонациональная закваска, как правило, благотворно влияет на творческий потенциал личности.

* * *

Россия — не просто страна или государство (безотносительно к форме власти). Россия — целый континент: не столько в географическом или космопланетарном, сколько в ноосферном и цивилизационном смысле. Ибо границы этого континента проходят не по морю, не по суше, а через сердца и души людей (независимо от национальности последних). Следовательно, границы цивилизации пролегают не только в пространстве, но и во времени.

Величие и историческое бессмертие народа определяются не многочисленностью составляющих его индивидов, групп, сословий или классов, а *духовной культурой* , которую представители даже самых малочисленных этносов сумели сохранить и донести до собственных потомков и остального мира. Точно так же и принадлежность к цивилизации обусловлена не степенью научно-технического развития (как это представляется многим модным и по сей день западным философам), а

духовностью . В отличие от многих других российская цивилизация создавалась на совершенно уникальной, не сравнимой ни с чем основе. Она формировалась не путем истребления сопредельных народов, а путем приобщения их на равных к своей геополитической мощи и достижениям культуры. Евразийский континент с его уникальными географическими и геофизическими особенностями на протяжении тысячелетий не раз выступал интегратором цивилизационных процессов. Есть все основания утверждать, что от Балтики до Тихого океана, от Арктики и до Кавказа — сформировалась особая *евразийская цивилизация* . В отличие общественно-экономической формации, где на переднем плане оказываются производственно-хозяйственные аспекты человеческого бытия, *цивилизация предполагает учет не только экономических факторов, но также и достигнутой культуры в неразрывном единстве с освоенной территорией* . Географическая среда, господствующий ландшафт, водные артерии, сопредельность с морями и океанами не в последнюю очередь являются тем природным базисом; который диктует: быть или не быть цивилизации и, если быть, то какой именно. Китайская, индийская, арабская цивилизации (не говоря уже о древних) возникли именно там, где они существуют и поныне, и только потому, что окружающая среда была такой, какая она есть.

Биосферные особенности евразийского континента (но обязательно с примыкающими к нему морями и океанами, что позволяет говорить о циркумевразийской цивилизационной общности) сами диктуют, какой должна быть культура, процветающая здесь на данном историческом отрезке, и регулируют отношения расселившихся здесь и конкурирующих друг с другом этносов. С одной стороны, именно эти обширные территории долгое время разъединяли различные народы, оберегая их от взаимоуничтожения. Но, с другой стороны, те же необъятные просторы заставляли народы объединяться во имя мира и процветания, что явилось наиболее характерной чертой развития Сибири в составе Российской империи и ее преемников — Советского Союза и Российской Федерации.

В данном случае, однако, речь идет о государственном устройстве, являющемся важной стороной цивилизационной целостности, но вовсе не тождественным ей. *Цивилизация — это единство ландшафта, биосферы, ноосферы и социума в контексте конкретных пространства и времени* (при этом под пространством понимается географическая среда, а под временем — исторический процесс). Социум, естественно, может находиться на различных уровнях экономического и культурного развития.

При таком подходе открывается возможность рассматривать цивилизацию не абстрактно, а многоаспектно — в разных временных и пространственных ипостасях. Поэтому одинаково допустимо говорить о древней, средневековой, технической цивилизации или привязывать последнюю к этнокультурным и географическим реалиям: например, цивилизации — древнеегипетская, эллинская, китайская, майянская, евразийская, сибирская, российская и т. п.

Биосфера также не представляет застывшего и раз навсегда данного образования; она непрерывно изменяется под влиянием космических, геофизических и социальных факторов. При этом эволюционирует и сопряженная с ней ноосфера, представляющая собой в узком смысле — сферу разума, а в широком — тесно взаимодействующее как с человечеством в целом, так и конкретными индивидами энергоинформационное поле Вселенной. Не подлежит сомнению, что существуют естественные аккумуляторы накапливаемой энергии электромагнитного и других полей, а также проводники, по которым она, концентрируясь в достаточных количествах, прорывается на поверхность в некоторых геологически предпочтительных зонах, где в различные исторические периоды возникают — временные или же относительно постоянные – очаги пассионарности.

Наиболее подходящими в данном плане на земной поверхности представляются горные образования, рифтовые зоны, речные русла и долины, контуры морских побережий и озер, где существуют наиболее благоприятные в геологическом и геофизическом плане условия для направленного выхода выработанной в недрах Земли физической энергии и воздействия ее на биотические, психические и этносоциальные процессы. В самих же недрах Земли такими естественными генераторами энергии могут служить тектонические разломы (и особенно их пересечения), месторождения и залежи металлосодержащих руд, раскаленное магматическое ядро планеты, выходы на поверхность застывшей магмы и т. п. С полным основанием можно утверждать, что ландшафтная среда обитания оказывает существенное воздействие не только на характер повседневной деятельности и досуга, но и сам склад людей, жизнь которых невозможно представить без конкретного ландшафта или отделить от него.

* * *

Свое предисловие к историософским трудам Н. С. Трубецкого Л. Н. Гумилёв снабдил подзаголовком «Заметки последнего евразийца» (в виде отдельной статьи они неоднократно публиковались). Написаны они были за два года до смерти ученого, а опубликованы впервые спустя три года — в 1995 году. Быть может, когда Гумилёв обдумывал свои «Заметки», некоторые основания для подобного утверждения имелись.

Тем не менее Лев Николаевич ошибся — теперь это видно совершенно точно, как говорится, невооруженным глазом. Не суждено ему было стать «последним евразийцем», не суждено… Довелось разве что лишь замкнуть шеренгу классиков евразийской теории и при этом — сразу же и одновременно — возглавить новый этап евразийского движения, для популяризации коего на родине он так много сделал еще при жизни.

Спустя же пятнадцать лет после его смерти стало совершенно очевидно: у евразийства не просто большое будущее — в ближайшей и отдаленной перспективе ему нет просто альтернативы ни в теоретическом, ни в практическом плане. Почему? Да потому, что евразийство — это путь сотрудничества (а не конфронтации), взаимопонимания (а не распрей), равноправия больших и малых народов (а не махрового национализма и шовинизма). Вполне зримые и обнадеживающие результаты здесь налицо. Это и интеграция в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) народов, ранее входивших в состав Российской империи и ее исторического преемника — СССР. Это и создание на большей территории Евразии мощной экономической и политической структуры — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которую с момента ее основания вошли Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. С учетом же наблюдателей (они же — будущие потенциальные члены) — Индии, Пакистана, Монголии, Ирана, Афганистана — участники ШОС и территориально, и по численности населения составляют подавляющее большинство на планете Земля…

Глава 6
ПОЗНАВАЯ ОТЕЧЕСТВО ЗАНОВО

Сформулировав и многократно обосновав исходные принципы своего учения, Л. Н. Гумилёв внес существенные коррективы в понимание всемирной и русской истории. Его концепция в целом самобытна и оригинальна. Суть ее заключается, как нетрудно понять, в рассмотрении исторических событий сквозь *призму этнологии и пассионарной теории,* что, как правило, приводило к нетривиальным выводам. Многие из них подверглись суровой и нелицеприятной критике. Бурные и далеко не всегда объективные споры не утихают и по сей день. От выстраданных и подчас в пух и прах раскритикованных положений Гумилёв никогда не отказывался, напротив — всякий раз старался найти все новые и новые аргументы в свою пользу. И почти всегда это ему удавалось.

Он сроднился с миром истории, писал о ней так, как будто сам был участником описываемых событий, или, как трезвый сторонний наблюдатель, вскрывал историческую подоплеку произошедшего в далеком или недавнем прошлом. Свою долгую и не всегда счастливую любовь к Прекрасной Даме Истории (так он ее иногда называл) Гумилёв оценивал так: «За всю жизнь история не принесла мне (материальной. — В. Д.) пользы, а принесла много горя и чистую радость, без денег». В самом деле, всю титаническую работу по написанию, подготовке к печати и опубликованию большинства своих фундаментальных трудов Лев Николаевич проделал, получая достаточно скромную зарплату старшего научного сотрудника и проживая в стесненных условиях коммунальной квартиры.

Нередко его посещали гениальные интуитивные откровения, и он, не всегда догадываясь, что это был зов ноосферы, старался подвести под любое провидческое озарение эмпирический базис. Тем самым он одновременно демонстрировал и доказывал бесплодность вульгарного социологизма в исследованиях этноса как природного явления и бесперспективность абстрактных схем и подходов при изучении исторических процессов. Такой подход привлек на его сторону симпатии множества читателей. В середине 80-х годов XX столетия началось повальное увлечение книгами и статьями Гумилёва. Сам автор, между прочим, расценивал всплеск массового интереса к собственной концепции этногенеза и теории пассионарности достаточно осторожно. Вот

что, к примеру, писал он летом 1991 года:

«Сегодня день нашего Отечества явил небывалый всплеск интереса самых различных людей к истории. Однако вполне естественный интерес читателей к истории своего народа часто ведет по дороге искреннего заблуждения. Желая понять свою историю, люди подсознательно переносят на исторический процесс закономерности, свойственные жизни индивида. Зачастую начинается поиск прародины прародителей по принципу: чем древнее и экзотичнее, тем лучше. Но, увы, историческая жизнь народов неизмеримо сложнее, а значит, ярче и красочнее, чем представляется любителям древности, далеким от проблем науки <…>».

От себя добавлю: скептическое высказывание Гумилёва вовсе не исключает вполне научного исследования корней и истоков современных народов, имевших в далеком прошлом общую прародину и представлявших собой некое этнолингвистическое и социокультурное целое [55].

Он не смог сказать ничего определенного даже тогда, когда его ученик Абрар Гибадуллович Каримуллин выдвинул оригинальную и лингвистически хорошо обоснованную гипотезу о дальнем родстве татар (в лице прототюрков) и североамериканских индейцев. Былое единство разных по языку и происхождению народов Лев Николаевич предпочитал рассматривать в культурологическом и религиозном аспектах. Так, неоднократно возвращаясь к генезису древнетибетской религии *бон* (предшествовавшей буддизму), он вместе со своим другом и единомышленником, ученым-тибетологом и монголоведом Брониславом Ивановичем Кузнецовым (1931—1985) установил *общие корни* боннской (древнетибетской) и зороастрийской (древнеиранской) религий, указал на реминисценции древнеарийского солнцебога Митры в традиционных тибетских верованиях. Однако дальше констатации взаимовлияния древних религий и идеологий ни Гумилёв, ни его соавтор не шли. Между тем у данной проблемы имеется иной более глубокий аспект — следы древнейшего этнолингвистической и социокультурной общности, восходящей к эпохе, условно именуемой гиперборейской (когда единый протоэтнос обитал в совершенно иных регионах, позже мигрировав в места нынешнего расселения).

Несколько ранее Гумилёв утверждал: «То, что патриотически настроенного автора интересует история Отечества — закономерно, равно как и то, что его отношение к традиционной историографии может быть не только критичным, но и скептичным. Каждый исследователь имеет право на

оригинальные суждения, а читателя интересует лишь, насколько новая концепция убедительнее прежней. В науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычны они ни были».

По Гумилёву, историю России, изложенную в этнологическом аспекте, невозможно представить в виде линейного процесса, идущего от Рюрика до наших дней. События этногенезов народов нашего отечества составляют историческую канву жизни по крайней мере двух разных суперэтносов. И в этом смысле необходимо различать историю Древней Киевской Руси (с IX до XIII века, включая историю Новгорода до его падения в XV веке) и историю Московской Руси (с XIII столетия до наших дней). Оба этапа, по Гумилёву, хорошо укладываются в разработанную им общую схему — от фазы пассионарного подъема до обскурации. Ключевым же периодом для понимания отечественной исторической судьбы являются три века: XIII, XIV и XV, — когда русская действительность формировалась как результат интерференции (наложения) двух разных процессов этногенеза. Финальная фаза этногенеза Киевской Руси сочеталась с начальным, инкубационным периодом истории будущей России, и это сочетание придало столь трагическую окраску времени Александра Невского, Дмитрия Донского и Василия Темного.

Изложение русской истории Гумилёв начинал достаточно традиционно, опираясь на «Повесть временных лет» в интерпретации академиков А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева. Хронологически начальная история Руси, согласно данной концепции, сопрягалась с расселением древних славян в Восточной Европе и на Балканах. Что было до того — такой вопрос даже не ставился, хотя всем прекрасно было известно, что прапредки славян, как и других индоевропейских народов, некогда имели общую прародину и существовали в составе нерасчлененной этнолингвистической и социокультурной целостности. Что она из себя представляла, где территориально располагалась, в течение каких временных сроков распадалась, каковы были конкретные пути древнейших арийских миграций — эти и другие им подобные вопросы оставались за пределами интересов и изысканий Льва Николаевича.

Очень трудно также согласиться и с его трактовкой происхождения русского этноса, чье название якобы идет от имени *германского* племени *русов* (они же *росы, рушены, руги, рузы*), соседствовавших со славянами. (Этих «*германорусов* » можно считать также скандинавами, поскольку скандинавские языки являются разновидностью германских.) Такой подход мало чем

отличается от позиций приверженцев «норманнской теории», например Н. М. Карамзина (1766—1826), считавшего древних русов шведами. В действительности этноним русы (*русские*) восходит к языку нерасчлененной арийской этнолингвистической общности и созвучен с точно такими же словами в санскрите, где они означают понятия «светлый» и «ясный»: отсюда восходящее в древнеарийской лексике и современное слово «русый» (то есть «светлый»), перенесенное на оттенок волос, наиболее характерный для русского народа.

Арийские племена, мигрировавшие в древнюю эпоху по просторам Евразии, оставили повсюду топонимические следы своего пребывания в виде названия поселений, рек, озер, урочищ и т. п. Топонимы и гидронимы с корнем «рус» («руз», «рос» и др.) разбросаны повсюду — от Северного Ледовитого океана до Индийского и от Атлантического до Тихого (в обилии встречаются они, к примеру, на Аравийском полуострове). В этом смысле название старинного подмосковного городка Руза, расположенного на берегах одноименной речки, восходит к наидревнейшей эпохе общеиндоевропейского языкового и этнического единства, обусловлено древнеарийскими миграциями и не имеет отношения ни к каким «шведам» (вариант – «балтам»).

Миграционную же картину, нарисованную Гумилёвым, лично я отношу не к *изначальному* , а к некоторому *промежуточному* периоду этногенеза, которому предшествовала эпоха единой этнолингвистической и социокультурной целостности, о которой еще в Библии говорится: «На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11, 1). Вообще же по проблеме древних миграций Лев Николаевич высказался однажды кратко, просто и недвусмысленно: «Все народы когда-то откуда-то пришли <…>» В этой лапидарной фразе, по-видимому, и кроется истина…

Гумилёв, как никто другой, досконально и насколько возможно глубоко проанализировал контакты на территории нынешней России славян и других древних этносов, в особенности готов, гуннов, балтов, утро-финнов, хазар, булгар, половцев, других кочевых и оседлых народов — вплоть до появления на просторах Восточной Европы татаро-монголов. Эти вопросы ученый затрагивал почти во всех своих трудах. Своеобразным итогом многолетних размышлений и изысканий стала книга «Древняя Русь и Великая степь» (М., 1989) с предисловием академика Д. С. Лихачева, где говорилось:

«На представленных страницах Л. Н. Гумилёв предлагает своим читателям увлекательный (как всегда, у него) опыт реконструкции русской истории IX—XIV вв. Это именно

реконструкция, где многое раскрывается благодаря воображению ученого. Такой опыт реконструкции, даже не будучи во всем достоверен, имеет все права на существование. Если идти вслед за бедными источниками, посвященными этому времени, устанавливать только то, что может быть установлено с полной достоверностью, то все равно мы не гарантированы от недопонимания истории, ибо историческая жизнь несомненно богаче, чем это можно представить только по источникам. И все-таки любое, самое строгое, следование за источниками невозможно без элементов реконструкции. У Л. Н. Гумилёва элементов реконструкции больше, чем у других историков, стремящихся к "усредненности" выводов, но в этом и преимущества Л. Н. Гумилёва. Он обладает воображением не только ученого, но и художника. <…>

Книга Л. Н. Гумилёва читается как роман. Автор имеет право на такого рода "роман", — сейчас это крупнейший специалист по трактуемым вопросам. Концепция Л. Н. Гумилёва не столько расходится с существующей точкой зрения на взаимоотношения Руси и Степи, сколько перекрывает эту точку зрения, демонстрируя всю сложность ситуации. Конечно, с Л. Н. Гумилёвым можно спорить по отдельным частностям, но стоит ли это делать? Надо дать возможность Л. Н. Гумилеву в короткой (иногда кажется, даже кратчайшей) форме изложить свою концепцию. Концепция же Л. Н. Гумилева имеет одну очень важную сторону: она смягчает то противопоставление народов Востока и Руси, которое имеет место до сих пор. И это сделано с огромными знаниями, которые ощущаются за каждой строкой книги. В этом концепция Л. Н. Гумилева, как мне кажется, целиком соответствует основной идее понятия «дружба народов». <…> Эта книга — весомый вклад в развитие отечественной, и не только отечественной, истории. Впрочем, значение ее выходит далеко за рамки традиционного понимания истории как науки. Книга Л. Н. Гумилева, безусловно, станет заметным явлением нашей культурной жизни».

Главная мысль, красной нитью проходящая через все исследование, — история кочевых этносов, которых судьба в разное время разбросала по необъятным просторам России – такая же неотъемлемая часть ее прошлого, как история других народов. В данной связи Л. Н. Гумилёв отмечал: «Анализируя этническую историю Руси—России, необходимо принимать во внимание этногенезы всех народов нашей Родины. Каждый из этих этносов, обладая своим этническим возрастом и соответствующим ему пассионарным потенциалом, оказывал мощное влияние на ход этногенеза всего суперэтноса. И, только

учтя весь спектр этнических контактов и их социальных последствий, можно приблизиться к истинному представлению о прошлом Отечества».

«Древняя Русь и Великая степь» явилась подлинным прорывом на научном и издательском фронтах: впервые труд Гумилёва был опубликован, казалось бы, достаточным, 50-тысячным, тиражом. Несмотря на дополнительные заводы (допечатки), книга моментально исчезла с полок магазинов, а в библиотеках за ней выстроились гигантские очереди. В дальнейшем она неоднократно переиздавалась и по сей день остается бестселлером книжного рынка и фаворитом читательского спроса. Традиционные для ученого вопросы выводятся здесь на уровень глобального обобщения. Скажем, анализ причин распада Восточной и Западной Церквей позволяет представить проблему в более общем ключе: что же такое вообще представляет собой КОНЕЦ ЭПОХИ? «Что такое "конец эпохи"? — спрашивает Гумилёв. — Современники его ждут, но не замечают, так как он происходит не за несколько дней, а в течение десятилетий. Так, католики с ужасом ждали 1000 года, думая, что придет конец света. Ничего не произошло, и все об этом забыли. Но именно после 1000 г. распалась на две части единая христианская церковь, исчезли последние реликты Великого переселения народов, началась активная война между исламом и "христианским миром" и многое другое <…>. Современникам мешала аберрация близости, но для нас смена ритмов очевидна».

Актуальность темы оказалась более чем очевидной: страна вплотную приблизилась к очередному и болезненному «концу эпохи» — смене формаций, распаду великой евразийской державы — СССР — и восточноевропейского социалистического лагеря. Особенно сильный удар пришелся по славянству: миллионы русских, оставшихся «за границей» кровавый распад бывшей Югославии, рост сепаратистских настроений внутри самой России. Это дало основание Льву Николаевичу назвать исторический отрезок русской трагедии, до которого ему довелось дожить, периодом безвременья. «Период безвременья, точнее — межвременья, всегда тяжел!» — подытоживает историк. Как неизбежное следствие — отсутствие вождей-пассионариев, талантливых и просто честных руководителей, для которых на первом месте не собственные шкурные интересы, а благосостояние и благоденствие народа.

* * *

Лев Николаевич разделял представления евразийцев, касающиеся истории Киевской Руси и ее роли в становлении государства Российского. Н. С. Трубецкой, в частности, писал: «Господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой "Киевской Руси", вряд ли может быть признан правильным. То государство, или та группа мелких, более или менее самостоятельных княжеств, которых объединяют под именем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством. Киевская Русь была группой княжеств, управляемых князьями варяжской династии и расположенных в бассейне трех рек, которые почти непрерывной линией соединяют Балтийское море с Черным, и Начальная летопись совершенно точно определяет географическую сущность этого государства как "путь из Варяг в Греки". Площадь этой Киевской Руси не составляла и двадцатой доли общей площади той России, в которой родились все мы. Киевская Русь не только не была по территории своей тождественна хотя бы с так называемой "Европейской Россией", но даже не являлась на территории этой Европейской России самой значительной единицей в политическом или хозяйственном отношении <…>».

По мысли евразийцев, историческая модель под названием «Киевская Русь», с одной стороны, оказалась достаточно абстрактной и не соответствовавшей действительным реалиям прошлого, с другой – она в принципе не могла сыграть консолидирующую роль для разношерстного конгломерата, постоянно враждовавших между собой удельных княжеств, стремящихся к независимости от великого князя, сидевшего в Киеве. В условиях раздробленности никакого реального прогресса и процветания не было и быть не могло. Колыбелью российской государственности с равным основанием следует признать Новгород Великий, который, собственно, и делегировал Киеву первых князей и до присоединения в XV веке к Московскому централизованному государству продолжал занимать важное место на арене российской и евразийской истории. Вот почему средневековую эпоху Руси правильнее было бы именовать *историей Новгородско-Киевской Руси.*

Великий город на Волхове долгое время играл заметную (а подчас — решающую) роль в русской истории, за что в конце концов и получил относительную вольность. Даровал ее феодальной республике на Волхове Ярослав Мудрый, сын крестителя Руси — князя Владимира. Заслуга новгородцев в общем-то вполне стоила того: они выставили 40 тысяч (!)

ратников, кои помогли Ярославу вместе с варягами-наемниками одолеть брата Святополка (убийцу Бориса и Глеба, прозванного за то Окаянным) и занять Киевский престол. В эти страшные междоусобные времена первой на Руси гражданской войны новгородцы еще именовали себя словенами, то есть насельниками Словенской земли, названной так по имени первой столицы Словенска Великого, на развалинах (точнее — пепелище) которой был воздвигнут Великий Новгород. Затем наступил «темный век» новгородской истории: более чем на столетие о жизни Новгородской республики, освободившейся от великокняжеского диктата, практически почти ничего не известно. Кто держал в руках Новгородскую Первую летопись старшего извода, знает: начало ее попросту выдрано, а на последующих сохранившихся страницах описываются в основном события в Киеве. Не сохранились даже тексты дарованных Ярославом основополагающих документов — «Правды» и «Устава», где были сформулированы принципы и юридические нормы новгородского народоправства: то ли грамоты были надежно спрятаны во времена соперничества с Москвой, то ли их уничтожили опричнина Ивана Грозного.

В XIII веке Новгородская республика достигла пика своего расцвета и могущества. Отражение католической экспансии, разгром шведов в битве на Неве и немцев с ливонцами на льду Чудского озера, блестящая воинская, государственная и дипломатическая деятельность Александра Невского, его мудрая политика в отношении Золотой Орды — все это славные страницы не только новгородской, но и общероссийской истории. Однако, как это обычно случается, последующие поколения не смогли приумножить или хотя бы закрепить достигнутое. Начался застой, а затем и разложение. Псевдодемократические нормы поведения, искусно регулируемые городской элитой и агентами польско-литовского ливонского и шведского влияния, культивируемые в своих собственных интересах, только усугубили ситуацию и привели к тому, что уже в следующем, XIV веке в условиях перманентной княжеской междоусобицы идеалом новгородской вольницы вместо общерусского патриотизма стали шкурничество, сепаратизм и разбой.

На передний план выдвигается криминальная личность средневекового бандита — ушкуйника, изменившего христианским заповедям, грабившего и сжигавшего повсюду русские города, вырезавшего поголовно все мужское население и продававшего мусульманским и иудейским работорговцам молодых женщин и девушек. Деяния сих «рыцарей ножа и топора», перемещавшихся на многовесельных ладьях-ушкуях по

русским рекам, мало чем отличались от зверств любых иноземных карателей…

Понятно, что неуправляемая и бесконтрольная вольница, по непонятным причинам отождествляемая некоторыми историками со свободой и демократией, нуждалась в немедленном обуздании. Тем более что Новгород, а вслед за ним и Псков, недовольные укреплением Москвы, затеяли опасные политические интриги и возымели серьезное намерение поступиться общероссийскими интересами и присоединиться либо к Литве, либо к Ливонии, либо к Швеции. Дабы покончить с сепаратистскими настроениями (которые, к чести новгородцев и псковичей, разделяли далеко не все), требовались бескомпромиссная политическая воля и твердая самовластная рука. Таковая вскоре нашлась: Иван III (Великий) и Иван IV (Грозный) навсегда отбили охоту у новгородских и псковских псевдодемократов торговать интересами государства Российского.

Какой крови это стоило – хорошо известно из летописей и мемуарных источников. Московские летописцы не пожалели ярких красок и возвышенных слов в похвалу авторитетному и грозному властителю государства Российского Ивану, заслуженно прозванному Великим. Авторы летописей точно прониклись тем общим пассионарным духом, который был присущ самому царю Ивану III, его ближайшим сподвижникам и всему московскому люду, что ковали мощь и величие Российской державы. Особенно наглядно это проявилось во время борьбы с новгородским сепаратизмом, когда независимая и богатая феодальная республика на Волхове в своем соперничестве с Москвой дошла до последнего предела и готова была, поступясь общерусскими интересами, перейти в подданство к польскому королю. Вождем и идейным вдохновителем антимосковской партии волею случая стала вдова новгородского посадника Марфа Борецкая и ее дети. Правда редко бывает на стороне государственных изменников и предателей. Так случилось и с новгородскими самостийниками.

Идею государственного централизма в полной мере смогла реализовать только Московская Русь, да и то — опираясь на достижения имперского строительства Чингисхана и Золотой Орды. Именно в новгородской эпопее наглядно проявилось пассионарное воодушевление москвичей, которое переломило апатию во много раз превосходящего большинства новгородцев. Последние думали прежде всего о своей мошне, первые — об интересах родины. Победоносный клич «Москва! Москва!», прозвучавший впервые на реке Шелони 14 июля 1471 года, на долгие десятилетия стал главенствующим на всей необъятной территории новой и разрастающейся вширь России. Усмирение и

умиротворение Новгорода сопровождались жесточайшими репрессиями. Летописцы сообщают о них с леденящими душу подробностями. После Шелонской битвы на пепелище Старой Руссы великий князь Московский самолично учинил показательную расправу над приверженцами новгородской самостийности и сторонниками Марфы-посадницы.

Но, похоже, иного лекарства против воинствующего сепаратизма, кроме применения силы, история просто не знает (о чем, между прочим, свидетельствуют и события уже нашего времени). Ведь новгородцы не внимали словам разума и убеждения. Увещевательных грамот им было отправлено предостаточно. И если бы царь Иван проявил мягкость или нерешительность и дальше продолжал слать грамоты и ждать когда их обсудит вече и примет решение путем голосования, то сегодня бы Новгород (а вслед за ним и Псков) входил бы в состав Шведского королевства или Польши, а внешняя граница России проходила бы невдалеке от Москвы, где-нибудь под Можайском (как это и было в середине XV века). Впрочем, пришлось, опережая события, несколько забежать вперед, хотя в этом большой беды нет: повествование настоящей главы двигается не только историческим (хронологическим), но и логическим путем…

* * *

Гумилёв развеял ряд исторических мифов, по сей день бытующих в учебной и справочной литературе и касающихся соседей Руси, например *половцев* . В обыденном сознании закрепилось представление о них как о типичных кочевниках, вихрем налетающих на врагов и так же быстро испаряющихся в степи. В действительности (и Гумилёв это блестяще показал) основу хозяйства у половцев составляло не коневодство (как у печенегов или татаро-монголов), а скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота. Отсюда их медленное кочевание по степи в телегах, запряженных волами с обязательными затяжными остановками на зимовье (что также требовало подходящих условий). Что касается их набегов на русские княжества, то Гумилёв подсчитал на основании данных Лаврентьевской летописи: за 180 лет (с 1055 по 1236 год) половцы нападали на Русь 12 раз и столько же раз нападали на половцев русичи. Зато совместных «операций» оказалось значительно больше — 30 (один только Владимир Мономах

приводил половцев на Русь 19 раз). У русских князей в непрекращающихся междоусобных войнах стало почти правилом приглашать половцев для борьбы с соперниками. Плата же за союзнические услуги обычно была самая простая — кочевникам отдавали на разграбление русские земли.

Естественно, что во время подобных акций кровь лилась рекой, а жестокость не знала предела. Но жестокость по отношению к противнику — закономерное и неизбежное следствие всякой войны. Причем национальность противоборствующих сторон не имеет никакого значения. Русские дружинники и ополченцы по отношению к соотечественникам подчас были более жестокими, чем степняки-инородцы. Для сравнения достаточно привести сведения из Ипатьевской летописи о взятии Киева армией Андрея Боголюбского и ордой хана Батыя (спустя неполных семь десятилетий).

Сначала в трехдневном погроме, учиненном владимиро-суздальскими войсками: «В лето 6679 (1171). <…> Взят Киев, месяца марта в восьмой день, на второй неделе поста в среду, и грабили в течение двух дней весь город, Подолье и Гору, монастыри, Св[ятую] Софию, Десятинную Богородицу, и никому не было пощады: церкви горели, христиан убивали, других вязали, жен уводили в плен, насильно разлучая от мужей своих, младенцы плакали, смотря на своих матерей, захватили множество добра, в церквях ограбили иконы, ризы и книги и все колокола вынесли Смоляне, Суздальцы, Черниговцы и Олегова дружина; были захвачены все святыни; погаными был зажжен Печерский монастырь, но Бог сохранил его от такого зла. В Киеве у всех людей стоял стон, горе и скорбь неутешная и слезы непрестанные. Эхо все случилось ради наших грехов» (перевод с древнерусского).

Действия татаро-монголов в той же Ипатьевской летописи описаны более сдержанно: «В лето 6748 (1240). Пришел Батый к Киеву с большой силой, со множеством своих воинов окружил город. <…> Поставил Батый стенобитные орудия к городу подле Ляшских ворот (туда подступали дебри). Орудия били беспрестанно день и ночь, пробили стены; взошли горожане на разбитые стены, и было там видно, как ломались копья, как разбивались на куски щиты и стрелы помрачали свет. [Горожане] были побеждены, а Дмитр [воевода] был ранен. Татары взошли на стены и сидели там; в тот день и ночь горожане построили снова другую стену около Богородицы [Десятинной церкви]; на другой день [татары] пошли приступом на них, и был между ними сильный бой; люди взбежали на церковь и на церковные своды со

своим имуществом; от тяжести завалились с ними церковные стены; город был захвачен. Димитра вывели раненым и не убили по причине храбрости» (перевод с древнерусского). Трудно сказать, какой эпизод красноречивее — жестокости явно больше в первом. Отношение же Батыя к воеводе Дмитру выглядит вообще как в рыцарских романах: от соплеменников он вряд ли бы дождался такого благородства…

Сказанное вполне соответствует главной идее Л. Н. Гумилёва в понимании данного вопроса: в результате татаро-монгольского нашествия и последовавшего вслед за тем так называемого 300-летнего «ига» в действительности было положено начало формированию симбиоза двух народов — татарского и русского, что привело в конечном счете к формированию *российского суперэтноса* . Однако такой подход вызвал категорическое неприятие со стороны научной и писательской общественности.

В начале 80-х годов XX столетия широкую известность среди разных категорий читателей получил роман-эссе Владимира Чивилихина «Память», распечатанный миллион тиражом в популярном издании «Роман-газета» и получивший Государственную премию. Писатель, выполняя, судя по всему, «социальный заказ» высших идеологических и станций, обрушился с критикой на историческую концепцию Л. Н. Гумилёва и евразийства вообще — в особенности по вопросу татаро-монгольского нашествия. Аргументация автора выглядела поверхностной и была рассчитана главным образом на эмоции. Сегодня, спустя четверть века, замшелым анахронизмом веет от таких, к примеру, пассажей В. Чивилихина:

«<…> "Отражение реальной истории в исторической литературе нельзя назвать зеркальным!" — восклицает Л. Н. Гумилёв, убедительно подтверждая это бесспорное положение собственными работами, и продолжает пользоваться любым случаем, чтобы тиражировать свои "открытия" о причинах грабительских войн, "пассионарности", политическом союзе и даже — внимание, читатель, сверхновая идефикс! — "этническом симбиозе" Руси с Золотой Ордой в XIII веке и прочем-прочем, внеисторическом и внесоциальном. Попутно напомню любознательному читателю, что после Великой Октябрьской революции группа белоэмигрантов образовала за рубежом так называемую школу "евразийцев", которые не признавали объективных законов развития общества, преувеличивали роль религиозных, психологических, природных, этических и этнических факторов в истории, отрывали домонгольскую Русь от последующего процесса становления нашей государственности, полностью игнорировали самостоятельный экономический,

социальный, политический и культурный опыт Киевской Руси, пытаясь лишить русский народ его исторических и национальных корней».

Самое скверное и обидное: Лев Николаевич не имел абсолютно никакой возможности по достоинству ответить своим вошедшим в раж оппонентам. Отправленные в редакции различных журналов письма клались под сукно, на обстоятельные контраргументы автора не обращалось никакого внимания, хотя сам Гумилёв получал десятки и сотни писем в свою поддержку. Из далекой Монголии писатель и академик Б. Ринчен (1905—1977) пытался поддержать своего русского друга: «<…> Вы слишком близко к сердцу воспринимаете людское невежество, зависть и все злое, исходящее от этого. Вы должны быть достойны именно своего «Лев»! И работать, делать то, что велит ученому делать его высокий долг Человека, поднявшегося над стадом двуногих <…>. Помните, что путник в долгой дороге не считается с собаками стойбищ, его встречающими и провожающими».

* * *

Российская история, по Гумилёву, как уже было сказано, распадается на две части — историю Древней Руси и историю Московской Руси (России) в соответствии с двумя пассионарными толчками и последовавшим за ними полным перечнем стадий (фаз) этногенеза. Первый пассионарный толчок произошел на территории Евразии в I веке новой эры, привел к взрыву этногенеза многих индоевропейских и неиндоевропейских этносов, включая прапредков славян, и завершился Великим переселением народов[56].

Появление славян на исторической арене, их дифференциация на восточную, западную и южную ветви, поселение на ныне известных территориях относятся к 300—600 годам новой эры. Это совпало с акматической стадией этногенеза, образованием суперэтноса и распространением его в пределах своего ландшафтного ареала. Фаза надлома пришлась на 600—800 годы, она оказалась связанной с резким снижением пассионарности суперэтноса и завершилась окончательным распадом славянского единства и образованием отдельных раннеславянских государств. 800—1100 годы в русской истории — это уже инерционная фаза развития, которая ознаменовалась дальнейшим снижением пассионарности суперэтноса и созданием

восточноевропейского славянского государства — Киевской Руси, ее христианизацией с последующим расцветом культуры и ростом благосостояния народа.

Фаза обскурации 1100—1300 годов продолжила падение пассионарной энергии, привела к разрушению системных связей и ознаменовалась распадом монолитного государства — Киевской Руси — на удельные княжества, находившиеся друг с другом в непрерывных междоусобных конфликтах. В конечном счете искусственно раздробленный этнос попал под влияние Орды и Литвы. Завершает этногенетический цикл древнерусской истории мемориальная фаза, приходящаяся на 1300-1480 годы и приведшая к окончательной утрате этнического единства и трансформации культурной традиции.

Этногенетическая история Московской Руси, по Гумилёву, первоначально сопряжена с предшествующими стадиями этногенетического развития. Около 1200 года на территории Московии произошел очередной пассионарный взрыв и уже к 1380 году сформировался новый этнос, традиционно именуемый русским, образованный, однако, путем включения в свой состав не только славян, но и татар, литовцев и финно-угорских народов. Этот период ознаменовался созданием Великого княжества Московского, трансформировавшегося к 1500 году в Московское царство. Москва сумела в конце XIV — начале XV века возглавить обновленную пассионарным толчком Россию и вывести ее из состояния вассала Орды на широкий путь самоутверждения. Этому во многом способствовали религиозная терпимость к аборигенам и хорошее (безо всякого этнического превосходства) отношение к ним.

Триста лет (от 1500 до 1800 года) потребовалось, чтобы окончательно объединить под властью Москвы народы, жившие на просторах Евразии — от Прибалтики до Тихого океана. При этом многие из народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока поучаствовали в становлении генетически обновленного российского этноса. После 1800 года снова наступила фаза надлома, характеризующаяся снижением пассионарности и нарастанием внутренних конфликтов. Но это не исключало из русской жизни значительных и великих событий, составивших ее гордость.

* * *

Особое значение во всех своих исследованиях Гумилёв

придавал пассионарности славянского этноса. В указанном аспекте данные Гумилёвым объяснения многих событий российской истории представляются наиболее впечатляющими и убедительными. Особенно наглядно и ярко результаты очередного пассионарного толчка проявились при становлении Московской державы (о чем отчасти уже говорилось выше). Совсем не случайно начиная с XIV века полюс российской пассионарности стал постепенно перемещаться в Москву. Москве просто на роду было написано стать ноосферным и геополитическим центром Русского государства, что обусловлено ее географическим, геофизическим и космопланетарным положением. Все остальное — производное от данного факта и сопутствующих ему обстоятельств. Еще в XIX веке русские ученые-естествоиспытатели выдвинули идею, что само географическое положение Москвы, связанное с котловинным характером природного ландшафта, сыграло решающую роль в превращении ее в столицу – сначала княжества, а затем царства и империи.

Пассионарная вспышка, помноженная на энергетику сакрального места, и привела к появлению уникального социума, который вошел в мировую историю под названием Московского царства. Потенциальных и реальных пассионариев (князей, духовных пастырей, вдохновенных художников и подвижников), которые подсознательно ощущали внутреннюю энергетику матери-земли и благотворное излучение Космоса, постепенно как магнитом перетянуло в Московский геоактивный регион с его повышенной телурической энергетикой и оптимальными возможностями ноосферных контактов. С Москвой так было всегда: стоило только здесь появиться пассионарной личности, как она находила благодатную почву для великих дел. Лучший (но не единственный) пример — великий князь Дмитрий Иванович Донской (1350—1389). Типичный пассионарий, рожденный в Москве (и умерший здесь же), он подпитывался энергетикой родной земли и родного города. Именно он — и никто другой — оказался единственным вождем, способным сплотить русских людей вокруг Москвы и привести их к победе над Золотой Ордой. Хрестоматийные примеры лучшее тому подтверждение.

Как известно, за три года до Куликовской битвы великому князю Дмитрию Ивановичу (тогда еще не имевшему прозвание Донского) удалось убедить других князей выступить против золотоордынского воинства. На Нижегородскую землю он привел дружины из Москвы, Владимира, Ярославля, Юрьева, Мурома, Переяславля, но сам вскоре возвратился домой, доверив

управление своему тестю — нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. То, что случилось потом, получило название как побоище на реке Пьяне (приток Суры, впадающей в Волгу). Река Пьяна вообще имеет какой-то мистический облик: на местности (и соответственно на карте) она образует петлю — так, что исток оказывается почти вблизи устья. Роковое же сражение, произошедшее в этой «петле», подробно описано в Симеоновской летописи под годом 6885-м (1377-м):

«И собралось великое войско, и пошли они за реку за Пьяну. И пришла к ним весть о том, что царевич Арапша на Волчьей Воде. Они же повели себя беспечно, не помышляя об опасности: одни — доспехи свои на телеги сложили, а другие – держали их во вьюках, у иных сулицы оставались не насаженными на древко, а щиты и копья не приготовлены к бою были. А ездили все, расстегнув застежки и одежды с плеч спустив, разопрев от жары, ибо стояло знойное время. А если находили по зажитьям мед или пиво, то пили без меры, и напивались допьяна, и ездили пьяными. Поистине — за Пьяною пьяные! А старейшины, и князья их, и бояре старшие, и вельможи, и воеводы, те все разъехались, чтобы поохотиться, утеху себе устроили, словно они дома у себя были.

А в это самое время поганые князья мордовские подвели тайно рать татарскую из мамаевой Орды на князей наших. А князья ничего не знали, и не было им никакой вести об этом. И когда дошли наши до Шипары, то поганые, быстро разделившись на пять полков, стремительно и неожиданно ударили в тыл нашим и стали безжалостно рубить, колоть и сечь. Наши же не успели приготовиться к бою и, не в силах ничего сделать, побежали к реке к Пьяне, а татары преследовали их и избивали.

И тогда убили князя Семена Михайловича и множество бояр. Князь же Иван Дмитриевич, жестоко преследуемый, прибежал в оторопи к реке Пьяне, бросился на коне в реку и утонул, и с ним утонули в реке многие бояре и воины, без числа погибло народа. Это несчастье свершилось второго августа, в день памяти святого мученика Стефана, в воскресенье, в шестом часу пополудни.

Татары же, одолев христиан, стали на костях и весь полон: и все награбленные богатства здесь оставили, а сами пошли изгоном, не подавая вестей, на Нижний Новгород. У князя же Дмитрия Константиновича не было войск, чтобы выйти на бой с ними, и он побежал в Суздаль. А новгородские жители убежали на судах вверх по Волге к Городцу.

Татары же пришли к Нижнему Новгороду пятого августа, в среду, в день памяти святого мученика Евсигния, накануне Спасова дня, и оставшихся в городе людей перебили, а город весь, и церкви, и монастыри сожгли, и сгорело тогда в городе тридцать

две церкви. Ушли же поганые иноплеменники из города в пятницу, разоряя нижненовгородские волости, сжигая села, и множество людей посекли, и бесчисленное количество женщин, и детей, и девиц повели в полон <…>».

Практически то же самое повторилось спустя пять лет, то есть через два года после Куликовской битвы, когда после полного разгрома Мамая в 1382 году на Русь двинулась орда хана Тохтамыша. Дмитрий (теперь прозванный Донским) срочно выехал из Москвы на сбор рати, но татары, не без помощи предателей-князей обойдя русские войска, неожиданно появились под московскими стенами и осадили город. В отсутствии великого князя москвичи растерялись, проявили малодушие, поверили лживым обещаниям Тохтамыша, который поклялся через русских посредников не трогать города, и отворили ворота. Что произошло дальше зафиксировала Новгородская (Карамзинская) летопись:

«И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них: убит был князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, и игуменов, хотя и были они в ризах и с крестами, и черных людей. И можно было тут видеть святые иконы, поверженные и на земле лежащие, и кресты святые валялись поруганные, ногами попираемые, обобранные и ободранные. Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на заборолах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили — лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и негде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных затворились, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли. Везде крик и вопль был ужасный, так что кричащие не слышали друг друга из-за воплей множества народа. Татары же христиан, выволакивая из церквей, грабя и раздевая донага, убивали, а церкви соборные грабили, и алтарные святые места топтали, и кресты святые и чудотворные иконы обдирали, украшенные золотом и серебром, и жемчугом, и бисером, и драгоценными камнями; и пелены, золотом шитые и жемчугом саженные, срывали, и со святых икон оклад содрав, те святые иконы топтали, и сосуды церковные, служебные,

священные, златокованые и серебряные, драгоценные позабирали, и ризы поповские многоценные расхитили. Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквах до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради — те все до единой погубили. Что же говорить о казне великого князя,— то многосокровенное сокровище в момент исчезло и тщательно сохранявшееся богатство и богатотворное имение быстро расхищено было».

Можно ли сомневаться, что стержнем и нервом исторического процесса всегда выступает пассионарная личность? Это доказывает практически каждый шаг Дмитрия Донского. Но его звездным часом и кульминацией всей подвижнической и полководческой деятельности, безусловно, стала Куликовская битва — судьбоносное событие русской истории. Она целиком и полностью завязана на пассионарную уникальность личности великого князя Московского, его ноосферное чутье и почти мистическое воздействие на народные массы: есть Дмитрий — народ велик, нет Дмитрия — народ жалок. Сама Куликовская битва (как впрочем, и другие ей подобные эпохальные события, сконцентрировавшие максимум людской воли и энергии) принадлежит не только далекому прошлому, но также настоящему и будущему. Она оставила неизгладимый ноосферный след, скорректировав по крайней мере, если только не направив в другое русло самый характер ноосферного воздействия космоэнергетической, психофизической и биосферной реальности на конкретные поступки отдельных людей и народных масс.

Ноосферную предустановленность и обусловленность Куликовской битвы ощущали и ее современники. В «Сказании о Мамаевом побоище», написанном почти по горячим следам, содержится поразительный фрагмент, когда мать–земля перед Куликовской битвой плачет о детях своих – русских и татарах, которым только еще предстоит погибнуть в кровавой сече. Один из сподвижников князя Дмитрия Донского — Дмитрий Волынец приник к земле правым ухом и услышал «землю, рыдающую двояко: одна сторона точно женщина громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень». Найдется ли в мировой литературе аналогичный образ, где бы будущие победители жалели своих лютых врагов? Но главное в другом: подобная мысль могла родиться, только пройдя через глубины ноосферы и через прямое взаимодействие с ней.

Куликовская битва — яркий маяк отечественной истории,

видимый отовсюду, с любой ее близкой или отдаленной точки. Л. Н. Гумилёв убедительно доказал ее пассионаро-энергетическое значение для сплочения народов России и превращения их в новый исторический этнос. Он подытоживал: «<…> Победа была одержана, но потери русских оказались очень велики: из 150 тысяч человек в строю оставалось 30 тысяч, 120 тысяч погибло или было ранено. Однако жертвы эти были не напрасны. Этническое значение происшедшего в 1380 г. на Куликовом поле оказалось колоссальным. Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах. И потому в этнической истории нашей страны Куликовская битва считается тем событием, после которого новая этническая общность – Московская Русь – стала реальностью, фактом всемирно-исторического значения». «Русский этнос, — заканчивал Гумилёв свою мысль в другой работе, — родился на Куликовом поле, на тесной, затянутой перелеском и болотцем площадке, размером не более 30 квадратных километров, откуда вышла горстка новых русских[57], родоначальников этноса, который живет и поныне».

Дальнейшая историческая эволюция России еще долгое время испытывала последствия пассионарного взрыва, произошедшего в период образования Московского государства. Цели и действия русских людей XVI века принципиально изменились по сравнению с поведением предшествовавших поколений московитов. Пассионарных людей стало много, а задача объединения и отстаивания рубежей страны была уже выполнена. И тогда пассионарные русские люди обрели новые цели жизни, новые императивы поведения. Мир стал тесен им, они перестали выполнять свои обязанности, и каждый из них захотел стать самим собой.

С объединением страны была достигнута политическая и экономическая стабильность. В деревнях можно было тихо-спокойно заниматься сельским хозяйством, платя оброк владельцам земли. Наибольший оброк получали служилые дворяне, так как у них крестьян было мало, а содержать коня и копьеносцев полагалось за свой счет; средний — бояре и минимальный — монастыри. Но богатая земля окупала любые затраты и любые налоги, и поэтому население Руси за первые 50 лет XVI века выросло в полтора раза, достигнув девяти миллионов человек.

Однако пассионарным молодым людям в деревне делать было нечего, им было там безумно скучно. Деревню предпочитали люди гармоничные — тихие, трудолюбивые,

спокойные; они ничего не искали, но землю обрабатывали умело и налоги платили исправно. Пассионарии же стремились покинуть тихую деревню, руководствуясь идеей, сформулированной еще в Античности: «Случай пробегает мимо — блажен, кто схватил его за волосы». А в XVI веке в России сделать карьеру можно было только на государственной службе.

Надо сказать, что московские князья сами способствовал росту пассионарности в Москве. Так, Иван III решил, что мятежных новгородцев (а среди них пассионариев тоже было довольно много) следует перевезти в Москву, дабы за ними было легко наблюдать. С теми же целями перевезли на Москву и множество мелких «княжат» из-под Путивля, Чернигова Новгорода-Северского, Курска. Аналогичным образом поступил Иван III и с наиболее активными «удельными» князьями: мало ли что вытворит в Шуе князь Шуйский или в городе Одоеве князь Одоевский, а в государевой столице они под присмотром, тут «люди ходят». Решение это было вполне логичное, государственное, но привело оно, как всегда, вовсе не к тем результатам, на которые рассчитывали.

Поскольку в Москве наряду с представителями пассионарной аристократии сконцентрировалось огромное количество пассионарных «послужильцев», «отроков» и просто посадских людей, найти себе сторонников было самым простым делом. В итоге жители одной части Москвы поддерживали Шуйских, другие посадские — Вельских и т. д. Москва очень быстро, уже к началу XVI века, превратилась в очаг пассионарности: всё население города было разбито на враждебные партии.

К счастью, не все пассионарии шли в Москву. Ведь, обосновавшись там, надо было кому-то служить или при ком-то быть холопом. И хотя по тому времени это было очень выгодно: тебе и деньги перепадут, и выпить найдется, и служба легкая, и кафтан на тебе с барского плеча, — обнаружилось огромное количество пассионарных людей, которым подобная перспектива казалась неприемлемой, ибо они были слишком независимы и честолюбивы. Повышение пассионарности и в столице, и на окраине этнического ареала приводило в принципе к одинаковым последствиям: внутри этнической системы увеличивалось количество входящих в нее подсистем — консорций и субэтносов, так как пассионарные люди чувствовали свою «особину» и объединялись. Высокий уровень пассионарности дал множество людей, с детства учившихся только одному — воевать — и не знавших никакой иной профессии, кроме военной службы своему государю.

Особый интерес у Льва Николаевича вызывали такие

драматические вехи русской истории, как *опричнина* и *Смутное время* . Он отмечал, что историки XX века в соответствии с духом времени пытались обнаружить в явлении опричнины некий социальный смысл, ибо считалось, что человек социально не обусловленных и экономически невыгодных какому-либо сословию или классу поступков совершать не должен. Однако попытки определить социальный состав опричнины оказались неудачны: среди опричников находились и бояре, и «духовные», и холопы. Все они были «свободными атомами», которые отделялись и от своих социальных групп, и от своих суперэтнических систем. Полностью порвав со своей прежней жизнью, опричники не могли существовать нигде, кроме как в окружении царя Ивана IV, пользуясь его расположением. Да и какой социальный смысл могло заключать в себе их поведение?

Гумилёв считал, что опричнина была создана Иваном Грозным в припадке сумасшествия в 1565 году и официально просуществовала семь лет. Задачей опричников было «изводить государеву измену», причем определять «измену» должны были те же самые опричники. Они могли убить любого человека, объявив его изменником. Одного обвинения было совершенно достаточно для того, чтобы привести в исполнение любой приговор, подвергнуть любому наказанию. Самыми мягкими из наказаний были обезглавливание и повешение, но, кроме того, опричники жгли на кострах, четвертовали, сдирали с людей кожу, замораживали на снегу, травили псами, сажали на кол… Особенно страшной расправе подвергся в 1570 году Новгород, где было истреблено почти все население. Даже младенцев опричники бросали в ледяную воду Волхова.

Трудно, однако, отрицать, что многие опричники являлись ярко выраженными пассионарными личностями, включая и самую одиозную фигуру среди них — Малюту Скуратова (Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского). Казалось бы, типичный пример негативного проявления пассионарности. Впрочем, не все так однозначно: опричники, какими бы они ни были на самом деле, стали той практической силой, на которую царь опирался в борьбе за укрепление Московского государства и искоренение боярской измены (реальной, а не придуманной). Из опричной дружины Иван Грозный пытался сделать настоящий военизированный монашеский орден по типу тех, что создавались и успешно функционировали на стыке Средних веков и Нового времени.

Хотя опричнина как институт была уничтожена, она не могла не оставить последствий. Большинство людей, бывших опричниками, уцелели. Кто-то из них был поверстан уже без

всяких привилегий в служилое дворянство, кто-то пошел в монахи, кто-то — в приказы. И при этом бы опричники оставались самими собой: сохранив головы, они чувствовали и думали точно так же, как и до ликвидации опричнины. Кроме того, многие бояре, связанные так или иначе с опричниками, остались при дворе и у власти (одним из таких бояр был Борис Федорович Годунов, в 1598 году ставший царем).

Чтобы разобраться в событиях Смутного времени, Гумилёв предлагал опуститься с высоких уровней этнической иерархии (суперэтнического и этнического) на уровень субэтнический, определяющий внутреннюю структуру этноса. Субэтносы есть в любом этносе. Например, сторонники Болотникова по отношению к полякам, татарам, немцам считали себя русскими, но, не считая себя москвичами, говорили: «Нет, мы не москвичи, мы севрюки!» То же самое утверждали рязанцы и донцы. Когда же обнаружилась слабость центрального правительства, этого естественно ощущаемого противопоставления оказалось достаточно, чтобы периферийные субэтносы начали претендовать на лидирующее положение в русском этносе и российском суперэтносе. Именно схватка за власть между представителями разных субэтносов севера и юга страны, находящейся в акматической фазе этногенеза, и вызвала первую русскую Смуту, связанную с именем Лжедмитрия I.

Первый самозванец так и остался в народной памяти Гришкой-расстригой (второй, как известно, получил прозвание Тушинского вора). Недолгое (по счастью!) царствование Лжедмитрия I ознаменовалось безудержным разграблением и без того давно уже опустошенной России и поразительным личным распутством царя-самозванца. Мало чем отличался от своего предшественника и Лжедмитрий II. Ноосферная ситуация в России характеризовалась в это время крайней хаотичностью и непредсказуемостью. Были, однако, и обнадеживающие факты. Ярким примером явилась пассионарная личность молодого князя и царского племянника Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (1587—1610). Талантливый и не по годам одаренный полководец быстро стал всенародным любимцем, о нем при жизни складывали песни. Именно 20-летний Скопин-Шуйский разгромил крестьянскую армию Ивана Болотникова под Москвой. Затем — отряды Тушинского вора в северных областях и отогнал их от Вологды и Великого Устюга назад в Тушинский лагерь, попутно гетмана Сапегу, осаждавшего Троице-Сергиеву лавру. У интервентов сдали нервы, они сняли осаду с Москвы и бежали в Калугу, где Лжедмитрия II вскоре убили его же сподвижники.

* * *

На примере освободительной борьбы русского народа против польско-шведской интервенции Гумилёв попытался раскрыть механизм «работы» пассионарности в общем процессе этногенеза. Не следует думать, что пассионарный человек обязательно стоит на высоких ступенях социальной иерархии и его имя остается в истории. Те же выборные люди, которые поддерживали Кузьму Минина, были пассионариями. Но имен многих из них мы не знаем, поскольку они были не «вождями масс», а частью народа; не возглавляли, а скорее «раскачивали» людей, побуждали их к действию. Именно такие безымянные пассионарии представляют собой самый важный элемент в этногенезе. Действуя не столько силой, сколько личным примером, воодушевлением, а не подчинением, они являют окружающим новые стереотипы поведения, понуждают массу людей выполнять совершенно необходимую, насущную работу.

Именно эти «безымянные» пассионарии, заставляя соотечественников забывать лень и трусость, обеспечивали жизнь им, их семьям и потомству. Действовали они часто не столько жестоко, сколько жестко, но ведь каждому не объяснишь, что ему выгодно, чтобы Россия существовала независимо и не превращалась в колонию Польши и Швеции. Дискуссии же — дело длительное, дорогое и бесперспективное: всех не переспоришь. Кроме того, всегда предпочтительнее не спорить, а действовать. Но действовать можно лишь тогда, когда пассионарность системы после достижения максимума начинает падать, что позволяет хоть как-то организовать людей.

Между тем русские бояре продолжали еще глубже загонять под лед и топить великую Россию. После свержения в июле 1610 года своего собственного ставленника — царя Василия Шуйского, отправленного в плен к полякам, — власть в стране перешла в руки Государственного совета, состоявшего из семи наиболее авторитетных членов Боярской думы. Этот формально вполне «демократический» орган получил в истории название Семибоярщины. Одной из первых же акций этого якобы российского правительства было самое что ни на есть антироссийское решение, а именно — *не избирать более никогда на российский престол представителей русских родов.* Именно Семибоярщина заключила с польской шляхтой договор, признававший новым русским царем Владислава — юного сына польского короля. Все, как говорится, по закону. Только российская государственная независимость от такого «законодательного творчества» боярских радетелей чуть было не

испарилась навсегда. Кроме того, ориентация на Польшу пришлась не по душе другому воинственному соседу России — Швеции. Католическая Польша и протестантская Швеция считались непримиримыми врагами, отчего любой союзник Польши автоматически становился врагом Швеции. И когда Россия призвала на трон польского королевича, Швеция посчитала это прямой угрозой и вызовом и немедленно приступила к оккупации сопредельных русских территорий, в результате чего был захвачен — ни больше ни меньше — Великий Новгород.

Наступил полный хаос. Централизованное управление было полностью утрачено. Семибоярщина не имела ни авторитета, ни военной силы, ни рычагов управления. Никто никому не подчинялся. Польские жолнеры заняли Москву, захватили Кремль и диктовали свои условия. Однако, слава Богу, на Руси, помимо бояр, был еще и народ. Повсюду началось сопротивление оккупантам — поначалу стихийное, оно быстро выдвинуло из своей среды способных организаторов. На первых порах тон задавали сразу три вожака: рязанский воевода Прокопий Ляпунов, князь Дмитрий Трубецкой и казачий атаман Иван Заруцкий. Они договорились о совместных действиях, образовали военно-политический триумвират и привели к Москве первое ополчение. Единение трех руководителей сопротивления оказалось недолгим: казаки, подученные Заруцким, заманили Ляпунова в свою ставку, зарубили его саблями и попытались единолично возглавить русское воинство. Первое ополчение немедленно распалось, ибо казаки вместо борьбы с интервентами принялись по привычке грабить местное население и сводить счеты с дворянами — сподвижниками убитого Ляпунова.

Между тем в оккупированной столице вспыхнуло стихийное восстание. В кровопролитных уличных боях впервые принял участие вместе с отрядом добровольцев зарайский воевода Дмитрий Пожарский, при этом его тяжело ранили. Чтобы справиться с народным гневом, поляки подожгли Москву в разных местах, и город выгорел почти так же, как спустя двести лет при нашествии Наполеона. К осени 1611 года все казалось безвозвратно потерянным. После двухлетней осады пал Смоленск, поляки прочно засели в Кремле и ждали приезда избранного на русский трон Владислава. Его отец – король Сигизмунд – вообще уже считал Россию затрапезной провинцией Польши. Шведы прочно закрепились на северо-западных территориях, активно готовясь помериться силами с удачливыми польскими панами.

В безвыходной ситуации и обстановке всеобщего уныния не потеряла присутствия духа только Православная церковь.

Патриарх Гермоген, сам находившийся под стражей у поляков, тайно передавал из Кремля с надежными людьми грамотки с призывами подниматься на борьбу с врагами православной веры и губителями государства Российского. Включились в агитацию против интервентов и другие духовные лица, особенно после смерти патриарха, уморенного голодом в кремлевском застенке. В Троице-Сергиевой лавре переписка и рассылка патриотических воззваний были поставлены «на конвейер». В октябре 1611 года одна такая грамотка попала в Нижний Новгород и была зачитана на городском сходе земским старостой Кузьмой Мининым-Сухоруком. Перед тем ему было ноосферное видение преподобного Сергия Радонежского. Мясник по своей основной профессии и пассионарий по духу, Кузьма Минин обладал необыкновенной силой, умом и организаторскими способностями. Это был настоящий народный самородок и трибун, который пользовался у окружающих большим авторитетом, был способен воодушевить и повести за собой массу людей.

Так в разных городах истерзанной России по инициативе снизу началось формирование второго по счету народного ополчения. Возглавить войско единодушно предложили популярному в народе князю Пожарскому, лечившемуся после тяжелого ранения неподалеку от Нижнего Новгорода. Кузьма Минин стал его правой рукой. Оба предводителя народного ополчения — Минин и Пожарский — находились на вершине своего пассионарного подъема. Воодушевление вождей передавалось тысячам ополченцев. Наступил великий миг пассионарного пробуждения народа. Неверие, апатия, уныние испарились, каждый ощущал в себе небывалые силы и способности к ратным подвигам — как будто мать-земля передавала энергию своим детям. Ситуация заставляла действовать решительно и быстро. Ополчение срочно устремилось к Москве, дабы не дать соединиться засевшему в Кремле польскому гарнизону с двигающейся ему на помощь 20 – тысячной армией литовского гетмана Ходкевича, на треть состоявшей из запорожских казаков. В кровопролитных боях за Москву в августе 1612 года армия Ходкевича была наголову разбита. В уличных боях сражаться иногда приходилось за каждый дом, точнее — за то, что от него осталось: после прошлогоднего пожара, устроенного поляками, столица практически не восстанавливалась. Тогда же, в ходе уличных схваток, произошло примирение и объединение ополченцев с казацкими отрядами князя Трубецкого, действовавшего до этого автономно (их основу составляли донцы, не пожелавшие

оставаться под началом предателя Заруцкого).

После разгрома армии Ходкевича и захвата обоза с провиантом для осажденных в Кремле поляков патриотические силы осадили центр столицы и 22 октября 1612 года вытеснили польские войска из Китай-города. Первое, что увидели ополченцы, – огромные котлы, в которых варилось человеческое мясо: польский гарнизон погибал от голода и дошел до людоедства. Вскоре поляки вынуждены были подписать договор о капитуляции, покинуть Кремль и сдаться на милость победителей. Милость оказалась весьма условной.

Россия была спасена — не боярами, не царем и не иноземным королевичем, а самим народом. Летописцы показали, что в дни трагических испытаний народ способен сам решить свою судьбу — при условии, что пассионарный подъем и вектор его устремлений совпадут с вектором сил и энергетикой, закономерности которых продиктованы ноосферным полем Земли, Солнца и всего Космоса. Однако инертная и даже энергетически насыщенная масса ничто без вождя. И в случае необходимости (особенно когда речь идет о выживании нации) вождь-пассионарий самозарождается в народной гуще. Смутное время породило несколько таких вождей. Некоторые из них погибли в самом начале предназначенного им судьбой тернистого пути (Михаил Скопин-Шуйский и Прокопий Ляпунов). Некоторые же сумели выстоять до конца и преодолеть все препятствия на многотрудном пути выпавших им испытаний. Двум из них — вечная слава и благодарность спасенной отчизны. Их имена высечены на символическом двухфигурном памятнике, украшающем ныне главную площадь Москвы: «Гражданину Минину и князю Пожарскому — благодарная Россия».

Смутное время, как известно, завершилось избранием на трон юного царя Михаила Федоровича и воцарением династии Романовых. Можно ли их считать пассионарными личностями? Очень избирательно! Казалось бы, никаких сомнений не должна вызывать гигантская фигура Петра I. Но у Л. Н. Гумилёва на сей счет иная точка зрения: он считает преобразователя России не пассионарной, а просто волевой, целеустремленной личностью. Гумилёв полагал, во время путешествия в Европу на Петра произвела неизгладимое впечатление жизнь в Голландии. Именно здесь молодого царя захватили великие преобразовательные планы: сделать из России такую же «цивилизованную» державу, построить такой же морской флот и развить коммерцию. Правда, для воплощения царской мечты надо было воевать со Швецией за выход к Балтийскому морю, но это считалось задачей своевременной и благородной.

С этнологической точки зрения, возникновение петровкой мечты вполне естественно. Петр, как и его соратники, принадлежал своему этносу, переживавшему в XVII веке максимум пассионарности — акматическую фазу, малоблагоприятную для жизни простых людей, насыщенную конфликтами и всяческими безобразиями. Человеку, видевшему ребенком кровавые стрелецкие расправы, слышавшему ожесточенные споры о вере, вынужденному постоянно бороться за свою жизнь в дворцовых интригах, тихая, спокойная жизнь Голландии, находившейся в инерционной фазе, действительно должна была показаться сказкой. Стремление Петра подражать голландцам, пишет Гумилёв, напоминает поступок пятилетней девочки, надевающей мамину шляпку и красящей губы, чтобы быть похожей на свою любимую маму. Но как шляпка и помада не делают ребенка взрослой женщиной, так и заимствование европейских нравов не могло сменить фазы русского этногенеза.

По Гумилёву, пассионарную доминанту в эпоху Петровских реформ обеспечил не сам царь, а его окружение. Он называет ряд имен «птенцов гнезда Петрова» — Меншикова, Ромодановского, Кикина. Но уже на них сказалось снижение общего уровня пассионарности. Новые люди, пришедшие с Петром к управлению страной, почти все оказались карьеристы и казнокрады. Взятки, коррупция достигли при «преобразователе» такого размаха, какого в XVII веке бояре и представить себе не могли. Достаточно вспомнить любимца Петра, талантливого полководца Александра Меншикова. При строительстве новой столицы — Санкт-Петербурга — роскошное здание Двенадцати коллегий, которое должно было украшать набережную Невы, оказалось повернутым к реке торцом только потому, что петербургский генерал-губернатор Меншиков решил на месте правительственного здания выстроить себе дворец. Деньги на строительство, конечно, изымались из казны.

Однако уместно поспорить о самом Петре и его пассионарных качествах. Петр I не был типичным Романовым, о чем свидетельствует хотя бы его почти что двухметровый рост. Пассионарный импульс явно не обошел его стороной (как, впрочем, и его сводную сестру — царевну Софью). Кроме того, не следует забывать, что яркой пассионарной личностью был и прадед Петра — патриарх Филарет (в миру Федор Никитич Романов) — один из героев Смутного времени, которому династия Романовых, собственно, и обязана своим звездным восхождением…

* * *

Историческая и этногенетическая концепция Л. Н. Гумилёва неизбежно вызывала (и вызывает по сей день) множество встречных вопросов. Точно предвидя их заранее, ученый во многих случаях постарался дать ответ по существу дела в своих печатных работах (а при жизни — в устных выступлениях). Многого, впрочем, не договаривал, особенно из того, что касалось современности, невероятнейшим образом менявшейся у него на глазах. Никогда он не любил затрагивать эту тему — особенно публично. По собственному горькому опыту знал, чем обычно заканчиваются критические высказывания в адрес власть предержащих или же неблагоприятные для них прогнозы. Излишняя детализация исследуемых исторических явлений также далеко не всегда приводила к желаемым результатам. Наложение и смешение даже двух разных подходов — «мышиной норы» и «птичьего полета» — приводили не к прояснению и упрощению картины прошлого, а, напротив, к ее замутнению и усложнению. Не во всем подтверждались даже наиболее разработанные положения гумилёвского учения.

Так, бросается в глаза определенная непоследовательность в объяснении *феномена пассионарности* применительно к истории России двух последних веков. Как уже отмечалось выше, из этногенетической схемы Гумилёва вытекает, что начиная с 1800 года и по сей день русская история характеризуется понижением уровня пассионарности, обусловленным наступившей фазой надлома и неизбежным переходом ее в последующие стадии с исчерпанными энергетическими потенциями. На самом деле русская история последних двух веков богата пассионарными событиями ничуть не в меньшей степени, чем в эпоху становления Московского царства или в Смутное время.

Примеры пассионарного всплеска здесь настолько очевидны, что не требуют дополнительных комментариев. Они касаются как российского суперэтноса в целом, так и отдельных пассионарных групп или личностей: всенародный подъем и подвиг в период двух отечественных войн — 1812 года и 1941—1945 годов, — деяния полководцев — Кутузова, Нахимова, Скобелева, Жукова, творческие группы «передвижников» и «Могучей кучки», гиганты русской культуры и науки — Пушкин и Лев Толстой, Менделеев и Циолковский, первопроходцы-пассионарии — Пржевальский и Георгий Седов (список этот можно продолжать неограниченно) Невозможно также отрицать, что в годы революций также аккумулируется (с последующим мощным разряжением) пассионарная энергия масс и когорты выдающихся вождей.

Правда, Л. Н. Гумилёв предусмотрел одно отступление от общей линии понижения пассионарности — возврат якобы к прежнему состоянию, который он назвал *этнической регенерацией* . С ее помощью ученый объяснял появления пассионарных очагов и лиц там и тогда, где их, согласно общей теории фазовой эволюции этногенеза, вроде бы не должно было бы быть совсем.

Безусловно, в гумилёвской интерпретации российской истории содержится скрытый намек на то, что ее почти семидесятипятилетний советский период совпадает с эпохой, неблагоприятной для российских этносов, а принципы, заложенные в основу государственного устройства СССР, в конечном счете и привели к распаду советской империи. В одном из последних интервью (уже после распада страны) ученый утверждал, что более семи десятилетий центральная масть руководствовалась не национальными интересами этносов, а утопической идеологией. В соответствии с директивами ЦК партии Москва перекраивала образ жизни всех без исключения народов, подгоняя его под вымышленную социальную схему. Исходя из сомнительных политических целей, власть насильственно перемещала чеченцев, ингушей, прибалтов и другие народы — в Сибирь, а корейцев, калмыков и немцев — в Казахстан. В свою очередь, русские и украинцы по оргнабору перемещались в Прибалтику…

Стоит ли удивляться тому, что окраины, как только появилась возможность, захотели избавиться от такой опеки Центра? А ведь еще в 1986—1989 годы даже наиболее радикально настроенные литовцы ограничивали свои требования предоставлением большей хозяйственной и политической самостоятельности. Иначе говоря, они были не прочь остаться в реформированном Союзе, если им дадут устроить свою жизнь так, как им нравится. И если бы возможность быть самими собой, жить по-своему была предоставлена всем — литовцам и чеченцам, русским и узбекам, азербайджанцам и армянам, гагаузам и молдаванам — именно тогда, то наверняка не возникло бы полтора десятка суверенных государств, не разгорелась бы гражданская война на Кавказе, не было бы гражданского противостояния в Прибалтике, Грузии, Молдавии. Но центральное правительство продолжило «интернациональную политику социалистического выбора» и в результате не только не смогло удержать окраины, но и Москву потеряло окончательно.

Между тем «парад суверенитетов» не был запрограммирован в ходе этногенеза. Его вполне можно было бы избежать, если бы вполне сознательно не игнорировался сам факт существования в стране разных этносов со своими традициями и стереотипами

поведения. В результате процесс распада стал необратимым, а на окраинах дезинтеграция стала усугубляться еще одним негативным обстоятельством. Местными национальными движениями политика правящей элиты стала восприниматься как *русская* национальная политика. Такая аберрация — величайшее заблуждение, ибо русские точно так же были лишены возможности проводить свою национальную политику, как и все другие народы. Оптимальным же вариантом этнического взаимодействия Гумилёв по-прежнему считал *симбиоз* : когда этносы живут рядом и порознь, сохраняя мирные отношения, но не вмешиваясь в дела друг друга.

Гумилёва спрашивали: «Выходит, распад Советского Союза — благо для его народов?» Он отвечал: «Отнюдь нет. Говоря "порознь", имею в виду не государственное устройство. Оно может быть любым, и от этого мало что зависит. Можно перестроить министерства, можно их ликвидировать и создать новые. Но если в них сидели, грубо говоря, жулики, то они будут жульничать под новой вывеской и ничто в нашей жизни не изменится. Корень проблемы — в людях, в их реальном поведении — вот что надо менять. Поведение человека — стихия этническая. Оно формируется возрастом этноса и его связями с родным природным ландшафтом. Возраст этноса определяет его силы, энергетическое наполнение, а значит, и способность действовать. <…> Не считаю возможным заменить политиков и не знаю, что тут делать. Но как ученый знаю, чего делать не надо, чтобы с большей вероятностью избежать этнических конфликтов. Не нужно навязывать людям других этносов не свойственный им образ жизни. Не нужно обижать людей, наклеивая ярлыки только потому, что их поведение отличается от нашего. Не нужно исходить из мифологических представлений о сути этнических процессов и строить в соответствии с этим практическую политику. Не нужно заставлять всех жить вместе. Лучше порознь, зато в мире».

Совершенно категорично высказался Гумилёв и об интернационализме: «<…> Термин "интернационализм" вторичен. Нациями, первоначально, в IX веке, европейские народы называли сами себя. С распространением европейского образования термину "нация" придали иной смысл – социальный и стали называть так не только европейские народы. Латинское же "интер" означает "между". У нас 70 лет вкладывали в этот термин вульгарное содержание, считая, что интернационализм – это сознательное игнорирование этнических различий ради классовых. Стремились всех уравнять, при вести к одному знаменателю. Но если предположить, что нет этносов, то и

интернационализма быть не может. Мне кажется, нужно говорить не о "принципе интернационализма", а о знании, ученых и искусстве политиков, которые помогали бы налаживать отношения между народами».

Современный этап исторического развития России Гумилёв связывал с *инерционной фазой этногенеза,* переходящей в *фазу обскурации (омрачения и затухания)* . Делалось это в основном путем сопоставления сходных периодов в анналах мировой истории. Однако выводы читателям предлагалось делать самим. Типичными в данном плане представляются размышления на сей счет, содержащиеся в посмертно изданной книге «Конец и вновь начало» (М., 1994). Страшнее всего, считал Лев Николаевич, те изменения, которые происходят внутри самой этнической системы в инерционной фазе. Ибо не следует забывать и о субпассионариях. В фазе подъема они были совершенно не нужны и не ценились вовсе. Затем, во время акматической фазы, их использовали как пушечное мясо и ценили очень мало. А вот в инерционное, тихое время начинают возникать теории о том, что всякому человеку надо дать возможность жить, человека нельзя оставить, человеку надо помочь, надо его накормить, напоить, ну а если он не умеет работать, что ж — надо научить, а если он не хочет учиться, — ну что ж, значит, плохо учим. Словом, самое главное — человек, все для человека. «Поэтому в "мягкое" время цивилизации при общем материальном изобилии для всякого есть лишний кусок хлеба и женщина», — заключал Гумилёв.

Нетрудно представить, как люди определенного субпассионарного склада используют такое учение, которое становится *этическим императивом* . Они говорят: «Мы на все согласны, только вы нас кормите и на водку давайте». И им находят место, и они размножаются, потому что им больше делать нечего. Диссертаций-то они не пишут. К концу инерционной фазы этногенеза они образуют уже не скромную маленькую прослойку в этносе, а значительное большинство. И тогда они говорят свое слово: «Будь таким, как мы!» – то есть не стремись ни к чему такому, чего нельзя был бы съесть или выпить. Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве наблюдается снижение стиля, в науке — оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция, в военном деле — солдаты держат в покорности офицеров и полководцев, угрожая им мятежами. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться, и для того чтобы властвовать, правитель должен применять тактику разбойничьего атамана: подозревать,

выслеживать и убивать своих соратников.

Порядок, устанавливаемый в этой стадии, которую мы называем фазой обскурации — омрачения или затухания, – нельзя считать демократическим[58]. Здесь господствуют, как и в предшествовавших фазах, консорции, только принцип отбора иной, негативный. Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость во мнениях, а беспринципность. Далеко не каждый обыватель способен удовлетворять этим требованиям, и поэтому большинство народа оказывается, с точки зрения нового императива, неполноценным и, следовательно, неравноправным. В приведенных рассуждениях содержится явный намек на недавние исторические реалии, которые получили малоудачное название «перестройка» (поскольку перестроено и, тем более, построено ничего не было — только разрушено или уничтожено).

Но Гумилёв высказывался и более определенно. Как мы помним, он считал: пассионарный толчок российского суперэтноса, который раньше назывался Российской империей, а затем Советским Союзом, произошел на рубеже XIII века. Следовательно, в конце XX века возраст нынешних россиян составлял около 800 лет. Общая же модель этногенеза свидетельствует, что именно на этот возраст падает один из наиболее тяжелых моментов в жизни суперэтноса – фазовый переход от надлома к инерции. Так что пережитый народами России кризис вполне закономерен и происходящие события в целом не противоречат такой интерпретации.

Надлом в российском суперэтносе впервые обозначился после Отечественной войны 1812 года. Поскольку общая продолжительность фазы надлома около 200 лет, становится понятным, что так называемый советский период российской истории является наиболее тяжелой, финальной частью фазы надлома, в которой былое единство суперэтноса исчезает и сменяется эксцессами гражданской войны. Пассионарная регенерация в данных условиях вполне возможна, но магистральное этническое развитие России должно идти не путем нивелировки, не путем интернационализации коренных народов, а исключительно с помощью возрождения и развития «многоцветной сложности», как говаривал высокочтимый Гумилёвым Константин Леонтьев. Поэтому и в «перестройке» он пытался усмотреть попытку перехода к новой фазе развития — инерционной.

В неоднозначных событиях, происходивших в стране, ему поначалу пригрезилось наступление нового «золотого века» императора Августа, когда после долгих лет смуты и гражданских

войн в Древнем Риме наступили, наконец, долгожданные мир и спокойствие. Очень быстро, однако, пришлось отказаться от столь странного сопоставления. На поверхности (да и в глубинах тоже) российской жизни появились силы совершенно иного свойства, люди, как небо от земли, далекие от идеалов евразийства, озабоченные исключительно собственным обогащением и чуждые интересам ограбленных ими широких народных масс, культивирующие и насаждающие повсюду имморализм, далеко не «разумный эгоизм» и частнособственнические инстинкты. Что касается руководителей страны, оказавшихся в то очередное «смутное время» у кормила власти, то к ним вполне применимы слова, сказанные Л. Н. Гумилёвым по поводу российской истории в целом: «Русская земля перенесла много страданий, вызываемых постоянными неудачами бездарных правителей».

Гумилёв вовремя осознал, что поторопился назвать «перестройку» «последним шансом», даже — «единственным шансом» на дальнейшую жизнь, поскольку, согласно его концепции, исторический опыт свидетельствует, что суперэтносы, не пережившие этот фазовый переход, просто прекращали свое существование как системы, распадались и входили в состав других суперэтнических систем. Что касается судьбы русского этноса, то здесь Гумилёв был более чем категоричен. «Мы кризисно перейдем в инерционную фазу этногенеза, — утверждал ученый, — когда начнется постепенный упадок русского этноса, а затем, через энное время, и уход его со сцены истории. Так было со всеми. Но зато у нас есть несколько сот лет для созидания и для игры со счастьем»…

Давнему единомышленнику Айдеру Куркчи он доверительно сказал: «Вспомните, я первым назвал появление у нас нового Августа и его императрицы — Горбачевых… Я не ждал этого события, это история этногенеза постучалась в наши заколоченные окна, и я постарался открыть истории дверь. Я видел в 85 году в телевизоре нормальное лицо говорящего человека, и я понял, что спазм в этногенезе заканчивается, что я вижу Обывателя в высоком значении слова, мне стало ясно: наступает этнический плавный переход в покой — после ста лет страшно изнурительного износа русского этноса… Наступает инерционная фаза. <…> Россия потерпела поражение этническое: плевать, если бы политическое или военное, как Германия или Япония, а именно этническое — раскол посредине, равновесие между жизнью и смертью нарушено. А это невосполнимо. Молодые люди у меня на лестнице живут, мечтают стать греками или турками… Так что кончайте вашу перестройку, вами все равно будут править ничтожества».

Незадолго до смерти он высказался совершенно определенно о будущем российских этносов: мы стали свидетелями рождения «*нового суперэтноса* на поле поражения, грязи и дерьма» (напечатано это было уже после его кончины). И происходят сии мучительные роды вопреки рыночным принципам Запада и духовным ценностям Востока. Ибо Россия — это даже и не страна вовсе. Россия — это целый континент (по имени Евразия, естественно).

Что же будет дальше? «Сроков мы не знаем, — отвечал Лев Николаевич на вопрос одного из корреспондентов. — А насчет русского народа я вообще говорить не стану. У меня нет достаточно исходных данных. Для того чтобы сделать точный расчет, нужен не только компьютер — он у меня есть, но в достаточном количестве исходные данные. Необходима информация. Верная статистика, а нам давали главным образом дезинформацию. Поэтому, естественно, правильного прогноза мы сделать не можем». В предисловии, написанном в 1990 году для детского издания «Закона Божьего» (подобных работ за ним еще не значилось), Гумилёв подытоживал: «И в наше время, когда мера грехов наших через край и страна наша находится в состоянии кризиса, только искренний подвиг нашего народа может смягчить промысел Божий и умолить Его даровать нам спасение от зла мира сего».

Лев Николаевич отнюдь не чуждался богословской проблематики (точнее было бы сказать — богоискательских идей). В его архиве сохранился любопытный ныне опубликованный текст на данную тему, получивший название «Апокриф»:

«<…>1. Бог, сотворивший мир, — личность, но отнюдь не Абсолют.

2. Создав пространство вне себя, он ограничил себя, ибо сам находится вне созданного им пространства. Следовательно, он не вездесущ.

3. Создав время, явление самостоятельное, он ограничил себя, ибо он не может сделать бывшего небывшим. Следовательно, он не всемогущ.

4. Создав души, наделенные свободной волей, он не может предугадать их поступки. Следовательно, он не всеведущ.

5. Это так, потому что он добр, ибо если бы он был вездесущ, то он был бы и в зле и грехе, а этого нет.

6. Это так, потому что он милостив, ибо если бы он был всемогущ и не исправил бы зла мира, то это было бы не сострадание, а лицемерие.

7. Это так, потому что если бы он был всеведущ, то он знал

бы и злые помыслы людей, которые тем самым не могли бы поступить иначе, дабы не нарушить волю его. Но тогда за все преступления должен отвечать он, а не люди, которые всего лишь исполнители.

8. Бог — добр, следовательно, неповинен в зле мира сего, а источник зла — сатана. Но если сатана сотворен Богом, то вина за его дела на Боге. Так как этого не может быть (это противоречит первому принципу), то значит — сатана не тварь, а порождение небытия и сам небытие.

9. Но сатана действует, значит, небытие может быть активным, но, конечно, не само по себе, а через влияние на свободную волю людей, через необратимость времени и через разрывы в пространстве.

10. Те люди, животные, демоны, которые свободным волеизъявлением принимали закон сатаны, превращались в нежить и теряли высшее благо — смерть и воскресение, ибо тот, кто не живет, не может ни умереть, ни воскреснуть.

11. Смерть сама по себе не зло, ибо за нею идет новая жизнь или полный распад и забвение. Зло и ужас — вечная неудовлетворенность без надежды на конец. Это и есть царство сатаны.

12. Сила зла во лжи. Ложью можно преодолеть ход времени (имеется в виду не космическое, а биолого-психологическое время как ощущение мыслящего существа), доказав что прошлое было не таким, каким оно воспринималось и каким оно сохранилось в памяти. Ложью легко превратить свободную волю в несвободную, подчиненную иллюзиям. Ложь ломает пространство, создавая облики (или призраки) далеких вблизи, а близких отдаляя от общения. Ложь делает бывшее небывшим, небывшее облекает в призрачное бытие на пагубу всем живым существам.

13. Лучший друг сатаны — огненный демон Яхве, говоривший с Моисеем на горе Синай; наивысший святой сатаны — Иуда, предавший Учителя; тот, кто следует принципу Иуды, — свободен от греха, ибо все, что он творит, надо звать благом. Эти люди по ту сторону добра и зла. Им позволено все, кроме правдивости и милосердия.

14. Христос единый отверг зло, сказав: "Отыди от меня, сатана". Только силою пречестного креста спасена Земля от уничтожения злом (может быть, психической аннигиляции) и ныне готовится к встрече Параклета (Утешителя), который преодолевает пространство, время и злобность душ людских. Он вечно приходит и вечно с нами и все же мы чаем его повседневно. Это тайна, не открытая скудному разуму людей».

Приведенный текст только на первый взгляд кажется простым и понятным (и одновременно более чем неожиданным для рационально мыслящего ученого). В действительности здесь, как и в любом сакральном тексте, множество скрытых значений и неразгаданных смыслов. Один 12-й тезис чего стоит! Это — настоящий этический трактат, лапидарный, как максима священного теста, начертанная на древних скрижалях. Извечная проблема борьбы добра и зла конкретизирована на примере кажущегося торжества лжи над правдой. Сколько раз сталкивался Лев Николаевич с подобной ситуацией в науке и жизни, когда казалось, что ложь заполонила всё. Но он прекрасно знал и понимал также: победа истины в конечном счете неизбежна.

Вместе с Максимом Горьким он мог, не колеблясь, провозгласить: «Ложь — религия рабов и хозяев, правда — бог свободного человека!» В полете мыслей, в распахнутости души, в умении мобилизовать волю и в устремленности чувств Гумилёв всегда осознавал себя *свободным человеком* — даже там, где его окружали тюремные стены или колючая проволока спецлагерей, или тогда, когда пытались организовать травлю по всем правилам загонной охоты.

Безусловно, у Льва Николаевича имелись основания считать политический режим, сошедший в 1991 году с исторической сцены, бесчеловечным. Разве не из-за господствовавшей на протяжении нескольких десятилетий репрессивной системы провел он 14 лет в тюрьмах и лагерях? Разве не она — система эта — убила его отца и искромсала судьбу матери? Он искренне полагал, что доказавший собственную несостоятельность политический режим рухнул вполне закономерно. Но столь же искренне считал трагедией последовавший вслед за этим распад страны, созданной кровью и потом предков. Свою жизнь он считал неотделимой от истории и судьбы именно этой страны.

Гумилёв предостерегал от бездумного заимствования зарубежного — особенно европейского и американского — опыта. К вящему неудовольствию антипатриотически настроенных кругов, он наглядно демонстрировал, к чему может привести подобное увлечение: «<…> Россия — самостоятельный суперэтнос, возникший на 500 лет позже западноевропейского, в XIV веке. Мы и западноевропейцы всегда это различие ощущали и "своими" друг друга не признавали. Раз мы на 500 лет моложе, то как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, уровень пассионарности предполагает совершенно иные императивы поведения. Конечно, можно попытаться "войти в круг цивилизованных народов", то есть чужой суперэтнос. Но, к

сожалению, ничто не дается даром. Надо осознавать, что ценой присоединения в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция <…>».

Глава 7
В ОРЕОЛЕ ИЗВЕСТНОСТИ И СЛАВЫ

Несмотря на тотальную обструкцию со стороны официозной (особенно — академической) науки и держиморд от идеологии, имя Л. Н. Гумилёва к началу 1980-х годов было широко известно в Советском Союзе и ряде зарубежных стран. Несправедливо гонимых в российском обществе любили во все времена. И чем больше давил на ученого бюрократический и идеологический пресс, тем большим и непререкаемым становился его авторитет, росла популярность не только в научных кругах, но и среди широких читательских масс. История как научная дисциплина уже была немыслима без гумилёвских идей и гипотез, а понятием «пассионарность» оперировали друзья и враги. Вот почему, когда в середине 1980-х годов в стране наметились перемены, когда стало больше открытости и гласности, одним из тех первых это ощутил Лев Николаевич. К нему зачастили журналисты как правой, так и левой ориентации, книги и статьи его стали активно издаваться и переиздаваться. Гумилёва пригласили на Ленинградское (Петербургское) телевидение, где он блестяще провел цикл образовательных передач. После выхода в свет книги «Древняя Русь и Великая степь» Петербургское радио организовало ее чтение. Всего с января 1990-го по март 1993 года прошло 49 передач, каждая от 40 до 50 минут (текст читал народный артист России Иван Краско).

Теперешние его выступления в университете нельзя было сравнить с «первой пробой пера» в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Аудитория неизменно была переполнена. Послушать Гумилёва приходили все желающие, нередко приезжали из других городов. Льва Николаевича не мог не радовать такой неподдельный интерес к его учению. Он воодушевленно и безо всяких конспектов вещал перед студентами и аспирантами, а в перерывах окруженный молодежью выходил на лестничную площадку выкурить папироску и продолжал отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. Слушателям Гумилёва навсегда запомнились его обаяние и интеллигентность, неисчерпаемая эрудиция и энциклопедичность, оригинальность суждений, свежесть образов, нетривиальность мысли, сочный язык, лукавые глаза и обезоруживающая улыбка. Выступал Лев Николаевич безо всяких конспектов или заметок «на память», наизусть цитировал обширные фрагменты из разного рода

первоисточников, не задумываясь и безошибочно называл сотни фактов и дат. О причинах популярности своих лекций неизменно говорил: «Я всегда говорю о том, что волнует человека, — о нем самом…» И вообще — цену себе знал; иногда бросал то ли в шутку, то ли всерьез: «Я гений, но не больше»…

Помещения Ленинградского государственного университета (в то время он носил мало кому симпатичное — а уж Гумилёву и подавно — имя Жданова) не могли тогда еще похвастаться ни евроремонтом, ни особенным убранством. Некоторые столы, стулья, шкафы были сломаны и в ожидании ремонта сдвинуты где-нибудь в углу, полы мыли и подметали отнюдь не каждый день. Все это, однако, ничуть не влияло на праздничную атмосферу, которую умел создавать вокруг себя Л. Н. Гумилёв. Для тех, кто его видел впервые, Лев Николаевич поначалу почти ничем не выделялся на фоне других преподавателей. Но стоило познакомиться с ним поближе, пообщаться в официальной или непринужденной обстановке — и сразу же становилось ясным его интеллектуальное и нравственное превосходство. Эти же качества выводили из себя его непримиримых врагов и оппонентов.

Впрочем, в НИИ географии, где Л. Н. Гумилёв числился старшим научным сотрудником, на кафедре, к которой он был по существовавшей в университете традиции приписан, к своему знаменитому коллеге относились с почтением и уважением, ценили его необъятную эрудицию, блестящий ум, мягкий юмор и острый сарказм. Ценили его и как постоянного члена специализированного ученого совета по защите диссертаций, на заседаниях которого Лев Николаевич регулярно появлялся, досконально вникал в обсуждаемую тему, задавал нетривиальные вопросы соискателям, любил поучаствовать в творческой дискуссии. Никогда не избегал Гумилёв и традиционных «посиделок» после очередной защиты диссертации или неформальных «чаепитий» на кафедре по случаю чьего-либо дня рождения или при своей и я научного звания, всегда был душой компании. В последние годы своей жизни Лев Николаевич занимал должность профессора-консультанта. Когда прощался с коллективом Института географии, где проработал четверть века, с легким сердцем заявил: «Самым большим достижением за 25 лет работы в институте считаю то, что ни с кем не поругался». Присутствующие встретили эти слова дружными аплодисментами…

После многочисленных выступлений по Ленинградскому телевидению Гумилёва стали узнавать на улице. Однажды опаздывая на передачу, Лев Николаевич воспользовался такси, и шофер отказался взять деньги за рейс, дружелюбно заявив, что

Гумилёва, как ему представляется, и так всю жизнь грабили. И до всего Льву Николаевичу было дело. Сохранилось немало записей его оригинальных высказываний. Вот только одно из них, касающееся смерти Пушкина (в передаче журналистки Л. Д. Стеклянниковой): «о Пушкине мы также говорили со Львом Николаевичем. Он утверждал, что его убили масоны. Масоном был Геккерн – это общеизвестно. Пушкин вступил в ложу, а потом, прозрев, вышел из нее, чего члены масонской ложи никогда не оставляют безнаказанным. Как только Пушкин стал писать патриотические стихи, он был обречен. Дантес был выбран исполнителем убийства и не смел отказаться, иначе его самого бы убили. "Никакой измены, конечно, не было и не могло быть, — говорил Лев Николаевич. — При открытых анфиладах комнат и при тех дамских платьях — это практически невозможно".

В свете этих объяснений Гумилёва становятся понятными письма, которыми обменивались Л. Геккерн — голландский посланник — и Пушкин. Ведь анонимки, где Пушкин назначается "историографом ордена рогоносцев", сочинил и рассылал не Дантес, а Геккерн. Намек прозрачен: вышел из масонского ордена, так мы тебя припишем к ордену рогоносцев. И ведь это Геккерн от имени Дантеса, а опять не сам Дантес, утром 26 января послал вызов Пушкину. Пушкин-то прекрасно понимал всю подоплеку происходящего, но не защитить честь жены и свою не мог. Так излагал Лев Николаевич. А ведь сколько написано на тему пушкинской дуэли: и царь-то его убил, и свет, и долги, и жена глупая. Как тут было не стреляться. Горы книг! И эти горы громоздятся, как будто специально, чтобы под ними навсегда упрятать правду».

Пушкина Гумилёв ставил выше всех. Среди других русских классиков отдавал предпочтение Лермонтову, Достоевскому, Лескову. Очень ценил Грибоедова: «Горе от ума» считал гениальнейшей комедией и удачно интерпретировал ее с точки зрения теории пассионарности. Он считал, что грибоедовская Софья, стремящаяся выйти замуж, пытается выбрать между пассионарием Чацким и субпассионарием Молчалиным и останавливает в конечном счете свой выбор на последнем. Молчалина принято считать сугубо отрицательным персонажем. На самом деле это не так: он повинуется зову природы, для которой положительных или отрицательных людей вообще не существует. Безусловно, заряд пассионарности у Молчалина незначителен, зато он исключительно *гармоничный человек* . Такой будет верным мужем по очень простой причине: у него не хватит энергии гоняться еще и за другими женщинами. Он непременно сделает свою служебную карьеру, нарожает и

воспитает кучу детей — примерных граждан отечества, вполне впишется в жизнь своей эпохи. А пассионарий Чацкий «разбросает свой генофонд по популяции» — тем все и закончится. Отсюда вообще-то совершенно понятно, почему Софья, повинуясь природному инстинкту, с такой настороженностью относилась к другу детства и юности Чацкому и предпочла ему Молчалина. С точки зрения законов этногенеза выбор ее абсолютно правильный…

* * *

На первый взгляд и с точки зрения заурядного обывателя жизнь ученого представляется если не скучной, то наверняка однообразной: чтение книг, изнурительная работа за письменным столом, обсуждение различных идей с коллегами, встречи с друзьями, участие в семинарах, симпозиумах, конференциях. В действительности это всего лишь видимая сторона его жизни. На самом деле жизнь подлинного ученого — это накал невероятных страстей и череда взлетов и падений, редких побед и гораздо более частых поражений. Потому что настоящий ученый — это почти всегда *пассионарий* ! (Правда, к сожалению, таковых в реальной жизни не так уж и много.)

Лев Николаевич много размышлял о сущности и характере научного творчества. К концу жизни представилась возможность высказаться на данную тему. Свои соображения и выводы, опубликованные в 1988 году в общественно-политическом и литературном журнале «Знамя», ученый озаглавил «Биография научной теории, или Автонекролог». О науке и процессе научного исследования здесь сказано следующее:

«В Александрийский век, век античной культуры (I—III вв.) говорили: "Эллины ищут знания, а иудеи — чуда". В наше время все поиски истины присвоила себе научная работа, однако и ее можно подразделить на способы, преследующие разные цели и вызывающие к себе различное отношение современников. Ограничусь здесь гуманитарными науками.

Первый, и основной, способ можно назвать "седалищным". Это составление справочников, словарей, пособий. В гуманитарных науках – это подготовка текстов к печати и библиография; в археологии – описание коллекций и в лучшем случае выполнение картосхем, каталогов и статистической обработки собранных материалов. Работа эта пользуется заслуженным уважением, обеспечивает приличную зарплату и не

приносит авторам ни беспокойства, ни известности.

Второй способ можно назвать "мотыльковым". Научный сотрудник много читает, описывает и излагает чужие мысли своим языком. У него много читателей, неплохие гонорары и красочная жизнь. По сути это разновидность литературы, причем изящной, и так как популяризация науки нужна, то такие авторы обретают симпатии читателей и коллег. Но жизнь их статей мимолетна.

Третий способ – писать исторические монографии. Но если авторы ограничиваются публикацией накопленных сведений, их труды не находят читателей. Удержать интерес к своей работе можно только одним способом: вскрыть себе вену и переливать горячую кровь в строки; чем больше ее перетечет, тем легче читается книга и тем больше она приковывает к себе внимания. Зато результаты будут плачевны, ибо коллеги не простят автору: "Ишь ты, его читают, а меня нет!" Большие неприятности по службе обеспечены.

Однако такие книги живут долго. Часто они переживают авторов, а те, исполнив роль доноров, восстанавливают свое здоровье и умирают спокойно, с сознанием выполненного долга. Их вспоминают с уважением.

Все три способа были испробованы автором, и лишь после этого он прибег к четвертому. Хуже всего четвертым, у которых научное озарение охватывает сердце и мозг пламенем постижения истины. То, что было погружено во тьму, вдруг прояснилось; то, что было перемешано и перепутано, – становится на свои места. Собственные ошибки, бывшие привычными, устоявшимися мнениями, отваливаются, как шелуха, но… рассказать об этом никому нельзя, потому что даже друзья предпочитают старые, воспринятые с детства представления необходимости передумать заново пусть не все, но многое. Да и сам первооткрыватель начинает не верить себе. Огонь в сердце, обжигающий мозг, его пугает. Он проверяет себя и свою мысль. Это облегчает его, потому что горение превращается в тление, но преображение души продолжается неуклонно. Наконец наступает момент, когда он не может молчать. Он рассказывает, но не находит тех огненных слов, которые донесли бы смысл его открытия до собеседников. Он знает: надо заставить их думать, и когда это наконец удается, когда пламя мысли передано другому, он обретает счастье.

Но зачем оно ему? У него в душе уже все сгорело. Единственное, что ему осталось, – это повторять уже ему самому известное. Поистине, подлинное научное открытие, доведенное до людей, ради которых ученые живут и трудятся, – это способ

самопогашения души и сердца. И хорошо, если первооткрыватель, после свершения, покинет мир, он останется в памяти близких, в истории Науки <…>».

Известность и популярность Гумилёва и его книг продолжали вызывать не только положительную, но и отрицательную реакцию. В начале «перестройки» он баллотировался в члены-корреспонденты Академии наук, но не прошел: антигумилёвская оппозиция в академических кругах все также задавала тон (не искоренилась она и по сей день). В 1987 году великому ученому исполнилось 75 лет: ни одна официальная инстанция или структура — ни в стране, ни в городе, ни в *Alma mater* — никоим образом не отреагировала на юбилей. То же самое было и в 1982 году: тогда группа коллег и единомышленников подготовила к 70-летию Льва Николаевича и пыталась опубликовать в университетском научном журнале «Вестник ЛГУ» обстоятельный материал, посвященный юбиляру, но наткнулась на непреодолимую стену равнодушия и неприятия со стороны партийных и административных органов.

Злопыхатели и фальсификаторы всех мастей и уровней попрежнему не могли простить ему ни оригинальности суждений и выводов, ни просвещенного патриотизма, ни попыток объективного рассмотрения роли еврейского этноса в истории России — особенно на ее начальных этапах, связанных с Хазарским каганатом (о чем в общих чертах уже говорилось выше). К хору записных хулителей и псевдопатриотических критиков подключились и откровенные русофобы, вроде небезызвестного политолога и публициста Александра Янова, безапелляционно обвинившего Гумилёва в культивировании чуть ли не фашистских и антисемитских идей. Развязанная в средствах массовой информации очередная антигумилёвская кампания не могла не отразиться на позиции новых властей, которые «на всякий случай» продолжали относиться к ученому с недоверием и настороженностью. Лев Николаевич отвечал примерно тем же: новую власть он оценивал так же скептически, как и прежнюю.

* * *

23 июня 1989 года весь мир отмечал 100-летие со дня рождения Анны Ахматовой. В юбилейном номере журнала «Звезда», который после печально известного постановления ЦК ВКП (б) оказался навсегда связанным с именем Ахматовой, появилось интервью Льва Гумилёва, посвященное его великой

матери. В нем сын попытался дать беспристрастную оценку ее личности и многогранного творчества:

«<…> Моя покойная мать, несмотря на очень тяжелые пережитые ею годы и даже десятилетия, оставалась сама собой. Но вопрос в том, можно ли считать это заслугой? Поэт только тогда бывает хорошим поэтом, когда он искренен. Мама была хорошим поэтом и, следовательно, была искренна к окружающим, к самой себе и к своему творчеству. Она просто не могла быть иной, потому что в ней лжи не было, той самой внутренней лжи, которая заставляет превращаться людей в хамелеонов. Может быть, в житейском, прагматическом плане это было и лучше для нее, если бы ей такое удалось. Но это было выше ее сил». Далее сын подчеркивает, что биография Ахматовой окрашена неподдельным страданием: сначала огорчениями от общения со своим окружением, любовными драмами и разочарованиями, затем горечью и болью, связанными с войной и, особенно, со сталинскими расправами над беззащитными людьми. Все эти явления она воспринимала чувством; но не во внешнем плане, а проникая в самую суть. Они наполняли ее душу скорбью и страданием, постоянно мучили ее, становились основой самого существования.

На вопрос, какие из ахматовских стихов ему наиболее близки, Лев Николаевич дал несколько неожиданный ответ: «Из стихов моей матери мне лично больше всего нравятся, мне ближе ее стихи, связанные с пейзажем. Она умела поразительно чувствовать природу, в том числе и городскую природу: парки, сады, дома, и так точно все это передавать, что мои любимые стихи лежат именно в этой области. Кроме того, у нее есть такие большие исторические полотна, как "Поэма без героя", мемуарные произведения. Затем у нее были эмоциональные стихи, излагающие чувства. Они тоже были прекрасны, но не они в числе моих самых любимых, несмотря на то, что они были обращены к моему собственному отцу <…>».

Интимной лирики матери, обращенной к разным мужчинам, кроме отца, он явно не воспринимал, хотя именно здесь встречаются подлинные поэтические шедевры. Недооценивал и глубокую гражданскую поэзию автора «Реквиема». В интервью не удалось избежать и прямых вопросов, касавшихся непростых отношений между матерью и сыном. Лев Николаевич ответил честно и, как ему казалось, объективно: «<…>Мама, хотя в силу разных обстоятельств мы и прожили многие годы вдали друг от друга, по-своему любила меня, переживала за "без вины виноватого" сына. В годы заключения она помогала мне, сколько могла, деньгами, высылала мне продовольственные посылки.

Помощи таковой не было, когда я отбывал срок в Норильске, но то были военные годы, тогда мама, находясь в эвакуации в Ташкенте, сама бедствовала, много болела. Отвечая на Ваш вопрос, я хотел подчеркнуть лишь, что хлопотать за меня, как я думаю и по сей день, следовало более грамотно. Не через влиятельных знакомых, а обращаясь прямо в прокуратуру. Это могло бы дать хоть какие-то плоды, поскольку следствие не располагало никакими доказательствами моей вины. Они не смогли получить от меня нужных им для обвинения доказательств. Жаль, что многочисленные мамины друзья не подсказали ей более верного направления действий». (Напомню, что Анна Андреевна обращалась с ходатайствами по поводу сына и в Генпрокуратуру, и в Президиум Верховного Совета СССР и ее заявления на сей счет приводились выше, однако Лев Николаевич об этом так и не узнал до конца жизни — документы появились в печати позже. Данный факт лишний раз свидетельствует о серьезности размолвки и недопонимания между матерью и сыном.)

Спрашивали и о причинах преследования Ахматовой со стороны Сталина и Жданова. Л. Н. Гумилёв дал своеобразное, в духе теории этногенеза истолкование трагической коллизии, повлиявшей также и на его жизнь: «Объяснить это довольно просто. Существовала тогда совершенно ложная теория, что человек — царь природы и что он всесилен управлять ее законами. Все то, что находилось внутри человека, относили исключительно к социальной сфере, полагая, что ею же, естественно, распоряжаться можно. На самом же деле природными явлениями, к числу которых определенно относится и творчество, точно так же, как и явлениями погоды, климата, землетрясениями, размыванием берегов, руководить путем приказа нельзя. Но этого нельзя было объяснить ни Сталину, ни Жданову, которые считали, что они распоряжаются всем. Если почему-то их распоряжения не выполнялись, то должны быть виноватые. <…>

По этой модели Сталин и Жданов относились и к писателям, не понимая, что художник – это прежде всего выразитель какого-то определенного настроения и чувства, людских взаимоотношений, что творчество ему полностью далеко не подвластно. Но попробуйте объяснить это людям, которые в жизни никогда всерьез не занимались творчеством, не общались с творческими людьми, разве что с трибуны, даже не с кафедры, и потому, естественно, просто этого не понимали. Невежество – такой же повод для злодеяний, как и злая воля».

Вскоре Льву Николаевичу довелось пережить и одно из

немногих счастливых мгновений последних лет своей жизни – реабилитацию отца (все обвинения в его адрес были официально признаны несостоятельными)[59] и в полном объеме возвращение к российскому читателю творчества выдающегося поэта Серебряного века. С трепетом в сердце и со слезами на глазах бережно перелистывал он сборники стихов и прозы Николая Гумилёва, портрет которого в офицерской форме всегда висел у него над письменным столом.

* * *

В 1990 году Лев Николаевич получил первую в своей жизни отдельную (двухкомнатную) квартиру, однако радости она ему не принесла. Все чаще давали знать о себе болезни. Тогда же он перенес тяжелый инсульт, после него уже не смог вернуться к привычной творческой жизни. Правая рука перестала слушаться, и он не мог, как прежде, вычитывать и править верстки многочисленных книг и статей, которые непрерывным потоком поступали отовсюду. К этому следует добавить застарелую (еще лагерную) язву 12-перстной кишки, болезнь печени и диабет, который долго не могли диагностировать, хотя он несколько раз и доводил Льва Николаевича до потери сознания. Тогда-то и услышал его друг и ученик Гелиан Прохоров из уст Гумилёва печальное признание: «Геля, мне жить уже незачем, мне уже нечего делать, я написал все, что хотел. Теперь я могу умирать». Подолгу и тяжело болея, он теперь много диктовал на магнитофон, писал мало и все чаще говорил о приближающейся смерти. Он вынужден был отклонять приглашения из разных стран — Франции, Испании, Венгрии, Монголии, Японии и др. Не мог уже поехать даже в Москву. Жена, друзья и ученики, как могли, поддерживали ученого.

В таком положении застал его распад Советского Союза, который для всех нормальных и здравомыслящих людей явился шоком. Но только не для кучки временщиков, случайно и, по счастью, ненадолго оказавшихся у власти. Однако за несколько лет они успели сделать то, чего не удавалось многочисленным недругам и завистникам России на протяжении целого тысячелетия. Такого бедлама и прямого предательства страна не знала даже в Смутное время. Бездарное руководство обрушило на страну шквал авантюрных реформ. Сверхдержава, одно имя которой заставляло трепетать недругов, в одночасье оказалась на задворках мировой истории. Российский этнос, находящийся в обскурационной фазе своей эволюции и в отсутствие

харизматического лидера, оказался неспособным защитить собственные жизненно важные интересы и оказать сколь-нибудь эффективное сопротивление зарвавшимся политикам и олигархам, беззастенчиво грабящим и унижающим страну и народ.

Гумилёв все видел своими глазами, все чувствовал и еще больше понимал умом и сердцем. Друзьям-единомышленникам рассказывал: «Я как-то читал лекции в МИДе, но кончились они бедой. Я объяснял им, какие у нас могут быть отношения с Западной Европой и ее заокеанским продолжением — Америкой. То, что Америка — это продолжение Европы, они усвоить не могли и считали, что она кончается на берегу Атлантического океана. И еще я им говорил об отношениях с народами нашей страны. Поскольку я занимаюсь историей тюрков и монголов, я знаю этот предмет очень хорошо и поэтому посоветовал быть с ними деликатными и любезными и ни в коем случае не вызывать у них озлобления. Они сказали: "Это нам неважно — куда они денутся!" "И вообще, — сказали они, — мы хотим, чтобы вы читали нам не так, как вы объясняли, а наоборот". Я ответил, что этот номер не пройдет. Они сказали: “Тогда расстанемся”, подарили мне 73 рубля и пачку чая. Большую пачку». К этому добавил: «Аудитория меня поразила своей косностью и тупостью»…

Было чему удивляться и возмущаться: во внешнеполитической цитадели, призванной отстаивать жизненно важные интересы России, с некоторых пор засели люди, проводившие по существу антинациональную политику, направленную на расчленение страны и превращение ее в послушный придаток Запада. Лев Николаевич внимательно следил за трагическими событиями, развернувшимися в стране после ее распада. При каждом удобном случае подчеркивал, что в новых геополитических реалиях он «поддерживает этническое единство путем внутреннего неантагонистического соперничества», в мировом масштабе — многополярный мир и евразийский полицентризм.

Гумилёв категорически возражал против проведения аналогий между распадом СССР и крушением капиталистической колониальной системы в начале XX века. Во-первых. Россия никогда не была империей в западноевропейском смысле слова. Если колониями считать периферийные республики Прибалтики, Средней Азии, Казахстана, Кавказа и т.д., то место метрополии остается только собственно России. Но коль скоро так, то Россия должна была бы напоминать Англию XVIII—XIX веков в сравнении с Индией: отличаться повышенным благосостоянием

населения, иметь третье сословие, активно развивать социальную инфраструктуру за счет колониальных инвестиций. Ничего похожего не было в России. По благосостоянию жителей Кавказ гораздо больше напоминал метрополию, нежели Москва или Петербург. По формированию третьего сословия Средняя Азия ушла куда дальше. Что же касается колониальных инвестиций, то газ и нефть из Сибири долгое время продолжали поступать в отделившуюся от Союза Украину, Белоруссию, Молдавию, страны Закавказья и даже Прибалтику по ценам ниже мировых, тогда как в историческом центре России, названном почему-то Нечерноземьем, и проехать-то можно было далеко не во все деревни и поселки из-за отсутствия дорог.

Во-вторых, почему условием входа в семью цивилизованных наций должен быть распад огромной державы? Если перед глазами «очарованных» россиян стояла современная европейская практика управления в виде Европейского экономического сообщества, то сие тем более ошибочно. ЕЭС и Европейский парламент с их лозунгом «Европа – наш общий дом» действительно представляют собой закономерный итог развития отдельных цивилизованных стран с устоявшимися традициями рыночной экономики в XX веке. Но если брать европейский опыт, следует рассматривать его целиком, а не отдельными фрагментами. Для европейских государств дезинтеграция всегда была способом существования, но цивилизованной Западная Европа стала отнюдь не сегодня. По Максу Веберу, процесс превращения христианского мира в мир цивилизованный проходил уже в XVI—XVIII столетиях. Таким образом, формирование «семьи цивилизованных наций» совпадает вовсе не с распадом империй, а, напротив, с их созданием в результате европейской колониальной экспансии в Африке, Индии, Новом Свете.

Противоречивость социальной точки зрения побуждала искать объяснения, лежащие в иной плоскости, и Гумилёв пробовал найти ответ в этнической истории и этногенезе народов нашей страны. Правда, здесь любого аналитика подстерегает трудность. Сегодня не существует общепринятого, то есть разделяемого большинством общества, взгляда на историю отечества. Что такое, например, почти восемь десятилетий советской власти для большинства населения, жившего в ее условиях? «Новая эра в развитии человечества!» — так отвечали марксисты-ленинцы. Но демократы охарактеризуют этот период как «время господства тоталитарного режима, подавившего свободу, демократию и права человека, провозглашенные Февральской революцией». Однако патриот-почвенник резонно

возразит: «Именно Февральская революция, направляемая руками инородцев, уничтожила традиционную российскую государственность и положила начало Большому террору». Количество высказываний легко умножить, но, находясь в рамках социально-политической системы координат, практически невозможно элиминировать влияние «партийных пристрастий». И положение такое вполне естественно: в борьбе за власть каждая политическая группировка стремится завоевать симпатии общества, а потому трансформация истины проходит легко и как-то незаметно.

Попробуем поставить вопрос иначе. Возможна ли альтернатива не отдельно марксистам, демократам, почвенникам, анархистам (несть им числа), а социальной интерпретации истории как таковой? Ведь на деле политиков при всей мозаике политических взглядов роднит глубокая внутренняя убежденность: история делается людьми, и этот процесс поддается сознательному регулированию. Недаром ключевой момент в деятельности любого политика – момент так называемого принятия решения. Однако не только политик, но и любой обыватель способен привести массу примеров того, как на первый взгляд правильные и взвешенные политические решения приводили к совсем иным последствиям, нежели те, на которые были рассчитаны. Например, желая поправить пошатнувшееся благосостояние с помощью военных успехов, какой-нибудь средневековый герцог, разумно оценив свои силы, «принимал решение» начать вербовать себе наемников. Вскоре мажордом герцога уже давал какому-нибудь прохвосту золотую монету и говорил: «Милейший, возьми это, иди и объясни всем своим друзьям, что наш герцог — добрый герцог». И вот искатели оплачиваемых приключений начинали прибывать во владение герцога толпами. В результате еще до начала войны благосостояние сеньора снижалось, ибо после ландскнехтов оставались потравленные поля, пустые бочонки да оборванные женские юбки. Конечно, наш современник задним числом легко объяснит происшедшее недальновидностью герцога и низким уровнем образования в Средние века. «Правитель должен был предвидеть последствия приглашения на службу жадных кондотьеров, и вообще гораздо правильнее было бы ему освободить крестьян от крепостной зависимости, просветить их, обучив азам политической экономии и военного дела, и, оперевшись на крестьянскую массу в союзе с ремесленниками, совершить буржуазную революцию». Пример намеренно утрирован, но заметим, что такую программу вряд ли бы одобрили вассалы герцога, а ссора с окружением и тогда

уменьшала шансы вождя на спокойную старость.

Но самый парадоксальный вывод из приведенного примера заключается в том, что методология социальной политики сегодня остается такой, какой она была несколько сотен лет назад. Назовите герцога – президентом, наемников – партократами, крестьян – цивилизованными бизнесменами, а буржуазную революцию – демократической, и вы получите точную копию высказываний вчерашней газеты по поводу дискуссий в парламенте. О «новой демократии», расцветавшей у него на глазах, и ее истоках Гумилёв высказывался прямолинейно и нелицеприятно:

«Да, с демократией действительно нынче сложно. Раньше ведь все как было — ни плюрализма и многопартийности, ни парламента и разделения властей. А сейчас всего становится с избытком. Хотя, глядя в телевизор, внимая речам своих же избранников, начинаем понимать, что в потоке демократизации скрыты коварные подводные камни. Я считаю самым опасным из них отсутствие нормальной селекции, которая отбирала бы кадры для самоуправления. Демократия, к сожалению, диктует не выбор лучших, а выдвижение себе подобных. Доступ на капитанские мостики, к штурвалам получают случайные люди. История знает немало примеров, когда “общественное мнение” трагически расходилось со здравым смыслом и потребностью решения насущных задач. В свое время итальянцы знаменитой эпохи возрождения низвергли тираническую фамилию Медичи, но получили взамен свирепого Савонаролу. Не стало легче после его гибели в 1496 году — созданная заново республика показала полное бессилие… Иные скептики, размышляя над подобными пертурбациями, ничего не приносящими народу, кроме вреда, называют историю государственной власти сменой одних видов саранчи другими. Суд и закон часто сами служат произволу. Избирательное право способно склонить к ренегатству, суля успех тем, кто беспринципно меняет взгляды раз в четыре-пять лет. Народные веча и митинги всех времен и народов многажды приводили к дикому разгулу охлократии — власти толпы, которая не щадила никого»

* * *

Особенно горькое чувство вызывали у Льва Николаевича межэтнические конфликты, которые вспыхивали то здесь, то там на территории советского и постсоветского пространства. (В

начале 1990-х годов в центре внимания находился конфликт между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха.) К Гумилёву напрямик стали обращаться политики разного калибра и вездесущие журналисты с просьбой объяснить причины национальных междоусобиц и дать свои прогнозы относительно их возможного разрешения. Лев Николаевич тактично уходил от ответов на подобные непростые вопросы, подчеркивая, что он не политик, а ученый. Что же касается науки, то в ней были допущены такие же ошибки и перекосы, как и в социально-политической сфере. Главный недостаток — классовое истолкование этнических процессов и их природных особенностей. При этом каждый этнос, тем более составляющий государство, должен думать не о том, как нажить врагов — они всегда найдутся, а о том, где найти верных друзей.

Ученый утверждал, что межнациональные отношения везде одинаковы, на всем земном шаре, подобно тому, как термодинамика и гравитация действуют одинаково во Вселенной. Межэтнические конфликты так же неизбежны, как межэтнические контакты. Более того, первые – следствие последних. Но порождающие их причины, как и следствия, – неодинаковы. Поэтому бессмысленно искать *единый рецепт* для преодоления разных межнациональных конфликтов. Это невозможно в принципе: ведь не существует в медицине лекарства от всех болезней. То же и в случае межнациональных конфликтов.

Гумилёв говорил, что плохих этносов не бывает и быть может, есть лишь разные степени комплиментарности в их отношениях друг с другом. Когда складывается обоюдная комплиментарность, получается благоприятное сочетание, народы уживаются друг с другом и могут объединиться в единое государство. Например, Российское государство сложилось на такой огромной территории именно благодаря тому, что была обоюдная комплиментарность народов, живших на своих землях. Создание единого государства на пространстве от Балтики до Тихого океана было естественным процессом и происходило без кровопролития. У нас не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего историю создания США, когда индейцы-аборигены истреблялись сотнями тысяч.

Первопричину возникновения государства Гумилёв, естественно, объяснил на основе своей пассионарной теории. В XIII веке киевский период Древней Руси закончился, последовал следующий, начиная со времен Александра Невского, пассионарный толчок. Это первый пассионарий, который был ясно выявлен. Потом наступило что-то вроде инкубационного периода, когда пассионарии только формировались. Появились

очень энергичные бояре. Ведь самое главное, не каков царь, а каково окружение, бояре. Если окружение пассионарно и патриотично, то какая нам разница, кто по национальности царь — татарин, русский или белорус? При патриотическом окружении царь может быть даже не очень умным: поговаривали, например, что первый Романов — царь Михаил Федорович — был не слишком умен, но при нем был его мудрый отец и наставник патриарх Филарет. Пока у нас не будет настоящего патриотизма, основанного на любви к родной земле и ее истории, ничего хорошего не получится.

Оценивая «смутное время» конца 1980-х — начала 1990-х годов, Гумилёв говорил: «Я не узнаю своей страны, страны детства. Но ведь меня заставили восхититься своей Родиной – даже послереволюционной державой в 30-е годы, и это было серьезно… А затем, я защищал ее под Берлином – снова Отчизна отозвалась любовью – за отзывчивость. Было много лагерников, что-то втихомолку говорили, а вокруг молодые, которым нет дела до того, что будет с ними, когда они вернутся домой. Вот эти, молодые состарились, я ведь вижу, они инвалиды, нищие, но и в них мироощущение огромной Отчизны.

Никому нет дела, до того, что случилось со страной. А она потерпела поражение этническое: плевать, если бы политическое или военное, как Германия или Япония, а именно этническое, произошел раскол посередине, равновесие между жизнью и смертью нарушено. <…> К сожалению, я слабо знаю современную армию, но именно армия испокон веков была носительницей и хранительницей истинного патриотизма, гордости за принадлежность к великой и единой России. Потеряв эти чувства, мы неизбежно потеряем свое историческое лицо».

Одновременно Лев Николаевич ответил и на вопрос по поводу критики в адрес современной Российской армии, на которую постоянно обрушивается шквал обвинений во всех существующих и несуществующих грехах: «Я не против критики, тем более, если она конструктивна. А вот дискредитация сильного всегда была уделом слабых и корыстных. Конечно, вырастить труса, надеющегося, что ему не придется воевать, испытывать какие-то трудности и лишения, легче, чем воспитать воина и гражданина.

Мне думается, что безоглядный пацифизм наносит нашему обществу непоправимый ущерб. <…> Ход событий, все же, во многом, определяют не пацифисты, а пассионарии, и именно энергия этих людей поддерживает целостность и независимость государства. Эти люди антиэгоистичны, они служат идее, приближая поставленную цель. Они трудятся, страдают,

подставляют свои головы ради России, которая досталась им кровью их предков. И *только благодаря* тому, что они *отдают себя, как жертву* , на гибель, и возможно *будущее* ».

Вместе с тем он осуждал ввод советских войск в Афганистан и, по словам журналистки Л. Д. Стеклянниковой, следующим образом подводил итог этих трагических событий: «Вот, впервые после 45-го года мы показали миру, что нас можно победить». Он с болью говорил о поражении, о том, что нельзя было входить в Афганистан, что воевать там невозможно: неприступные горы. Афганцы в них как рыба в воде, а наши? Вот укрепленная крепость или пункт на горе. Как ее взять? По горной тропе можно идти цепочкой, но сверху снайпер всех по одному отстреляет. Артиллерию в горы не потянешь. Зависший над укреплением вертолет тоже не стоит никакого труда сбить. Винил правительственных советников, которые ввергли страну и армию в афганскую аферу: «Ведь правительство, прежде чем предпринять подобную акцию, запрашивает специалистов, советуется с ними. В случае с Афганистаном советниками были либо некомпетентные, либо недобросовестные. Вспомнили бы опыт англичан. В свое время англичане пытались закрепиться в Афганистане, но сочли за лучшее покинуть его».

Относительно катастрофического экономического положения в стране в переломный период, свидетелем которого он оказался, Гумилёв высказался более чем определенно: «К сожалению, та самая фаза надлома, в финале которой мы пребываем, не сулила нам достатка и благоденствия. Для нее характерно расточительное отношение к ресурсам. Экономика с легкостью пошлой девки поддается деструктивным изменениям. Общество впадает в идеологические распри и переживает политическую нестабильность. Любой опрометчивый шаг поистине чреват непредсказуемыми последствиями, вплоть до краха. <…> Надежда у человека есть всегда, у целого народа – тем более. Я вовсе не собираюсь утверждать, что судьба России безысходна. В отличие от скептиков я верю в то, что она, несмотря на тяжкие испытания, сохраняет культурную доминанту <…>».

Вместе с тем за два года до кончины великий ученый с оптимизмом утверждал: «Говорят, чтобы жить счастливо, надо жить долго. Мне 78 лет, я, честно признаться, на столько и не рассчитывал… Да, жизнь была иногда очень тяжелой, но ведь я не был исключением. Кому из порядочных людей, а я смею себя относить к таковым, было легко? Я не был одинок, я был вместе со своей страной, со своим народом. И если сегодня есть люди, которые считают, что я сделал что-то заслуживающее внимания и доброго слова, я счастлив…» А Сергею Борисовичу Лаврову (1928

—2000), президенту Русского географического общества и заведующему кафедрой экономической и социальной географии ЛГУ, Гумилёв при их последней встрече в клинике сказал: «А все-таки я счастливый человек, ведь всю жизнь я писал то, что хотел, то, что думал, а они (многие коллеги его) — то, что велели…»

В начале июня 1992 года состояние здоровья Льва Николаевича резко ухудшилось, и он вновь оказался в питерской академической больнице, где ему сделали неудачную операцию, которую, по мнению друзей и близких, вообще не стоило делать. О последних днях ученого рассказано в мемуарах Н. В. Гумилёвой (для нее это были очень тяжелые воспоминания): «Я всегда относилась отрицательно к академической больнице, но меня уговорили отправить туда Льва для лечения язвы, так как там есть барокамера, которая как будто дает хорошие результаты. После семи сеансов Лев сказал: “Я больше туда не пойду, мне это не помогает”. Но врачи, которые его лечили, заявили: “Нет, мы его не отпустим, надо чтобы язва зарубцевалась”. И начали лечить его облепиховым маслом, что в принципе можно было делать и дома.

Мне надо было готовить еду, а возить туда нужно было через весь город на метро и на автобусе. Поэтому Льва часто навещала наша помощница Елена Маслова, жившая рядом с больницей. Ученики – Костя Иванов, Оля Новикова, Слава Ермолаев, Володя Мичурин – приходили и читали Льву научные книги и фантастику, которую он очень любил. Это его отвлекало.

Наконец, я забрала Льва из больницы, но дома ему стало очень плохо, поднялась температура, начались страшные боли. Пробыл он дома всего неделю. Я вызвала скорую помощь. Те сказали: «Подозрение на воспаление легких, надо в больницу», и, конечно, отвезли опять в академическую. Я сказала: «Лёв, я приеду завтра утром». Вдруг рано утром звонит Лена Маслова и сообщает: «Я пришла к Льву Николаевичу, а мне говорят, что его увезли на операцию!» – «Как на операцию? Почему мне не позвонили?»

Его нельзя было класть на операцию. Они ему удалили весь желчный пузырь, а этого нельзя было делать – ткани были очень тонкие. Лопнула его чуть зарубцевавшаяся язва и образовались новые язвы, началось сильное кровотечение. И уже остановить было нельзя. В это время очень помог тележурналист Александр Невзоров: он объявил в своей передаче, что нужна кровь, и доноров пришло много.

Меня не пускали в реанимацию. Я звонила утром, вечером. Вдруг мне звонит из реанимации доктор и говорит: «Лев Николаевич очнулся и хочет есть, а у нас кроме соленой трески

ничего нет. Так что приезжайте, привезите кашу».

Это Лев, конечно, придумал предлог, чтобы повидаться. Лев лежал в отдельной реанимационной палате весь бледный, опухший, опутанный проводами.

Он хотел меня повидать: видимо, чувствовал, что уже кончается. Посмотрев на кашу, сказал: «Ты чернослива туда не положила». – «Завтра привезу». Но завтра уже не было. Наконец мне сказали, что больше оставаться нельзя. Я поцеловала ему руку, поцеловала его самого, то есть простилась с ним. Я спросила: «У тебя что-нибудь болит?» – «Нет, ничего не болит». 15 июня Лев умер». Перед смертью он успел причаститься и собороваться.

После неоправданных бюрократических проволочек, в которых далеко не с лучшей стороны проявил себя тогдашний глава города А. А. Собчак, мэрия, получив разрешение от митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского владыки Иоанна, наконец определилась с местом погребения на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, неподалеку от раки высокочтимого Львом Николаевичем святого благоверного и великого князя Александра Невского. Гроб с телом для прощания был установлен в Большом мемориальном зале Географического общества. Сюда, а также на отпевание в храме Воскресения Христова на Обводном канале и на кладбище стекались тысячи людей. У гроба в парадной форме и с шашками наголо стояли казаки. Накануне газета «Известия» опубликовала слово прощания (некролог), подписанное верным другом Л. Н. Гумилёва академиком А. М. Панченко и озаглавленное «Он был настоящим вольнодумцем». Официальные власти от организационных мероприятий самоустранились. Спустя положенное время на могиле ученого был водружен большой мраморный крест.

Вскоре вдова ученого Наталья Викторовна подарила городу просторную квартиру на Коломенской улице, дом 1/15, где последние два года проживала с мужем, с целью организации там мемориального музея, а сама переехала в Москву, где прожила еще десять лет и умерла 4 сентября 2002 года. Урна с ее прахом была захоронена рядом с могилой мужа. На доме, где разместился Мемориальный музей– квартира Л. Н. Гумилёва, через некоторое время появилась памятная доска с надписью «Выдающемуся ученому и тюркологу — от Республики Татарстан». Власти Петербурга так и не удосужились увековечить память своего великого сына. За них, как мы видим, это сделали благодарные татары. А в новой столице суверенного Казахстана в 1996 году был учрежден Евразийский национальный университет

имени Л. Н. Гумилёва.

Известный писатель Дмитрий Михайлович Балашов (1927—2000), считавший себя учеником Гумилёва, в эссе «Памяти учителя», опубликованном вскоре после смерти Льва Николаевича, писал: «Обнажим же головы все — соборно! Гении русской земли — часть нации и ее порождение. Но и нация, родившая гения, должна почуять ответственность свою перед ним. К ней направлены глаголы призывающие, и она должна им достойно ответствовать. Иначе голос гения замолкнет, как колокол на погосте, никого не разбудив. Проснемся ли? В статьях и книгах все чаще звучат упоминания великого имени, все чаще встречаются те, кто и прочли, и поняли, и приняли гумилевские глаголы. Быть может, все это знак отнюдь не медленности, но быстроты распространения его идей? Ибо нас много, и мы разные, и земля наша велика зело! Но давайте поймем, что цепь исторических событий, выходящая из тьмы прошлых веков к будущему, нерасторжима. <…> Давайте вновь сплотимся воедино, перестанем уничтожать среду своего обитания, как и друг друга, давайте вспомним, что мы, даже и в бедах, великая страна, великий народ и великое содружество народов <…>». Сказанное сбывается с каждым годом и никогда не потеряет своей актуальности…

Заключение
«ЭТО ПРОПУСК В БЕССМЕРТИЕ ТВОЙ…»

Что может один человек? Очень много — если на его стороне правда и истина! Жизнь и судьба Льва Николаевича Гумилёва — наглядное подтверждение данного общеизвестного факта: при столкновении человека с несоизмеримыми противодействующими силами последние способны подавить растоптать, даже уничтожить свою жертву, а после смерти – на какое-то время дискредитировать ее, однако не в состоянии уничтожить *идею*, носителем которой она являлась. Выдающийся индийский мыслитель Свами Вивекананда (1863– 1902) провозглашал: «Если даже весь мир будет против меня, а истина — за, она победит в конечном счете». Сказанное в полной мере относится и ко Льву Гумилёву.

Его жизненный и научный подвиг состоит в том, что опальный ученый, который почти четырнадцать лет безвинно провел в тюрьмах и исправительных лагерях, не побоялся в одиночку выступить против всесильной и казавшейся незыблемой идеологической системы, способной раздавить любого, кто смел посягать на ее всевластие и вседозволенность. Дмитрий Балашов сказал о его учении: «Это прорыв к звездам»…

Менее всего Гумилёв походил на Дон Кихота, вступившего в бессмысленную борьбу с ветряными мельницами. Не был он и Джордано Бруно, готовым взойти на костер во имя своих убеждений. Он скорее походил на Галилея, вынужденного вроде бы согласиться с абсурдными доводами своих дремучих оппонентов, но внутренне остававшегося убежденным в обратном. Однако свое кредо Гумилёв отстаивал смелее, упрямее и последовательнее. Бесчисленных же хулителей его ни при каких условиях нельзя назвать борцами за истину — всего лишь ее могильщиками, а следовательно, и могильщиками науки.

Друг Льва Николаевича академик А. М. Панченко, пожалуй, лучше всех определил место и роль Гумилёва в истории науки и мировой мысли: «<…> Гумилёв сумел в этом мире кое-что объяснить. Его ругают, уличают в каких-то ошибках – но кто же не ошибался? Он крупный человек – как Платон, как Аристотель, как Томас Мор. Разве мы построили Город Солнца? — нет, не построили, это утопия, но она очень многое объясняет. Лев

Николаевич и стихи ведь писал неплохие, просто мама и папа у него делали это слишком хорошо, так что он считал, что ему не стоит соваться.

Не надо искать в теориях Льва Николаевича всеобщих отмычек на каждый случай. Все крупные мыслители объясняют нечто, и он именно такой мыслитель. Он был уверен, что народы проходят примерно одинаковый путь развития, и это чрезвычайно важно. Теории, которые объясняют все, не стоят ничего — как теория Адлера, фрейдизм, марксизм. Мы не можем жить по Платону, мы никогда не будем строить идеальное государство, изгонять из него поэтов. Но Платон — великий мыслитель. И Лев Николаевич — тоже великий мыслитель, только необходимо понимать, что это некое относительное знание, относительное объяснение. Но этого, как правило, не понимают, и отсюда возникают всевозможные нападки. Ведь и Сократа заставили выпить цикуту.

Лев Николаевич был храбрый, в этом смысле он, быть может, подражал своему папе, которого он очень любил, хотя и мало видел. <…> Да, Лев Николаевич был храбрый человек, он никогда ничем не поступился — за что я его и любил. И он завещал нам не только свои идеи, но и свою храбрость».

Как только не изощрялись тоталитарная система и консервативная наука в тщетных попытках расправиться с великим ученым и его трудами. В итоге победили не политические и идеологические монстры, а вдохновенный и несгибаемый Фауст, со всех сторон окруженный бесплодными и напыщенными пустышками — вагнерами, именно себя считающими олицетворением высокой науки. В трудную пору, когда повсеместно запрещались священные религиозные книги и блистательные философские трактаты, стихи неугодных поэтов и картины оригинальных художников, Гумилёв сумел преодолеть глухую стену неприятия и обструкции, предложив простые и понятные основоположения вместо расцветавшего пышным цветом абстрактного социологизма и схоластического теоретизирования, когда живая история живых людей и народов подменялась жонглированием вычурных и ничем не подкрепленных понятий. Грубо говоря, Гумилёв *демистифицировал историю* , превратил ее из абстрактной и далекой от жизни схемы в науку, приближенную к естествознанию. Кроме того худосочные понятия и суждения не в состоянии передать все богатство красок и драматичность исторических явлений. Гумилёву же удавалось преподнести самые сухие научные факты захватывающе, интригующе и увлекательно.

Но в правящем ли режиме или господствующей общественно-экономической формации причина обрушившихся на него бед? Не в обыкновенной ли человеческой природе, подкрепленной сложившейся системой общественных отношений, кроются действительные причины научных и житейских невзгод? Ведь консервативно и обструкционистски настроенные ученые превращаются в инквизиторов и ретроградов вовсе не потому, что им дорога истина или интересы науки, а потому, что в них кроются и в определенный момент вдруг пробуждаются бессознательные инстинкты волчьей стаи или ядовитой змеи, затаившейся в ожидании жертвы. Это прекрасно понимал сам Л. Н. Гумилёв: причины поломанной юности и исковерканной зрелости он видел не в общественной системе, а в низменных качествах, присущих человеку от рождения. В конце концов, массовые репрессии ничуть не меньшие, чем в России XX века, происходили и в Римской империи, и в Древнем Китае, и в средневековой Европе, и во времена якобинской диктатуры во Франции.

О подоплеке же собственных четырнадцатилетних тюремно-лагерных злоключений он неизменно говорил: «*Ученые сажали ученых* ». (Точно так же можно сказать: соседи сажали соседей, сослуживцы — сослуживцев, партийцы — партийцев и т. д. — во всем виновата людская психология.) «Ученые» по большей части напоминали ему не столько заурядных «стукачей», сколько фокусников-дознавателей, способных сфальсифицировать любые факты и доказать, что белое это черное, а черное это белое. Система же существовавших отношений всего лишь создавала благоприятную почву для подпитки темных страстей, которые язык не поворачивается назвать человеческими. Впрочем, так ли это? Ведь иных качеств у людей нет и быть не может. Просто отрицательные побуждения регулируются, блокируются, подавляются системой индивидуальных, социальных, правовых, этических принципов и запретов. Стоит последним чуть-чуть пошатнуться или притормозиться, как на поверхность прорываются самые темные силы и устремления. Разве какая-либо конкретная общественная система в этом виновата? В любой общественной системе при *одинаковых* условиях все люди будут вести себя *одинаково* !

Однако недаром в народе говорят: «Не стоит село без праведника». В какой угодно сфере деятельности или области жизни непременно находятся свои подвижники и угодники. Именно к таковым и принадлежит Лев Николаевич Гумилёв. Русские историки создали пестрое многоцветие школ и тенденций. Так, в традиционном летописании на протяжении

многих веков утвердилось провиденциалистское представление о «руке Всевышнего» как главной силе, обусловливающей весь ход мировой и отечественной истории. Идея Божественного промысла в явной и неявной форме пронизывает от начала до конца всю «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. Помешать этому ни в коей мере не смогла предшествовавшая просветительская (и не менее патриотическая) позиция В. Н. Татищева (1686-1750), М.В. Ломоносова (1711-1765) и В.К. Тредиаковского (1703-1769). Лишь спустя многие десятилетия карамзинский провиденциализм смогли слегка потеснить позитивистская методология С.М. Соловьева (1820-1879) и В.О. Ключевского (1817-1885) и антинорманизм И.Е. Забелина (1820-1908).

Но ненадолго. XX век в России ознаменовался утверждением марксистских методов исторического анализа, основу которых составляло учение об экономической обусловленности самой истории и классовой борьбе как движущей силе исторического процесса. В какой-то мере подобному подходу противостояла евразийская альтернатива, которая сформировалась, получила всестороннее обоснование и развитие в эмигрантских кругах, оторванных от отечественной почвы. В самой же России главным проводником этих идей стал Л. Н. Гумилёв, его самоотверженные и последовательные выступления в печати и научных дискуссиях привели к тому, что игнорировать евразийскую школу исторической мысли стало просто невозможно. А соединение евразийской теории с учением о биосфере, ноосфере и пассионарности постепенно превратило его в центральную фигуру всего направления. Наступил XXI век, и он стал ВЕКОМ ГУМИЛЁВА! Достойных конкурентов на данном этапе развития научной мысли у него нет!

Л. Н. Гумилёв обогатил историю еще и потому, что стал рассматривать ее в целом. Космистские идеи, сформулированные замечательной плеядой русских философов и ученых-естествоиспытателей, составляют стройную систему принципов, которые могут успешно использоваться в процессе общенаучного исследования, приводя к новым результатам и доказывая тем самым свою эвристическую значимость. Принципы философского космизма выступают главными теоретическими систематизаторами и интеграторами современной научной картины мира (включая и ее исторический аспект). При этом систему самих космистских принципов важно использовать в процессе общенаучного познания в такой последовательности и таким образом, чтобы они ориентировали разрабатываемую теорию и ее концептуальный аппарат на приведение в точно

соответствие с закономерностями, связями и отношениями отображаемой действительности. Методологическая культура предполагает требовательное отношение к любым вновь вводимым принципам (в том и заимствуемым из арсенала естественно-математических и технических наук) и, кроме того, выявление их мировоззренческой ориентации.

Именно этим путем всегда шел Л. Н. Гумилёв, и именно поэтому он достиг в своих многолетних научных изысканиях существенных и позитивных результатов. Космистское мировоззрение отражает не только связи и отношения, равным образом действующие в природе, обществе и мышлении, но и специфические закономерности, присущие самому процессу познания, направленному на осмысление неисчерпаемых граней и аспектов Вселенной. Отсюда вытекает непреходящее значение соответствующих космистских принципов и подходов для реального процесса познания, для конкретного научного исследования, включая и развитие общенаучного знания. Высокая интеллектуальная культура выражается в творческом умении применять космистскую методологию, гносеологию и онтологию при анализе любых теоретических проблем. Это прекрасно понимал Гумилёв, но этого, к великому сожалению, не понимали его многочисленные оппоненты.

Понятно, что согласованность между выводами представителей различных областей знания заключается вовсе не в том, чтобы принудительно «подгонять» одни выводы под другие, а в умении (даже искусстве) видеть, что и философско-космистское и частнонаучное познания направлены (каждое в своих аспектах) на осмысление одних и тех же сторон одного и того же объективного мира. Поэтому сама объективная реальность и ее космические закономерности диктуют необходимость согласования результатов, полученных различными путями и в разное время. Научная истина едина и неопровержима, она непрерывно развивается и обогащается за счет вклада, внесенного представителями всех областей знания. В стимулировании данного процесса, в корректировке, систематизации и синтезировании общенаучного знания космистскому подходу принадлежит первостепенная роль.

Вот почему космистский подход неотделим от столбового пути развития мировой науки и философии. Это прекрасно понимают многие глубоко мыслящие ученые во всем мире. Известный американский методолог науки Стефан Тулмин в весьма популярной на Запада книге «Возвращение к космологии» прогнозировал, что наука будущего (постсовременная – по терминологии Тулмина) непременно возродит вопрос о Космосе

(космизм) в том объеме, как это было принято во времена Античности. По мнению Тулмина, Космос в былом всестороннем понимании был исключен из поля зрения ученых и вышел из «пространства» современной науки в XVII веке, когда новая астрономия, опиравшаяся исключительно на естественно-математические принципы, стала ориентироваться на упрощенные космологические модели мироздания. Целостность картины мира была неоправданно нарушена, не говоря уже о том, что из нее был вытеснен микрокосм. Тулмин призывает к «возвращению к Космосу», что имеет решающее значение для настоящего и будущего науки и философии.

Опираясь на идеи Тулмина, другой американский ученый — Р.А. Раппапорт, занимающийся наиболее близкими Л Н. Гумилёву проблемами этнографии и этнологии, указывает на жизненную необходимость для современной этнологии увязывания ее с традиционной философской концепцией Логоса в ее космическом содержании. Помимо всего прочего, такой шаг влечет за собой осознание факта, что *мир в его единстве* создается не только благодаря действию галактических, геологических, метеорологических, химических и органических процессов. Со времени появления человечества он создается также благодаря участию культурного фактора, а с появлением агрикультуры эта компонента становится все более определяющей.

Л. Н. Гумилёв же и его последователи считали данный подход самим собой разумеющимся. Впрочем, традиционно ориентированных ученых и по сей день слабо вдохновляет космистский, биосферный и ноосферный анализ исторических событий и настораживает вторжение в их вотчину чужеродной, как им кажется, методологии. В действительности только у целостного космистского видения исторических процессов и этногенеза есть будущее. По существу, мировая наука и философия лишь сейчас пришли к выводам, сформулированным и всесторонне обоснованным русскими мыслителями-космистами, предвидевшими и отстаивавшими превращение космистской методологии в общемировой научно-культурологический феномен. Это доказывают состояние и перспективы развития современной науки и философии. Это доказывает весь *пафос и устремленность в будущее* учения Льва Николаевича Гумилёва.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Толковый словарь понятий и терминов, использованных Л.Н. Гумилёвым в учении об этногенезе [60]

АДАПТАЦИЯ В ЭТНОГЕНЕЗЕ – приспособление этноса к ландшафту, происходящее путем выработки новых стереотипов поведения.

АКТУАЛИЗМ – ощущение времени, при котором настоящее воспринимается как единственная объективная реальность.

АНТИСИСТЕМА (ЭТНИЧЕСКАЯ) – этническое объединение людей с негативным мироощущением.

АТТРАКТИВНОСТЬ – бескорыстное, но абстрактное влечение к истине, красоте, добру и справедливости.

БЕЗДНА – в понимании Гумилёва, заимствованном у Ломоносова, – синоним бесконечного космоса.

БИОСФЕРА – оболочка Земли, состав, структура и энергетика которой в существенных чертах обусловлены прошлой или современной деятельностью живых организмов. Состоит не только из живого вещества, но и из продуктов его жизнедеятельности за геологическое время: почв, осадочных и метаморфических пород, свободного кислорода воздуха. Учение о биосфере является фундаментом этнологии, так как законы этногенеза являются частным случаем более общих законов, описывающих движение и энергетику живого вещества, а этнические системы органично входят в состав биосферы.

БИПОЛЯРНОСТЬ – возможность развития систем в двух направлениях: либо к усложнению, либо к упрощению.

ГАРМОНИЧНЫЕ ЛЮДИ – особи, пассионарный импульс которых равен по величине импульсу инстинкта самосохранения или что тоже самое, люди, энергоуравновешенного типа, производящие столько работы (см. Пассионарностъ как энергия), сколько требуется для личного и видового самосохранения (поддержания своей жизни и жизни потомства). Характеризуются способностью к полноценной адаптации в среде, но не проявляют при этом повышенной целенаправленной активности, характерной для пассионариев. В структуре этноса гармоничнее люди играют исключительно важную роль стабилизирующего фактора, поддерживающего этническую традицию. Достаточное количество гармоничных людей в составе этноса – залог его внутренней устойчивости, но не активности.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ «ДРЕЙФ»(в этнологии) – явление

распространения пассионарного признака в популяции и за ее пределами, что происходит: а) Путем миграции пассионариев на края ареала популяции или за ее пределы, где они создают семьи или рассеивают свой генофонд иным способом. б) Путем случайных внебрачных связей во время военных походов, торговых экспедиций и т.п. Пассионарный признак может распространяться довольно быстро вследствие высокой миграционной и демографической активности пассионариев – в особенности в окраинных зонах расселения этноса.

ДИНАМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ – (противоположно статическому состоянию, или этническому гомеостазу) – состояние, характеризуемое в целом: а) повышенной демографической и миграционной активностью, стремлением к расширению территории; б) изменчивостью стереотипа поведения (каждое последующее поколение в той или иной степени не походит на предыдущее, так называемый «конфликт отцов и детей»); в) преобразованием ландшафтной среды, приспособлением ее к своим нуждам; г) сменой общественных императивов поведения; д) созданием социально-политических институтов; е) активным усвоением чужих идей и пропагандой своих;

ж) наличием линейного отсчета времени от какого-либо реального или мифического события.

ИЗОЛЯТ – небольшой этнос-персистент, отграниченный в силу ландшафтных условий от других этносов и не вступающий с ними в этнические контакты в течение значительного периода времени. Этносы-изоляты существуют на Памире, в Южной Америке, Африке, на Тибете и т.д.

ИМПЕРАТИВ ПОВЕДЕНИЯ – идеальный принцип поведения индивида в этническом коллективе, который диктует ему этот коллектив. Подсознательно воспринимается всеми людьми как негласная норма поведения, выход за пределы которой не позволяет индивиду удовлетворять свои социальные потребности (занимать в коллективе определенное место, пользоваться вниманием и уважением окружающих).

ИМПУЛЬС ПОВЕДЕНИЯ ИНСТИНКТИВНЫЙ – то, что и ИНСТИНКТ, врожденный поведенческий импульс, направленный на личное и видовое самосохранение.

ИМПУЛЬС СОЗНАНИЯ – эгоистическое побуждение, требующее для своей реализации в отличие от аттрактивности (см.) рассудка и воли.

ИНКУБАЦИОННЫЙ ПЕРИОД – часть фазы подъема (см.) от момента пассионарного толчка или начала генетического «дрейфа» (см.) до появления этноса как новой этносоциальной

системы и связанных с ним социально-политических институтов. Характеризуется выделением из этнического субстрата пассионарных особей, которые начинают создавать первоначальные консорции (см.). Такие люди рвут с традиционным бытом, не удовлетворяющим их жажду деятельности, становятся изгоями общества и тянутся к себе подобным. Впоследствии они создают общую этническую доминанту и приступают к строительству быстро усложняющейся этнической системы, что знаменует окончание инкубационного периода.

КОМПЛИМЕНТАРНОСТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ (ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ) – ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов этнических коллективов, определяющее деление на «своих» и «чужих». Явление комплиментарности лежит в основе этнического разделения людей, так как появлению любого этноса предшествует образование групп людей (консорций), объединенных взаимной симпатией, позволяющей этим людям поддерживать постоянные тесные взаимоотношения и вырабатывать общую линию поведения. На уровне этноса и суперэтноса явление комплиментарности проявляется еще более четко: хотя отдельные представители чужого этноса могут вызывать личную симпатию, весь этот этнос ощущается как нечто чуждое.

КОНВИКСИЯ – небольшая группа людей с однохарактерным бытом и общим местом обитания, существующая в течение нескольких поколений; наряду с консорцией – низший таксон этнической иерархии. Примеры конвиксий – сельские общины, средневековые кварталы ремесленников, мелкие племена.

КОНСОРЦИЯ– комплиментарное объединение на непродолжительное время небольшой группы людей, связанных, часто эфемерно, единой целью и исторической судьбой. К консорциям относятся «кружки», политические группировки, секты, банды, артели и тому подобные объединения (всегда добровольные, а не искусственно созданные). Роль консорций в этногенезе очень существенна, так как из них вырастают этнические системы более высоких рангов: так, из первых консорций христиан возник впоследствии Византийский суперэтнос, из консорции, собравшейся на реке Тибр, – Римская империя, из группы соратников Чингисхана – империя монголов.

КСЕНИЯ(буквально – «гостья») – форма нейтрального сосуществования этносов в одном регионе, при которой они сохраняют своеобразие и не сливаются, но и не вступают в отношения, характерные для симбиоза. Между этносами не возникает острых конфликтов. Такая форма контакта часто

встречается между этносами одной суперэтнической системы (как, например, между англо – и франкоканадцами в Канаде, между финнами и шведами в Финляндии).

МЕНТАЛЬНОСТЬ – особенности психического склада и мировоззрения людей, входящих в ту или иную этническую целостность. Ментальность предстает перед нами в виде иерархии идей, воззрений, представлений о мире, оценок, вкусов, культурных канонов, способов выражения мысли, являясь существеннейшей частью этнической традиции. Формируется ментальность в ходе этногенеза (в том числе под влиянием этнических контактов).

МЕСТОРАЗВИТИЕ (или родина) этноса — неповторимое сочетание ландшафтов, где данный этнос сложился как система. Характер этих ландшафтов оказывает глубокое влияние на облик этноса, определяя его адаптацию в среде.

ПАССЕИЗМ – ощущение времени, при котором прошлое воспринимается как единственная объективная реальность.

ПАССИОНАРИИ (особи энергоизбыточного типа) – особи, обладающие врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем это требуется только для личного и видового самосохранения, и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по видоизменению окружающей их среды. Другими словами, у таких людей пассионарный импульс поведения превышает величину импульса самосохранения. Судят о повышенной пассионарности того или иного человека по характеристике его поведения и психики (см. Пассионарностъ как характеристика поведения и психики). Так как Л.Н. Гумилевым установил, что массовое изменение поведения людей в сторону повышения их активности является эффектом энергии живого вещества биосферы. Отсюда вытекают причины повышенной активности отдельного индивида. При этом следует исходить из того, что психическая и интеллектуальная активность требует затрат энергии точно так же, как и физическая, только эта энергия пребывает в иной форме и ее труднее регистрировать и измерять.

Другой стороной энергоизбыточной конструкции пассионариев является способность активно влиять на поведение и психические состояния окружающих лиц – так называемое явление пассионарной индукции (см.), причем эта черта неразрывно связана с высоким уровнем общей поведенческой активности.

ПАССИОНАРНАЯ ИНДУКЦИЯ – изменение настроений и поведения людей в присутствии более пассионарных личностей. Пассионариям удается навязывать окружающим свои

поведенческие установки, сообщать им повышенную активность и энтузиазм, которые от природы этим людям не присущи. Они начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны, но, как только достаточное расстояние отделяет их от пассионариев, они обретают свой природный поведенческий и психический облик. Пассионарная индукция наиболее отчетливо проявляется во время войн, когда пассионарным полководцам удается вести за собой войска, состоящие в основном из гармоничных людей.

ПАССИОНАРНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПОВЕДЕНИЯ И ПСИХИКИ – активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели (часто – иллюзорной) и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради достижения этой цели. Жертвенность понимается здесь широко – как отказ от удовлетворения ближайших потребностей, иногда жизненно важных, ради доминирующей социальной или идеальной потребности, осознаваемой как цель. При высоких степенях пассионарности эта цель представляется индивиду достойной того, чтобы отдать за нее жизнь. В целом пассионарии характеризуются значительным доминированием социальных (прежде всего – потребности в лидерстве) и идеальных потребностей над биологическими (витальными), хотя последние могут быть ярко выражены.

ПАССИОНАРНОСТЬ КАК ЭНЕРГИЯ – биохимическая энергия живого вещества биосферы, определяющая способность этнических коллективов совершать работу, наблюдаемую историками как их активность (миграционная, природопреобразовательная, военная, экономическая и т.д.). Эта активность определяется количеством энергии в системе (пассионарным напряжением) – то есть количеством пассионариев различных уровней. Следовательно, пассионарность, описанная как поведенческий феномен, имеет энергетическую природу: способность индивида совершать целенаправленную работу по изменению окружения (что требует длительного эмоционального, волевого, интеллектуального и зачастую физического напряжения) объясняется повышенным количеством энергии, которую данная особь захватывает (абсорбирует) из окружающей среды. Этот вывод есть следствие из закона сохранения энергии, согласно которому энергия, потребная для совершения той или иной работы, не может появляться ниоткуда.

ПАССИОНАРНЫЙ ИМПУЛЬС ПОВЕДЕНИЯ, – поведенческий импульс, направленный против инстинкта индивидуального и видового самосохранения.

ПАССИОНАРНЫЙ ПРИЗНАК – генетический признак, передаваемый по наследству и лежащий, согласно гипотезе Л.Н.

Гумилева, в основе феномена пассионарности.

ПАССИОНАРНЫЙ ТОЛЧОК – микромутация, вызывающая появление пассионарного признака в популяции и приводящая к возникновению новых этнических систем в затронутых ею регионах. Вывод о существовании таких микромутаций был сделан Л.Н. Гумилевым на основе выявленной им исторической закономерности, согласно которой новые суперэтносы возникают одновременно и по одной линии, вытянутой по поверхности Земли на многие тысячи километров через любые ландшафтные препятствия (например, толчок I в. н.э.: готы – славяне – даки – христиане – иудеи – абиссинцы (аксумиты), или толчок VI в. н.э.: арабы (мусульмане) – раджпуты – боты (Южный Тибет) Гумилевым было установлено, что в период непосредственно после пассионарного толчка во всех затронутых им регионах происходил быстрый рост активности новых этнических образований (а также их численности), изменялись стереотипы поведения, возникали новые идеологические и религиозные течения. Единственной гипотезой, объясняющей удивительную синхронность этих явлений в различных частях света, стало учение Л.Н. Гумилева о пассионарных толчках как генетических микромутациях. Закономерно встал вопрос о происхождении мутагенного фактора, порождающего толчки. Из всех предположений после их подробного анализа было выбрано одно: толчки имеют космическое происхождение (излучение из Космоса), так как никакими земными причинами не удается объяснить их линейную форму и огромную протяженность на поверхности Земли.

ПЕРЕГРЕВ ПАССИОНАРНЫЙ – избыток пассионарности в этносе, приводящий к внутренним катаклизмам и снижению резистентности системы. Возникает обычно в акматической фазе (см.) этногенеза. При пассионарном перегреве соподчиненность элементов этнической структуры нарушается, возникает огромное количество различных направлений и группировок, которые интенсивно борются между собой, даже в момент опасности внешнего вторжения. Кроме того, для пассионарного перегрева характерны фигуры пассионариев-честолюбцев, которые стремятся к личному успеху любой ценой и приносят интересы этнической целостности в жертву своим собственным. В этих условиях бывает трудно наладить централизованное руководство крайне сложной и разнообразной системой. Примеры пассионарных перегревов: IV – V в. н.э. в Византии, «смутное время» в России. Избыток пассионарности в Западной Европе в XI – XII веках потребовал организации крестовых походов, в которых нашли применение своим силам многочисленные пассионарии.

Пассионарный перегрев сопровождается также активной борьбой в идеологической и религиозной сферах.

ПОПУЛЯЦИЯ– совокупность особей, населяющая в течение ряда поколений определенную территорию, в пределах которой осуществляется свободное скрещивание.

ПУСКОВОЙ МОМЕНТ – начало пассионарного толчка, являющегося в абсолютной временной шкале нулевой точкой отсчета.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЭТНОСА – способность этнической системы развиваться в направлении, обеспечивающем существование и адаптацию к среде с наименьшими возможными затратами биохимической энергии.

СИМБИОЗ– форма взаимополезного сосуществования двух и более этносов в одном регионе, при котором элементы этнической системы сохраняют свое своеобразие. При такой форме контакта этнические коллективы имеют различные наборы приспособительных навыков, используя различные части ландшафта или разные ландшафты. Так, великороссы селились в основном по долинам рек, оставляя степные просторы казахам и калмыкам, а лесные водоразделы – угорским народам. К симбиозу можно отнести также контакт между субэтносами в границах одного этноса: они делят функции, но не сливаются между собой (как, например, крестьяне, дворяне, казаки внутри русского этноса).

СТАРЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ – процесс потери инерции пассионарного толчка в этнической системе, заключающийся в постепенном устранении пассионарного признака из популяции путем естественного отбора. После того как система прошла фазы высокого пассионарного накала, начинается процесс длительного и неравномерного снижения пассионарного напряжения. При этом может сохраняться богатая культурная традиция, огромная территория и государственная структура, но потеря действенной энергии приводит систему в состояние этнической старости – обскурации (см.), после чего она сходит с исторической сцены. Так произошло и с Римской империей, и с Византией, и с Древним Китаем (Хань), и с другими цивилизациями, что позволило сделать обобщение: всякая этническая система, подобно живому организму, проходит стадии юности (роста и экспансии), зрелости (максимальной активности) и старости (упадка и разложения).

СТЕРЕОТИП ПОВЕДЕНИЯ – система поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение путем сигнальной наследственности, специфичная для каждого этнического коллектива. Стереотип поведения складывается в процессе

адаптации этнической системы к окружающей ее среде. Эта среда (ландшафтная и этническая) определяет неповторимый облик каждого этноса. Собственный стереотип поведения воспринимается членами этнического коллектива как единственно возможный, нормальный стандарт взаимоотношений, образа жизни и действий людей. Если данный коллектив находится в здоровом (не деформированном или переломном) состоянии, принятые нормы поведения совершенно нетягостны для его членов (хотя соседям могут казаться противоестественными или жесткими). Чужие стереотипы поведения на обыденном уровне воспринимаются как чудачества или дикость, вызывают удивление, насмешку или злобу. Причем некоторым этносам удается достаточно легко найти общий язык (если другой стереотип поведения не кажется опасным или омерзительным), но часто встречаются также случаи полного взаимного неприятия. Особенно острую реакцию, как правило, вызывают чужие стереотипы в сфере взаимоотношения полов, отношения к умершим, к правилам чести и т.д.

СУБПАССИОНАРИИ (особи энергодефицитного типа) – особи, пассионарный импульс которых меньше импульса инстинкта самосохранения. Субпассионарность (недостаток энергии) проявляется в неспособности сдерживать инстинктивные вожделения, асоциальном поведении, паразитизме, недостаточной заботе о потомстве. Люди такого типа хорошо известны во все эпохи и встречаются практически во всех этносах. Их называют бродягами, люмпен-пролетариями, чернью, отбросами общества, босяками, «бомжами» и т.д. Обычно они скапливаются в крупных городах, где есть возможность жить не работая, а паразитируя, и развлекаться. Такое сосредоточение С. приводит к громадному росту алкоголизма, ситуативной преступности, наркомании, стихийных беспорядков.

СУБЭТНОС – этническая система, выделяющаяся внутри этноса своим стереотипом поведения и противопоставляющая себя окружению на основе взаимной комплиментарности составляющих ее членов. Субэтнос – этнический таксон рангом ниже, чем этнос. Наличие разнообразных субэтносов – важный признак устойчивости этноса, так как субэтносы делят между собой функции, находясь в отношениях симбиоза. Путем неантагонистического соперничества субэтносы делают внутреннюю структуру этноса наиболее гибкой, не нарушая его единства.

В процессе этногенеза субэтносы возникают и рассасываются (в той или иной степени безболезненно), сменяясь другими. Так, в ходе Российского этногенеза выделялись С. казаков, поморов,

сибиряков («челдонов»), старообрядцев и др.

СУПЕРЭТНОС– этническая система, состоящая из нескольких этносов и противопоставляющая себя всем подобным целостностям; суперэтнос как система состоит, как правило, из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, и проявляется в истории как мозаичная целостность. До появления термина «суперэтнос», введенного Л.Н. Гумилевым, целостности такого рода именовались «цивилизациями», «культурами» или «мирами» (например: «исламский мир», «западная цивилизация»). Единство суперэтноса манифестируется в наличии общей ментальности, консолидирующей зачастую весьма разнообразные этносы. Поэтому суперэтнос предстает перед нами прежде всего как идейно-религиозная и культурная целостность, суть которой, однако, лежит гораздо глубже. Народы внутри этой целостности отнюдь не обязательно объединены политически; наоборот, они часто вступают в острые конфликты. Конфликты между этносами, образующими суперэтнос, обычно носят характер борьбы за доминирование, не направленное на полное истребление противника, причем эти конфликты не исключают экономического, политического и идеологического общения внутри суперэтноса (войны гвельфов и гибеллинов в средневековой Европе, усобицы древнерусских князей). Наоборот, столкновения между разными суперэтносами часто приобретают черты геноцида и порабощения (войны Древнего Китая со степными народами, истребление аборигенов Северной Америки европейцами и т.д.). Ядром суперэтноса всегда является группа этносов, возникшая в одном регионе в результате пассионарного толчка, объединенная вокруг этнической доминанты (так, арабский суперэтнос образовался в VII в. на основе ислама, в Византии роль объединяющего начала играло православное христианство). В дальнейшем в орбиту уже сложившегося суперэтнос могут быть включены народы иного генезиса (например, в состав российского суперэтноса вошли многие сибирские и степные этносы, возникшие вполне независимо).

ТРАДИЦИЯ КУЛЬТУРЫ – сумма знаний и представлений, передаваемая по ходу времени от поколения к поколению и от этноса к этносу.

ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА – стадии этногенетического процесса, имеющие временные рамки и определяемые направлением, скоростью и пределами изменения уровня пассионарного напряжения в этнической системе. Каждая фаза этногенеза характеризуется:

а) направлением изменения и уровнем активности

этнической системы в целом (миграционной, демографической, хозяйственной, идейно-политической, военной, природопреобразовательной);

б) господствующими в данной фазе типами пассионариев определенного уровня (эти уровни колеблются от обычного стремления к благоустройству до жертвенности), а также количеством и ролью субпассионариев;

в) единым для данной фазы общественным императивом поведения;

г) степенью внутренней сложности системы, характеризуемой пределами и направлением изменения количества подсистем (субэтносов);

г) направлением изменения и уровнем резистентности этнической системы.

Кроме того, все фазы этногенеза имеют особые, присущие только им отличительные признаки. Так, фаза надлома знаменуется расколом единого этнического поля, фаза обскурации – разложением всех общественных структур и т.д. (см. определения фаз.)

ФАЗА ПОДЪЕМА – фаза интенсивного роста пассионарного напряжения в этнической системе вследствие пассионарного толчка, приведшего к появлению этой системы. Характеризуется энергичной экспансией вновь возникшего этноса, резким ростом всех видов его активности, демографическим взрывом, быстрым повышением числа подсистем этнической системы. В фазе подъема формируются новая этническая доминанта и социальные институты. Для данной фазы характерно пассеистическое ощущение времени, а также общественный императив «Будь тем, кем ты должен быть». Эта формула отражает высокую дисциплину во вновь возникшей системе, где жесткой регламентации подвергается поведение членов коллектива, брачные отношения, использование ландшафта. Однако благодаря формирующемуся в фазе подъема новому стереотипу поведения все эти ограничения воспринимаются людьми не как тягостная обуза, а как необходимое условие достойного образа жизни. Фаза подъема начинается с инкубационного периода, сначала скрытого, а затем явного. Окружающие этносы воспринимают фазу подъема как образование общности крайне активных людей, отстаивающих непривычные идеалы и завоевывающих себе место под солнцем, часто за счет соседей. После фазы подъема наступает акматическая фаза. Характерные примеры фазы подъема – рост численности и влияния христианских общин в I – III вв. н.э., приведший к созданию Византийского суперэтноса; Древний Рим периода первых царей и завоевания Италии (VIII – VI вв. до н.э.);

арабы-мусульмане периода создания Халифата и распространения ислама (VI – VIII вв. н.э., включая инкубационный период); монголы XI – XIII вв. н.э., чья агрессия распространилась почти на все пространство Евразии; в России подъем связан с политикой Александра Невского, победой на Куликовом поле, возвышением Москвы, созданием единого Российского государства и его расширением (XIII – XV вв.).

ФАЗА АКМАТИЧЕСКАЯ – фаза этногенеза, в которой пассионарное напряжение достигает наивысших для данной системы уровней. Наступает после фазы подъема. Этническая система в данной фазе характеризуется господством пассионариев жертвенного типа, наивысшим числом подсистем (субэтносов), предельной частотой событий этнической истории. Жертвенные пассионарии встречаются и в фазе подъема, но в акматической фазе у них появляется новый настрой – стремление к максимальному утверждению себя как личности, а не только к победе своего этнического коллектива в целом. Это означает, что в акматической фазе начинает меняться ощущение времени – появляются актуалисты. Все это определяет общественный императив акматической фазы – «Будь самим собой». Рост индивидуализма в сочетании с избытком пассионарности часто приводит этнос в состояние, именуемое пассионарным перегревом. При пассионарном перегреве избыточная энергия, которая в фазе подъема тратилась на бурный рост и экспансию, начинает погашаться на внутренние конфликты. Так, акматическая фаза в Европейском суперэтносе ознаменовалась войной гвельфов с гибеллинами и провалом политики крестовых походов из-за распрей между вождями крестоносцев; в Византии (IV – VII вв.) – внутренними раздорами на религиозной почве. Акматическая фаза в России – «смутное время», у монголов – распад единого улуса, созданного Чингисханом; в средневековом Китае акматическая фаза – эпоха Тан (658 – 907 гг. н.э.), ознаменованная, восстанием Ань Лушаня (756 – 763 гг.), за время которого население Китая сократилось втрое.

ФАЗА НАДЛОМА – фаза резкого снижения пассионарного напряжения после акматической фазы, сопровождающегося расколом этнического поля, ростом числа субпассионариев, острыми конфликтами внутри этнической системы. Все это приводит к существенному снижению резистентности (сопротивляемости) системы в целом и повышению вероятности ее распада и гибели в результате смещения (негативного этнического контакта и действия антисистем). Кризисной фазой явился надлом и для других известных нам суперэтносов: в Риме это период гражданских войн 100 – 30 гг. до н.э. и восстаний

Спартака и Каталины; в Византии – иконоборчество (типичный пример раскола единой ментальности) и антисистема павликиан (630 – 843 гг. н.э.). В Древнем Китае фаза надлома – эпоха семи «Воюющих царств» (IV в. до н.э.), а в средневековом Китае аналогичная фаза наступила после низвержения империи Тан (907 г. н.э.) с началом периода, известного как время «пяти династий и десяти царств». В западноевропейском суперэтносе надлом связан прежде всего с Реформацией и Контрреформацией, расколовшими Западный мир на две части – протестантскую и католическую. Рост числа субпассионариев позволял кондотьерам создавать целые армии, что привело к огромным жертвам среди населения. Так, Тридцатилетняя война унесла в Германии до трех четвертей населения. Надлом продолжался до XVII в., когда начался переход в инерционную фазу. В России надлом начался в XIX в. – ярчайшим его проявлением стали кровавые катаклизмы начала XX в. (в особенности гражданская война). Таким образом, можно констатировать, что надлом – очень характерный этап в любом этногенезе, наступающий приблизительно через 600 лет после его начала. Его можно рассматривать как «возрастную болезнь» этнической системы.

ФАЗА ИНЕРЦИОННАЯ – фаза этногенеза, в которой после фазы надлома наступает некоторое повышение и затем плавное снижение уровня пассионарного напряжения. Характеризуется укреплением государственной власти и социальных институтов, интенсивным накоплением материальных и культурных ценностей, активным преобразованием вмещающего ландшафта. Господствует общественный императив «Будь таким, как я», что означает ориентацию на общепринятый эталон для подражания (часто это обобщенный образ, отклонение от которого осуждается общественным мнением, – подобно образу «джентльмена» в XVII – XIX веках в Англии; иногда же этот императив выливается в обожествление правителя, преклонение перед которым – пусть даже чисто внешнее – обязательное условие вхождения индивида в систему). Переход к инерционной фазе обычно выглядит как успокоение и начало созидательной деятельности после катаклизмов фазы надлома. Соответственно, господствующим в Ф.и. становится характерный тип «золотой посредственности» – законопослушный, работоспособный человек. Это означает доминирование в этносе людей гармоничных и с низкими степенями пассионарности. Однако в силу наличия мощного централизованного руководства, усмиряющего внутренние конфликты, этнос в фазе инерции производит грандиозную работу, что бывает полезно для культуры, но губительно для природы. В Западной Европе фаза инерции началась в XVII в. и

продолжается по сей день. Она ознаменовалась созданием сильных национальных государств, колониальной экспансией, зарождением и торжеством капитализма, интенсивным развитием техники, крайне сильным и губительным воздействием на природную среду. Изменился психологический облик типичного жителя Запада: на смену рыцарям акматической фазы, непримиримым борцам за обновление Церкви эпохи надлома пришли расчетливые бизнесмены, исполнительные чиновники, трудолюбивые обыватели. Культура и порядок в период инерционной фазы бывают столь совершенны, что кажутся современникам непреходящими – люди не знают, что следом за «золотой осенью» наступают «сумерки» – фаза обскурации.

ФАЗА ОБСКУРАЦИИ (буквально «затемнение») – фаза этногенеза, в которой пассионарное напряжение убывает до уровня ниже гомеостатического («нулевого») (см.: Уровень пассионарного напряжения системы) благодаря значительному увеличению числа субпассионариев. Этнос существует за счет материальных ценностей и навыков, накопленных в предыдущую инерционную фазу. Расплодившиеся субпассионарии делают невозможной любую конструктивную деятельность, требуя только одного – удовлетворения своих ненасытных потребностей. Начинает господствовать императив «Будь таким, как мы» – то есть осуждается (а при возможности – уничтожается) любой человек, сохранивший чувство долга, трудолюбие и совесть. Собственный императив субпассионариев – «День, да мой», что отражает их полную неспособность к прогнозу. В результате общественный организм начинает разлагаться: фактически узаконивается коррупция, распространяется преступность, армия теряет боеспособность, к власти приходят циничные авантюристы, играющие на настроениях толпы. Наступает депопуляция, численность населения к концу фазы обскурации значительно сокращается; частично этот процесс тормозится за счет притока представителей окраинных и чужих этносов, которые зачастую начинают доминировать в общественной жизни. Этническая система утрачивает резистентность (сопротивляемость) и может стать легкой добычей более пассионарных соседей. Фаза обскурации предшествует гибели этнической системы или ее переходу в состояние этнического гомеостаза (устойчивости).

В Древнем Риме фаза обскурации началась в конце II в. н.э. и закончилась гибелью Западной Римской империи; в Византии обскурация охватила суперэтнос в период правления династии Ангелов и привела к падению Константинополя в 1204 г. (и окончательной гибели в 1453 г.). В Китае фаза обскурации

воцарилась в XVII в., и он был захвачен маньчжурами (маньчжурская династия правила в стране до Синьхайской революции 1911 г., которая была проявлением уже нового этногенеза). Обскурация в Древнем Китае связана с упадком империи Хань и взятием в 312 г. столицы Поднебесной хуннами.

ФАЗА РЕГЕНЕРАЦИИ – возможное восстановление этнической системы после фазы обскурации за счет сохранившейся на окраинах ареала пассионарности. В Византии таким временным восстановлением была Никейская империя, возникшая уже после падения Константинополя в 1204 г. Однако фаза регенерации – лишь короткий всплеск активности накануне завершения процесса этногенеза. Она переходит затем в мемориальную фазу. Действительно, в 1453 г. турки-османы окончательно уничтожили Византийское государство, а византийские греки сохранялись в дальнейшем как небольшой реликт.

ФАЗА МЕМОРИАЛЬНАЯ – близкая к этническому гомеостазу фаза этногенеза, знаменующая завершение этого процесса. Во время мемориальной фазы этническая система уже утеряла пассионарностъ, но отдельные ее члены еще продолжают сохранять культурную традицию прошлого. Память о героических деяниях предков продолжает жить в виде фольклорных произведений, легенд. Так, в долинах Горного Алтая живут потомки некогда могучих степных этносов (древних тюрок, найманов). Ныне они утеряли активность, но богатый былинный эпос говорит нам о былой славе этих народов.

Понятие «мемориальная фаза» применимо также к отдельным субэтносам, выпавшим из основного потока этногенеза и изолировавшим себя с целью законсервировать свой образ жизни и взгляд на мир. Таковы старообрядцы – субэтнос-изолят, сложившийся в XVII в.

ХИМЕРА – форма сосуществования двух или нескольких несовместимых этносов разных суперэтнических систем, при которой исчезает их своеобразие. Выросшие в зоне контакта люди не принадлежат ни к одному из контактирующих суперэтносов, каждый из которых отличается оригинальными этническими традициями и ментальностью. В «химере» же господствует бессистемное сочетание несовместимых между собой поведенческих черт, на место единой ментальности приходит полный хаос царящих в обществе вкусов, взглядов и представлений. В такой среде расцветают антисистемные идеологии. Возникшие в недрах «химеры» антисистемы выступают, как правило, инициаторами кровопролитных конфликтов, либо химера делается жертвой соседних этносов.

«Химера» может существовать в теле здорового этноса, подобно раковой опухоли, существуя за его счет и не выполняя никакой конструктивной работы. При этом она может быть относительно безвредной (пассивной) либо же становится рассадником агрессивных антисистем.

ЭНЕРГИЯ ЖИВОГО ВЕЩЕСТВА БИОХИМИЧЕСКАЯ – свободная энергия, абсорбируемая организмами из окружающей среды. За счет этой энергии живые организмы способны производить работу, расти и размножаться, а живое вещество биосферы Земли выступает как активная геологическая сила. «Эта энергия есть активная, действенная, меняющая окружающую организм среду и проявляющая давление, напор в окружающей среде, если можно и нужно, разрушающая препятствия» (В.И. Вернадский)

ЭТНИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА – система политических, идеологических или религиозных ценностей, создающаяся при появлении любой этнической целостности и служащая для нее объединяющим началом. Этническая доминанта складывается в своей основе еще в инкубационном периоде, который предшествует возникновению этнической системы. Этническая доминанта является необходимым условием объединения пассионариев, порвавших с традициями этнического субстрата. Проповедь новых идей, отстаивание новых политических идеалов (в том числе и с оружием в руках) удовлетворяет характерную для пассионариев жажду деятельности.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ – история возникновения, развития и распада этнических систем разных иерархических уровней в их взаимодействии и взаимовлиянии.

ЭТНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ – иерархия стереотипов и правил поведения, культурных канонов, политических и хозяйственных форм, мировоззренческих установок, характерных для данного этноса и передаваемых из поколения в поколение. Накопленной этнической традицией, по сути дела, и определяется своеобразие каждого этноса, его место в ряду других народов. Этническая традиция закладывается в период молодости этноса, когда он активно вырабатывает навыки приспособления к окружающей среде (этнической и природной). Этническая традиция может быть нарушена в случае, если этнос становится жертвой «химеры», то есть при негативном этническом контакте. При нормальном развитии этноса многие элементы этнической традиции могут переходить к другим, молодым этносам, которые активно усваивают и перерабатывают эти элементы. Так, каноны искусства эпохи эллинизма перешли после гибели самой античной цивилизации ко множеству новых этносов и живы по

сей день. Богатейшие культурные традиции древнеславянского и византийского миров были восприняты и развиты российским суперэтносом.

ЭТНИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ– устойчивое состояние этнической системы, при котором ее жизненный цикл повторяется из поколения в поколение без существенных изменений и этническая система сохраняет равновесие с ландшафтом и другими этническими системами, не проявляя при этом каких-либо форм целенаправленной активности, изменяющей окружение. Все это позволяет судить о крайне низком уровне пассионарного напряжения в системе и принять этот уровень за нулевую точку при построении шкалы пассионарного напряжения. Этнос в состоянии этнического гомеостаза состоит почти целиком из гармоничных людей – достаточно трудолюбивых, чтобы обеспечить всем необходимым себя и свое потомство, но лишенных потребности и способности что-либо менять в жизни. Пассионарии в статических этносах встречаются в виде исключения и, как правило, эмигрируют, не найдя применения своим силам на родине. Субпассионарии тоже относительно редки: они лишены способности к полноценной адаптации и трудолюбия.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНТАКТ – процесс взаимодействия двух и более этнических систем, при котором ни одна из взаимодействующих систем не является подсистемой другой взаимодействующей системы. Л.Н. Гумилевым выделены четыре принципиально различных варианта этнических контактов: а) негативный – химера; б) нейтральный – ксения; в) взаимополезный – симбиоз; г) слияние представителей различных этносов этнического субстрата в новую общность в результате пассионарного толчка.

Этническим контактам в той или иной форме и степени подвержены все этнические системы, за исключением изолятов.

ЭТНИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ – совокупность этносов, послуживших исходным материалом для образования нового этноса. Люди, предки которых входили в различные, зачастую весьма далекие друг от друга этносы, в результате пассионарного толчка создают новую этническую целостность, которая начинает четко отграничивать себя от всех существующих этносов, вырабатывая оригинальный стереотип поведения. Новая общность создает этническую доминанту, четко противопоставленную нравам и воззрениям, царящим в этносах этнического субстрата; в то же время традиции этнического субстрата накладывают на нее свой отпечаток. Впоследствии в ходе этногенеза этносы, составлявшие некогда этнический субстрат, исчезают; их потомки

либо вымирают, либо включаются в состав новой общности.

Почти все известные истории этносы появились из этнически неоднородного субстрата. Так, англичане сложились из англов, саксов, кельтов, датчан, норвежцев и западных французов. Испанцы образовались из иберов, кельтов, германских племен свевов и вестготов, потомков римских колонистов и арабских завоевателей, а также ряда других этносов. Из весьма разнообразных компонентов (испанцев, индейцев, негров) сложились современные этносы Южной Америки (в данном случае мы говорим не о расовом, а именно об этническом разнообразии).

ЭТНОГЕНЕЗ – процесс прохождения суперэтносом всех стадий своего развития (фаз этногенеза), протекающий от момента возникновения этнической системы в результате пассионарного толчка до ее перехода в этнический гомеостаз или исчезновения. Процессами этногенеза охвачены все этносы, находящиеся в динамическом состоянии. Этногенез может быть оборван в одной из фаз или при смене одной фазы на другую в результате смещения.

Л.Н. Гумилевым на основе исторического материала было показано, что все процессы этногенеза разворачиваются единообразно, то есть смена фаз этногенеза в различные эпохи подчинялась четкой внутренней закономерности, а длительность каждого из этих процессов составляла 1200 – 1500 лет. Для объяснения этого феномена была предложена и всесторонне обоснована концепция пассионарности, связывающая смену фаз этногенеза с изменением уровня пассионарного напряжения системы. Пассионарность является эффектом энергии живого вещества биосферы, проявляющимся в повышенной активности этнических коллективов. Следовательно, правомерно говорить об этногенезе как о процессе, движущими силами которого являются природные, биосферные факторы. Эти же факторы опосредованно определяют социальные формы жизни, которые создаются людьми разных этносов, так как эти формы связаны с фазами этногенеза и господствующими в них императивами поведения. Не отрицая роли экономических факторов, следует отметить, что экономическая активность тоже есть форма проявления пассионарности.

ЭТНОЛОГИЯ– наука, изучающая закономерности возникновения, функционирования и взаимодействия этнических систем. Этнология как естественнонаучная дисциплина была создана, обоснована и развита Л.Н. Гумилевым на основе обобщения фактов этнической истории. При этом было обнаружено, что движут эту историю природные процессы, а сам

этнос является естественно сложившейся формой коллективного существования людей, органически входящей в биосферу. Вскрыв энергетический (пассионарный) механизм этногенеза, Гумилёв заложил основу исследования этнических процессов и явлений при помощи методов естественных наук (географии и биологии).

ЭТНОС – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплиментарности, и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени. Каждый этнос в той или иной степени внутренне неоднороден: внутри него выделяются субэтносы (см.), консорции (см.) и конвиксии (см.), которые могут возникать и распадаться, причем ощущение единства этноса как целого у их членов не теряется. Группа близких между собой этносов составляет суперэтнос (см.).

Л.Н. Гумилёв ввёл в учение об этносе системный подход, без которого оно зашло в тупик: попытки определять этнос через ряд признаков (язык, культура, территориальное единство, общность экономической жизни, самоназвание и т.д.) постоянно терпели неудачу, так как выявить основной, непременный для всех случаев этнодифференцирующий признак (к которому, таким образом, свелся бы феномен этноса) оказалось невозможным, а совокупность признаков не определяет ничего, кроме рассматриваемого в данный момент объекта. Л.Н. Гумилев показал, что «вынести за скобки» можно лишь само признание этническим коллективом своего единства: «мы такие-то, а все прочие другие (не мы)». Это отождествление является отражением в сознании людей этноса как объективно существующей целостности и разновидностью системной связи между объектами (людьми), а не их свойством (признаком). Дальнейшие исследования выявили, что рассматриваемые коллективы, выделяющие сами себя из окружающего мира, всегда обладают общностью поведенческих черт, передаваемых из поколения в поколение с помощью механизма условно-рефлекторной сигнальной наследственности. Эти черты не случайны, они вырабатываются в процессе адаптации людей в этнической и ландшафтной среде и образуют собой стереотип поведения этноса.

Стереотип поведения служит фундаментом этнической традиции, включающей в себя культурные и мировоззренческие устои, формы общежития и хозяйства, имеющие в каждом этносе неповторимые особенности.

Чрезвычайно важно для понимания сущности этноса учение Л.Н. Гумилева о пассионарности. Оно дало возможность выявить

и объяснить закономерности этногенеза, то есть вскрыть механизм возникновения, развития и распада этносов.

ЭТНОСФЕРА – сочетание всех существующих этноландшафтных целостностей – этносов и их этноценозов. Структура и энергетика этносферы обусловлены ходом прошлых и современных процессов этногенеза, этносфера является подсистемой биосферы Земли.

ЭТНОЦЕНОЗ – геобиоценоз, к жизни в пределах которого адаптировалась этническая система, выступая в качестве его верхнего, завершающего звена. Человек участвует в циклических потоках вещества и энергии наряду с другими биологическими видами, составляющими геобиоценоз. При этом для этносов, находящихся в динамическом состоянии, характерно активное воздействие на этноценоз (истребляются различные виды животных, вырубаются леса, вводятся доместикаты и т.д.), что заставляет природу перестраиваться. В условиях этнического гомеостаза человек утрачивает свою преобразующую роль и занимает определенную экологическую нишу, неизменную при отсутствии внешних воздействий на этноценоз.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.Н. ГУМИЛЁВА

1912 , 18 сентября (*по старому стилю*) — В Петербурге в семье поэтов Николая Степановича Гумилёва и Анны Андреевны Ахматовой (урожденной Горенко) родился сын Лев.

1912-1916 Лев Гумилёв с бабушкой Анной Ивановной Гумилёвой живет в Царском Селе под Петербургом, иногда выезжает в столицу и имение Слепнево в Тверской губернии.

1918—1929 — Живет с бабушкой в городе Бежецке Тверской губернии, учится в школе.

1921 , 24 августа — По сфабрикованному обвинению в антисоветском заговоре расстрелян отец — Николай Степанович Гумилёв.

1929-1934 — Лев Гумилёв переезжает к матери в Ленинград, пересдает экзамены за среднюю школу, безуспешно (из-за социального происхождения) пытается поступить в вуз, временно работает в разных организациях, участвует в летних геологических, археологических и биологических экспедициях.

1934 , сентябрь — Принят студентом на исторический факультет Ленинградского государственного университета.

1935 , август — Льва Гумилёва арестовывают по надуманному обвинению в антисоветской деятельности; освобождают после обращения А. А. Ахматовой с личным письмом к И. В. Сталину.

1938, *март* — Новый арест и следствие. Военный трибунал Ленинградского военного округа приговаривает Гумилёва к лишению свободы с содержанием в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет, с поражением в политических правах и конфискацией имущества. Его отправляют в Медвежьегорск на строительство Беломорканала.

1938, декабрь — 1939, весна — Льва Гумилёва возвращают в Ленинград на «переследование» и переквалификацию дела. В тюрьме «Кресты» он в результате ноосферно-интуитивного озарения приходит к открытию пассионарной теории. Особое совещание присуждает Гумилёву пять лет лагерей.

1939, осень — Гумилёв прибывает на строительство Норильского металлургического комбината; работает в шахте.

1943, весна — После отбытия срока освобождается из заключения и оставляется на вольном поселении; в качестве расконвоированного «спеца» Гумилёв участвует в геологической

экспедиции в Западной Сибири.

1944, осень — Добивается отправки добровольцем на фронт. Направляется в действующую армию, в зенитную часть.

1945, май — Окончание войны застает Л. Н. Гумилёва в поверженном Берлине.

1945, осень — 1946, первая половина февраля — После демобилизации возвращается в Ленинград. Восстанавливается в университете, экстерном сдает экзамены за 4-й и 5-й курс и получает диплом. Поступает в аспирантуру Института востоковедения.

1946, лето — Работает на юге в археологической экспедиции под руководством М. И.Артамонова.

14 августа — Выходит постановление ЦК ВКП (б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», содержавшее разнузданную критику Анны Ахматовой. А. А. Ахматову исключают из Союза писателей СССР. Соответственно, и для Льва Гумилёва началась полоса новых преследований: его отчисляют из аспирантуры и изгоняют из Института востоковедения.

1948, лето — Гумилёв участвует в Горно-Алтайской археологической экспедиции на раскопках 3-го Пазырыкского кургана под руководством Ю. К. Руденко. Ректор ЛГУ А. А. Вознесенский дает разрешение на защиту диссертации Л. Н. Гумилёва в университете.

28 декабря — Гумилёв успешно защищает кандидатскую диссертацию, посвященную истории Первого тюркского каганата.

1949 — Работает старшим научным сотрудником Государственного музея этнографии в Ленинграде. Участвует в работе Саркельской археологической экспедиции.

6 ноября — Арест Гумилёва по обвинению в антисоветской деятельности и препровождение его в Москву в Лефортовскую тюрьму. Особое совещание приговаривает Льва Николаевича к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

1950—1956 — Скитания заключенного Л. Н. Гумилёва по исправительно-трудовым лагерям Казахстана и Западной Сибири; работа над монографиями, посвященными древней истории гуннов (хунну) и тюрок.

1956, 11 мая — Особая комиссия по реабилитации сняла с Л. Н. Гумилёва все обвинения, и он был отпущен на свободу.

Лето — Гумилёв возвращается в Ленинград, устраивается на работу дворником в Музей этнографии.

Декабрь — Принят на работу в Государственный Эрмитаж на «плавающую ставку».

1957, лето — Участвует в Ангарской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова.

1957—1962 — Руководит Астраханской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, связанной с изучением средневековой истории Хазарского каганата.

1959 — Возглавляет секцию этнографии Ленинградского отделения Всесоюзного географического общества (ВГО).

1960— Выход в свет книги Л. Н. Гумилёва «Хунну».

1961, 16 ноября — Гумилёв защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Древние тюрки: История Срединной Азии на грани Древности и Средневековья (VI—VIII вв.)».

1963 — Переходит на работу в Научно-исследовательский географо-экономический институт (НИИГЭИ) при географическом факультете Ленинградского государственного университета на должность старшего научного сотрудника.

1964—1965, лето — Участвует в работе археологической экспедиции в низовья Дона.

1966, 5 марта — скончалась Анна Андреевна Ахматова.

10 марта — Похороны А. А. Ахматовой в дачном поселке Комарове Ленинградской области. Выход в свет книги «Открытие Хазарии».

1967— Выход в свет книги «Древние тюрки».

Женитьба на Наталье Викторовне Симоновской (оформление брака в загсе — в 1968 году).

1970— Выход в свет книги «В поисках вымышленного царства».

Участие в коллективной монографии «Татаро-монголы в Азии и Европе».

1974 – Гумилёв пытается защитить вторую докторскую диссертацию (на соискание ученой степени доктора географических наук) на тему «Этногенез и биосфера Земли». Выход в свет книги «Хунны в Китае».

1980 — После выхода в свет книги В.Чивилихина «Память», содержащей критику взглядов Л. Н. Гумилёва, начинается очередной виток травли и преследования ученого; его здоровье ухудшается.

1980— 1986 —Трудные годы: полный запрет на публикации работ Гумилёва по решению президиума Академии наук СССР.

1986 — Участие в коллективной монографии «Искусство стран Востока».

1987, конец — 1988, начало — Снятие запрета на публикацию работ Л. Н. Гумилёва.

1989— Выход в свет книги «Этногенез и биосфера Земли» (с 1979 года депонирована во ВИНИТИ).

Выход в свет книги «Древняя Русь и Великая степь».

1989, осень — Гумилёв тяжело болен — инсульт.

1990 — Л. Н. Гумилёв получает первую (и последнюю) в своей жизни отдельную квартиру на Коломенской улице в центре Санкт-Петербурга (где ныне располагается музей, носящий его имя). Выход в свет книги «География этноса в исторический период».

1991, 30 сентября — Постановление Коллегии Верховного суда РСФСР о реабилитации отца — Н. С. Гумилёва.

1992 — Выход в свет книги «От Руси до России» (в дальнейшем название изменено — «От Руси к России»).

15 июня — Л. Н. Гумилёв скончался после тяжелой и продолжительной болезни. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ахматова А. Собрание сочинений. В 6 т. М., 1998—2002.

Вирустин Л. Э. Лев Гумилёв: «Повода для ареста не давал // Аврора. 1990. №11.

Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991.

Вспоминая Л. Н. Гумилёва: Воспоминания. Публикации. Исследования. СПб., 2003.

Высотский О. Николай Гумилёв глазами сына. М., 2004.

Герштейн Э. Мемуары. М., 2002.

Головникова О., Тархова Н. «И все-таки я буду историком!» (О новых следственных материалах по делу Льва Гумилёва и студентов ЛГУ в 1938 году, найденных в Российском государственном военном архиве) // Звезда. 2002. № 8.

Головникова О., Тархова И. «Иосиф Виссарионович! Спасите советского историка…» (о неизвестном письме Анны Ахматовой Сталину) // Отечественная история. 2001. № 3.

Гумилёв Л. Н. Биография научной теории, или Автонекролог // Знамя. 1988. №4.

Гумилёв Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978 № 12.

Гумилёв Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1970.

Гумилёв Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.

Гумилёв Л. Н. Дар слов мне был обещан от природы (Литературное наследие. Стихи. Драмы. Переводы. Проза). СПб., 2004.

Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.

Гумилёв Л. Н. Древний Тибет. М., 1996.

Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гумилёв Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3.

Гумилёв Л. Н. Из истории Евразии. М., 1993.

Гумилёв Л. Н. Князь Святослав Игоревич // Наш современник. 1991. N° 7-8.

Гумилёв Л. Н. Конец и вновь начало. М., 1994.

Гумилёв Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. Гумилёв Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1996. *Гумилёв Л. Н.* Ритмы Евразии. М., 1993.

Гумилёв Л. Н. Тридцать писем Васе [В. А. Абросову]. 1949—1956 гг. // Мера. 1994. №4.

Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1990. Гумилёв Л. Н. Хунну. М., 1993. *Гумилёв Л. Н.* Хунны в Китае. М., 1974.

Гумилёв Л. Н. Черная легенда. М., 2002.

Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

Гумилёв Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.

Гумилёв Л. Н., Панченко А. М. Чтобы свеча не погасла. Л., 1990.

Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений. В 10 т.: Т. 1—7. М., 1998—2006. (Издание продолжается.)

Гумилёва Н. В. Воспоминания. — http://gumilevica.kulichki.net/fund/fund32.htm

Давидсон А. Николай Гумилёв. Смоленск, 2001.

Дни Л. Н. Гумилёва в Бежецке. Бежецк, 1995.

Живя в чужих словах: Воспоминания о Л. Н. Гумилёве. СПб., 2006.

«И зачем нужно было столько лгать?»: Письма Льва Гумилёва к Наталье Варбанец из лагеря. 1950-1956. СПб., 2005.

«… Иначе поэта нет» (Беседа Л. Э. Варустина с Л. Н. Гумилёвым) // Звезда. 1989. № 6.

Карельская Л. П. Л. Н. Гумилёв. М.; Ростов н/Д., 2005.

Куркчи А. Последний сын Серебряного века // Декоративное искусство. 1993. № 1-2.

Лавров С. Б. Лев Гумилёв: Судьба и идеи. СПб., 2000. (Переиздано в 2003 году с дополнениями: Гумилёв Л.Н. Автобиография. Воспоминания о родителях. Автонекролог.)

Лукницкая В. Любовник. Рыцарь. Летописец. (Три сенсации из Серебряного века) //www. http://lib.krasnogorsk.ru/win/CULTURE/UTSTUDY/ fl/LUKNICKAYA/)

Лукницкая В. Николай Гумилёв: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.

Николай Гумилёв в воспоминаниях современников. М., 1990.

Новикова О. Г. «Я — русский солдат»: Рядовой Л. Н. Гумилёв на фронте Великой Отечественной войны. — http://gumilevica.kulichki.net/NOG/nog0l.htm

Переписка А. А. Ахматовой с Л. Н. Гумилёвым // Звезда. 1994. № 4.

Полушин В. Л. Гумилёвы: 1720—2000. Семейная хроника. М., 2004.

Учение Л. Н. Гумилёва и современность. Материалы международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л. Н. Гумилёва. Т. 1—3. СПб., 2002 (третий том вышел под названием «Русская история и русский характер»).

Чуковская Л. К. Воспоминания об Анне Ахматовой. В 3 т. М., 1997.

Шубинский В. И. Николай Гумилёв: Жизнь поэта. СПб., 2004.

* * *

Автор выражает искреннюю признательность Мемориальному музею-квартире Л. Н. Гумилёва в Санкт-Петербурге и лично ее директору Марине Георгиевне Козыревой за помощь, оказанную при работе над настоящей книгой, и предоставление иллюстративных материалов.

notes

Примечания

1

Позже, уже в зрелом возрасте, он даст следующую обобщенную характеристику творческого озарения, назвав его «огненной наукой». Это — «творческая вспышка, в которой ассоциации, вроде бы случайные, сливаются в нечто целое, единое, новое, т.е. неизвестное автору доселе. Научная мысль, необходимый труд, самопроверка и проверка первичных данных не предшествуют огненной вспышке озарения, а следуют за ней, обрекая автора на служение научной идее, возникшей помимо его желания, а иногда и вопреки его намерениям. Что это за "вспышка", откуда она берется, почему ее нельзя ни забыть, ни отбросить — не знаю. Знаю только, что это бывает и что люди, с которыми это случилось, пренебрегают выгодами и тягой к радостям земной любви, покоем и страхом. Так воскликнул Мартин Лютер: "Я здесь стою, и не могу иначе!", Галилей пробормотал: "А все-таки она вертится", Мансур ал-Халадж заорал: "Я — истина!", и, наконец, В. И. Вернадский написал в своей тетради слова: "…химическая энергия живого вещества биосферы". Эти моменты, случающиеся крайне редко, можно понять как импульсы, влечения (аттрактивности), вырастающие внезапно и подчиняющие себе рассудок и волю человека на весь остальной период его земного существования. Именно они отличают "ученого" от "научного сотрудника" <…>».

2

В другой раз Гумилёв сообщил, что само слово «пассионарность» (вместе с его внутренним смыслом и многообещающим содержанием) проникло в его сознание как удар молнии; причем откуда оно взялось — совершенно неизвестно.

Со временем он расшифрует это принципиальное положение: «Все народы Земли живут в ландшафтах за счет природы, но коль скоро ландшафты разнообразны, то столь же разнообразны и народы, ибо как бы сильно они ни видоизменяли ландшафт, путем ли создания антропогенного рельефа или путем реконструкции флоры и фауны, людям приходится кормиться тем, что может дать природа на той территории, которую этнос либо заселяет, либо контролирует. Однако ничто в мире не бывает неизменным, и ландшафты — не исключение. Они, подобно этносам, имеют свою динамику развития, т. е. свою историю. И когда ландшафт изменяется до неузнаваемости, причем безразлично — от воздействия ли человека, от изменения климата, от неотектонических процессов или от появления губительных микробов, несущих эпидемию, люди должны либо приспособиться к новым условиям, либо вымереть, либо уехать в другую страну. Тут мы вплотную подошли к проблеме миграций».

4

Историософия — в отличие от истории как науки — предполагает наличие более глубокой и органически связанной с ней *философской* и *космистской* составляющей. Вместе с тем историософия – заведомо больше, чем просто «*философия истории* », ибо увязывает процессы развития общества с закономерностями космической эволюции, биосферы и ноосферы.

5

Пассионарность (от латинского слова passio — «страсть»)– физиологическое, психическое и социальное сверхнапряжение, содействующее превращению этносов в активную силу исторического процесса. Пассионарии — люди, наделенные соответствующим энергетическим зарядом и обладающие повышенной тягой к активному действию получая избыточный энергетический импульс, они становятся организующим началом различных социальных структур и исторических событий.

6

Столь же кровоточит и эпиграф ко всему циклу, заимствованный у Джеймса Джойса и приведенный по-английски: «Ты не можешь оставить свою мать сиротой».

7

Акмеизм (от греч. акме — «вершина жизни») — русское поэтическое течение начала XX века, отколовшееся от символизма, его иррациональных первооснов и обратившееся к реальной жизни.

8

И позже: Да, я любила их, те сборища ночные, —/ На маленьком столе стаканы ледяные, / Над черным кофеем пахучий, зимний пар, / Камина красного тяжелый, зимний жар, / Веселость едкую литературной шутки / И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

9

Ахматова тоже посвятила Мандельштаму несколько прекрасных стихотворений и, действительно обладая, как Кассандра, даром предвидения, предсказала в одном из них поэтическое бессмертие своего друга; <…> *Это наши проносятся тени / Над Невой, над Невой, над Невой , / Это плещет Нева о ступени , / **Это пропуск в бессмертие твой***» (выделено мной. – А Д).

10

Когда Лев впервые услышал от матери о Пушкине, первое, что он спросил, было: «А что, он лучше писал, чем даже папа?»

11

Сохранилось письмо 17-летнего Льва, из которого видно, какие философские вопросы они тогда обсуждали: Кант, интуитивизм, этические и эстетические проблемы. (Здесь же Лев сообщает о своем увлечении поэзией Александра Блока и Велимира Хлебникова.)

12

Исследователи не без основания отмечают, что Н. Н. Пунин, будучи одно время даже заместителем наркома просвещения А. В. Луначарского, написал (и опубликовал) на Николая Гумилёва фактический донос, послуживший в конечном счете одной из причин его преследований. См.: Лавров С. Б. Лев Гумилёв: Судьба и идеи. СПб., 2000. С. 54—55.

13

В следственном деле поэта зафиксированы также следующие его показания, касающиеся чтения стихотворения, в конечном счете стоившего Мандельштаму жизни: «Лев Гумилёв одобрил вещь неопределенно-эмоциональным выражением, вроде "здорово", но его оценка сливалась с оценкой его матери Анны Ахматовой, в присутствии которой эта вещь была ему зачитана».

14

Вообще-то это был второй арест Льва Гумилева. В первый раз его забрали случайно на квартире известного востоковеда В. А. Эбермана, куда студент пришел, чтобы показать свои переводы с арабского языка. Здесь его арестовали вместе с хозяином и всеми его гостями, продержали в заключении девять дней и отпустили, не предъявив никаких обвинений.

15

Сохранены особенности стиля автора

16

Так называемые «блатные романы» (с ударением на первом слоге) — один из распространенных жанров тюремного фольклора. Особой популярностью пользовались романы, имевшие политическое содержание: например, о ленинградском диктаторе Зиновьеве, у которого ловкий вор Васька Немешаев украл из-под носа «именного коммунистического козла с золотыми рогами». Уже в зрелые годы и в старости Лев Николаевич во время дружеского застолья иногда развлекал присутствующих подобными байками.

17

К этим стихам спустя почти полвека Лев Николаевич сделал следующее примечание: «Забавно, что сюжет неисчезающей тени возник у мамы и у меня одновременно и параллельно. Когда мы встретились в 1945 году, это удивило нас обоих».

18

А. А. Вознесенский — родной брат выдающегося политического деятеля, члена политбюро ЦК ВКП (б) Николая Алексеевича Вознесенского (1903—1950). Оба проходили и были расстреляны по сфабрикованному «ленинградскому делу». В лагерях Л. Н. Гумилёв встретился» подружился с сыном своего бывшего ректора – Леонидом Александровичем Вознесенским, в будущем известным ученым-экономистом и политическим обозревателем на телевидении.

19

Поразительная подробность: Гумилёва изгнали из Института востоковедения на основании специального решения Президиума Академии наук СССР, который подобным образом поспешил отреагировать на августовское постановление ЦК ВКП (б).

20

Любопытно взглянуть сегодняшними глазами на сей бюрократический документ, подписанный главврачом и председателем месткома, от которого в полном смысле слова зависела судьба человека: «Дана Л. Н. Гумилёву в том, что он работает в психиатрической больнице им. Балинского в должности библиотекаря с 7.II.1948 г. по настоящее время; к работе относится внимательно, проявляет инициативу и выполняет общественную нагрузку».

21

Марьяна вышла замуж за Алексея Козырева — геолога и брата Николая Козырева. С обоими Л. Н. Гумилёв на протяжении многих лет поддерживал дружеские отношения.

22

В частном разговоре с будущим академиком Александром Михайловичем Панченко (1937-2002) Гумилёв вспоминал, как он узнал о смерти Сталина: «Я [тогда] работал в библиотеке и урывками писал свою книгу "Хунну". Кто-то вошел и сказал, что умер Сталин. Я был очень увлечен и махнул рукой: идите скорбите, идите скорбите <…>».

23

Его мать — Анна Ахматова — говорила по этому поводу: «Мы всю молодость провели в смешанном русско-еврейском обществе». Так было и потом. Вместе с тем на сей счет у Гумилёва было и свое особое мнение. Он утверждал: евреи – народ очень крепкий: в Европе они смогли выдержать испанскую и провансальскую инквизиции, немецкие гонения; в Азии, в Персии, выдержали гонения после Маздака, к которому они примыкали. В России же им удалось создать особую популяцию среди русских, особый тип, для которого все традиционно российское – чуждо.

24

В 1990-х годах, когда стали доступными архивы КГБ, исследователи жизни и творчества Ахматовой попытались установить истину в этом непростом вопросе. Оказалось, что подозрения Анны Андреевны (а значит, и Льва Николаевича) не имеют под собой никаких оснований.

25

В свою очередь Птица звала Льва — Лю, Люль, Люшенька.

26

После трех десятилетий проживания в Фонтанном доме, ставшем владением Института Арктики, А. А. Ахматова была переселена в коммунальную квартиру на улице Красной Конницы, дом. 4. Вместе с ней переехали Ирина Пунина и дочь последней от первого брака — Анна Каминская. Что касается Николая Пунина, отца Ирины и бывшего гражданского мужа Ахматовой, то его судьба после войны сложилась трагично. Как и Лев Гумилёв, он оказался в лагере для инвалидов в Абезе (Республика Коми) и там скончался, не дождавшись освобождения и реабилитации.

27

Никто, кроме Анны Андреевны, тогда не знал, что знаменитый нынче и не раз опубликованный этот рисунок — лишь один из серии ее откровенных изображений. Она никогда бы не выставила на всеобщее обозрение собственную наготу, а потому уничтожила наброски Модильяни еще в Париже. Ахматова, однако, не могла даже предположить, что несколько рисунков в стиле «ню» остались у ее возлюбленного Амедео. После его смерти они перешли в собственность одного из коллекционеров и лишь спустя несколько десятилетий стали достоянием европейской общественности: выставлялись на выставках и печатались в альбомах, посвященных Модильяни, под фривольным названием «Обнаженная с котом». Существует вполне правдоподобная легенда, что одно из сохраненных писем Амедео стало причиной разрыва и развода Анны Ахматовой и Николая Гумилёва, случайно обнаружившего это письмо, неосторожно оставленное в книге в качестве закладки (см.: Носик Б. Анна и Амедео: История тайной любви Ахматовой и Модильяни, или Рисунок в интерьере. М., 1997).

28

В дальнейшем, вплоть до женитьбы на Н.В. Симоновской, у Льва Николаевича случались и другие (более успешные) романы; среди его избранниц оказалась даже «первая красавица Эрмитажа» Инна Сергеевна N. Лев Гумилев по-прежнему пользовался успехом у женщин…

29

В другой раз Лев Николаевич высказался следующим образом: в московском окружении матери почему-то не оказалось людей с русскими фамилиями. Но ведь именно они и восстанавливали мать против сына…

30

С начала 50-х годов XX столетия в связи с победой народной революции в Китае в Советском Союзе начали активно переводить китайскую поэзию и прозу. В частности, в русском переводе был опубликован классический роман «Троецарствие», которым Гумилёв зачитывался в лагере. В Москве издали и другие классические китайские романы, с которыми Гумилёв был хорошо знаком, — «Сон в красном тереме», «Речные заводи», «Путешествие на Запал». Лев Николаевич и сам переводил китайских классиков. В изданном недавно сборнике его собственных стихов и переводов есть несколько хрестоматийных китайских стихотворений. Среди них два, принадлежащие перу (правильно было бы сказать — кисти, так как китайские иероглифы писались кистью и тушью) великого Ли Бо, где прославляется юрта как наилучшее жилище в степи, с коим не сравниться никакому деревянному или каменному строению. Л. Н Гумилев переводил стихи и с других восточных языков – арабского, бенгали, пушту, узбекского, туркменского азербайджанского и особенно много — с персидского.

31

Географический детерминизм — направление в мировой философии и социологии, ставящее развитие общества в прямую зависимость от природных условий и географической среды (ландшафта, климата, почвы, рек, гор и т. п.).

32

По оценкам специалистов, в описываемую эпоху полуторамиллионному хуннскому этносу противостоял 59-миллионный китайский социум.

Хуннами здесь и в работах Л. Н. Гумилева именуется древний кочевой этнос, долгое время обитавший в степях на северных границах Китая. В IV веке новой эры часть этого народа в результате военного давления со стороны Китайской империи, но главным образом в результате резкого похолодания, неурожая и бескормицы вынуждена была покинуть традиционные места своего обитания и устремиться на запад. Зимой 350 года новой эры орда мигрантов форсировала замерзшую Волгу и оказалась в степных районах Северного Кавказа, Приазовья и Причерноморья. С этого времени потомков дальневосточных хуннов принято именовать гуннами. На юге они столкнулись с воинственными аланами (предками современных осетин) и босфорскими греками, чьи процветающие города Фанагория (современная Тамань) и Пантикапей (современная Керчь) были взяты штурмом (по льду замерзавшего в те времена Керченского пролива), разграблены и уничтожены. На севере гунны соприкоснулись с многочисленными угро-финскими и славянскими племенами. С ними у кочевников произошло частичное смешение, обусловленное тем, что от границ Китая хуннская орда отступила без своих жен и теперь вынуждена была искать их среди местного населения. Гумилёв называет этот вполне естественный процесс «обновлением крови». В результате уже следующее поколение гуннов во многом ославянилось и в их языке появились русские слова. Гунны помогли славянским племенам сбросить германское ярмо готских захватчиков и разрушить империю их конунга Германариха, куда входила территория Южной Руси. Многие славяне и предки русских приняли участие в грандиозном походе Аттилы, ставшего вождем гуннов в Западную Европу. Но это уже совсем другая история, которая в книгах Л. Н. Гумилева затронута лишь вскользь.

Горы вообще являются аккумуляторами и направленными проводниками геокосмической энергии. Безусловно, сами по себе (тем более автоматически и в любое время) они не порождают пассионарного толчка, однако они создают для нее наиболее подходящий естественно-природный фундамент. При стечении благоприятных геофизических и геокосмических обстоятельств горные массивы, цепи и отдельные горы становятся оптимальными проводниками для потоков частиц и полей, наполняющих или подпитывающих пассионарной энергией любые компоненты биосферы и ноосферы.

35

По возвращении из лагеря Лев Гумилёв нередко помогал матери в переводах восточных поэтов — не только в работе с подстрочником, но и в создании собственно стихотворных текстов. По единодушному мнению литературоведов, ряд стихотворений, хотя и значатся в соответствующих сборниках как переведенные Ахматовой, на самом деле принадлежат ее сыну.

Гумилёв категорически подчеркивал этническое различие между древними тюрками и современными тюркскими народами. К последним относятся: уйгуры, узбеки, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, азербайджанцы, турки, гагаузы, караимы, а также большие и малые российские этносы — татары, башкиры, чуваши, якуты, алтайцы, тувинцы, балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы, долганы, тофалары, хакасы, чулымцы, шорцы.

Правда, через пять лет при переизбрании на должность Гумилёва чуть не забаллотировали и не оставили безработным, но вышестоящий ученый совет, который утверждал решение нижестоящего, не согласился с результатами первичного голосования, и Гумилёв остался в университете.

38

Находясь в исправительно-трудовом лагере, Лев Николаевич в одном из писем к Наталье Варбанец следующим образом оценивал свои отношения с дочерью Пунина (а заодно и с ним самим): «<…> Иру я знаю как облупленную; твой портрет неверен ни в одной детали. Мы с ней, действительно, как брат и сестра, вроде [царя] Петра и [царевны] Софьи. Я не рассказывал тебе о тех годах, которые я прожил, будучи зависим (материально и квартирно) от ее папаши [Пунина]. Морду набить надо бы прохвосту, а Ирка еще черствее. Она любит маму, как пьявка любит лягушку, к которой она присосалась и заботится об ней только потому, что у мамы много денег. Помнишь, как мама болела в 49 году? Где тогда была Ира? А меня она всегда терпеть не могла, и меняться ей не к чему. <…> Меня всегда отшибали к чертовой матери. Ты этого не знала, и распространяться на эту тему я не хочу, чтобы не заражать тебя душевным смрадом, идущим от этой фамилии <…>».

39

Нельзя сказать, что род Гумилёвых угас совсем. От мимолетной связи с актрисой Ольгой Высотской у Николая Гумилёва в 1913 году родился сын Орест. Лев Николаевич на протяжении всей жизни поддерживал с ним эпизодические контакты. У Ореста Высотского было трое детей, внуки и правнуки (см.: Высотский О. И. Николай Гумилёв глазами сына. М., 2004; Полушин В. Л. Гумилёвы: 1720—2000 Семейная хроника. М., 2004).

Сама легенда о золотом веке имеет наидревнейшее происхождение, отголоски ее можно найти в эпосах степных народов — монгольском «Гэсэре» и калмыцком «Джангаре» и т. д. и т. п.

41

Несторианство — отклонение от ортодоксального христианства, возникшее в V веке в Византии. Его основатель и главный пропагандист — константинопольский патриарх Несторий. Он настаивал на том, что Дева Мария естественным путем родила Христа, обыкновенного человека, лишь впоследствии ставшего Сыном Божьим. Мать воскресшего Мессии несториане именовали не Богородицей, а Христородицей. Патриарх пропагандировал свои доводы в лаконично-афористической форме вроде того, что «у Бога не может быть матери» В 431 году Эфесский собор осудил несторианство как еретическое учение. Большинство несториан бежало на Восток и создало влиятельные колонии в Иране и Средней Азии, а в дальнейшем – в Китае и прилегающих к нему с севера степных районах. Здесь ересь надолго сделалась доминирующей христианской сектой. Немногочисленные несторианские общины существуют и поныне – в Сирии, Ираке, Иране, Индии.

42

Гумилёв полагал, что слух о христианском царстве пресвитера Иоанна был преднамеренно запущен из Иерусалимского королевства (временного ближневосточного владения крестоносцев) в преддверии 2-го Крестового похода для того, чтобы направить вновь созданную армию европейских рыцарей на соединение с войском азиатского христианского властителя и вместе с ним ударить не по арабам, а по туркам, неожиданно появившимся на Ближнем Востоке, незадолго до того захватившим Эдессу, начинавшим планомерную экспансию в Малой Азии, которая завершилась созданием Османской империи.

43

Устоявшегося написания данного имени до сих пор не существует. Сам Гумилев в разные годы писал его по-разному: в молодости — «Темучин», в зрелые годы — «Тэмуджин»

44

Князь Игорь, организовавший поход на половцев, был несомненным пассионарием. Но он потерпел неудачу потому, что в его окружении не было похожих людей, способных создать необходимую «критическую массу» (один только – Буй Тур Всеволод, но одного явно недостаточно).

Вот, к примеру что писал Шопенгауэр в своем двухтомном трактате «Мир как воля и представление»: «Не только в явлениях, вполне сходных с его собственным, в людях и животных, признает он (индивидуум. – В.Д.) в качестве их внутренней сущности ту же волю, но дальнейшее размышление приведет его и к тому, что и ту силу которая движет и живит растение, и ту силу, которая образует кристалл, и ту, которая в сродстве материальных веществ проявляется как отталкивание и притяжение, разделение и соединение, и, наконец, как тяготение, столь могучестремительное во всей материи, влекущее камень к земле и землю к солнцу, — все это признает он различным лишь в явлении, а в своей внутренней сущности тождественным с тем самым, что ему непосредственно известно так интимно и лучше всего другого и что в наиболее ясном своем обнаружении называется *волей*.

В то же самое время, причем в дискуссии с тем же Карамзиным, аналогичную идею отстаивал и русский просветитель М. Л. Магницкий (1778—1844) который писал о спасительном значении «татарского ига» для сохранения и укрепления на Руси Православной церкви.

47

Л. Н. Гумилёв вообще считался мастером острого словца: журналы «Вопросы истории» и «Знание — сила», систематически травившие ученого, он в шутку называл «Вопросы по борьбе с историей» и «Знание с позиции силы». Доставалось и популярному еженедельнику «Московские новости», которые в стране прозвали «Масонские новости».

48

Наследовавший Бромлею на посту директора Института этнографии (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) В. А. Тишков, дослужившийся до министра по национальной политике и члена Общественной палаты РФ, продолжил посмертную травлю великого ученого. Вот одно из его ядовитых высказываний: «<…> Абсолютизация так называемых (?) этносов или народов нигде в мире не имеет таких масштабов, как здесь. В этом виноваты всякие паранаучные теории (?) вроде Гумилёвской теории со всякими выкрутасами (?) "жизни" и "смерти" этносов, их "пассионарности" и прочего». Перед нами типичное рассуждение, заимствованное из арсенала субэтнической и схоластической идеологии, высказанное субпассионарием, у которого нет не только «божьей искры», но даже и элементарного понимания того, что он вознамерился критиковать. С подобным настроем в науке далеко не шагнешь.

Систематизированное резюме основных идей и понятий теории этногенеза приводится в приложении.

50

Лето 1967 и 1968 годов Лев Николаевич проводил в Москве и проживал на квартире жены, а на субботу и воскресенье уезжал в Обнинск, где в Институте радиации работал Н. В. Тимофеев-Ресовский.

Э. Зюсс также пользовался понятиями «гидросфера» и «литосфера».

Кстати, своим небесным покровителем Л. Н. Гумилёв считал святого Льва, папу римского (еще до разделения церквей и, следовательно, признаваемого Православной церковью). Жил он в V веке и прославился тем, что отвел от Рима полчища гуннов, намеревавшихся штурмовать Вечный город. Папа Лев назвал вождя гуннов Аттилу «бичом Божьим», выехал ему навстречу и убедил свирепого завоевателя развернуть орду в другом направлении. Лев Николаевич называл своего небесного покровителя первым «гуннологом», ибо папа Лев общался с Аттилой, скорее всего, на гуннском языке.

53

Диссипация (от лат. dissipatio — «рассеивание») — переход энергии упорядоченного движения (например, энергии электрического тока) в энергию хаотического движения частиц (теплоту).

54

Акциум (Акций) — мыс в Северо-Западной Греции, где в сентябре 31 года до новой эры флот Октавиана (будущего императора Августа) под командованием полководца Агриппы разгромил морские силы Антония и Клеопатры.

Показательным примером может служить устная дискуссия с В. И. Скурлатовым о «скифских корнях» вьетнамского народа (за сообщенную мне информацию и разрешение ее обнародовать приношу благодарность Валерию Ивановичу). В 70-е годы XX века в зарубежной научной прессе было высказано оригинальное предположение, что китайские императоры, в войсках которых на определенном историческом этапе было немало скифских (сакских) наемников, отправили однажды скифскую армию на южную границу для защиты рубежей Поднебесной. Здесь азиатские скифы постепенно смешались с местным протовьетнамским населением, влив в него мощный пассионарный заряд. Л. Н. Гумилёв отнесся достаточно скептически к данной гипотезе. Он тотчас же вспомнил известный афоризм: «Поскреби русского — найдешь татарина» и не без ехидцы спросил: «Что же получается: поскреби вьетнамца — найдешь скифа?»…

Еще раз повторю: Л. Н. Гумилёв не учитывал и не рассматривал более ранние арийские миграции, в результате которых прапредки современных народов расселились по территории Евразии, постепенно продвигаясь с севера на юг.

Разумеется, это совсем не те «новые русские», что стали притчей во языцех в наше время: последних, как правило, волнуют лишь шкурные интересы и жажда личного обогащения, а вовсе не интересы народа и престиж родины.

58

О своем отношении к так называемым демократическим ценностям явного прозападного разлива евразиец Гумилёв говорил буквально следующее: «Какой я демократ? Я старый солдат. И отец мой был солдатом, и дед был военным, и так вплоть до XIV века. Предок наш погиб на Куликовом поле. И мы были солдатами, но мы были образованные люди, по крайней мере, начиная с деда. Мы учились. И уже этим не интеллигенты. А интеллигенты болтают…»

59

Постановление о реабилитации Н. С. Гумилёва было принято 30 сентября 1991 года, менее чем за год до смерти Льва Николаевича; в нем говорилось: «Коллегия Верховного суда РСФСР рассмотрела протест Генерального прокурора СССР на постановление президиума Петроградской губернской чрезвычайной комиссии от 24 августа 1921 года, которым Гумилёв Николай Степанович, 1886 года рождения, русский, член коллегии издательства "Всемирная литература", председатель Петроградского Всероссийского союза поэтов без указания закона подвергнут высшей мере наказания — расстрелу <…>. Постановление президиума Петроградской губернской чрезвычайной комиссии от 24 августа 1921 года в отношении Гумилёва Николая Степановича отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления».

Использованы терминологически словари, опубликованные в книгах Л.Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» (Л., 1989) и «Этносфера: история людей и природы» (М., 1993). Составители: В.Ю. Ермолаев, и В.А. Мичурин (под редакцией Л.Н. Гумилёва).